Одесский альманах

№76

I / 2019

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ

Литературно-художественное издание серии «Одесская библиотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 1 (76), 2019
Издается с 2000 г.

Учредитель и издатель: Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
(свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010 г.)
Председатель редакционного совета: Иван Липтуга
Редактор: Феликс Кохрихт
Редакционная коллегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора), Олег Губарь, Иван Липтуга
Технический редактор: Геннадий Танцюра
Верстка, корректура: Татьяна Коциевская

Свидетельство о государственной регистрации печатных средств массовой информации:
КВ № 19644-9444Р от 08.01.2013 г.

Адрес редакции: 65001 Украина, Одесса, ул. Ак. Заболотного, 12, а/я 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ТакиБук»
Украина Одесса ФЛП Карпенков О.И.
Свидетельство ОД №21 от 20.01.2003 г.
Тел.: +38 (067) 486-20-34
E-mail: takibook.odessa@gmail.com www.takibook.od.ua
Тираж 500 экз.
Заказ № _____

Літературно-художнє видання серії «Одеська бібліотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 1 (76), 2019
Видається з 2000 р.

Засновник і видавець: Видавнича організація АТ «ПЛАСКЕ» (свідоцтво ДК № 3673 від 21.01.2010 р.)
Голова редакційної ради: Іван Ліптуга
Редактор: Фелікс Кохріхт
Редакційна колегія: Євген Голубовський (заступник редактора), Олег Губар, Іван Ліптуга
Технічний редактор: Геннадій Танцюра
Верстання, коректура: Тетяна Коцієвська

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованих засобів масової інформації:
КВ № 19644-9444Р від 08.01.2013 р.

Адреса редакції: 65001 Україна, Одеса, вул. Ак. Заболотного, 12, а/с 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Надруковано з готового оригінал-макету у типографії «ТакиБук»
Україна Одеса ФОП Карпенков О.І.
Свідоцтво ОД №21 від 20.01.2003 р.
Тел.: +38 (067) 486-20-34
E-mail: takibook.odessa@gmail.com www.takibook.od.ua
Наклад 500 прим.
Замовлення № _____

© АО «ПЛАСКЕ», 2019
© «Дерибасовская – Ришельевская», 2019

От редакции

В первый весенний месяц родились писатели одесской литературной школы, которых в календаре разделяют не только дни, но и немалые годы. Юрий Олеша родился 3 марта 1899 года, Михаил Жванецкий – 6 марта 1934-го. На первый взгляд, они принадлежат к разным эпохам, но в XX веке события развивались столь стремительно, что оба (в разное время) пережили распад одной страны, которая называлась сначала Российской империей, а затем – Советским Союзом.

Что же их объединяет? Принадлежность к одесской литературной школе, где Юрий Карлович – среди фундаторов, а Михаил Михайлович – один из тех (приходится признать, не многих), кто не только продолжил ее традиции, но и привнес в прозу свою манеру повествования, в которой звучащее авторское слово и печатные тексты не только совместимы, но и придают содержанию новое и порой неожиданное значение.

И об Олеше, и о Жванецком написано немало статей, по их творчеству защищены диссертации. В наше время их произведения доступны и тем, кто по-прежнему не расстается с книгами, и тем, кто предпочитает виртуальный читальный зал в облаке Интернета.

Нынче наши земляки – юбиляры. Со дня рождения Юрия Олеши исполняется 120 лет, Михаил Жванецкий отмечает свое 85-летие в кругу семьи, друзей и поклонников его таланта.

Когда мы собирались писать о наших юбилярах в редакционном вступлении к 76-й книжке альманаха, то полагали, что знаем о них если не все, то многое, но в процессе работы выяснилось следующее. Вполне реальной была бы встреча Олеши и Жванецкого: младший родился тогда, когда старшему было всего 35 лет, и проживи Олеша дольше, то мог бы в 60-70-е годы и читать Жванецкого в «Неделе» или даже слушать его выступления в концертном зале.

Олеша – признанный автор двух шедевров: романа «Зависть» и повести-сказки «Три толстяка», но он оставил нам еще одну книгу, которую писал всю жизнь, сделав ее заголовком свой девиз: «Ни дня без строчки». На символической одесской золотой полке она стоит рядом с одесской главой «Евгения Онегина» Александра Пушкина, прозой Исаака Бабеля, Валентина Катаева, Владимира Жаботинского, Константина Паустовского, В них наша Одесса – не ее образы и топонимика, ее поэзия и реалии.

Современные историки и краеведы находят в этих художественных произведениях и вдохновение, и точные зарисовки жизни Той Одессы – нужно ли уточнять большое «Т»?

Как хочется цитировать Олешу, вспоминающего свой – наш город начала XX века! Но, увы, мы вынуждены ограничиться лишь одним фрагментом. Он особенно важен для одного из нас, который в юности тоже учился в старинном доме – там в 50-е годы размещалось Военно-морское медицинское училище, занимающем чуть ли не квартал на углу Садовой и Торговой. Почему тоже? Да потому, что именно сюда в далеком 1907 году бабушка вела своего шестилетнего внука Юру, которому предстояло сдать экзамен на вступление в Ришельевскую гимназию.

«Как мы шли в гимназию… Вероятно, сначала по Греческой (мы жили на Греческой угол Польской), потом свернули на Ришельевскую, в том месте, где командует здание театра, с Ришельевской пошли на Дерибасовскую и, пройдя всю Дерибасовскую, пошли затем направо, по Садовой, где командует здание почты, и где на самом конце улицы и стоит гимназия».

Маленький Олеша стал гимназистом, как и друг его юности Валентин Катаев. Представим себе, что в наши дни сместился пространственно-временной континуум, и они после уроков (на самом деле Катаев учился в другой гимназии, но мы ведь – фантазируем!) побежали вниз по Торговой, пересекли Софиевскую, и вот оно – море, и броненосец «Потемкин» готовится дать залп по Одессе. Об этом вспоминали и Катаев, и Жаботинский, и Олеша – прочтите в следующей главе его главной книжки.

Случись это перемещение во времени, сегодня гимназист Юрий Олеша оказался бы на бульваре Жванецкого. А совсем близко – Аллея звезд у оперного театра, где есть и посвященные им.

Есть в Одессе и улица Олеши – в той же части центра города, где он жил в детстве. Она простирается от Карантинного спуска до улицы

Бунина. Отсюда недалеко до Литературного музея, где широко представлены жизнь и творчество Юрия Олеши. В книге воспоминаний «Алмазный мой венец» Катаев вывел своих коллег и друзей молодости под псевдонимами, зачастую весьма ядовитыми, но для Олеши он выбрал звонкое слово – Ключик. И не только заглавное «Ю» в имени было тому причиной, но и поэтический талант писателя, умевшего, как никто другой, называть вещи по-новому.

Это свойство присуще и таланту Михаила Жванецкого, о котором мы сказали сегодня меньше, чем о Юрии Олеше и чем хотелось бы. Но, к всеобщему удовольствию, мы это делаем часто – каждый раз, когда он дарит нашему альманаху свои размышления, а мы передариваем их читателям. Вот и в этом номере – вчитайтесь в его монолог, который начинается с совета:

«Хотите быть счастливым – погасите воображение».

Сходу и не поймешь, чего же желает нам писатель, чье воображение не знает границ.

Сразу не совсем осознали важность его совета и мы, но, вчитавшись, тут же решили ему последовать: Жванецкий плохого не пожелает.

В этом мы еще и еще раз убедимся 21 марта, когда Михаил Жванецкий в который уже раз раскроет на сцене театра свой портфель и достанет из него ворох исписанных листов. И зал прислушается. Рассмеется и задумается.

Вряд ли это простое совпадение: Юрий Олеша и Михаил Жванецкий родились в первые дни весны, когда наши одесские девушки и женщины, словно деревья, а может быть, и хорошенькие шустрые ящерки, что снуют по приморским склонам, сбрасывают… Тут наша фантазия умолкает – и мы любуемся ими в нарядных новых весенних одеждах, предвкушающими лето, июнь, когда родился Пушкин.

Михаил Жванецкий

Хотите быть счастливым – погасите воображение

Вы вошли в жизнь – погасите воображение.

Ваше воображение чернит тёмное, осветляет серое.

Воображение делает неудачи несчастьями, удачи – счастьем.

Красавицу – другом.

Друга – красавцем.

Кота делает умным.

Сына – талантливым.

Ваше воображение делает себя бездарным и несчастным.

Жену – счастливой.

Куда деваться, если вы несёте этот мир с собой.

Реальность гораздо симпатичнее.

Любое путешествие это подтвердит.

Там вы видите, что могут придумать разные люди.

А в воображении лишь то, что вы.

А когда вы вдруг воображаете, что вас кто-то полюбил, и начинаете как-то по-особому смотреть, и даже молчащий телефон не убеждает – это всё ничего…

Но вы начинаете приставать к той женщине, обижаться на неё, подолгу не звонить, воображая, как она там страдает, – и вы начинаете сохнуть, а она – полнеть.

Вы примитивно и грузно влюблены или воображаете, что влюблены, что одно и то же.

Вы же воображаемыми болезнями болеете так же, как настоящими.

И худеете, и желтеете, и слабеете.

Воображаемая любовь, видимо, и есть настоящая.

Вы ошибаетесь только в любимой.

Её любовь и мучения представляются вам страшными.

Вы даже пробуете уберечь её от самоубийства.

Как жаль, что вы не можете одновременно быть на двух местах.

На её и на своём.

Выключите воображение.

Вы не писатель – вы мыслитель.

Вы живы и здоровы.

Ваше молчание, которое кажется вам страшным, иногда её удивляет, и она звонит томно-тревожно, зная, с кем имеет дело.

Выключите воображение.

И все, кто долго не видел вас, отойдут от телефонов.

И все, кто безумно вас любит, займутся буднями и не вспомнят, где вы в данный момент.

Выключите воображение.

И напомнит о вас кто-то случайный, приехавший издалека:

– А где, – скажет он, перечисляя.

– А где-то у меня тут телефон… Михаил, мы тут собираемся. Собраться нет ли желания?

Выключите воображение.

Не играйте отказом.

Так же, как они вас вспомнили, так и вы их…

Как они молчали три года, так замолчат ещё на пять.

Откликайтесь и выезжайте из воображения туда, где вас вспомнят и встретят.

А преувеличенная радость с обеих сторон вполне компенсирует недостаток денег на ресторан.

Кстати, о деньгах.

Выключите воображение.

И вы увидите соседа не богатым и счастливым, а крупно замотанным и регулярно встревоженным.

Выключите воображение.

И вы увидите яхту олигарха не лайнером, а сборищем механизмов, которые регулярно жрут мазут, тосол, масло, огурцы, виски, лёд, коньяк, завтраки, обеды.

Вы увидите сборище людей, мрачный экипаж, недовольных горничных, нечистого шеф-повара, ворованую команду и ненадёжный офицерский состав.

Выключите воображение.

И вы почувствуете, как эту яхту качает в открытом океане.

Как блюют высокие гости и как вам надоела эта женщина, а её некуда убрать с яхты, только утопить.

И куда бы вы ни подошли, вас ждут демонстранты с лозунгом «Вор и убийца! Прочь от берегов Италии, убирайся в свою Гватемалу».

Выключите ваше воображение.

А без вашего воображения жить на яхте не удобнее, чем в отеле.

И тот, кто живёт на яхте, – живёт в вашем воображении.

На самом деле его там никогда нет.

Там валяется его молодая жена, которую он там держит под присмотром команды и которая грызёт канаты от тоски и пьёт, пьёт, и страшно ругается матом через свой нежный и красивый рот.

В своём воображении поцелуйте её, и услышите, что она скажет.

Выключите воображение.

И Новый год в Африке вместе с жарой и пылью, и плохой компанией, и массой водки, и скукой заставит вас вообразить Новый год в Москве, в снегу, в Доме актёра среди знакомых прекрасных лиц, стихов, песен.

Вообразили?

Так где лучше Новый год?

Конечно, в Москве, в лесу, в снегу, в санях, в руках с хохочущей любимой, в тёплой шубе…

А теперь выключите воображение: ни саней, ни шубы, ни лошадей в Москве, а компания рванула в Эмираты.

Теперь опять выключайте воображение, вы всё равно опоздали.

Гостиницу бронируют за два месяца.

Воображение у вас работает, а голова – нет.

Паспорт не поменяли.

Билеты не заказали.

Да и денег вам не хватает на любой вариант.

Тогда садитесь, выключайте воображение и начинайте соображать.

Ибо если человек не соображает, он начинает воображать.

Юрий Михайлик

Памяти Валентины Голубовской

Воздух густеет, смыкается мягко вода,
в небе и в море не остается следа.
И над волною, от белых ее завитков
тихо плывет золотое руно облаков.

На горизонте – на встрече волны и зари,
там, где кончаются бывшие календари,
там, где никто никого не сумел уберечь,
там и рождается горечь – как горе и речь.

Жизни и строки забвению обречены
пением пены, длиною прибрежной волны,
там догорают единственные слова,
за горизонтом – последней чертой мастерства.

Примечание. На странице 188 читайте очерк о Юрии Михайлике и его стихи

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

192 слова

Слова и слава

Завершился конкурс короткого рассказа «192 слова», который весь 2018 год вел наш альманах и АО «ПЛАСКЕ».

Идея конкурсов коротких рассказов не нова. Мы помнили знаменитый короткий рассказ Хемингуэя: «Продаются детские ботиночки. Неношеные». Но такому минимализму предпочли сюжетный рассказ, где была бы завязка, сюжет, концовка.

Поэтому 192 слова – ритуальное для Одессы число известных во всем мире ступеней Потемкинской лестницы.

Откликнулись на наше предложение участвовать 72 человека из пяти стран. В длинный список вошли 19 авторов. В короткий – семеро. Мы посчитали, что все они достойны награды.

И на презентации 75 альманаха дипломы и подарки получили: Ольга Яблонская, Виталий Стецко, Виктория Коритнянская, Алексей Гладков, Елена Андрейчикова, Анна Михалевская, Янина Желток.

Те, кто не смог прийти, получат награды индивидуально.

И все же мы выделили три рассказа, а значит, трех авторов-победителей.

Третье место у Елены Андрейчиковой. Профессиональный переводчик, она уже полностью перешла на литературный труд, выпустила несколько книг рассказов, последняя из которых – «Шизик».

Второе место у Анны Михалевской. У нее два высших образования. И одно из них – психология – очень помогает ей в творчестве. Она автор книги рассказов «Междверье», вышедшей в Киеве.

Первое место у Янины Желток. Профессиональный журналист, ее статья была опубликована в первом номере нашего альманаха, пишет короткие рассказы. У нее в Москве вышла книга «Женско-мужской словарь».

Поздравляем всех дипломантов и лауреатов нашего конкурса.

Счастливого плаванья в море литературы!

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

История, краеведение

14 **Олег Губарь**
Путеводитель по пушкинской Одессе

42 **Андрей Добролюбский**
Имя дрока

63 **Илья Каминский**
В поисках утраченной Одессы, или Глухое детство

77 **Елена Ананьева**
Кроны без корней не бывает

89 **Наталья Панасенко**
Дом, где родился Чуковский

92 **Феликс Кохрихт**
«Бейт-Гранд: второй дом нашей семьи»

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

Клубный двор. Дома Рапопорта и Лашкарева

Так на протяжении нескольких десятилетий именовали сердцевину XIV-го квартала, ограниченного улицами Екатерининской, Греческой, Ришельевской и Полицейской (Бунина). Мы говорим о месте, ныне застроенном большим торговым центром по улице Екатерининской, № 27, и смежной территории со стороны Ришельевской.

Это и был так называемый «*старый клубный двор*», то есть двор, примыкавший к временному Городскому театру, устроенному в хлебном магазине при доме покойного питейного откупщика *Жана Дофине*, который после его кончины перешел в казну за долги, а затем был продан в частные руки. Во всяком случае, временный театр всегда связывали с дворовыми местами дома *графини Ржевуской* на углу Греческой и Ришельевской улиц. А.А. Скальковский пишет: «До его (Городского театра. – **О. Г.**) открытия была временная зала в большом магазине помещицы Ржевуской, на Ришельевской улице, существовавшем еще в 1830 году. В этом доме был и род гостиницы с общественною залою для вечерних собраний, которая до постройки дома Рено называлась Старый клуб». На самом деле все гораздо любопытнее и немного сложнее, чем сообщает далеко не безошибочный Скальковский, приехавший в Одессу только в 1828 году, и мы сейчас с этим разберемся.

Греческий базар обычно отождествляют с Александровской площадью, на которой со второй половины 1800-х до начала

* Продолжение. Начало в кн. 64, 66-75

Бывший дом Ржевуской в конце XIX ст.

1820-х возникло четыре отделения (квартала) стандартных двухэтажных лавок, во втором этаже которых помещались жилые покои. Однако в 1820-х и позднее этот народный топоним относился к довольно широкому ареалу, включавшему несколько кварталов Греческой и примыкающих улиц, в частности, Екатерининской. Почему? Еще в конце XVIII столетия здесь появились довольно значительные торговые ряды, выстроенные частными лицами, наподобие Красных рядов, что синхронно возводились по Александровскому проспекту. Наиболее протяженные устроил венецианский купец греческого происхождения *Эммануил Лазаревич Лашкарев* (*Лашкари*). В ведомости за 1798 год эта его недвижимость обозначена следующим образом: «Дом каменный,

по улице 11 лавок, при каждой по одному покою, погреб с 4-мя выходами, флигель о 9-ти покоях»; Лашкарев «торгует разными фруктовыми товарами на свой капитал».[875]

Речь идет о местах № 117-118 в XIV квартале Военного форштата, которые локализуются в современном адресе: улица Греческая, № 25, улица Екатерининская, № 25, – небезызвестный угловой дом Маврокордато с длиннющими балконами, построенный в 1899-м. В ходе первой раздачи мест (1794) они отведены флота мичману Матвееву.[876] 1 июня 1796-го «флота лейтенант и кавалер Матвеев» передал эти места купцам: венецианскому подданному «Мануйлу Лашкареву» и цесарскому (то есть австрийскому) «Козме Дашкову». 12 мая 1798-го Дашков извещает городскую администрацию о том, что сполна получил от Лашкарева компенсацию за совместно выстроенный дом, «смежностью с одной стороны господина коллежского асессора Ивана Ивановича Дофине, а с другой стороны господина подпоручика *Михаила Ильича Карапцова*».[877] Дофине и Карапцов получили участки одновременно с Матвеевым, но оба застроились. О Дофине мы знаем достаточно, что до Карапцова, то в 1794-м он значится аудитором, то есть младшим офицером, занимающимся финансовыми вопросами; обычно аудиторы выбирались из прапорщиков. Он вполне мог выйти в отставку подпоручиком, но в качестве счетчика приходно-расходной документации в Одесском магистрате (1796-1798) значится капитан Карапцов:[878] тут либо документальная ошибка, либо у него был брат.

Как бы то ни было, уже в конце XVIII – начале XIX столетий несколько центральных кварталов Греческой улицы сделались крупным торговым центром, где реализовывали фрукты, вино, табак, бакалею. На рубеже веков Карапцов продал свой дом и участок итальянскому негоцианту, выходцу из Пьемонта *Николаю Бальтазаровичу Юстиниани*. Как видно из генплана 1802-1803 годов, дом этот стоял по красной линии Екатерининской улицы, в пределах нынешней застройки торговым центром и, в отличие от дома Лашкарева, был невелик.

8 августа 1802 года купец из Умани *Нахман-Нусим Рабинович*, впоследствии упоминающийся как *Рапопорт*, приобрел эту недвижимость Юстиниани, включая большой зал, по нечетной сто-

роне будущей улице Екатерининской, посередине квартала, меж Греческой и Полицейской. 6 марта 1810-го уже опекуны умершего одесского 1-й гильдии купца Нусима Рапопорта формально продали (по типу маклерской сделки) сказанное место и недвижимость купцу польского происхождения *Жоису Иоанновичу Куцовскому* за 2.900 голландских червонцев (дукатов), из которых 2.300 составлял вексель за долг Рапопорта. То есть опекунам вернули этот вексель – с тем чтобы при фактическом заключении сделки доплатить оставшиеся 600 червонцев. Однако эти доверенные лица не были осведомленные о том, что данная недвижимость покойного состояла в залоге. Начались тяжбы, в итоге которых сделка с Куцовским так и не была заключена, а имение Рапопорта надолго осталось под опекой.[879]

Занимательно, что при формальном составлении сделки 1810-го, помимо места и недвижимости Куцовский приобретал и «один фортепьян новой черного дерева». Место покойного Рапопорта как раз и называли «старым клубным двором», то есть это и есть место временного театра, функционировавшего как раз при жизни Рапопорта. Двор этот выходил углом к месту и приметному дому графини Ржевуской, находившемуся на пересечении Греческой и Ришельевской и служившему хорошим ориентиром. Доверенным лицом вдовы Рапопорта был небезызвестный впоследствии Иосиф Гурович, причисленный в одесское купечество в 1812-м. Постфактум Рапопорта называют купцом, числящимся в гильдии города Умань, хотя, обзаведясь солидной недвижимостью в Одессе, он записался здесь в первую гильдию. Когда именно он ушел из жизни? В одной из описей Одесского городового магистрата значится утраченное архивное дело от 25 января 1810 года: вдова умершего купца Нахмана Рапопорта просит исключить ее из гильдии и записать в мещанство. Стало быть, Рапопорт ушел из жизни совсем недавно, вероятно, в том же январе 1810-го, либо в самом конце 1809-го.

Очевидно, «Большая зала» с «фортепьяно черного дерева» в доме Рапопорта, а ранее Куцовского – Старый клуб – и была первым местом общественных увеселений в Одессе, устраиваемых еще до функционирования временного городского театра. Сличение городских планов свидетельствует о том, что к 1802-му году

был построен небольшой фасадный дом, к которому примыкал обширный двор. Впоследствии это здание удлинялось, постепенно появлялись и различные дворовые постройки.

О том, насколько значимым социальным, этнически пестрым местом был дом Рапопорта в пушкинское время, говорит тот факт, что в нем, помимо *ренскового погреба*, который содержал одесский купец Андрей Руджиери, помещались *кофейня* и *харчевня*. Первую содержал «одесский 3-й гильдии купец Джоржий Месини», а вторую – «экономический крестьянин Алексей Гайдуков», параллельно державший неподалеку трактир и харчевню в двух других частных домах. Опять-таки «в доме наследников Рапопортова, называемом старый клуб» открылось первое маклерское место набора «слуг и рабочих людей», каковое довольно долго содержал Янкель Моргенштерн. На рубеже 1820-1830-х «бывший дом Рапопорта» (очевидно, не все строения, а только их часть, ибо в сентябре 1833 года дом «умершего уманьского купца Нусима Рапопорта» в 1-й части отдавался внаем с публичного торга в присутственном месте городской полиции) принадлежал уже статской советнице Анне Новицкой и был выставлен ею на продажу. В это самое время (октябрь 1830 года) здесь по-прежнему функционировала греческая кофейня.[880]

Вернемся, однако, к дому Лашкарева. Эммануил Лазаревич, как и Карапцов, исполнявший обязанности счетчика в Одесском магистрате,[881] позднее принявший подданство России, вступивший в гильдию,[882] ушел из жизни ранее февраля 1820 года, поскольку 23-го числа этого месяца Строительным комитетом его малолетнему наследнику Лазарю Эммануиловичу Лашкареву выданы «план и фасад на построение дома и лавок» на тех же местах № 117 и 118.[883] Лазарь стал серьезным предпринимателем, гласным Думы, кандидатом в члены Одесского строительного комитета еще в довольно молодые годы, а впоследствии – потомственным почетным гражданином, ушел из жизни в конце ноября 1874-го в возрасте 63-х лет.[884] Это означает, что он родился в 1811-м.

Как четко видно из более поздних архивных документов, Лашкарев-младший фактически не строил новое здание, а лишь перестраивал и приводил в порядок прежнее, отцовское. Из списка

ренсковых погребов, составленного 13 сентября 1824 года, видно, что таковое заведение «в доме умершего купца Маноила Лашкарева в XIV квартале, под № 117 и 118» в пушкинское время содержал «коллежский регистратор Сарон».[885] Лишь 14 июля 1833-го архитектор Боффо подал в Строительный комитет следующий рапорт: «Составленный мною план по просьбе Лашкарева на построение дома вместо уничтоженных старой постройки лавок по Греческой улице, с нанесением на оный всей постройки – как по Греческой, так и по Екатерининской улице состоящих – при сем оному Комитету в трех экземплярах на утверждение имею честь представить».[886]

11 ноября 1833-го одесский 3-й гильдии купеческий сын Лазарь Лашкарев окончил постройку и запросил владельческие документы.[887] Боффо констатировал, что все соответствует плану, земля от выборки под фундамент и подвалы, а равно строительный мусор вывезены.[888] Открытый лист выдан в конце декабря.[889] На сохранившемся плане – двухэтажный дом в 24 окна и 8 дверей по фасадам плюс угòльные окно и дверь.[890] В раскладочной ведомости на 1848 года дом почетного гражданина Лашкарева оценен в 40.850 рублей серебром, а в ведомости на 1855 год «дом и два флигеля почетного гражданина Лашкарева» оценены в 38.000 рублей.[891]

Пушкин застал еще архаичный, но обновленный в 1820-м одноэтажный дом, вмещавший несколько больше лавок, нежели позднее. Правда, были они теснее и хуже освещены. Вполне мог покупать здесь, например, турецкий табак. В этом доме тогда и позднее помещались известные в городе винные погреба. Важно и то, что топоним «Греческая», «Греческий» изначально относились не только к формирующейся улице, но к некоему ареалу: *не рынок дал народное название улице, а наоборот*. Это тем более очевидно, что первые отводы под застройку на площади начались лишь в декабре 1803-го, а первые лавки появились в 1804-1805 годах.[892] В метрических записях 1822-1824 годов о крещении на дому младенцев довольно часто указано: «на Греческом», причем дома, где осуществлялся обряд, располагались вовсе не только на одноименном рынке, но и относительно далеко за его пределами.[893]

Дом Кумбари

В ходе первичной раздачи участков под застройку в августе-сентябре 1794-го два места, занимаемые этим домом, получил капитан-лейтенант *Лазарь Егорович Марангопуло*,[894] участник штурма Измаила, впоследствии капитан 2-го ранга (подполковник). Это № 111-112 в XIV квартале Военного форштата. Он был соратником Суворова, Ушакова, Пустошкина, Де Рибаса, Войновича, в российской службе с 1787 года. Волонтером, на собственном судне, воевал в составе флота греческого повстанца-корсара Ламброса Качиони (Кацониса), прапорщик (1788), мичман (1789), участник штурма Измаила, Браилова, Констанцы и средиземноморских походов русского флота, имел высочайшие награды, в том числе – орден Святого Георгия IV степени (26 ноября 1808). В 1793-1801 годах в чине капитан-лейтенанта – командир гребной флотилии, начальник береговой команды (с марта 1798-го) и новостроящегося порта в Хаджибее и Одессе, первый капитан над одесским портом, был близок к семейству греческого попечителя Кесоглу. Получил несколько мест под застройку непосредственно от де Рибаса и де Волана, но, как и многие офицеры, быстро застроиться не сумел, и места передали в другие руки. Крейсировал в Черном море (1806-1812), затем служил в Таганроге и Николаеве, после чего в 1823 году снова перебрался в Одессу, где в чине подполковника управлял ластовыми экипажами, и в звании комиссионера Черноморского флота построил здесь дом по проекту известного архитектора Ивана Козлова (1834). «Бывши вдов и не имевши детей, – сообщается в некрологе, – завещал принадлежавший ему в Одессе каменный дом здешнему Греческому коммерческому училищу». Дом этот сохранился на углу Ришельевской, № 50, и Базарной, № 74, улиц. Скончался 9 декабря 1849 года на 86-м году, погребен на Старом кладбище.[895]

Историю застройки мест № 111-112 целесообразно продолжить информацией из «Крепостной книги Одесского коммерческого суда для записки купчих крепостей, закладных, дарственных и раздельных духовных завещаний» за 1822-й. 16 мая этого года 3-й гильдии купец Шай Вольфов Вайнберг по доверенности одесского 1-й гильдии купца *Сруля Лейбова Левенсона* продал не-

Бывший дом Кумбари. Снимок автора

жинскому греку *Александру Кумбари* интересующую нас недвижимость, доставшуюся ему по купчей от помещика Ольвиопольского уезда VII класса (то есть надворного советника) *Чаркова* 3 декабря 1821-го. Длина участка 30 саженей, а в ширину, по улице, 15. Уплачено 35.000 рублей государственными ассигнациями.[896]

Присутствие Александра Кумбари фиксируется в Одессе с 1820-1821 гг.: один сюжет уже упоминался, другой – санкция ОСК на продажу ему мачтового дерева для экипировки его торгового судна.[897] Шая Вайнберг (Исайя Вейнберг), как и Сруль Герш Левенсон (Левензон), – известные фигуранты ранней истории Одессы.[898] Судя по сумме оплаты, приобретенный Кумбари дом был далеко не из худших, однако покупщик сразу же затеял масштабную его реконструкцию. Уже 25 мая 1822-го Строительным комитетом утверждены «План и фасад для построения дома нежинского грека Александра Кумбари».[899]

Здесь наш сюжет переплетается с предыдущим. 7 августа 1822-го опекун вдовы Рапопорта, купец Гурович, жалуется на Кумбари, который в ходе строительства на смежном «от старого клубного

двора месте» пробил окна в этот двор и перекрыл скатом крыши крышу дома Рапопорт.[900] Это свидетельствует о том, что дом Кумбари удлинился по Полицейской улице, причем двухэтажной пристройкой, и что в августе эти работы заканчивались. Так оно и было, поскольку 4 ноября того же года винный откупщик Г.И. Маразли поставил этот новый дом Кумбари в залог по откупу на 1823-1827 гг. В несгораемых материалах недвижимость оценена в колоссальную сумму 303.230 рублей.[901] 9 декабря архитектор Боффо докладывает о том, что «все строения в самом хорошем состоянии», причем сделана значительная пристройка, оценочная стоимость высока.[902] В 1817-м курс ассигнационного рубля к серебряному составлял 25,17, и с этого времени неуклонно рос: в 1824-м – 37,40. То есть оценочная стоимость недвижимости – не менее 100.000 в серебре. Качественная оценка этого огромного по тем временам строения имеется и в другом архивном документе, от 31 июля 1823 года, связанным с залогами по винному откупу: солидная двухэтажная постройка, подвалы на сводах, службы и прочее.[903] Впрочем, к середине XIX столетия оценка упала вдвое: в 1848 году – 44.900 рублей серебром, в 1855-м – 46.936.[904]

Анализ картографических источников уточняет текстовую информацию. На генплане 1802-1803 гг. мы видим лишь длинный дворовой флигель по границе «старого клубного двора», но не во всю длину места. На городском плане 1807-го и 1814-го участок обозначен уже застроенным по всему периметру. Следовательно, по крайней мере часть основных строений до 1822-го была одноэтажной. Из плана 1828-го видно, что существовал широкий въезд в обширный двор со стороны Полицейской улицы.

В данном случае отброшу перечисление всех тех многочисленных заведений, которые помещались тут в 1820-х и далее: это отняло бы слишком много места, причем без особого эффекта. Отмечу лишь, что в целой серии погребов и погребков реализовывалось откупное пиво, мед, вино, водка, коньяк и проч. Первый этаж арендовали различные лавки, магазины, включая книжные, предприятия общепита, в том числе – чайные трактиры и т. д., верхний этаж арендовался под жилье.

Короче говоря, мы четко видим, что представлял собой дом Кумбари в 1823-1824 гг. Трудно представить себе, что Пушкин не бродил

по ближним кварталам Екатерининской, относящимся к Греческому базару, не осматривал католический и греческий храмы. Следовательно, миновать примечательный дом Кумбари он никак не мог.

Временная Свято-Николаевская соборная церковь и Католический храм

Очень своеобразна и практически не изучена ранняя история кварталов, в пределах которых расположены Католическая и Греческая церкви. Из упомянутого выше генплана 1802-1803 гг. и комментариев к нему отчетливо видно: 1) нынешний квартал, ограниченный улицами Екатерининской, Жуковского, Ришельевской, Бунина, представляет собой площадь, на которой находились временная деревянная Николаевская соборная церковь и заложен Католический храм; 2) квартал, где находится Греческая церковь, – меж Екатерининской, Успенской, Ришельевской, Троицкой – представляет собой частично застроенный обычный жилой квартал. Подоплека такова, что заложенная в 1795-м[905] на будущей Соборной площади Николаевская соборная церковь по недостатку средств довольно долго не достраивалась; по этой причине примерно на углу нынешних улиц Бунина и Ришельевской устроили временную деревянную. Это был первый значимый в городе приход, в котором, к слову, освящен дарованный Одессе в 1798-м герб. Сохранились приходские метрические книги,[906] сведения о причте, ктиторах[907] и проч. Что до Греческого храма, фактически тоже временного, то изначально он функционировал на Арнаутской слободке, и на период составления генплана закладка нового, стационарного в интересующем нас квартале еще не состоялась.

Возобновление строительства Собора началось уже под эгидой герцога Ришелье. 8 апреля 1804 года по этому поводу состоялся крестный ход от старого к новому собору, а освятили его 25 мая 1808-го.[908] Исследование дальнейшего развития сюжета сооружения особых проблем не создает, обстоятельства детально фиксируются, например, в журналах заседаний Одесского

строительного комитета: поставка материалов, финансовое обеспечение и т. д.[909] Вопросы вызывает как раз история строительства, эксплуатации, эволюции Католического храма, и прежде всего по причине утраты двух краеугольных архивных дел: «О пособии на построение Католического костела», от 22 декабря 1804 года, на 122 листах[910] и «Об окончательной отделке Католического костела, от 26 апреля 1808 года, на 40 листах.[911] Впрочем, есть возможность хотя бы отчасти восполнить этот пробел информацией, почерпнутой в журналах Строительного комитета и других источниках.

Католический молитвенный дом функционировал в Одессе с самых первых лет существования города. Это видно, к примеру, из архивного дела 1830 года «О доставлении архивариусу новороссийского генерал-губернатора переписки об отводе в 1796 году для Католической церкви земли».[912] Судя по всему, первичная католическая община сформировалась годом ранее, ввиду довольно широкого представительства уроженцев соответствующих стран: уже в реестре отвода мест под застройку в августе-сентябре 1794-го мы встречаем итальянцев, австрийцев, французов, поляков, испанцев. Скажем, к немногочисленной, но влиятельной итальянской колонии нарождающейся Одессы принадлежали братья де Рибас, плац-майор Августин де Пачиоли, неаполитанский вице-консул Гаэтано Гульельмучи, архитектор Франческо Фраполли, крупный строительный подрядчик Витторио Поджио, негоциант, гофмаклер биржи Пьетро Сканцио, член магистрата подпоручик Сильвестр Дель Сассо и др. В январе 1800 года «пастор Падре Андреа-Аридоли-Пароха» доносил в магистрат о том, что к его приходу относится 29 домов, в коих 147 душ католиков, в основном купеческого звания. «При доме земли и руги (то есть государственной выплаты священнику. – **О. Г.**) не имеется, ризница заводится вновь, в богослужебных книгах недостатка нет, поучения читаются, а проповедей не сказывается».[913]

Ссылаясь на архивное дело, которое до нас не дошло, Смольянинов сообщает о закладке Католического храма в 1802 году.[914] Закономерен вопрос: там ли он заложен, где находился первичный молитвенный дом, по крайней мере, в том ли квартале? Однозначного ответа пока нет. Согласно самым ранним планам

города, Католический храм предполагалось возвести на Александровском проспекте, но вскоре местоположение изменилось. Павел Сумароков (1799) пишет: «В Одессе церквей: деревянная – 1, начатых каменных – 3, старообрядческая – 1, часовня – 1, и Еврейская школа».[915] Речь идет о временной Николаевской соборной церкви, недостроенных храмах: Соборном, Екатерининском, Греческом – на Арнаутской слободке. Католический не упоминается вовсе, а это может означать, что он функционирует как частная жилая или хозяйственная постройка. Сооружение костела община начала в 1802-м своими силами, а с 1804-го его курировал де Ришелье. Кураторство герцога отмечает и Шарль Сикар.[916] Попечителем выступал подпоручик российской армии в отставке, домовладелец, землевладелец, один из первых муниципальных деятелей Сильвестр Дель Сассо, которому я не так давно посвятил очерк в одной из книг.[917]

Для поддержки де Ришелье распорядился отпускать средства из суммы, собираемой за отпуск экспортируемого через порт зерна – по 2 ½ копейки с четверти (209,91 литра; от 8-ми до 10 пудов, в зависимости от влажности). Показателен активный 1805 год. Деньги и материалы отпускаются Дель Сассо и «патеру Елизеусу». 16 января в ответ на рапорт попечителя Строительный комитет выдает 336 руб. 33 коп., 27 марта – 150 руб., 4 апреля – 250 руб. на штукатурные работы, 20 апреля – 500 руб., 2 мая у крупных негоциантов Форгегера и Катлея приобретено 14 бочонков белой жести (6.284 листа) – 942 руб. 60 коп., 19 мая из портовых материалов отпущено четыре пуда железа и восемь четвертей угля на изготовление креста, 22 мая – 1.000 руб., 12 июня – 1.000 руб.[918] Этот перечень можно продолжить. Скажем, 20 сентября 1806 года куплено 445 листов жести по 25 копеек за лист, затем еще 500, а 8 октября Комитет отпускает средства на покупку дополнительно 600 листов.[919] Итого получается 1545 листов жести – это ли не свидетельство масштабности сооружения?

Отсутствие упоминавшегося архивного дела от 22 декабря 1804 года «О пособии на построение Католического костела», меж прочим, лишает нас информации о ходе строительства на собственные средства представителей общины в 1802-1804 годах. Но совершенно ясно, что «каменные работы» они осуществили

сами: на генплане 1803 года Католическая церковь обозначена № 26, при этом поясняется, что сооружение уже доведено до карниза. Это понятно, тем более что первыми крупнейшими поставщиками камня в городе были Витторио Поджио и Феликс де Рибас. В сообщениях журналов Одесского строительного комитета 1805-го речь идет уже об отделочных и кровельных работах, устройстве креста.

Новый храм не только масштабен по тем временам, но и довольно благолепен. После завершения строительства здания начинается его внутреннее благоустройство. 18 января 1809 года заключен контракт «с иностранцем, слесарным мастером Эбервин (Эбервейном. – **О. Г.**), о наблюдении ему за состоящими при одесской католической церкви часами и о починке оных». Согласно этому документу, мастер получал 100 рублей в год за исправное содержание плюс 100 рублей единовременно за починку часов до начала срока действия контракта.[920] В тот же период «иностранец Антон Котвальт» подрядился изготовить для Католической церкви четыре капители, за первую из которых 8 февраля Комитет выплатил ему 50 рублей. 22 марта он полностью окончил работу, 8 апреля городской архитектор Франческо Фраполли освидетельствовал ее (полагаю, Фраполли проектировал и сам храм), и Котвальту выплатили остальную причитающуюся сумму.[921] 10 июня 1809 года «ксендз одесской Католической церкви Максимилиан» просит Строительный комитет об отпуске извести, каковое ходатайство было удовлетворено.[922]

Синхронно понемногу начиналась своеобразная застройка квартала, в начале столетия лишенная других сооружений, кроме временной соборной церкви Святого Николая и постепенно возводимого костела. Первым застройщиком был упоминавшийся гофмаклер *Пьетро Сканцио*, очевидно, один из спонсоров строительства Католического храма. Свой дом он возвел на самом углу будущих улиц Екатерининской и Почтовой. 12 июля 1806-го австрийский негоциант, крупный экспортер в 1800-1820-х *Марк Андрич* (*Marco Andrich*) доложил о приобретении на аукционном торге имения умершего гофмаклера Сканцио – дома и участка 15×15 саженей «на площади, где католическая церковь», и 24 июля получил «открытый лист»,[923] то есть владельческие документы от Строительного комитета.

Надо сказать, что у Андрича и Католического храма – как у владельцев недвижимости – отношения складывались чрезвычайно конфликтно. Сперва претензии предъявляла церковь – по поводу того, что Андрич пробил в своем доме окна на их участок и установил балкон.[924] Затем в Комитет жаловался уже домовладелец, в связи с захватом соседями принадлежащей ему земли. Конфликт затянулся на годы.[925] В конце 1820-х Андрич ушел из жизни, и по долгам перед Одесской конторой коммерческого банка этот дом сдавался внаем на их погашение.[926]

Фрагмент гравюры Боссоли 1836 г. Справа вверху различим первозданный костел

В метрических книгах Греческой церкви фиксируются: рождение, крещение и отпевание сына Андрича, младенца Валериана Марковича (1818), рождение и крещение сына Владимира (1811), рождение дочери Олимпиады (1813), отпевание двухлетнего сына Степана (1814), упоминается сын Илья (в 1818-м – вероятно, подросток).[927] Меж тем мы не можем утверждать, что, несмотря на югославянскую фамилию, Андрич непременно был православным, ибо знаем множество австрийских выходцев – славян, принявших католичество, дабы облегчить на родине карьеру. Мы пока не имеем и метрической записи о его отпевании. А вот супруга Смарагда наверняка была гречанкой. Согласно российскому законодательству, дети от такого смешанного брака подлежали крещению в православие, так сказать, в рабочем порядке.

Место, «где была временная русская церковь», то есть со стороны будущей Полицейской (Бунина) улицы, 31 декабря 1807 года запросил под приватное домостроение аптекарь *Johane Schmidt*.[928] Однако места здесь он не получил, и предпочтение было отдано самому Католическому храму, построившему здесь собственный доходный дом, впоследствии подвергавшийся реконструкциям и достройкам. Здание изначально было довольно солидным, и уже ранее 13 августа 1814 года находилось в залоге от содержателей винного откупа с оценкой в 22.500 рублей.[929]

Летом 1812 года, накануне чумной эпидемии, подрядчики Симон Стифель и Иван Еройский под надзором графа Леона Рошешуара произвели работы по мощению тротуаров, прилегающих к Католической церкви, дому Андрича и лежащей на противоположном углу Екатерининской Почтовой конторы. Кроме того, были вымощены и переходы через улицы.[930]

К дальнейшей истории Католического храма мы еще вернемся, а сейчас глянем, как она трактуется в наши дни. «Екатерининская, 33, римско-католический кафедральный собор Успения Пресвятой Богородицы, 1805, деревянный храм, арх. Фраполли Ф.; 1805-1819, перестроен в камне, арх. Фраполли Ф.; 1851-1853, заменен новой постройкой собора, арх. Моранди Ф. О. (проект), Гонсиоровский Ф. В., отец Г. Разутович (строительство), скульп. Фишер (памятник архитектуры); 2004, реконструкция…».[931] Все, что здесь написано, не просто нонсенс в свете изложенных выше архивных данных, но и лишено элементарной логики. То есть получается, что при острейшем дефиците ресурсов на довольно короткой хронологической дистанции строится один храм, демонтируется, затем другой, и тоже демонтируется, чтобы построить третий. Тем не менее подобная информация широко растиражирована в Интернете, и за неимением другой ею столь же широко пользуются.

Искаженное толкование истории Католического храма, понятно, появилось не просто так. Сумятицу, надо полагать, вносит сообщение, помещенное в солидном фолианте, изданном муниципалитетом к 100-летию Одессы. Издание чрезвычайно информативное, подготовлено коллективом авторов, в целом квалифицированных, но в отдельных случаях небезупречных. Можно допустить, что два основополагающих в данном исследовании

архивных дела – 1804 и 1808 годов, о которых говорилось выше, были утрачены ранее начала 1890-х, а журналы Строительного комитета, соответствующий обширный фонд, картографические материалы этими авторами физически не могли быть подробно изучены из-за дефицита времени. По этой причине и сконденсировалось путающее карты резюме: «Римско-католическая церковь (по Екатерининской улице), во имя Успения Пресвятой Богородицы, сооружена сначала (в 1805 году) деревянной, но уже в 1809 году начата постройка каменной церкви. В настоящем же виде храм был совершенно окончен в 1853 году».[932]

Здесь уместно еще раз отметить, что авторитетный К.Н. Смольянинов, работавший с архивными документами в начале 1850-х в ходе написания «Истории Одессы», утраченные позже дела держал руках. Он прямо говорит о том, что капитальный Католический храм заложен в 1802 году, а в 1804-м при активном содействии де Ришелье сооружение продолжилось.[933] Далее. Вступая в должность, герцог Ришелье запросил все имеющиеся статистические данные о состоянии Одессы и получил точную информацию. Так вот там упоминаются и недостроенные каменные церкви: две русских и одна католическая.[934]

Католический храм после реконструкции начала 1850-х

Одним из первых о храме пишет князь И.М. Долгорукий, посетивший его в июле 1810-го: «Католическая римская церковь на особом же дворе внутри города, небогата, но чисто и хорошо прибрана; при ней служит капуцин. Он меня водил по всему строению церковному: ходит по установлению своего ордена, босой, в одних туфлях, в сером капоте с отложным капюшоном, опоясан ременным поясом и с четками в руках. Он поминутно, ходя в церкви, приседал пред своим престолом».[935] Не тот ли это иезуит Маттео Молинари, который во время чумной эпидемии 1812 года приходил в Городской госпиталь к умирающему доктору Джованни Франческо Капелло?[936] Е.В. Полевщикова упоминает католического священника Матье Молинари и еще некоего безымянного иезуита как преподавателя Закона Божия в Благородном институте до приезда в Одессу протопресвитера Общества Иисуса Эрверанжа де Витри.[937]

В одном из архивных дел из фонда ОСК об отводе мест обнаружил крайне любопытную информацию 1822 года. 21 сентября этого года исполняющий обязанности настоятеля Римско-католической церкви Корнелий Обушинский запросил Строительный комитет о выдаче копий документов на землю под церковью, строениями в городе и под хутором. 2 октября Комитет постановил выдать копии открытого листа от 31 июля 1811 года на места «в городе, с церковною площадью» и открытого листа от 2 июня 1819 года – на хутор.[938] Это означает, что первичная застройка площади и обзаведение хутора завершились ранее приведенных дат.

О дальнейшей истории храма, его собственной и смежной недвижимости сохранился ряд дел в фонде Одесского строительного комитета.[939] Принципиальным остается вопрос мнимой разборки первичного каменного Католического храма в середине XIX столетия. У меня нет никаких сомнений: в начале 1850-х он был не демонтирован, а лишь подвергся капитальной реконструкции, достройке, расширению. Это тем более очевидно, что сооружение было довольно масштабным, приглядным (достаточно взглянуть на синхронную иконографию, к примеру, Карло Боссоли), затратным, качественным, молодым. Характерно сообщение такого авторитетного свидетеля, как Эдвард Мортон, посетившего Одессу в 1828 году: «Католическая церковь (…) это была одна из первых

церквей, построенных в Одессе. Причина этого ясна – ведь герцог Ришелье сам был католиком. Церковь во многих отношениях подобна православному собору, который, по всей вероятности, стал ее видоизмененной копией. Оба сооружения весьма красивы и величественны».[940] К слову, иконография одесского костела 1830-х буквально один к одному совпадает с внешним обликом возведенного практически синхронно (1805) католического храма в Тульчине.

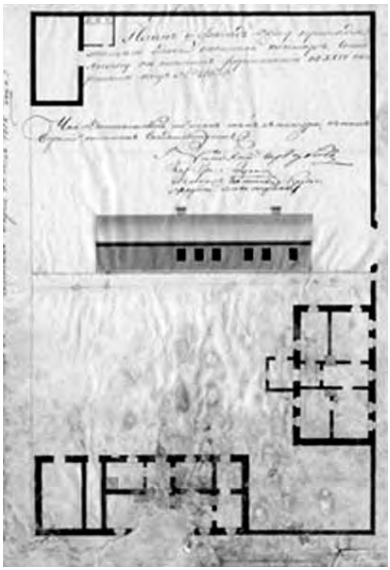
Римско-католическую церковь регулярно посещали даже представители русской знати: довольно, к примеру, назвать графа М.Д. Бутурлина, который молился, стоя на коленях.[941] Одновременно с ним тут побывал П.П. Свиньин: «Католическая церковь невелика, но убрана с немалым великолепием. В ней замечателен прекрасный образ Богоматери, кисти Карла Дольче, присланный в церковь сию от М.А. Нарышкиной».[942]

Поэтому исключаю возможность полной замены первичного храма новым: можно говорить лишь о реконструкции и достройке. Полный демонтаж не может не ставить и вопроса о судьбе захоронения графа А.Ф. Ланжерона.[943]

Почтовая контора и соседи

Следуя от Католического храма к Греческому, мы оказываемся на следующем квартале нечетной стороны Екатерининской улицы, меж Жуковского (Почтовой) и Еврейской. Эволюция застройки тут тоже несколько необычна, поскольку связана с историей региональной почтовой службы. Здесь переплетаются интересы приватных застройщиков, городской администрации в лице Строительного комитета, перекупщиков недвижимости, различных кредитных учреждений, частных заемщиков, институций откупа и проч.

Изначально Одесская почтовая контора занимала угловое место № 216 в XXIV квартале Военного форштата, на пересечении будущей улицы Почтовой и Покровского переулка – ныне пятно застройки 9-этажным домом по улице Жуковского, № 33. Сохранился чертеж фасада и план Ф. Фраполли (1812), из которого



План старой Почтовой конторы.
Ф. Фраполли. 4 апреля 1812 г.

видно, что контора представляла собой два одноэтажных строения, большее из которых стояло по красной линии улицы, другое – переулка, угол меж ними застроен не был. Территория ограждена каменным забором, въездные ворота в почтовый двор находились со стороны переулка за меньшим флигелем, в левом верхнем углу двора обозначена хозяйственная постройка, очевидно, конюшня.[944] Та же ситуация отражена на городском плане 1807 года того же Фраполли, причем строение по улице Почтовой показано как новое. На генплане 1802-1803 гг. тут обозначено застроенным угловое место.

К этому времени значимость Одессы значительно возросла, сильно увеличился и объем почтовых отправлений. Герцог Ришелье поставил перед Строительным комитетом задачу приобрести близ старой Почтовой конторы более приличное для нее строение, достроить и переоборудовать оное, а прежнее продать с целью частичного покрытия расходов. Выбор пал на близлежащую недвижимость находившегося в стесненных обстоятельствах помещика дворянина *Ксаверия Брезовского* (то есть *Бржезовского*). В общей сложности ее оказывалось более чем достаточно, и еще 21 февраля 1812-го де Ришелье определил продать часть этой недвижимости, также с целью покрытия расходов на обустройство новой почтовой конторы.

Не позднее 1809-1810 гг. в залоге по разным коммерческим операциям находились сразу четыре принадлежавших Бржезовскому дома и места, в том числе – два по нечетной стороне Екатерининской, № 206 и 202 в XXIII квартале военного форштата, то есть угловое место по Почтовой и смежное посередине квартала: ныне Жуковско-

го, 25, Екатерининская, 37. Оценочные свидетельства магистрата – соответственно от 21 декабря 1804-го и 27 июля 1809-го.[945]

Первые отводы сказанных мест – артиллерии лекарю Иерсу и лейтенанту Мащину – датируются еще августом-сентябрем 1794-го,[946] однако в положенный срок застроены не были. В 1796-м место № 202 передали артиллерии штык-юнкеру Андрею Савицкому, а место № 206 передали 17 июня 1803-го инженеру унтер-цейхвартеру Добришину. Савицкий застроился, и его место досталось Бржезовскому по купчей. Место Добришина так и осталось пустопорожним, и шляхтич построил там дом, на который получил владельческие документы в сентябре 1808-го.[947]

Активные действия по продаже старого почтового двора, покупке и перестройке недвижимости Бржезовского осуществлялись накануне чумной эпидемии, в июне-августе 1812 года. Аукционный торг проходил в два этапа по три дня в первой и второй декаде июня. Сперва его почти выиграл купец Бернштейн, назначивший цену 7.177 рублей, однако упоминавшийся выше *аптекарь Шмидт* прибавил еще 23 рубля до круглой суммы, и в итоге старая почта осталась за ним.[948] Он, к слову, еще весной 1809-го принимал участие в другом аукционе, по продаже ветхого казенного дома по будущей Полицейской улице, возле Александровского проспекта, но тогда проиграл конкурентам.[949] Расчеты со Шмидтом, что любопытно, надолго затянулись[950] в связи со сложившимися по ходу катастрофической эпидемии обстоятельствами. В то суровое время он, рискуя жизнью и не считаясь с издержками, снабжал городских врачей медикаментами. В итоге город задолжал ему 12.171 рубль 28 копеек, тогда как за старый почтовый дом сам Шмидт должен 7.200 рублей плюс оформление купчей, всего 7.499 руб. 13 коп. Таким образом, долг остается как раз за городом – 3.672 руб. 15 коп., да за отпущенные им после этого аптекарские материалы – 3.987 руб. 75 коп. Расчеты отражают статус на 24 мая 1815 года, при этом Шмидт старым почтовым домом уже какое-то время фактически владеет,[951] но, во всяком случае, не ранее ликвидации чумной эпидемии.

Что касается оформления сделки на недвижимость Бржезовского, то для ее совершения в начале июля 1812-го в Херсонской казенной палате Комитет откомандировал туда коллежского

асессора Дорошенко.[952] Однако, как мы увидим ниже, с купчей все оказалось не так просто.

Параллельно с аукционом по продаже старой почты Комитет составил и 6 июня заключил контракт на построение дома для почтовой конторы за 9.600 рублей с одесским купцом 3-й гильдии Василием Замятиным, что подкрепляется соответствующими залогами со стороны подрядчика.[953] При этом он сразу получил транш, очевидно, в 2.000 рублей, поскольку при выделении следующего, от 25 июля 1812 года, сказано: еще 2.000 рублей.[954] Из этого можно сделать вывод о том, что строительство продвигалось довольно быстро, а после ликвидации чумной катастрофы столь же энергично продолжалось.

Другое дело, возникла проблема реализации «излишнего строения» на месте № 202. Это обусловливалось необходимостью юридического урегулирования с кредиторами Бржезовского – как приватными лицами, так и казенными структурами. Кроме того, и сам шляхтич стремился выкупить часть собственной недвижимости. Так, Одесский коммерческий суд заявил о претензиях купца Арешникова к Бржезовскому на сумму 5.817 рублей. Ответчик заявил, что претензия необоснованная, и он сие докажет в суде. Тем не менее 31 июля 1812 года рачительный Ришелье предложил придержать 6.000 рублей из следуемых Бржезовскому, так сказать, до выяснения. Кроме того, удержать из следуемых ему денег 1.000 рублей, взятые им в Комитете заимообразно 2 марта 1805 на 1 год из суммы 80 тысяч на ссуду одесских жителей плюс проценты за 6 лет и 5 месяцев на капитал, что составляет 385 рублей и 1% из этих процентов «на содержание огнегасительных инструментов» – это соответствует обычной процедуре выдачи ссуд.[955] 14 августа во исполнение повеления Ришелье от 21 февраля Комитет определил «излишнее строение, из числа купленного у дворянина Бржезовского в казну для почтовой конторы, показанное по плану на военном форштате в XXIII квартале под № 202, продать с публичного торгу», торги назначить: 27 августа, 6 и 7 сентября, для присутствия при продаже откомандировать члена Комитета Инглези.[956]

По причине объявления карантина торги не состоялись, да и устройство новой почтовой конторы приостановилось. К этому вернулись лишь после ликвидации чумной эпидемии,

в заседании Строительного комитета 4 июля 1813 года. Освежались в памяти все обстоятельства: финансовые претензии к Бржезовскому, первый этап работы подрядчика, которому уже выдана часть положенной по контракту суммы, и проч. Кроме того, принято решение описать и оценить другую недвижимость шляхтича, которая может служить залогом по взятому Бржезовским подряду на земляные работы.[957] К вопросу о торгах вернулись 19 марта 1814-го, и 29 апреля «излишня недвижимость», купленная Комитетом у Бржезовского, досталась авторитетному одесскому купцу *Семену Андросову* за 8.500 рублей. Желая вернуть собственность, Бржезовский 4 мая прибавил 25 рублей, и 14 мая состоялись новые торги. Андросов набавил еще 25 рублей. Тем дело не кончилось: 11 июля Комитет распорядился увеличить длину продаваемого с домом участка на три сажени для устройства ворот. Тогда Андросов прибавил еще 500 рублей, и недвижимость осталась за ним, несмотря на челобитные прежнего владельца, которому указали, что он «и теперь еще может удержать дом, прибавив цену».

В архивном деле четко указаны соседи: с одной стороны по улице Екатерининской – новый дом почтовой конторы, с другой – дом *штабс-капитана Балтакова*, позади – *маклера Славича*.[958] Иван Егорович Балтаков фигурирует и в других архивных делах: в 1811-м – поручик Саратовского пехотного полка, в 1831-1832 гг. – отставной майор.[959] Его недвижимость располагалась в пределах пятна застройки нынешних домов № 39 и 41, к углу Еврейской. Что касается тыльного участка Славича, то он находился в пределах пятна застройки нынешними строениями по улице Ришельевской, № 26.

Иван Егорович Балтаков фигурирует и в сюжете об истории застройки Александровского проспекта. Он владел еще двумя местами по Екатерининской, во 2-й части, в XIV квартале, под № 197 и 198, по нечетной стороне, напротив Старорезничной улицы, в ту пору отделявшей Рыбный ряд от Щепного. Ныне здесь трехэтажные дома, по Екатерининской, № 91 и 93. В пушкинское время эти участки были частично застроены небольшими сооружениями. В мае 1845-го отставной майор Балтаков сперва хотел достроить дворовой флигель на восемь саженей, поднять на два аршина каменный забор по улице, установить новые ворота, перекрыть черепицею маленький дом рядом с воротами. Однако уже

в июне решил вместо этого выстроить два дома по красной линии Екатерининской. Сохранились утвержденные Строительным комитетом фасад и ситуационный план, из которых видно: симметрично от въезда во двор будет построено два небольших дома, по четыре окна и двое дверей в каждом, явно предназначенные под торговые помещения.[960] В раскладочной ведомости на 1848 год эта недвижимость оценена невысоко – в 1.834 рубля.[961]

* * *

В интересующее нас время Почтовая контора была одним из самых социально значимых мест в городе. Одесса все-таки лежала в сильном отдалении от столиц, и новости получались с опозданием минимум в неделю. Почту ждали с нетерпением. Здесь уместно процитировать фрагмент повести «Выстрел»: «Рассеянные жители столицы не имеют понятия о многих впечатлениях, столь известных жителям деревень или городков, например, об ожидании почтового дня: во вторник и пятницу полковая наша канцелярия была полна офицерами: кто ждал денег, кто письма, кто газет. Пакеты обычно тут же распечатывались, новости сообщались, и канцелярия представляла картину самую оживленную». Еще более оживленной дважды в неделю становилась Одесская почтовая контора, когда почту не только получали, но и принимали к отправлению. Тут регулярно или периодически пересекались все лица из пушкинского окружения, здесь сам Поэт, воленс-ноленс, встречался с чиновниками, военными, купцами, шляхтичами и т. д. Почтовые отправления получало лично абсолютное большинство адресатов, исключение составляли лишь высшие сановники, препоручавшие это дело адъютантам, чиновникам по особым поручениям и др.

Клубная гостиница, в которой обитал Пушкин, находилась всего лишь в четырех кварталах от Почтовой конторы. Можно было не тратиться на извозчика и без серьезных потерь времени добираться туда пешком двумя путями: либо три квартала по Ришельевской и затем квартал направо по Почтовой улице, либо один квартал по Дерибасовской до Екатерининской, а далее три – налево по Екатерининской. Можно было для променада идти в контору одним маршрутом, а возвращаться другим. Именно по этой причине и обращаю внимание читателей на те домо-

строения и заведения, мимо которых Пушкин проходил дважды в неделю, а следовательно, очень вероятно, что и заходил.

Важно прибавить, что в 1820-х и даже гораздо позднее в Одессе не было внутригородской почты, то есть письма, визитки, посылки доставляли посыльные, лакеи, дворовые люди и проч.

XXIV квартал

Есть смысл коснуться истории его застройки во взаимосвязи с эпизодом перемещения отсюда почтовой конторы на новое место. Нас будет интересовать недвижимость по нечетной стороне улицы Почтовой, меж Екатерининской и Покровским переулком. Как было сказано выше, старую почтовую контору (место № 216) перед чумной эпидемией 1812-го приобрел на аукционном торге *аптекарь Шмидт*, который владел ею, по крайней мере, до лета 1815-го. Сохранившееся архивное дело 1828-1831 гг. о территориальных претензиях тогдашнего владельца соседнего места № 215 григориопольского гражданина *Киркора Симонова* (*то есть Симоновича, Семеновича*) *Амасьянова* позволяет проследить переход из рук в руки всех мест этого квартала с самого начала его застройки.

Итак, бывшая почтовая контора меж 1815-м и 1821-м перешла к еврею *Рабиновичу*: в ту пору в городе проживало несколько предпринимателей с такой фамилией, причем неподалеку, поэтому воздержусь от атрибуции. Позднее место со строениями «куплено от казны», то есть явно за казенные долги оного Рабиновича, одесским первой гильдии купцом *Давидом Герценштейном*. Любопытно, что во времена владения этой недвижимостью Рабиновичем «во дворе были заведены *еврейские харчевни*».

Сказанное место № 215 – ныне застройка по улице Жуковского, № 31, – Амасьянов незадолго до конца августа 1828-го приобрел у титулярного советника *Федора Ковалевского*. Дом построен в 1797 году. Как видно из городских планов, он фасадный. О Ковалевском и его семействе есть информация в метрических книгах Свято-Николаевской соборной церкви. Из оценочных ведомостей городской недвижимости видно, что в 1823-1824 гг. этим домом владел именно Ковалевский.

Наиболее интересна ранняя и притом масштабная застройка соседних мест № 213-214, ныне – застройка домами по улице Жуковского, № 29 и № 27, угол Екатерининской. В день десятилетия Одессы, 22 августа 1804 года, эта недвижимость по купчей крепости досталась титулярному советнику Кривчикову от флота *капитана второго ранга Леонтовича*, произведшего постройки в 1795-м. По журналу инженерной команды 1796 года все четыре места в этом квартале значились за артиллерийскими офицерами, однако, как видим, реально застроились другие лица. *Михаил Степанович Кривчиков* – фигура поистине легендарная в ранней истории Одессы. Офицер-первопоселенец (1794), один из первых застройщиков (вторая половина 1790-х), он с 8 мая 1800-го состоял приемщиком материалов в Комиссии по отстройке гавани в Одессе, а затем на протяжении трех десятилетий – комиссаром (прорабом) Одесского строительного комитета. Это абсолютный рекорд в подверженной постоянным ротациям юной Одессе. Награжден орденом Св. Владимира IV степени. В пушкинское время этот протяженный доходный дом Кривчикова имел оценку 20.000 рублей и давал годовой доход 1.000 рублей. При нем имелся целый ряд служебных построек, включая *дворовую баню*.[962] Другой свой солидный плановый дом с двумя местами, находившийся в пределах нынешней застройки «сталинкой» по ул. Жуковского, № 17, и одновременно Ришельевской, № 19, Кривичков продал австрийским негоциантам *Георгию и Петру Теодоровичам*.[963]

Типологию ранней застройки близлежащих кварталов Екатерининской выборочно рассматривал в ряде монографий и отдельных публикаций.[964]

Примечания

875 А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 140-141.

876 Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 591.

877 ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 409, л. 8, 9.

878 А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 130.

879 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 145, ч. 2, л. 621, 625.

880 Олег Губарь. Очерки ранней истории евреев Одессы. – Одесса, 2013, с. 130.

[881] А.В. Мавкидонов. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. – Запорожье: Просвіта, 2011, с. 239, 240.

[882] ГАОО, ф. 17, оп. 6, д. 6. – 18+1 л.

[883] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 8, л. 1 об.

[884] Одесский вестник. – 1874, 27 ноября, № 261; Греки Одессы. Ч. III. – Труды государственного архива Одесской области. Т. XI. – Одесса, 2004, с. 114-115.

[885] ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 243, л. 8.

[886] Там же, ф. 59, оп. 2, д. 409, л. 1А.

[887] Там же, л. 7.

[888] Там же, л. 10.

[889] Там же, л. 11-13.

[890] Там же, л. 3, 15.

[891] Список домам и прочим строениям, состоящим в I части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 5% То же на 1855 год, № 150.

[892] Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 237-268.

[893] ГАОО, ф. 37, оп. 6, д. 3. – 152 л.

[894] Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 591.

[895] Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 349-350.

[896] ГАОО, ф. 18, оп. 3, д. 7, л. 62.

[897] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 279, л. 126 об.

[898] Олег Губарь. Очерки ранней истории евреев Одессы. – Одесса, 2013, с. 123, 126, 206, 308, 369, 382, 378.

[899] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 11, л. 3. Нумерация мест в этом деле перепутана.

[900] Там же, д. 282, л. 197-198.

[901] Там же, л. 429-430.

[902] Там же, л. 486.

[903] Там же, д. 284, л. 161-173.

[904] Список домам и прочим строениям, состоящим в I части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 5; То же на 1855 год, № 152.

[905] А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 76.

[906] ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 71, 76, 80 и др.

[907] Там же, ф. 17, оп. 3. Д. 28, 151, 152.

[908] К.Н. Смольянинов. История Одессы. – 1853, с. 140-141, 154.

[909] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 220 об., 268 об.; Там же, д. 258, л. 99, 252 и др.; Там же, ф. 59, оп. 2, д. 20 и др.

[910] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 9. Утрачено.

[911] Там же, д. 30. Утрачено.

[912] Там же, оп. 2, д. 212.

[913] А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 84-85.

[914] К.Н. Смольянинов. История Одессы. – 1853, с. 143.

[915] Павел Сумароков. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. – Москва, 1800, с. 216.

[916] Письма об Одессе. – СПб., 1818, с. 28.

[917] Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 150-157.

[918] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 29 об., 30, 112, 134 об., 147 об., 178, 218 об., 224 об., 282 об.

[919] Там же, д. 258, л. 57, 94 об.

[920] Там же, д. 259, л. 25.

[921] Там же, л. 61, 209, 224.

[922] Там же, л. 380.

[923] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 17, л. 11-12.

[924] Там же, д. 75, л. 41-45.

[925] Там же, д. 127, л. 128.

[926] Одесский вестник. – 1830, 26 апреля, № 34.

[927] Греки Одессы. – Труды государственного архива Одесской области. Т. XXXVIII. – Одесса, 2014, с.46-47.

[928] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 27, л. 1.

[929] Там же, д. 80, л. 44.

[930] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 121, 201, 224, 310, 360.

[931] Валентин Пилявский. Здания, сооружения, памятники Одессы и их зодчие. Справочник. – Одесса: Optimum, 2010, с. 44-45.

[932] Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 394.

[933] К.Н. Смольянинов. История Одессы. – 1853, с. 141, 143.

[934] Аполлон Скальковский. Первое 30-летие истории города Одессы. – Одесса: Optimum, 2007, с. 91.

[935] И.М. Долгорукий. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года. – Москва, 1870, с. 144.

[936] Олег Губарь. Энциклопедия забытых одесситов. – Одесса: Optimum, 2011, с. 167-184.

[937] Е.В. Полевщикова. Французы в учебных заведениях Одессы. 1803-1822 гг. Французский ежегодник. – М.: ИВИ РАН, 2011, с. 110-126.

[938] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 231, л. 192-193.

[939] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 2877; Там же, оп. 2, д. 386, 674, 1419; Там же, оп. 3, д. 211.

[940] Эдвард Мортон. Одесса, какая она есть. Записки путешественника. – Одесса: Optimum, 2012, с. 96.

[941] Записки графа М.Д. Бутурлина, 1824-1827. – Русский архив. – 1897, № 5, с. 18-19.

[942] П.П. Свиньин. Взгляд на Одессу. – Отечественные записки. – 1830, январь, с. 28.

[943] К.Н. Смольянинов. История Одессы. – 1853, с. 188. Примечание.

[944] ГАОО, ф. 895, оп. 1, д. 266.

[945] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 262, л. 210.

[946] Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 592.

[947] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 27, л. 195.

[948] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 52, 263.

[949] Там же, д. 259, л. 280, 287.

[950] Там же, д. 265, л. 91; Там же, д. 267, л. 496.

[951] Там же, д. 268, л. 442-444.

[952] Там же, д. 264, л. 134.

[953] Там же, л. 28.

[954] Там же, л. 234.

[955] Там же, д. 264, л. 260-262.

[956] Там же, л. 298, 313.

[957] Там же, д. 266, л. 15-19.

[958] Там же, д. 267, л. 150-152.

[959] Там же, д. 265, л. 388; Там же, ф. 4, оп. 8, д. 84, л. 175-176.

[960] Там же, ф. 59, оп. 2, д. 791, л. 1, 2, 3.

[961] Список домам и прочим строениям в I-IV частях города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке . – Б. м., б. г., с. 27.

[962] ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 159. – 22 л.

[963] Там же, оп. 1, д. 663, л. 62-62 об., 64.

[964] Олег Губарь. Очерки ранней истории евреев Одессы. – Одесса, 2013; Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015; Олег Губарь. Дерибасовская, № 17, + Екатерининская, № 16: недвижимость Калафати (Санца). – Дерибасовская – Ришельевская. Кн. 63. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2015, с. 70-90. И др.

Андрей Добролюбский

Имя дрока*

«Ему не было равного по энергии и свирепой силе»

Сведения о первых трех десятилетиях жизни Бернара чрезвычайно скупы. Известно лишь, что до 1303 г. он служил королю Неаполя Карлу II Хромому (1248-1309 гг.) и его сыну Роберту Мудрому (Доброму) (1277-1343 гг.), герцогу Калабрии. Был командиром отрядов наемников, располагавшихся в двух калабрийских замках. И с этими наемниками он присоединился к Каталонской компании после мира, заключенного в сицилийской деревушке Кальтабелотта 31 августа 1302 г. Этот мир завершил длившуюся двадцать лет «войну Сицилийской вечерни».

Известно также, что Рокафорт не признал условий этого мира, поскольку он лишал его наемников заработка. И он пытался продать эти замки Карлу или Роберту, так как считал их своей собственностью – апанажем. А те (в соответствии с правилами Людовика Святого об условиях апанажа) посчитали его вымогателем и требовали, чтобы Бернар вернул апанаж своему королю и убирался со своими наемниками восвояси. Около года Бернар удерживал замки силой своих солдат, угрожая тем самым своим сюзеренам, но в конечном счете вынужден был не солоно хлебавши пуститься искать заработка и счастья в другом месте.

* Продолжение. Начало в кн. 74, 75

Карл II Хромой

Роберт Мудрый в короне с лилиями

Детство и юношеские годы Рокафорт, по всей видимости, провел в Валенсии и Каталонии, на территории Арагонского королевства. Судя по доступным нам обрывочным и опосредованным сведениям, родом он был из низшего слоя служивых рыцарей-министериалов, то есть из типичных «смиренных». Историки характеризуют его как смелого и решительного военачальника. Ему «не было равного по энергии и свирепой силе».* Вместе с тем Бернар был крайне жесток, беспощаден, жаден, исключительно амбициозен, с обостренным чувством социальной неполноценности, стыдился своего худородного происхождения.** Ясно, что стремление любой ценой «вознестись» из «смиренных», или «мотив Золушки», отвечающее оптимистичному девизу ордена Дрока, было заложено в нем с детства. Оно, несомненно, определило весь жизненный «сценарий» и «смысл» (выражение Эрика Берна), а также «тип поведения» (выражение Ю.М. Лотмана).***

* Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 3, отдел 8, гл. 6. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
** H.-J. Chaytor. A History of Aragon and Catalonia. – Londres, Méthuen, 1933. Chapter 10.
*** Лотман Ю.М. Пушкин. Лотман. Гоголь. – М., 1988.

Наверное, Карл Хромой, будучи в каталонском плену, для чего-то нашел нужным приблизить его к себе и возвысить.

В отличие от Рокафорта, о короле Неаполя Карле Хромом известно немало. Здесь нас занимает лишь то, что после смерти в 1285 г. своего отца Карла I Анжуйского он унаследовал Сицилийское королевство вместе с хранившимися в аббатстве Монреаль близ Палермо сердцем и внутренностями Людовика Святого. Он стал его преемником и как Магистр ордена Дрока. Только он имел право и возможность посвятить Рокафорта в рыцари своего ордена и вручить ему «Цветочный крест», который «вознесет» нашего «смиренного» героя к Джинестре и Флорделис.

Остается выяснить, как и при каких обстоятельствах это могло произойти. Война Сицилийской вечерни (1282-1302 гг.), как известно, началась между Арагонским и Анжуйским королевскими домами, а конкретно – венценосными кавалерами ордена Дрока – Педро III Великим и Карлом I Анжуйским. Она изучена современниками и историками-специалистами детально, обстоятельно, и обильно отражена в источниках и литературе. Так, Данте Алигьери, современник всех этих событий, поместил Педро III, его заклятого врага Карла I Анжуйского и многих других ее участников в «Чистилище», где теперь каждый с ними может познакомиться. Видимо, когда он писал свою «Комедию», то справедливо полагал, что его персонажи были у всех на слуху. Но это было очень давно. Поэтому не сочтем излишним дать здесь краткое описание основных событий этой войны для читателя, не слишком осведомленного, возможно, в деталях и перипетиях истории Средиземноморья того времени.* И рассмотреть эти события в связи с обстоятельствами, которые помогут найти в них место Бернару де Рокафорту.

Эйфория Карла Анжуйского

Сицилийское королевство было основано норманнами еще в XI в., а в 1194 г. перешло к германским императорам из династии Гогенштауфенов, которые и правили здесь до смерти Фридриха II

* Рансимен С. Сицилийская вечерня: история Средиземноморья в XIII веке. – СПб.: Евразия, 2007.

в 1250 г. Ему наследовал Конрад IV, который, впрочем, тоже вскорости умер. Наследником в 1254 г. стал его двухлетний сын Конрадин. Реально же все это время Сицилией правил побочный сын Фридриха II Манфред Сицилийский, который, распространив слухи о смерти Конрадина, в 1258 г. объявил себя королем Сицилии.

Но папа Климент IV не поверил этим слухам и не признал прав Манфреда на королевство. Мало того, после гибели Манфреда в 1266 г. он «передал» сицилийский престол Карлу Анжуйскому. Пытавшийся вернуть королевство Конрадин потерпел поражение под Тальякоццо, был взят в плен и казнен в Неаполе в 1268 г. Эта казнь потрясла Европу – Конрадин был последним мужским представителем Гогенштауфенов.

Тех приверженцев Гогенштауфенов, которые не сумели бежать, Карл казнил или бросил в тюрьму. Он объявил недействительными все прежние пожалования, данные Фридрихом II и его преемниками. Эти владения он раздал своим приверженцам.

В свое время идея посадить Карла Анжуйского на сицилийский престол принадлежала еще папе Александру IV: желая сместить Манфреда, папы искали правителя, который восхотел бы и смог бы завоевать это королевство. Карл-то пожелал, но тогда этого не позволил ему старший брат, король Людовик IX, и он был вынужден отказаться. Но другому папе – Урбану IV, французу, удалось уговорить Людовика: если Сицилией будет управлять «свой» человек, Карл, то остров станет важной базой снабжения крестоносцев в новом походе в Святую землю. А Карл явно был «своим».

Так в 1266 г. Сицилия оказалась под властью Карла Анжуйского. После смерти Людовика в 1270 г. он превратился в глазах папства именно в такую фигуру, которая способна возглавить новый (условно – девятый) крестовый поход. Он же был и его идейным вдохновителем – преемником Людовика как Магистр крестоносного ордена Дрока. А в 1272 г. своего сына и духовного наследника Карла II он посвятил в рыцари вместе со 100 итальянскими и французскими молодыми аристократами. И пожаловал ему княжество Салерно, где ранее проводилось коронование нормандских государей Сицилии.

Это было естественно – после неудачного Восьмого крестового похода, погубившего Людовика Святого, папство искало новую

Коронация Карла Анжуйского

стратегию и тактику походов. На Втором Лионском соборе (1274 г.) папа Григорий X, осознавая, что конец Латинского королевства на Востоке был уже почти неизбежен, инициировал дискуссию о проблемах Святой земли. Она продолжалась несколько десятилетий под названием De recuperatione Terrae Sanctae (с лат.: *О возвращении Святой земли*).

Все понимали обреченность походов в Палестину. Поэтому усилия Григория X насчет нового крестового похода оказались бесплодными. Как, впрочем, и идея унии с православной церковью. Сначала император Михаил VIII пообещал папе добиваться примирения церквей. Это было ему нужно, для того чтобы избегнуть или хотя бы отсрочить крестоносное нашествие на Константинополь и получить на Западе займы для ведения войн. Однако его сын Андроник II после смерти отца созвал собор Восточной церкви, признавший все решения Лионского собора пустопорожними.

А поскольку «всякая церковь, не согласная в чем-либо с католической, перестает быть церковью и становится ничем», то идея крестового похода свелась к своей истинной цели – снова отвоевать Константинополь и восстановить Латинскую империю. Это было необычайно выгодно и папству, и Карлу Анжуйскому. Он рассматривал овладение Сицилией как первый шаг на пути

к завоеванию всего Средиземноморья и готовился к войне с Византийский империей, с тем чтобы самому стать ее императором.

В результате папа прекратил всякие переговоры с Византией о церковной унии. После чего у Карла оказались развязаны руки, и он мог попытаться осуществить свою мечту, и как духовный преемник Людовика Святого возглавить крестовый поход на Константинополь. В начале 1282 г. он, видимо, был в некой эйфории, ибо счел себя величайшим монархом Европы и венценосным Магистром ордена Дрока как владелец сердца Людовика Святого, хранящегося в Палермо. Он был влиятельнейшим сенатором Рима, а папа Мартин IV – давний друг французской королевской семьи – преданно следил за его интересами.

Но случилось иначе: «…империя Карла рухнула, – по словам историка Стивена Рансимена, – лишь в один мартовский вечер в Палермо». Он недооценил своих врагов, изгнанников из Сицилийского королевства, нашедших пристанище при дворе короля Арагона Хайме I Завоевателя, старшим сыном и наследником которого был Педро III Великий (кстати, венценосный кавалер ордена Дрока) – он же близкий родственник Карла. Но еще более близким родственником Педро стал его врагу Манфреду, поскольку женился на его дочери Констанции – единственной наследнице Гогенштауфенов, остававшейся после гибели Конрадина.

Педро III Великий

Педро стал королем после смерти отца в 1276 г. Через Констанцию он мог претендовать на сицилийский престол. Поэтому он поддерживал изгнанников. Заговор возглавил граф Джованни Прочида, который объездил Константинополь, Рим и Арагон, умоляя о помощи. Педро III даже сделал его своим канцлером. И византийский император Михаил VIII Палеолог охотно помогал ему золотом, о чем впоследствии писал, что «был орудием Бога, несущим свободу сицилийцам». Действительно, население Сицилии люто ненавидело Карла и его французов, а надменный и самонадеянный Карл, не придавая этому особого значения, тем временем собирал флот и готовился к походу на Византию, А Педро тем же самым временем готовил «армию вторжения» на Сицилию.

«Desperta ferres! Desperta!»

Восстание началось в вечерню перед Пасхой, 29 марта 1282 года, в церкви Святого Духа близ Палермо. Повод подал, разумеется, один из французских солдат, приставший к сицилийской женщине. Ее муж убил его на месте. И… началось. В течение следующих шести недель сицилийцы с немалым воодушевлением вырезали до 4000 французов на острове. Восставшие отправили гонцов к Педро III Арагонскому, предложив ему сицилийскую корону. Педро, немного поцеремонившись, с радостью принял предложение и 30 августа 1282 г. со своей армией высадился в Трапани, и уже 4 сентября 1282 г. короновался в Палермо. В сентябре-октябре 1282 г. он взял под контроль всю Сицилию. У Карла сохранялась лишь материковая часть Италии с Неаполем. Папе римскому Мартину IV только и оставалось что отлучить «дебелого» Педро от церкви. Что он и сделал.

В последующие месяцы арагонский флот под командованием адмирала Руджеро де Лауриа несколько раз разбивал неаполитанцев. К февралю 1283 г. Педро занял значительную часть побережья Калабрии. Карл I Анжуйский был вынужден отправиться в Прованс, чтобы нанять там новые флот и армию.* На-

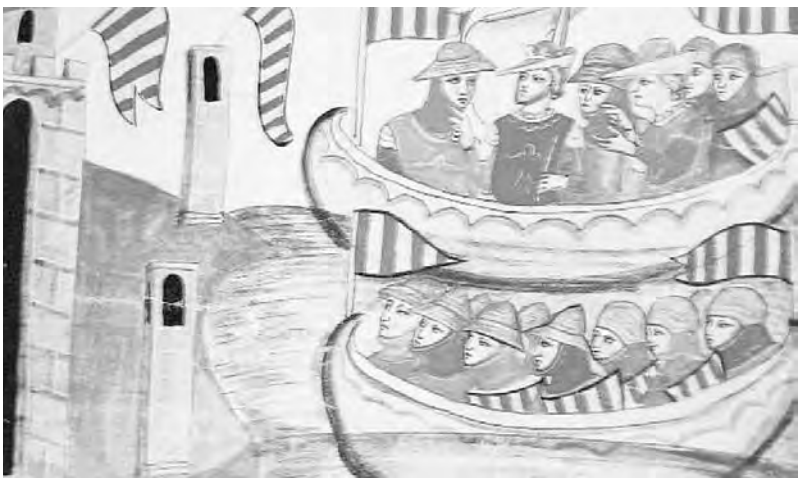
* Война Сицилийской вечерни велась преимущественно силами наемников.

местником Карла в Неаполе остался его старший сын и наследник Карл Хромой.

Педро также был вынужден покинуть Сицилию и вернуться в Арагон унимать свою вечно и всем недовольную знать. Он оставил командовать армией своего второго сына Хайме. Со своей стороны, в мае 1284 г. папа Мартин IV объявил о низложении Педро III и предоставил арагонскую корону Карлу Валуа, второму сыну Филиппа III Французского. Но Педро и не подумал подчиниться папе. Тогда Мартин IV объявил против него крестовый поход.

А Карлу I Анжуйскому удалось с немалым трудом и огромными затратами снарядить 40 новых галер в Провансе. Он отправил их к осажденной арагонцами Мальте. Но адмирал Руджеро де Лауриа почти сразу их уничтожил. Этому успеху он был обязан, прежде всего, исключительным боевым качествам своих солдат-альмогаваров (от араб. *al-Mugavari – разведчик*), одно только имя которых бросало в трепет любого противника.

Действительно, альмогавар (или альмугабар) выглядел устрашающе. Он «одевался в некую свободную куртку и бриджи, сделанные из шкур; он носил грубые кожаные сандалии и защищал



Высадка Педро III на Сицилию

свои ноги антипарами (полугетрами для передней части ноги), также сделанными из шкур; был также ранец или мешок, в котором он нес свою ежедневную пищу, – писал в своей «Хронике» арагонский король Хайме I Завоеватель. – На голове он носил кожаную или стальную «редисилью» (*redicilla*), которой он связывал волосы. На его поясе был кожаный ремень, с которого свисал мешок или сумка для кремня и трута, а также нож или кинжал. Его волосы были длинны, как у древних варваров, поскольку он никогда их не стриг, и при этом он никогда не брился. Его оружие состояло из короткой пики или копья, пригодного для бросания, трех или четырех дротиков, которые он нес, забросив на плечо, в качестве запасных боеприпасов. В атаке альмогавары выкрикивали свой клич «Desperta ferres! Desperta!» («*Проснись, железо! Проснись!*». – **А. Д**.), ударяя пиками или копьями о камни, производя при этом всюду неисчислимые искры с ужасающим эффектом; после чего среди общего шума стремительным потоком они бросались на врага»*, также и с дикими криками «Aragó, Aragó!» («*Арагон, Арагон!*»), «Via Sus! Via Sus!» («*Напролом! Напролом!*») «Sant Jordi! Sant Jordi!» («*Святой Георгий! Святой Георгий!*») и, разумеется, «Sancta Maria! Sancta Maria!» («*Святая Мария! Святая Мария!*»).

«Альмогавары происходили из жителей Арагона, Каталонии и Наварры. Они бежали от арабов и нашли… убежище в суровых горах, откуда нападали на друга или врага. Места их укрытий стали крепостями, где находили убежище и христиане, и сарацины… – пишет знаменитый каталонский хронист и капитан Рамон Мунтанер. – Они стали кланами и давали своим вождям арабские титулы… совершали набеги к собственной выгоде, не имея в виду какого-либо военного долга по отношению к какой-либо из испанских наций… Корона Арагона была тем, что преобразовало этот народ бродяг и дикарей в новый военный институт большой полезности в ее завоеваниях…»**

* Хайме I Арагонский. Хроника / The Chronicle of James I, King of Aragon, Surnamed the Conqueror. Cambridge, London. 1883 (Электронная публикация) – http://libro.uca.edu/chronicleofjames/chronicle.htm

** Рамон Мунтанер. Хроника / Ramon Muntaner. Chronicle. Cambridge, Ontario. 2000 (Электронная публикация) – http://www.yorku.ca/inpar/muntaner_goodenough.pdf

Альмогавары

Они стали профессиональными наемниками и «делились на отряды, капитанов которых называли «аль-мокатен» или «альмугаден». Именно они в тринадцатом столетии завоевали Сицилию и часть Мореи. Обычно они сражались пешком, хотя некоторые из них были на лошадях, составляя своего рода легкую конницу…». Именно альмогавары и составляли костяк арагонской армии Педро III и Хайме II. Они с редкостной эффективностью умели драться как с тяжелой рыцарской конницей противника (уничтожали лошадей, после чего легко добивали беззащитных всадников), так и на флоте, особенно в абордажных схватках.

Итак, разгромив и захватив корабли Карла I у Мальты, арагонская эскадра в июне 1284 г. блокировала Неаполитанский залив, выманила туда корабли его сына Карла Хромого и захватила их. Сам Карл II попал к Руджеро де Лаурио в плен. Его сначала отвезли

в Мессину, где разъяренная толпа потребовала его казни в отместку за смерть Конрадина – племянника Манфреда.

Но Карлу Хромому повезло – жена Педро III Констанция Сицилийская оказалась молочной сестрой Руждеро. Она уговорила адмирала, а затем и супруга не спешить – ведь он как-никак тоже близкий родственник. К тому же, за *такого* пленника можно было получить прекрасный выкуп. И Педро его спрятал в крепость Чефалу на Сицилии.

Это было, конечно же, страшным поражением и унижением Анжуйского дома. Карл I «сильно был раздосадован и вышел из себя, точно сумасшедший, – пишет византийский историк Никифор Григора. – Он видел, что его давние надежды, уже осуществлявшиеся, рушились, и что плоды его трудов, введенные, можно сказать, уже в самую пристань, вдруг пошли ко дну».* И, не стерпев такой обиды, он вскоре, 7 января 1285 г., скончался. Но успел объявить своего внука, несовершеннолетнего Карла Мартелла, наместником, пока Карл II будет удерживаться в плену. А Роберта Артуа, рыцаря ордена Дрока, – регентом. А папа Мартин IV, успев объявить крестовый поход против Арагона, тоже внезапно умирает 29 марта того же года. Тогда Педро, который опасался упустить Карла, для надежности перепрятал его из Чефало в Каталонию.

Крестовый поход во главе с племянником Карла I Анжуйского, «курносым» французским королем Филиппом III, начался в конце мая и окончился уже в сентябре из-за эпидемии дизентерии, поразившей войска. Вскоре, 5 октября, умирает и сам Филипп III, также от дизентерии, как и его отец Людовик Святой. А через месяц, 2 ноября, умирает и сам Педро. Таким образом, к концу 1285 г. скончались все венценосные лидеры воюющих сторон. И были оправлены Данте в «Чистилище», дабы продолжать выяснять там свои отношения. А война перешла в руки их наследников. Престолы в Арагоне и Сицилии заняли старшие сыновья Педро – Альфонсо III Откровенный и Хайме II Справедливый

* Григора Никифор. Римская история Никифора Григоры, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Том 1. Книга 7, 3 [Электронная публикация] – https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/rimskaja-istorija-nikifora-grigory-nachinayushajasja-so-vzjatija-konstantinopolja-latinjanami-tom-1/#0_2

Хайме II Справедливый

соответственно. А неаполитанский престол продолжал числиться за Карлом II Хромым, пребывавшим в каталонском плену.

Но он уже стал царственным пленником. И Хайме II при посредничестве английского короля Эдуарда I начал переговоры с Карлом о возможностях его освобождения. Видимо, тогда же изменились условия его содержания как пленника. Он обрел определенную свободу и право на собственное окружение – двор и свиту. В июле 1286 г. было заключено перемирие на 14 месяцев.

От пажа до кондотьера-вымогателя

Это время и место кажутся нам самыми вероятными для знакомства Карла Хромого с Бернаром де Рокафортом. Последний, будучи дворянского происхождения, вполне мог служить при арагонском дворе. А это давало возможность стать пажом, если

ты кому-либо приглянешься, ведь паж – это первая ступень перед посвящением в рыцари. Вот он и приглянулся неаполитанскому королю-пленнику. Надо думать, именно тогда Карл и сделал его своим пажом. Юный Бернар как паж должен был уметь хорошо стрелять из лука, метать копье и камни, заниматься бегом, борьбой, плаванием, верховой ездой, а также выполнять обязанности слуги, повсюду сопровождать своего патрона, служить за столом и т. д. Видимо, он неплохо с этим справлялся, и Карл сделал его своим оруженосцем – вторая ступень перед посвящением в рыцари.

Бернару было тогда 15-16 лет. Оруженосцами становятся именно в этом возрасте. Тем самым он получил право сопровождать своего господина в бою и возможность делом доказать свою пригодность.

А пригодность заключалась том, что он был «должен привыкнуть к виду своей крови, должен знать, как трещат под ударом его зубы, – писал в XII в. английский анналист Роджер из Ховедена. – Упав на землю, он должен подняться и продолжать борьбу, не теряя храбрости. Каждый, кто может выдержать такое, годен для участия в битве»*.

Далее занятия Рокафорта еще более определяются – он обязан постоянно находиться при Карле II, сопровождать его в бою, следить за его доспехами, вымачивать его кольчугу в бочке, наполненной смесью уксуса и песка, чистить шлем до блеска и покрывать маслом, следить за лошадьми и багажом, обслуживать за обедом и участвовать в охотах.

Надо думать, Бернару удалось показать своему господину лучшие качества оруженосца. После чего очертания его судьбы уже могут более конкретно прослеживаться по участию Карла Хромого в дальнейших перипетиях войны Сицилийской вечерни.

За время перемирия стороны препирались при посредничестве короля Англии Эдуарда I. В результате в октябре 1288 г. в городке Канфранко был заключен договор, по которому Альфонсо наконец-то отпустил Карла на свободу – за выкуп

* Роджер из Ховедена. Английские анналы в двух книгах (Электронная публикация) http://drevlit.ru/texts/r/rodger_angl_an_text2.php

в 50 000 марок серебра, в залог своих трех сыновей – Карла Мартелла, Луи, Роберта и 60 провансальских дворян в придачу. Карл при этом поклялся, что он вернется в арагонский плен, если не сумеет убедить своих союзников заключить мир с Арагоном через три года.

Новый папа Николай IV незамедлительно, в начале 1289 г., короновал Карла Хромого королем Сицилии и освободил его от всех клятв. При этом он предложил Карлу как наследнику своего отца и Магистру ордена Дрока возглавить новый крестовый поход на Восток, в Святую землю. В его лице папа видел лучшую кандидатуру Великого магистра всех рыцарских орденов.

Видимо, именно тогда Карл II посвятил своего каталонского оруженосца Рокафорта в рыцари ордена Дрока. Тот уже достиг рыцарского возраста – 19-20 лет, он заслуживал соответствующего бенефиция. И в духе Людовика Святого его венценосный племянник наделяет своего новоиспеченного «брата» Рокафорта апанажем – двумя замками в Калабрии. Рокафорт приносит оммаж и становится вассалом, «рыцарем короны» неаполитанского короля. Это было необычайно престижно.

А война продолжалась. Но в июне 1291 г. Альфонсо неожиданно умирает. А его брат, Хайме II Справедливый, став королем Арагона, вовсе не собирался отказываться от Сицилии, куда и назначил своего брата Федериго наместником.

И совершенно «справедливо» решил ее продать Карлу Хромому подороже – в обмен на руку его дочери, разумеется, с огромным приданым. После очередной продолжительной торговли в июне 1295 г. был подписан договор в городке Ананьи. Карл возвращал свою Сицилию. А также своих сыновей, находившихся в заложниках у Хайме.

Но не тут-то было. В это самое время папа Бонифаций VIII, который не оставлял идеи крестового похода и воссоздания Латинской империи, попытался сосватать Федериго с Екатериной де Куртене – наследницей титула императора Латинской империи. Но та отказала – без Сицилийского королевства такой жених ей был совсем ни к чему. Тогда Федериго решил стать королем. И не подчинился брату Хайме. 12 декабря он был коронован как король Сицилии под именем Федериго II.

Федериго II Сицилийский

Это означало возобновление войны. Но на стороне Карла II теперь уже оказался сам Хайме II*. А также Джованни Прочида и Руджеро ди Лауриа, перешедшие на службу к Карлу вместе со своими наемниками-альмогаварами из Арагона и Каталонии.

В это же время исполняется 18 лет Роберту Мудрому. Карл посвящает его в рыцари ордена Дрока** и делает герцогом Калабрии. Это меняет положение Рокафорта – он со своими двумя замками оказывается в подчинении и зависимости от Роберта, который как командующий армией нанимает Бернара «*капитаном*» к себе на службу. И его права на эти замки становятся домениальными. Так Рокафорт обретает двойственный статус – оставаясь рыцарем «Цветочного креста» и вассалом Карла II, он становится *кондотьером* (*condotta – наемная плата*) Роберта, герцога Калабрии. И он подряжает альмогаваров, приведенных Руджеро де Лауриа, и расквартировывает их отряды в своих замках.*** Тем было совершенно безразлично, кто им платит. К тому же, как каталонец Рокафорт легко признается альмогаварами «своим» капитаном – «альмугатеном».

* По мнению Данте, Хайме II и Федерико II были куда менее достойными правителями, нежели их отец Педро III Великий.

** Свидетельством тому является «Цветочный крест» на реверсе серебряных монет Роберта Мудрого, а также лилии на его короне.

*** Эти замки располагались близ южного побережья Калабрии, где тогда велись основные военные действия. Их топонимические следы – современные названия коммун: Роккафорте-дель-Греко и Горио-ди-Роккафорте. Сохранились и остатки одного из замков.

После этого военные действия продолжались семь лет, в основном в Калабрии, которая расположена на «носке» итальянского «сапога», примыкающего к Сицилии. Любопытно, что эта война велась между кондотьерами с обеих сторон. Если наемников Карла II и Роберта возглавлял Рокафорт, то наемников Федериго – Рожер де Флор, будущий руководитель Каталонской компании. Обоим окончание войны было крайне невыгодно – ведь с прекращением ее они переставали быть нужными своим государям, которым служили. Поэтому они затягивали войну ради самой войны, дававшей им пропитание, вели ее медленно, избегая крупных решительных столкновений. А бесконечные осады не имевших никакого стратегического значения пунктов и несчетные марши и контрмарши позволяли устраивать бесчисленные грабежи и насилие над мирным населением.

Цветочный крест на монете Роберта Мудрого

Так было и в этом случае. Сначала Федериго с Рожером де Флором захватили несколько приморских городов Калабрии. За это адмирал де Лауриа разгромил сицилийский флот и взял в плен самого Федериго. Видимо, это было чисто ритуальное пленение – он был отпущен. А тем временем альмаговары Роберта и Рокафорта высадились на Сицилии и взяли Катанию. В ответ отпущенный на волю Федериго разбил эту армию и даже взял в плен Филиппа, одного из сыновей Карла II.

Но папе Бонифацию VIII не терпелось положить конец этой бесконечной войне, потому что он очень хотел объявить новый крестовый поход для завоевания Константинополя и Святой земли. За эти годы он подыскал Екатерине де Куртене другого жениха – Карла Валуа, брата французского короля. Тот на ней женился и унаследовал право именоваться императором Латинской империи. В этом своем новом качестве они вместе с Бонифацием

решили помочь Карлу Хромому отвоевать Сицилию как базу крестового похода на Константинополь во главе с Карлом II – Великим магистром всех рыцарских орденов.

Действительно, Карл Валуа в 1302 г. высадился на Сицилии, но вскоре его армия оказалась небоеспособной, тоже из-за эпидемии дизентерии. На этом интервенция и закончилось. Карлу Хромому снова пришлось договариваться с Федериго II.

И они наконец-то договорились – Федериго женится на дочери Карла II Элеоноре и признается им как пожизненный «король Тринакрии» (древнее название Сицилии. – **А. Д.**). Так настаивал папа. Но титул короля Сицилии оставался за Карлом II. А после смерти Федериго II Сицилия должна была вернуться под власть Анжуйской династии. Эти соглашения были скреплены 31 августа 1302 г. в деревушке Кальтабеллотта упомянутым договором, который был утвержден Бонифацием в 1303 г.

Так и закончилась эта война, в результате которой и Рокафорт, и Рожер де Флор со своими навербованными бандами альмогаваров оказались не у дел. Их было некуда девать. Но им нужно было платить. Ведь весь ужас наемничества для государства состоял в том, что, когда война оканчивалась, наемники больше не находили себе применения. И единственным средством избавиться от них был призыв их на новую войну – заманить их в крестовый поход или найти прибыльную работу у соседей. Ведь альмогавары, оставшиеся без дела, становились опасными и для Карла Хромого, и для Федериго. Естественно, те старались от них отделаться.

Если Федериго достаточно легко сумел избавиться от Рожера де Флора, отправив его в Константинополь, то Карлу с Робертом отделаться от Рокафорта оказалось куда труднее – он был рыцарем «Цветочного креста» и владельцем двух замков, которые принадлежали ему по ленному праву как апанаж. И в этих замках были расквартированы 200 конных рыцарей и 1000 альмогаваров, выставить которых оттуда было совершенно невозможно. Но война была закончена, как закончен и срок договора-кондотты с Бернаром и его альмогаварами.

Бернар не пожелал признавать окончания войны и условий мира в Кальтабелотте, пойдя против воли своего сюзерена. Разумеется, он мог свободно уйти от Карла с Робертом. Но тогда он же

как «рыцарь короны» был обязан вернуть свой апанаж – замки – неаполитанскому королю. Вместе с «Цветочным крестом» ордена Дрока. Но он не хотел этого делать безвозмездно и около года удерживал замки силой, вымогая за них деньги.

Это было по меньшей мере безнравственно – Бернар был всего лишь вассалом Карла и Роберта. А за это не платят. У них обоих была превосходная репутация «рыцарей чести». Так, Карл, не сумев сдержать слова и выполнить условия договора с Хайме II в Канфранко, добровольно отправился на границу с Арагоном, с тем чтобы тот снова заключил его в замок. Правда, за ним никто не явился. Что до Роберта, то он был, по словам Франческо Петрарки, «уникальным среди властителей нашего времени», а также считался «другом знания и добродетели», по не менее авторитетному мнению Джованни Боккаччо. Роберта прозвали не только Мудрым, но и Добрым.

А Рокафорт оказался всего лишь алчным кондотьером, вымогателем и шантажистом своих былых покровителей – «сотрапезников и благодетелей» (выражение Данте). За это, по мнению того же Данте, ему полагались вечные терзания в ледяном озере девятого круга Ада. По определению. Это вымогательство длилось до июля 1304 г., когда он со своими рыцарями и альмогаварами не солоно хлебавши присоединился к Каталонской компании, возглавленной таким же кондотьером – Рожером де Флором. А «Цветочный крест» Людовика Святого, конечно же, не вернул. Это было самым почетным его достоянием – ведь Людовика не так давно (1297 г.) канонизировали, и орден Дрока стал едва ли не престижнейшим в христианской Европе.

За славой и добычей

По мнению деятельного участника Великой каталонской компании Рамона Мунтанера, Рожер де Флор и его спутники являются отважными, благородными, делающими честь своему народу бойцами за правое дело. Испанские историки ими гордятся и охотно сравнивают деяния Флора, Рокафорта и др. с подвигами знаменитых испанских завоевателей Мексики и Перу в XVI в.

Кортеса и Писарро. Они не знают, «какой другой народ может гордиться столь знаменательным историческим событием, как наша славная экспедиция на Восток».

Рожер де Флор

Со своей стороны, Фома Магистр, живший в правление императора Андроника II, в своем письме «О том, что совершили во время набега италийцы и персы» подробно описывает зверства каталонцев и именует их не иначе как варварами, бандитами, изуверами. «О если бы Константинополь никогда не видал латинянина Рожера!» – восклицает он. Наряду с ним все греческие историки, начиная с Георгия Пахимера* и Никифора Григоры, видят в каталонцах лишь беспощадных убийц, грабителей, насильников, мародеров и гордецов. Каталонцы же, естественно, считали греков и их императора коварными интриганами и предателями.

Другие историки более сдержанны в своих оценках этих «деяний». «Экспедиция каталонцев на Восток является удивительным примером успеха, который иногда сопутствует грабежам и преступлениям наперекор всем обычным правилам человеческого здравого смысла», – считает англичанин Дж. Финлей. Как бы там ни было, всем очевидно, что «поход каталонцев – это «одна из самых захватывающих трагедий в истории государства Палеологов» ввиду своего исключительного драматизма.**

* Пахимер Георгий. История о Михаиле и Андронике Палеологах. (Электронная публикация) – http://goo.gl/lAeVJ4

** Васильев А.А. История Византии. Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261-1453). – Л., 1925.

Хроника Рамона Мунтанера

Рожер де Флор, или Рутгер фон Блюм (фамилия отца его была «Блюм» (то есть цветок), что в переводе соответствует итальянскому и испанскому «Флор») был лишь немногим старше Рокафорта. Он родился в 1267 г. в Бриндизи в семье немца-сокольничего на службе у сицилийских Гогенштауфенов. С восьми лет плавал на галере тамплиеров, со временем вступил в их орден и командовал кораблем. Но в 1291 г. за шантаж, воровство и денежные вымогательства был исключен из ордена и объявлен отступником от церкви.

Но зато Рожер на эти деньги купил в Генуе собственное судно, нанял себе альмогаваров и принялся зарабатывать на жизнь пиратством. В чем весьма преуспел. Сицилийский король Федериго II решил воспользоваться военно-морским опытом Рожера и пригласил его на свою службу адмиралом. И тот возглавил отряды альмогаваров в войне Федериго с Карлом Хромым, Робертом и Рокафортом, окончание которой в 1302 г. оставило Рожера и его каталонских наемников без дела.

А в это время папа Бонифаций VIII продолжал настойчиво искать любые возможности для организации крестового похода и воссоздания Латинской империи. Ведь Константинополь был «золотым мостом» между Востоком и Западом, через который лились товары, прибывавшие в Европу из самого Китая по караванным трассам Золотой Орды. Овладение Константинополем сулило огромные прибыли, ныне оседавшие в византийской казне и банках Генуи.

У Карла Хромого, совершенно истощенного сицилийской войной, никаких сил воевать с Византией не было. Зато они нашлись у Арагонского дома как в Сицилии, так и в Испании в лице Рожера де Флора и его жаждавших любой войны альмогаваров. Арагонцы были склонны использовать их «свирепую силу и энергию» (выражение Ф.И. Успенского) в своих интересах. В эти интересы, в том числе, входило изгнание генуэзцев из Константинополя.

Продолжение следует

Илья Каминский

В поисках утраченной Одессы, или Глухое детство

Когда поэт возвращается в город тишины

Отчетливей всего я помню, как мыл Льву Толстому уши. 1989 год, каждое утро – революционное, год, когда страна, в которой я родился, начинает разваливаться. Его уши больше моей головы; я стою на плечах мальчика, который стоит на плечах другого мальчика. Я драю огромную бородатую голову на пьедестале – в центре площади Льва Толстого, в одном квартале от нашего дома. Такое мое детство: раз в год я с одноклассниками должен идти на эту площадь и мыть голову мертвому писателю. Мы забираемся друг на друга и вычищаем Толстому ноздри и уши.

Чуть поодаль стоят мои родители, наблюдают и смеются. Их глухой мальчик лезет вверх, чтобы отмыть гигантские уши. Позади них – группа матросов, Одесса – порт, в Одессе – морская школа. Молодой командир кричит, но я не могу его слышать: «Левой, правой, левой, правой». Ноги матросов поднимаются по очереди вверх и обрушиваются на мостовую. Зная, что я вижу ее со своего поста у Толстого, моя мама, слегка располневшая средних лет женщина, начинает маршировать, присоединившись к колонне, ноги поднимает высоко, подражая матросам, ее юбка взлетает вверх, мой папа аплодирует.

Слуховой аппарат у меня появился только в Америке. Одессу я запомнил как город тишины, и речь у меня всегда ассоциировалась с папиными губами, которые снова и снова что-то рассказывали. Ели он отворачивается, сюжет прерывается. Стоит ему повернуться ко мне, как история продолжается.

Через десятки лет, когда я приехал в этот город, мне пришлось выключить мой слуховой аппарат, чтобы по-настоящему прочувствовать свое возвращение.

Клик – и губы людей продолжают двигаться, но звука уже нет.

Не слышно шагов бабушек, спешащих за своими внуками. Кондуктор трамвая, из которого я собираюсь выйти, ничего не объявляет на остановке. И я прыгаю в открытые двери.

Останавливаю такси, которое резко сворачивает к обочине. Но я не слышу визга его тормозов.

Это Одесса моего детства: губы отца раскрыты, я смотрю воспоминание. Он наклоняется, чтобы поднять монетку. Оно прекращается. Отец выпрямляется и улыбается мне, и я слушаю его дальше.

Немецкий солдат тащит из дома еврейского ребенка. Его приемная мать, русская полуголая женщина, орет и бежит за ними. Другой солдат преграждает ей путь. Еще один хлещет ее по щекам и смеется. Улицы безлюдны, только детские игрушки разбросаны по снегу. Соседи закрывают окна. Резко хлопают дверьми. Женщина стоит на коленях на опустевшем тротуаре, солдаты впихивают в фургон ее ребенка.

И вот когда это случилось, губы отца останавливаются.

Из заснеженной одесской подворотни появляется полный мужчина, украинец.

– Что вы делаете? Вы, ублюдки! Куда вы забираете моего ребенка? Дайте ваши фамилии! Ублюдки! – тяжело дышит от гнева. – Я хочу увидеть ваши документы! – не может сдерживать ярость.

Солдаты на время замирают, смотрят на него озадаченно.

– Это же еврейский ребенок – не видишь, что ли?

– Вы дебилы! Я похож на еврея? – толстый украинец топает ногой, и его грузное тело колыхается над упавшей на тротуар женщиной.

Окна открываются. Кто посмел так разговаривать с немецкими солдатами в оккупированном городе? Люди таращатся. Солдаты поглядывают на окна, потом быстро садятся в фургон. Ребенок остается на снегу.

Толстяк поднимает мальчика, надевает на него свое пальто.

– Я пожалуюсь кому следует!

Целует женщину долго и жарко. Фургон с солдатами исчезает за поворотом.

Толстяк молча поворачивается и уходит вместе с женщиной и ребенком. Они бредут впереди него. Соседи больше никогда его не увидят.

Этот рассказ все еще живет, и мой отец, тот самый ребенок, которого спасли, ребенок, который никогда больше не увидит толстяка, продолжает повторять и повторять об этом своему глухому сыну.

Если бы мои дяди и тети, двоюродные братья и сестры встретили меня на улице, был бы скандал. Я отправляю поздравительные открытки и иногда подарки. Сорокалетний мужчина, возвратившийся в город детства, – это не я, не тот американский родственник, которого они знают. Зачем я здесь, в стране, предавшей мою семью? Много лет все, кто меня знают, будут спрашивать меня об этом. Что я пытаюсь вспомнить?

Я выключаю слуховой аппарат и подхожу к стенам домов, и дотрагиваюсь пальцами. Дурак, который касается кожи времени и проходит через нее, возвращаясь к детству, – касается тротуаров, которых он когда-то касался. Касается, как тот пятнадцатилетний глухой мальчик. Как много значит настоящее для тех, у кого больше ничего нет.

Проезжает трамвай, и стены дрожат, как будто помнят обрывки историй. Наивно так полагать. Наивно думать, что Одесса, которая является частью сознания моего отца, теперь также и моя. Я выключаю слуховой аппарат и опять оказываюсь в тишине, вокруг которой губы людей продолжают двигаться.

Мой отец – подкидыш. В год, когда он родился, его собственный отец Илья арестован и расстрелян как «враг народа». В год, когда он родился, его мать Юлианна выслана в Сибирь. Он ничего не помнит. Его память включается четыре года спустя.

1941 год, начинается война, и Шура, его приемный отец, уходит добровольцем на фронт. 1941 год, и его приемная мать Наталья едет на трамвае на окраину, чтобы рыть траншеи вокруг

города. 1941 год, когда у четырехлетнего мальчика появляется первое воспоминание: толстый украинец спасает его от иностранных солдат. Соседи открывают окна и наблюдают, как Наталья воет в снегу.

1941 – первый год, который помнит мой отец. Самолеты бомбят ликероводочный завод. Соседи бегут с чайниками и кастрюлями. Они слизывают водку с булыжников. Я глухой мальчик, наблюдающий за губами отца. Он наклоняется, чтобы завязать ботинки, и рассказ прекращается.

Он выпрямляется, и люди бегут с чайниками, из которых капает водка, – все счастливы, пусть на мгновение.

В рассказе моего отца это всегда 1941 год. Старушки пьют водку из своих маленьких бутылочек для лекарств. Они отворачиваются, словно пытаются что-то скрыть. Что они скрывают в 1941 году? Тишину их мужей, которые им не пишут из раздираемых войной территорий? Это 1941 год, говорят губы отца. Ликероводочный завод бомбят. Женщины чокаются. Плевок над городом летит, как божья птичка.

Отец уже давно умер. На улицах Одессы новые автомобили, новые звуки. Вырастают новые здания и очень быстро превращаются в развалины.

Снимаю свой слуховой аппарат, сделанный в Америке. Теперь я глухой мальчик, который старается идти быстрее по снежным одесским улицам. Не слышно шагов моего отца, когда он тащит наши продуктовые сумки. На подоконнике нет голубей. Никаких звуков проносящихся мимо сирен.

Я вернулся через двадцать лет, а здесь уже все мертвы. Я – стареющий человек, который снимает пиджак на скамейке, видит обнаженные зубы собаки, щелчок языка, шипение. Он не знает, почему он здесь, почему он счастлив, свободен. Не знает, почему он купил билет в Одессу. Если его родители мертвы, что ему здесь делать, в этом пустом городе?

У отца больше нет рассказов. Снова и снова то воспоминание об оккупированном городе появляется в памяти. Немецкие и румынские солдаты. 1941 год. Нет ни одного письма от Шуры, потому что из разгромленных полков никто не пишет

в 1941 году. Наталья шьет платья, потому что даже в оккупированном городе люди покупают платья. Она покупает яблоки, потому что мальчики в 1941 году едят яблоки. Но все еще нет писем от Шуры. Никто не знает, что его отправили на лошади атаковать немецкие танки.

Идет 1941 год, и в Одессе больше нет ее евреев. Немцы маршируют на улицах города, где продолжается жизнь, люди покупают платья. У моего отца больше нет историй. Он – мальчик, побритый налысо, поэтому его темные волосы не привлекают к нему внимания. С 1941 года нет рассказов.

Каждое утро пахнет свежим хлебом. Это не для мальчика. Это для соседей, чтобы они не выдали их семью. Пощечина.

– Не ешь хлеб, малыш.

Пощечина.

В тот 1941 год в оккупированном городе на ступеньках перед их квартирой вдруг появляется Шура. Нет рассказов, только образ. Беглый солдат снова и снова стучит в дверь. В оккупированном городе всегда 1941 год, и Шура всегда появляется на ступеньках перед квартирой. И запах хлеба, который мальчику не разрешают есть.

Нет историй. Человек, которого они считали мертвым, стоит перед ними в гостиной. Была бомбардировка? Были лошади? Танки? Подробностей нет. Его взяли в плен немецкие солдаты. Загружен в поезд. Он сбежал посреди ночи.

Я, глухой мальчик, прошу отца рассказать историю. Только половину произнесенных русских слов глухой может прочесть по губам.

Два десятка лет после того я снова в городе. Я гуляю по улицам и бульварам, стараясь вспомнить истории моего отца. Я открываю окна, вижу, как собаки мочатся под памятником политическому деятелю, вижу его высокомерный торс, выпирающий в истории.

Нет истории, только каждое второе слово, прочитанное на губах моего отца. Сбежавший солдат возвращается в оккупированный город, чтобы увидеть сына. Все, что у меня есть: его образ и открывающаяся дверь.

У отца нет историй. Только губы продолжают двигаться напротив глухого мальчика, у которого нет слухового аппарата. Звук проникает через ушные раковины, а затем проходит сквозь тонкие хрящи, заставляя мембраны вибрировать, и эти крошечные волосы танцуют. Мой отец умирает сразу после того, как мы переезжаем в Америку.

Нет рассказов. Снова в Одессе. То я выключаю мой слуховой аппарат, то включаю. Что я все еще пытаюсь вспомнить? Слух – это не рефлекс. Глухого, когда ему выдают слуховой аппарат, следует научить слышать:

Это гудок грузовика.

Это телефонный звонок.

Это пьяный на втором этаже кашляет, как курица, как будто с нее, с живой, снимают шкуру.

Шура идет целый месяц в Одессу по снегу. Я все это вижу во фрагментах. Фрагменты – это все, что у нас есть.

1941 год. У него нет еды. Выпрыгнув из немецкого поезда, пока конвой спал, он подвернул ногу. Он избегает главных дорог. Он ест снег. Он добирается до Одессы 30 дней. Он крадет еду из соседних деревень.

Сколько колхозников не выдадут его, беглого солдата с обезглавленной курицей? А иногда он ест снег.

Сбежав от немцев, Шура останавливается в деревнях на ночь. Избегает людных дорог. Женщины дают ему еду. Мужчин в деревнях не осталось. Ночью он крадет белье и бежит дальше. По снегу.

Избегает людных дорог. Но рядом с городом большой пропускной пункт. Охрана. Собаки.

Здесь губы моего отца останавливаются.

Шура весь в снегу встречает двух женщин на дороге. Они его увидели. Они могут его сдать. Солдаты узнают о воровстве в деревнях вдоль его маршрута.

Он на коленях. Перед женщинами в снегу он опускается на колени. Почему он здесь? Он хочет увидеть своего четырехлетнего сына в Одессе. Он умоляет.

Слышу только фрагменты. Одна из женщин становится на колени рядом с ним.

Фрагмент, больше ничего. Я печатаю это на пустой странице. Останавливаюсь и брожу немного. Стираю это. Снова набираю. Почему она становится рядом с ним на колени? Может, этот мужчина ей напоминает своего мужа, которого убили? Его живот весь в снегу.

Шура и женщина проходят мимо контрольного пункта. Он улыбается солдатам, женщина наклоняется к нему. Длинный поцелуй. Он играет с ребенком на руках.

Губы отца прекращают двигаться. Слишком много снега.

После того как они проходят, женщина прощается с ним. Шура больше никогда ее не увидит.

Существует много версий истории сбежавшего солдата. В одной мальчик целует своего отца, а за ним видит румынскую полицию, входящую в здание. Очень быстро мама снимает с себя платье и белую шляпу. Очень быстро отец набивает лифчик газетами. Мальчик смотрит на Шуру и Наталью: одетые, как две девушки, проходящие мимо солдат и выплывающие на улицу.

Нечего больше вспоминать. Только кусочек, когда Шура и Наталья, одетые, как две девушки, исчезают на улице. Пьяный румынский полицай пытается их остановить.

Он пристает к Шуре. Он делает комплименты изгибам в Шурином летнем платье. Пьяный румын пытается схватить Шуру за край платья, засовывая деньги в карманы. Пойдем со мной, красавица!

Какое зрелище! Поцелуи в снегу. Наталья и ее муж. Снег падает на их волосы, в их блузы из тафты.

Может быть, нет никакого мужчины в платье? Никаких капель водки с неба. Просто сын, который боится признать, что на самом деле произошло. Поэтому он придумывает много сказок. Я глухой мальчик, который наблюдает за тишиной внутри своего отца, поскольку отец пытается наполнить ее рассказами. Мальчик видит это, но не понимает.

Из всех этих историй со мной осталась одна деталь. В каждой версии отец – это тот ребенок, который целует Шуру, а за ним видит румынскую полицию, входящую в здание.

Кое о чем мой отец никогда не говорит. Война заканчивается в 1945, и Шура возвращается.

Наталья устраивает празднование, которое прерывают офицеры НКВД, входят без стука и отнимают у нее мужа. Они подозревают его в государственной измене. Сотни бывших военнопленных отправляются в Сибирь. Не убить себя в плену – это преступление, наказуемое государством.

Вот о чем мой отец никогда не говорит: что спасает Шуру от тюрьмы, так это тот факт, что он вернулся с войны почти глухим. Однажды под бомбардировкой он потащил своего раненного сержанта, чтобы прикрыть его. Обстрел продолжался. Сержант выжил. Шура оглох.

Работники НКВД задают вопросы: он не слышит. Они кричат. Он не слышит. Они бьют его. Он не слышит. Пощечина. Он не слышит. Пощечина.

– Глухонемой, – констатируют офицеры и отпускают его.

Почему я купил билет в Одессу?

Я узнал в надписи на обратной стороне фотографии Шуры почерк отца: крик глухого, который он не слышит сам. Я не могу забыть этот крик. Без цензуры даже его собственных ушей. Человеческий голос, какой он есть на самом деле.

Я не слышу сквозь стены. Если вы будете кричать на меня через дорогу, я не поверну свою голову. Существует некая открытость в глухоте. Мой слуховой аппарат свистит, мой акцент выдает меня, с нетерпением, с нетерпением. Я смотрю на губы людей. Глухой, я нахожу, что большинство людей начинают со мной сближаться почти мгновенно. Они видят перед собой большого неловкого человека. Они могут чувствовать легкое превосходство или смущение из-за моего акцента. Они сбиты с толку, вынужденные представляться дважды, трижды или четырежды. Смех в том, как они говорят, я понимаю ваш акцент. Они кивают.

Спустя несколько десятилетий я возвращаюсь в Одессу и выключаю слуховой аппарат. Я знаю, это тишина, в которой оказался Шура, когда он вернулся сюда в 1945 году. Его глухота – это то, о чем отец никогда мне не рассказывал.

Мы на пляже. Отец рассказывает о Шуре, когда моя мать внезапно смеется, видя, как мой друг и я бежим в воду, плывем полмили до волнореза, взбираемся на него, а затем гуляем по нему, как будто ходим по воде, помахав родителям. Они такие маленькие, покинутые нами там, на песке. Мы шлем воздушные поцелуи симпатичным девушкам, загорающим на крыше гостиницы.

Для ребенка, который читает по губам, нет целостных историй. Но есть обрывки. Некоторые из них находятся на трамвайной остановке. Некоторые из них пахнут на углу улицы, что позволяет тоже стать воспоминанием. Некоторые из них – песчинки.

Сидя на песке, мой отец запинается на середине рассказа, когда моя мать прерывает его, указывает на двух мальчиков, идущих по воде.

Если мои родители мертвы, что здесь для меня в этом теперь пустом городе? Когда я говорю слово «ничего», я называю то, что существует.

Мне 8 лет, я в снегу, наблюдаю, как мой отец входит в дорогой ресторан. Внутри чья-то свадьба.

Наблюдайте за мной, говорят губы отца.

Через большие стеклянные окна ресторана его мальчик наблюдает за ним со снежной улицы.

Отец входит в зал, уже танцуя. Он входит в комнату, пробираясь прямо к невесте. Целует невесту в обе щеки, затем смеется, поднимает ее, кладет себе на плечо и вальсирует на середину комнаты.

Я стою в снегу, цепляясь за руку моей матери. Через дорогу мой отец с этим большим белым облаком невесты над его головой. Он кружит с невестой на плечах, когда все люди собираются вокруг него, чтобы аплодировать. Затем он ставит на ноги невесту прямо перед женихом и целует ее руку.

Я не понимаю, что происходит. Теперь он вальсирует, пробираясь к самой толстой старушке в комнате, поднимая бутылку шампанского и наливая в свой стакан. Он стоит на коленях перед этой толстой женщиной, целуя ее руку. Все кружат вокруг него и хлопают в ладоши.

Снаружи, в снегу, я, растерянный мальчик, наблюдаю, как отец бродит по залу на свадьбе незнакомцев. Мой отец, который столько лет повторяет одно и то же, смеется, и окружающие его люди смеются. Он возвращается на улицу, улыбаясь, приносит большую бутылку шампанского и семь кусков свадебного торта.

Отец шепчет: «На большой свадьбе никто не знает друг друга. Невеста думает, что гость – родственник жениха. Жених пытается произвести впечатление на важного гостя невесты».

Вот о чем мой отец никогда не говорит, что я узнаю только много лет спустя: это трюк, полученный от Шуры. Глухой с войны, неспособный найти работу, чтобы накормить семью, Шура танцевал на чужих свадьбах, удивляя своего ребенка и жену ночью тарелками свадебного торта.

Интересно, этими улицами я могу поделиться с вами, отец, улицами, где вы наблюдали своего собственного глухого отца в 1945 году, были ли вы сбиты с толку его глухотой? Я вернулся, чтобы увидеть для вас одесские улицы, которые видел ваш глухой отец. Звуки заразительны, даже если никто не замечает. Звук кого-то, тяжело дышащего в поисках продуктов, влияет на частоту дыхания других людей в очереди. Я иду в гостиницу «Красная», чтобы подглядывать за свадьбой незнакомцев.

Вы когда-то украли для меня семь кусков свадебного торта. Послушайте, теперь я говорю вам семь вещей, которые глухой видит на свадьбах:

Раз. Когда мужья улыбаются своим женам, углы рта приближаются к их глазам. Но когда они улыбаются нотариусу, подписывающему свадебный сертификат, я вижу, как углы их рта двигаются к ушам.

Два. Когда бизнесмены говорят, они стоят носок к носку, я имею в виду обувь. Но если носок одного человека начинает смотреть в сторону, он хочет быть где-то еще.

Три. Когда пары едят торт, и они счастливы, их ноги двигаются или отскакивают. Но нам не нужно смотреть под стол, чтобы увидеть счастливые ноги. Смотрите на их рубашки или плечи. Посмотрите, как двигающиеся ноги заставляют двигаться плечи.

Четыре. Толпа ждет на свадьбе угощения. Обратите внимание, как люди свистят, чтобы успокоить нетерпение.

Пять. Женщина разговаривает с родственником, который заставляет ее смущаться. Она касается своего лица, облизывает губы.

Шесть. Иногда мужчина смущается. Вы увидите его беспокойство в том, как он поглаживает свою бороду.

Семь. Если на свадьбе есть оркестр, в пальцах дирижера живет тишина. Прежде чем дирижерская палочка задвигается, делая музыку видимой внутри чужих тел.

Глухота – это театр. Здесь глухой человек – аудитория. Все остальные актеры. Не нужно беспокоиться о тихом мире, к которому, люди слышащие думают, что мы принадлежим. Глухие не верят в тишину. Тишина – это изобретение слышащих.

Шура, до свидания, я уезжаю. Мы стоим на кладбище. Я наблюдаю, как губы отца окружают тишину его прощания, когда он стоит на коленях перед могилой Шуры. Прощай, мой дорогой. Я ухожу. Я ухожу, чтобы дать моему мальчику будущее.

Идет снег. Это 1993 год. Я наблюдаю, как губы отца шепчут надгробной плите:

– Наш почтальон Саша согласился присмотреть за твоей могилой. Ты меня слышишь?

Я в Одессе, отец. Это 2018 год, через 25 лет после того, как мы покинули этот город. Возвращаюсь сюда, чтобы отключить свой слуховой аппарат и остановить время. Прикладываю руки к стене – и слышу скрежет такси, тормозящего на красный, проезжающий троллейбус, женщин, спорящих на углу улицы. Отвожу руки от стены – ничего нет. Руки к стене – собака лает, на проспекте воет сирена. Руки со стены – нет ничего.

Это снова 1993 год. Тишину не интересует понятие времени.

Советский генсек Леонид Брежнев выступает с речью. Его губы двигаются, толпа хлопает, я ничего не слышу. Увеличиваю громкость телевизора, Брежнев делает новое заявление,

я этого не слышу, делаю еще громче, толпа аплодирует, я этого не слышу.

Мне 5 лет. Учитель приходит в наш класс. Ее голос дрожит. Я этого не слышу.

– Дети, Брежнев умер, – говорят ее губы. – Я боюсь, что война начнется завтра в полдень.

Мои родители еще не знают, что я потерял слух после случая свинки, который наш одесский участковый врач принял за простуду. В полдень заводские свистки продолжаются в течение часа. Я их не слышу.

В тот день, когда Брежнев умирает, моя мать узнает о моей глухоте, и начинается одиссея с врачами и больницами. Моя мать кричит пожилым гражданам в общественном транспорте:

– Встаньте, пожалуйста, и дайте больному ребенку место!

Мой отец, смущенный, прячется в другом конце троллейбуса. Я не слышу ни слова. Мать распростерлась надо мной, желая оградить меня своим телом от чужих глаз в троллейбусе.

Брежнев мертв. Странные люди в трауре на публике. Так начинается история моей глухоты.

Отец умирает от сердечного приступа почти через год после того, как мы прибудем в Штаты, за несколько недель до того, как я начну носить слуховой аппарат. Я никогда не услышу его голоса.

– Мы приехали в Америку ради счастья наших детей, – говорит мать на похоронах. Она переживет отца на 24 года; каждый год она будет напоминать мне, что я все больше и больше на него похож.

У нее будет инсульт, она будет жить парализованной более десяти лет; к концу она не сможет ходить и будет двигать только одной рукой. Она будет самой красивой женщиной, которую я знаю, она будет кричать на незнакомцев, запутывая своих американских соседей, медсестер, русских, которых она знала несколько десятилетий назад, она будет проклинать и смеяться над ними на языке, который они не понимают, они будут вежливо улыбаться, испуганные странной женщиной в инвалидной коляске, которая кричит на них, как парализованный ветхозаветный пророк со взъерошенными белыми волосами. В течение десятилетия я буду брать ее на прогулку в инвалидном кресле и шептать про себя: «Это самая красивая женщина, которую я знаю».

– Отец, он любил путешествовать, – говорит она, – уходил, потому что хотел почувствовать счастье возвращения.

Отец сказал мне, что это было окончательное счастье. Всегда помните, высшее счастье – возвращаться домой.

Она говорит мне не звонить ей после шести вечера. Она звонит мне в час ночи, потому что почувствовала себя одинокой. Она звонит моей двоюродной сестре в пять утра, чтобы пригласить ее на вечеринку, которой не будет, будя всех пятерых жителей квартиры. Она любит долгую беседу, часто акцентируя внимание на том, как мой отец любил ее. Она звонит в девять утра, чтобы спросить, почему я не звоню ей целый день. Она оставляет двадцать сообщений в течение часа. Теперь, после того как она умерла, это самые ценные вещи из моих сокровищ – ее телефонные сообщения.

Как человек меняется, после того как умирает. Это эссе должно быть о моей матери. Но я пока не могу поместить ее голос в простую прозу. И почему я должен? Всякий раз, когда я хочу ее услышать, я могу проверить свои сообщения. «Я люблю тебя, сыночек. Почему ты не звонишь мне?»

Каждое утро на протяжении десятилетия она звонит и требует сказать, что я ел на завтрак. Она звонит и сообщает, что она ела на ужин. Это наше десятилетие после инсульта. Она читает книгу. В течение многих месяцев она читает одну и ту же книгу.

Не спрашивайте меня, почему я приехала в Америку. Я приехала в Америку ради счастья моих детей. Она будет повторять одни и те же слова снова и снова.

– Воды, дайте мне воды и прикройте меня, прикройте меня! – и заканчивает одну и ту же историю: – Я тебя так сильно люблю, мальчик мой.

Нет, она говорит:

– Я ничего не хочу, я ничего не хочу, но дайте мне малину. Сыночек, почему ты спрашиваешь меня, что я помню? Перестань спрашивать меня. Я слишком стара, чтобы иметь воспоминания.

Я отказываюсь объяснять это молчание одесской улицы кому-либо – это слишком интимно. Я пришел сюда, потому что мои родители никогда не смогут вернуться. Я добрался до этого города,

чтобы мама снова могла маршировать в конце колонны матросов, пока мой отец приветствует их.

Мама говорила, что мои уши не пусты, они открыты.

У меня нет никого, кому я могу объяснить, что произойдет, когда я наконец включу слуховой аппарат, – теперь трепет внутреннего уха неумолим. Мозг учит: это звук шагов ваших собственных ног. Это голос вашего соседа из отеля, говорящего в другой комнате, когда голос дрожит сквозь стены. Когда я включаю слуховой аппарат на этих улицах, мои родители снова мертвы.

Поэтому я отключаю его.

Здесь я вижу: днем мы спускаемся по улице Пушкинской с нашими тяжелыми чемоданами, мы направляемся к вокзалу. Это 14 января 1993 года. Идет снег. Троллейбусы и такси не работают. Мы тащим наши чемоданы по городу в поезд и еще раз желаем доброго утра этому городу, Виктор и Элла Каминские, и их сын.

Перевод с английского Елены Андрейчиковой

От редакции. Илья Каминский – автор книги «Танцующий в Одессе», которая получила поэтическую премию в 2005 году, и «Республика глухих» – сборник стихотворений, изданный в GraywolfPress в марте 2018 года. Это его первая статья для журнала.

Елена Ананьева

Кроны без корней не бывает

Эссе

Семья – семь «я», или Семь поколений… В истории мировой культуры – с выдающимися деятелями литературы и искусства

Веду дальше свою линию «Витражей» по изогнутой дороге судеб. Спонтанных и запрограммированных в пространстве. В витражах нет тени. Каждый цвет-форма живет по своим канонам. Также во времени, не только в пространстве. Узоры жизни. Мозаика дней. Сколотая смальта событий.

Памяти виражи

Почти семейная история. Культурные связи тридцатых годов прошлого века – в проекции биографии моей тетушки Мэри Рассадиной. Под ее огромным портретом в русском кокошнике с жемчугами и каменьями, в историях об эмиграции в Китай, КВЖД, эстраде – Александре Вертинском и Клавдии Шульженко – выросла.

Но есть еще предыстория. Она описана ниже. И уходит корнями… в середину девятнадцатого века. Когда Петр Ильич Чайковский писал благодарственные письма скрипачу-виртуозу Адольфу Давидовичу Бродскому (письма хранятся в доме-музее композитора в Клину и не только там), о подвижничестве в исполнении впервые его труднейшего концерта в Вене. Получив отрицательно-заядлую критику, Петр Ильич поддержал музыканта-исполнителя.

Чайковский пишет Бродскому о статье: «…Ганслик весьма остроумно называет мою музыку «вонючей». Только прочтя этот отзыв наиболее авторитетного венского критика, я оценил всю безграничность гражданского мужества, которое Вы выказали, появившись перед венской публикой с моим концертом. Меня это удивляет и трогает в высшей степени. Когда-нибудь, при свидании, я Вам подробно расскажу, как по поводу этого несчастного концерта выказали себя с довольно неблаговидной стороны некоторые так называемые друзья мои…. Но зато Ваша симпатия к моему концерту неоценимая заслуга, которую Вы оказали мне, поборов все препятствия и исполнив его, – сторицей вознаграждают меня за несколько грустных минут разочарования… Крепко-крепко жму Вашу руку, милый друг; примите самое искреннее и теплое спасибо за Вашу симпатию к моим сочинениям. Я очень, очень ценю ее!!! Искренне любящий Вас, П. Чайковский».

Вижу внутренним взором это письмо, с ятями, старинной кириллицей и архаизмами, бесспорным запахом старой бумаги, истонченной и золоченой временем. Скрипач-виртуоз, профессор и основатель выдающегося камерного оркестра познакомился в Париже с Эдвардом Григом, Сен-Сансом, Сарасате, Тургеневым. В его доме в Германии впервые встретились Чайковский, Брамс и Григ…

Оказалось, благодаря эссе, предложенному вашему вниманию ниже, выдающийся музыкант-исполнитель Адольф Бродский… принадлежит нашей большой некогда, одаренной, высокоинтеллектуальной, выдающейся семье. Или скорее наоборот, мы принадлежим к ней. Ее представители, прямые и косвенные, в разные века оставили неизгладимый след, который можно увидеть и проанализировать сегодня.

А вот как эта находка произошла.

…Несколько лет назад Леонид Рассадин сообщил, что очерк «Витражи», который мы создали, он давал мне интервью по скайпу и телефону, прочитал в Америке, в Бостоне, Александр Сталбо, сейчас замредактора научного журнала, сын Любови Сталбо, которая является, как оказалось… и моей прямой родственницей. С нею пыталась связаться, но Любовь Сталбо умерла несколько лет назад в возрасте 104 лет. Она оставила несколько интереснейших, насыщенных именами, датами, встречами, фактами, очерков.

Они легли в основу дальнейшего осмысления и повествования.

Моя младшая дочь Анна подзадорила: «Мама, тебе не хватило 104 лет жизни Любови Сталбо, чтобы познакомиться со своей такой интересной родственницей?!».

К этой веточке древа вернусь потом, ведь ее мама, племянница скрипача Адольфа Бродского, одесситка, известный советский литератор, переводчик, редактор и мемуарист. Родившись в Одессе, работала долгие года в Ленинграде, в новой прессе и литературе. Писательница и литературовед прошлого века Лидия Варковицкая (к ее наследию необходимо вернуться более детально) дружила и поддержала в трудный момент Осипа Мандельштама и Надежду Яковлевну, известна публикацией произведений Мандельштама «Египетская марка», «Разговор о Данте»; Юрия Тынянова и многих других. Была дружна с Е.М. Тагер и с женой писателя И.Э. Бабеля А.Н. Пирожковой (их мужья были сокурсниками в Киевском коммерческом институте), дружила с Корнеем Ивановичем Чуковским. Она оставила о многих известных деятелях прошлого века книги воспоминаний. Перевела более ста стихотворений Генриха Гейне из циклов «Лирическое интермеццо». Ее сын, известный балетмейстер Владимир Варковицкий, и дочь Любовь Сталбо также писали мемуары… Благодаря ей вышла на цепочку выдающихся личностей – цвета литературы и культуры прошлого. Вернее, она, Любовь Сталбо, на меня и мой очерк «Витражи». В нем много о Китае тридцатых годов, Харбине, Шанхае, затем пути вели к Москве и далее… Все закольцовано… Рондо!..

Итак, продолжаю, подхватив, будто флешмоб, скрупулезные записи нескольких лет ранее, того попавшегося на глаза моей дальней родственнице Любови Сталбо исторического эссе.

Мария Андреевна Рассадина. Ее имя озвучивает ее мелодичный высокий голос – сопрано. Он еще звучит во мне. Ее фото видела с детства. Огромные черно-белые, но в сценических костюмах, кокошниках, украшенных росписью жемчугов и разноцветных камней, сверкали и манили всеми цветами на глянцевой поверхности. То в веночках и блестящих лентах, пышных перьях и воланах. Однажды в статье «Режиссеры уходят не в землю, а в пленку», опубликованной ранее в «Новом Ренессансе», о моем

режиссере В.Н. Левине, руководителе студии киноактеров, которую закончила, достала часть истории из закоулков памяти. Истории о жизни в Китае в 30-х годах прошлого века. О ее знакомстве там с Александром Николаевичем Вертинским, о возвращении его на родину, любимой жене Лидии Циргвава, рожденной в Харбине, где ее отец работал на КВЖД. (Там же Лидия Владимировна вышла замуж за Александра Николаевича Вертинского, а поздней осенью 1943 года семья Вертинских вернулась на родину, в Россию. И снова рондо – закольцовано. Дебют Лидии Циргвава в кино в роли птицы Феникс в фильме «Садко» произошел в картине Василия Левина, молодого тогда режиссера.)

В очерке писала о том, что Мария Андреевна, в молодости работая с мужем – главврачом КВЖД (эта аббревиатура знакома мне с детства) в Харбине, куда ее привезли младенцем из Красноярска, пела в кафешантане. Эта семейная легенда оказалась не совсем точна. Тотчас же позвонил мне мой кузен Леонид Рассадин и известным всей стране не потускневшим с годами задорным голосом, вещавшим на всю страну на ГосТВ России, заметил, смеясь:

– Ты знаешь, а мама никогда в кафешантане не работала. Она пела… в опере!

Александр Вертинский приходил к ней в оперу, а она к нему в кафешантан, ресторан или другие эстрадные площадки, но это было уже в Шанхае.

Леонид переслал мне афишу одного из концертов мамы, на которой пишется, что она перед поездкой за границу выступает в опере «Евгений Онегин», исполняет партию Татьяны.

– Как же перед отъездом за границу, – удивилась я, – ведь Харбин уже и есть «заграница»?

– Да, конечно, но оттуда она отправлялась в поездку по Европе и в Японию, – пояснил Леонид. Ведь она жила уже в Китае давно. После смерти в Красноярске родителей ее в младенческом возрасте вывезла из Сибири в Харбин сестра. Она была замужем за поляком, работавшим машинистом на Китайско-Восточной железной дороге. Зарабатывали на КВЖД очень хорошо. Местные деньги не ценились, и, как вспоминала потом мама, зарплату выдавали слитками из чистого золота! В начале двадцатого века Харбин вовсе не походил на китайский город.

На тогдашних открытках с видами местных улиц на зданиях множество вывесок на русском языке. Да и по внешнему виду дома мало чем отличались от подобных в городах Сибири и Дальнего Востока. Большими тиражами выходили русские газеты. Дети сотрудников КВЖД учились в русских гимназиях. В городе было несколько православных церквей. Вместе отмечали праздники. Самыми любимыми были Рождество, Пасха и Масленица. Зимой шумными компаниями ходили на каток или катались на санях по замерзшей реке Сунгари. Дома часто ели пельмени. Их в течение нескольких недель лепили всей семьей, закладывали в мешки, которые потом опускали в погреба. Там же в бочках хранили квашеную капусту и соленые огурцы.

Харбин стал в те годы «малой родиной» для тысяч русских поселенцев, участвовавших в строительстве КВЖД, а затем оставшихся там работать. Были русские, которые неплохо владели разговорным китайским языком. Молодежь посещала языковые занятия. В мамином архиве даже сохранился пропуск на эти курсы с ее фотографией. (Многие родившиеся там уже хуже говорили по-русски, что потом отразилось на их судьбе. Об этом пойдет речь дальше.)

В 1933 году, будучи уже оперной певицей, Мария Рассадина собралась в творческое турне. Она училась у знаменитой преподавательницы оперного пения из Санкт-Петербурга М.В. Осиповой-Закржевской, которая высоко ценила ее лирико-драматическое сопрано. В городе царила творческая атмосфера. Было много артистов, которые объединялись в ансамбли, в оперные, балетные и цирковые труппы. Выступали перед неизбалованной восторженной публикой. Перед гастролями 1934 года – прощальные концерты в Харбине, а затем в Шанхае.

Последовал ряд ее выступлений в других китайских городах. Повсюду прием был восторженный. «Не голос, а человеческое сердце», – писала одна из газет. «М.А. Рассадина для своего прощанья с Харбином вполне правильно остановила свое внимание на «Евгении Онегине». Для Татьяны у нее много данных. Она прежде всего молодая русская девушка. Она сама Татьяна, которая, уже в силу своей собственной весны, близко соприкасается с этим любимым образом Пушкина. Публика не скупилась на аплодисменты. М. Рассадиной она презентовала целую оранжерею цветов».

Талантливой певице, обладавшей прекрасным лирико-драматическим сопрано очень красивого тембра, предрекали большой успех.

Но судьба дала испытания:

– Мама познакомилась в Шанхае с французом-врачом. На много лет старше ее. Они полюбили друг друга, но… – делится секретами Леонид.

– С французом личная жизнь не сложилась, – продолжает Леонид, – мама, уже беременная, выходит замуж за известного в Шанхае врача-одессита.

– Значит, оказывается, ты наполовину француз с одесскими корнями, – не преминула подчеркнуть.

Александр Вертинский. Вкусивший духа театральных подмостков, поскитавшись, много передавал из своего опыта не только в песнях-балладах, глубоко психологических историях жизни, любви, страданий, но много рассказывал о скитаниях до этого времени. Приехал в Шанхай Александр Николаевич, пройдя через эмигрантские «мясорубки»!.. Вначале Турция! Вспоминаются «Эмигранты» Алексея Толстого. Ужасающие условия. Черные рынки. Преступность и наркомания. И там, представляете, Александр Вертинский! Добравшись уже до Китая, оглядываясь назад на свой разноплановый черно-белый, как кино, путь, любит его осмыслять в кругу почитателей таланта. Свободными вечерами рассказывает, как он поселяется в Константинополе и выступает в «Стелле» и «Черной розе». Вначале у него был успех. Но жизнь эмигрантская ненадежна. Положение беженцев на глазах ухудшается. Если раньше были деньги, да еще привезенные из России, там приходится работать за тарелку борща. Все жили надеждами, что Россия возродится. Но ждать нужно было бы долго. В то время случай помог ему уехать из Турции, вначале в Румынию, затем турне по Бессарабии, где тоже много было русских. Они с восторгом принимали певца, что помогло ему заработать и двигаться дальше.

Путь его лежал через Германию. Здесь он выступал в Берлине, Дрездене, Данциге, Мюнхене, Кенигсберге. За окнами 1923 год. Страна в страшной инфляции. Ослабленная Версальским соглашением Германия бедствует. Люди голодали, преступали закон, заканчивали свою жизнь самоубийством.

Говорили, что в то время за американские доллары можно было бы купить собственное жилье и недвижимость в большом количестве, а за мешок немецких марок – всего несколько сотен долларов. Такая была страна за десятилетие перед приходом Гитлера к власти, и понятно, как многие бедовавшие и разуверившиеся в прежней политике жители встретили его бравурные марши и сладкие обещания. Не только гитлеровская клика стала причиной столь жестокой мировой войны. Но и обожание, и поддержка столь мирного и благодушного населения, оболваненного геббельсовской пропагандой. На голодный желудок и бездуховность что хочешь пойдет.

Из Германии Вертинский едет в Париж, где он провел в бурлящей творческой столице десять лет эмигрантской жизни. Он пел в небольшом ресторанчике «Казбек» на Монмартре. Иногда на его концертах бывали «высокие» гости: король Густав шведский, Альфонс испанский со своей свитой, принц Уэльский, король румынский, Вандербильды и Ротшильды, Морганы, а также короли экрана – Чарли Чаплин, Марлен Дитрих, которой он даже посвятил свою песню «Марлен», Грета Гарбо. У всех был тогда, как и по сей день там, огромный интерес к русской песне, музыке. В Париже в то время гастролировали звезды русского балета: Анна Павлова, Тамара Карзавина, Михаил Фокин. Там он знакомится со знаменитым кинематографистом Иваном Мозжухиным и снимается в некоторых кинофильмах в Париже, в Берлине, в Ницце. Огромным событием становится знакомство там с Федором Шаляпиным, которое продолжается до конца дней великого оперного певца.

Отсюда на пароходе «Лафайет» осенью 1934 года Вертинский отплывает в Америку. Плывя по бурным волнам океана, пишет песню «О нас и о родине». Эта песня наделала много шума, даже в прямом смысле слова. Публика не везде однозначно принимает певца. Но он с ностальгической песней о своей родной стране концертирует по всему миру. (Привозит ее потом и в Одессу. Выступает в театре в Горсаду.) Однажды в Шанхае ему свистели, желая сорвать концерт. Не всем нравились русские песни в исполнении грассирующего шансонье. Но тогда на первом концерте в Нью-Йорке собрался весь цвет русской эмиграции и культуры: Сергей Рахманинов и Зилоти, Болеславский и Балиев, Рубен Мамулян. Принимали на ура и чуть, говорили, не разнесли театр, где

он выступал. На что певец скромно заметил, что аплодисменты относятся не к нему, а к его родине, о которой он поет.

Да, родина всегда с нами. Она, родина, сейчас как часть нашей семьи, постоянно пребывающая дома. Америка Вертинского утомляла. И хотя он выступал даже в Голливуде, где в то время была мода на русских исполнителей, он принимает решение – уехать!

И вот, наконец, в конце октября Александр Вертинский решает уехать в Китай. В страну, которая станет последней после долгих скитаний. Здесь, рядом с советской границей, когда он слушал последние новости из великой страны, занимавшей одну шестую часть суши, в нем поднималась гордость за свою родную прекрасную родину.

Надежда, что он тоже сможет быть ею востребованным. Неистребимое желание личности!

Мария Рассадина выступала в Шанхае. Они познакомились. Часто выступали в общих концертах вместе. Иногда она приходила к нему на концерты, а он к ней. Общались на клубных вечеринках. Они были, как бы теперь сказали, «тусовочные» люди. Прекрасно вписывались в эту среду и вели ее за собой. Отсюда началась ее большая дружба с выдающимися звездами советской эстрады. Публика в основном прекрасно принимала известного уже Пьеро, но у него уже иной сценический образ, фрак, бабочка… он много выступает перед русской «колонией».

В Китае, в ближайшем соседстве со Страной Советов, идущей по своему пути, всем постоянно мечталось-грезилось о родине. И хотя Вертинский здесь зарабатывал успех во всех ипостасях, уже и в денежном эквиваленте, ностальгия мучила. Он был широкой души человек. Познав лишения и нехватку семейного тепла, он страдал. Сердце рвалось домой. У нее тоже. Об этом мечтали все.

Леонид Рассадин обладает удивительной памятью. Будто только недавно все это происходило. А я, внимая ему, окунаюсь в атмосферу их жизни в эмигрантском Шанхае. В семье Леониду дали прекрасное воспитание, а мать заразила желанием общаться с большой аудиторией, нести ей не только информацию, но и заряд творческой энергии и жизнелюбия. С этими составляющими Лео-

нид Рассадин не расставался всю жизнь. И мы увидели и услышали его слово, звучащие потом в Союзе. Звучащее на волне иновещания, радиостанции «Голос России», в телевизионных репортажах.

– Мама прожила достаточно долгую, потрясающую жизнь. До 87 лет, дай Бог каждому! Шанхайский этап ее жизни продолжался 13 лет. Он был наполнен многими драматическими событиями. В 1937 году Шанхай был оккупирован японцами. Этому предшествовали сильные бомбардировки города. Мама рассказывала, что и я чудом остался жив. Когда она меня кормила грудью, к счастью, вышла со мной в другую комнату, а снаряд в это время попал в кроватку. Впоследствии, когда я долгое время был корреспондентом в «горячих» точках мира – в странах Ближнего и Среднего Востока, мама повторяла, что первое боевое крещение получил в Шанхае, когда мне было всего несколько месяцев. И раз тогда остался жив, то ничего дурного не должно случиться ни на фронтах Ливана, ни Ирана, ни Афганистана, где бы я ни был корреспондентом!

В 1941 году в Шанхае проживала самая многочисленная в Китае русская колония. Некоторые, в том числе мама, имели на руках советские паспорта. СССР в то время не был в состоянии войны с Японией, и русские не подвергались преследованиям со стороны японских оккупационных властей. Отечественная война всколыхнула патриотические настроения многих людей. Активизировало свою деятельность Общество советских граждан в Шанхае, до сих пор функционирующее. При нем появился клуб, где давали концерты, сборы от которых пересылались в Советский Союз. Получив сертификат медсестры, мама и несколько ее подруг попросились на фронт. Письмо, направленное по этому поводу И.В. Сталину, так и осталось без ответа. Исключение (явно по политическим мотивам) было сделано только А.Н. Вертинскому и еще нескольким советским гражданам. Жили тогда люди ежедневными думами о происходившем на родине. В гостиной дома висела большая карта, в которую мы регулярно втыкали булавки с флажками, свидетельствующими о положении дел на фронтах. По радио ежедневно слушали сводки Совинформбюро. Их зачитывали по радиостанции, созданной активистами Общества советских граждан. Самыми популярными изданиями были журналы «Огонек» и «Крокодил». Крупные успехи Красной

армии всегда отмечались вывешиванием из окон квартир советского флага, который постоянно находился в углу комнаты. И не только у нас. Именно в те годы у мамы созрело бесповоротное решение выехать на историческую родину.

Неудивительна волна патриотизма, захватившая многих. Известно, что Александр Николаевич Вертинский получил один из первых, в самый разгар войны в 1942 году, советское гражданство. Он очень много написал прошений. Сталин высоко ценил уже в то время его искусство, его патриотизм. Знал о скитаниях и успехе в мире актера кино (!), русского автора и исполнителя романсов. Ценил его слово. «Ваши пальцы пахнут ладаном…» Это было созвучно вождю. На этом можно было заработать политический капитал. В ноябре 1943 года с трехмесячной дочерью Марианной Александр Николаевич приехал в Москву.

– Когда мы через пять лет также решили ехать и бросить якорь в родной для моего отчима Одессе, – интересный факт, подчеркивает Леонид, – по долгой, почти полгода дороге домой, через всю страну, через Казань как распределительный пункт для всех, приехали в Москву. Остановились в квартире Вертинского на улице Горького, которую он получил. Уникальная деталь, – смеется, – в то время уже родилась вторая дочь, Анастасия. Так уж получилось, но нас, детей, положили спать всех вместе. Я оказался спящим между такими будущими звездами – Марианной и Анастасией. В Москве пробыли всего несколько дней, рекомендовали «не задерживаться».

Но, видно, тогда Леонид заболел Москвой.

«Для меня не было другого выбора: куда поехать учиться. Ну конечно, в Москву! Куда? Ну конечно, в институт иностранных языков. На большие мои притязания, возможно, нельзя было рассчитывать в силу моей яркой биографии», – вспоминает.

О реальной возможности репатриации для многих стало известно сразу после окончания войны. Советское консульство в Шанхае распространило некое постановление правительства, в котором говорилось, что по возращении в СССР репатриантам гарантируется личная безопасность. Всем будут предоставлены работа и жилье. Были составлены списки желающих. Оказалось несколько тысяч человек, которые пятью рейсами на теплоходе «Николай Гоголь» в 1946-1947 гг. отправлялись в дальневосточный порт Находка.

– Отлично помню морозное утро 13 ноября 1947 года, – продолжает Леонид, – когда пароход причалил к пристани. Вот оно, первое свидание с родиной! Встречало нас множество людей. Почти все они были в военной форме. Духовой оркестр исполнил гимн Советского Союза. Несколько часов ушло на оформление документов. Затем репатрианты стали по одному спускаться по трапу на берег. Люди от счастья не могли сдержать слез. Ступив на родную землю, многие ее целовали. Среди них были также совсем молодые люди, которые рано лишились родителей. Окончив американские колледжи в Шанхае, они очень плохо говорили по-русски. К вечеру нас на открытых грузовиках повезли в бараки, где предстояло прожить какое-то время, чтобы определиться с дальнейшим постоянным местожительством.

Леонид вспоминает об эпопее с проживанием в деревянных бараках. О том, как, подъехав к воротам, они увидели, что эти помещения покидают… японские военнопленные. Заняв двухъярусные нары, люди стали устраиваться. Организовали дежурство у печек, чтобы поддерживать в них огонь днем и ночью. Для женщин оборудовали занавешенные простынями уголки, где те могли переодеваться. Назначены были ответственные за кипяток для приготовления чая. Но самым большим шоком для всех были неотапливаемые туалеты с толстым наростом льда повсюду. Все же никто не жаловался. Считали, что это временные трудности, вызванные разрухой в послевоенной стране. Главное – они были на родине!

Как сложились судьбы репатриантов из Китая? По-разному. В особенности пострадали люди, приехавшие в СССР в 1946 году в составе первых двух групп. Обвиненные в шпионаже, многие были расстреляны или угодили в концлагеря. Как в известной песне «Родина сапогами по морде нам!». За ч-т-о-о-о?! Информация об этом просочилась на Запад, репатриация была временно приостановлена. Но во второй половине 1947 года пароходные рейсы возобновились. Семья Рассадиных тоже рискнула. На родину возвращались остальные. Советские власти к тому времени стали опасаться громкой огласки о репрессиях в отношении «шанхайцев». Арестовывали уже выборочно.

– Оглядываясь назад, полагаю, что нам, как говорится, повезло, – вспоминает. – Маму в Одессе лишь несколько раз вызывали на допросы в компетентные органы. Она никогда не ругала страну. Политикой вообще не интересовалась. Наверное, это ее и спасло от «возмездия» системы. Певица, тем более! Ну что было с нее взять, если при первом же разговоре со следователем она призналась, что действительно была знакома почти со всеми на показанных ей фотографиях. А там были и командующий американскими ВВС на Дальнем Востоке генерал Клэр Ли Ченнолт, и западные дипломаты, и журналисты, работавшие в Шанхае, и множество других иностранцев, а также русских.

В Одессе первые полгода жили у моего дедушки, доктора Иоанна. Он – почти библейская личность, человек мира. Ему посвящен отдельный рассказ. На фотографии свадьбы моих родителей все вместе – счастливые, довольные, в кругу семьи, друзей.

«В бытность еще в Шанхае, – вспоминает снова Леонид, – у нас дома было немало патефонных пластинок. В том числе из Москвы. Их можно было купить в магазине, куда поступали товары из Советского Союза. Повышенным спросом они стали пользоваться в начале сороковых годов.

Клавдия Шульженко. Легенда! Именно тогда мама впервые услышала голос Клавдии Ивановны Шульженко. И кто мог предположить, что они познакомятся и сохранят свою большую дружбу на всю дорогу жизни? «Синий платочек» был созвучен маминым переживаниям и тревогам в связи с битвой за выживание.

Они подружились – Клавдия Ивановна, Мария Андреевна и моя мама Раиса Ивановна.

Возможно, моя младшая дочь Анна, родившись в Москве, училась в Одессе и Германии, проходила полугодовую практику в университете на севере Китая, продолжает учебу, будучи уже гражданином мира, как многие из нас. К счастью, интересуется своими корнями.

А кроны без корней не бывает.

Германия

Наталья Панасенко

Дом, где родился Чуковский

Чуковский, как известно, родился 19 марта (ст. ст.) 1882 г. в Петербурге.

Точного адреса, похоже, не знал он сам. Во всяком случае, на праздновании его столетия Лидия Корнеевна (дочь Чуковского) сказала, что дом и улица не известны.* С тех пор вопрос не прояснился.

В.Ф. Шубин, который нашел в метрической книге Владимирской церкви запись о крещении Николая Корнейчукова, написал, что, по воспоминаниям Чуковского, его мать жила недалеко от этой церкви и Пяти углов, куда выходят Троицкая и Разъезжая улицы, Чернышов переулок и Загородный проспект.**

В одесском областном архиве сохранился паспорт отца Корнея Ивановича, испещренный отметками регистрации с 1879 по 1885 гг.*** Не все там поддается прочтению, но как раз ко времени рождения Чуковского адрес просматривается. И именно на одной из названных улиц. Три отметки по Разъезжей, 15: 2 сентября 1881 г., в январе 1882-го и еще раз без даты, но с указанием квартиры: № 15.

Люди в то время меняли жилье часто, и если речь не о преследуемых полицией революционерах, то причина была очень простой. На лето съезжали на дачу, а осенью снимали новую квартиру (чтоб не платить одновременно и за городскую квартиру,

* Крючков П. Воздух любви. // http://www.chukfamily.ru/lidia/biblio/vospominaniya-biblio/pavel-kryuchkov- vozdux-lyubvi-dom-muzej-korneya-chukovskogo-v-peredelkine

** Шубин В.Ф. Все, что он делал, было весело и талантливо // Одним дыханьем с Ленинградом. – Л., 1989, с. 250.

*** ГАОО, ф. 16, оп. 63, д. 9, л. 114-115 об.

Дом на Разъезжей, 7

и за дачу). Так что нет оснований предполагать, что семья в 1882 году между январем и мартом переехала.

Тут может закрасться другое сомнение. Почему Чуковский говорит о том, что в районе Пяти углов жила мать, а не родители? Потому что отец жил отдельно? Или потому что Корней Иванович о нем старался не вспоминать? Он лишь в автобиографических справках сухо сообщал, что мать – украинская крестьянка, отец – петербургский студент.* «Он вывез ее в Петербург, они жили внебрачно»** (вывез из Одессы).

То есть родители состояли в фактических брачных отношениях. Они только не были «зарегистрированы» официально.

* Чуковский К.И. Заметка автобиографическая // Советские писатели: Автобиографии. Т. 2. – М., 1959, с. 639.

** Грудцова О. Он был ни на кого не похож. // Воспоминания о Корнее Чуковском. – М., 1983, с. 326.

Двое детей – это не результат мимолетной связи. Старшая сестра Корнея Ивановича родилась в 1879 г., а ему было года три, когда родители расстались, – получается минимум шесть лет. Но это выжили двое детей, а родила Екатерина Осиповна пятерых.*** Значит, их совместная жизнь могла продолжаться еще дольше.

Другое дело, что отец часто уезжал в Одессу и на Кавказ, благодаря чему мы и можем отследить его передвижения по отметкам в паспорте.

И тут очень важным оказывается еще один адрес. Дважды повторяется Большой проспект: дом № 45/47 12 мая 1881 г. и № 45 без даты, но зато с припиской «на даче». (Отличие номера дома не имеет большого значения, так как участки 45 и 47 принадлежали одному владельцу.) Маловероятно, что одессит снял для себя дачу у Финского залива. А вот для живущих в Петербурге жены с двухлетней дочкой – в самый раз.

Таким образом, перемена мест жительства вполне укладывается в принятую практику съема жилья, и подозрения относительно принадлежности адресов лишаются основания: лето 1881 г. семья жила на даче, с сентября – на Разъезжей, где и родился Чуковский.

Дом этот цел. Только после произведенной в 1888 г. перенумерации он значится под № 7.

Позже в этом доме жил А.И. Куприн. И у него в гостях бывал уже знаменитый Корней Иванович Чуковский.

*** Сообщено внучкой К. Чуковского, Н.Н. Костюковой.

Феликс Кохрихт

«Бейт-Гранд: второй дом нашей семьи»

В нынешнем году Еврейскому культурному центру Бейт-Гранд исполнилось 10 лет. К этому юбилею увидели свет отчеты руководства центра вышестоящим организациям, афиши и буклеты, приглашающие на многочисленные события, связанные со знаменательной датой, – на концерты, спектакли, выставки, флешмобы, турниры, соревнования. Все это предназначено для разнообразной аудитории – и для тех, кто будет, образно говоря, на сцене, и для тех, кто заполнит в эти дни зал, аудитории, комнаты для занятий, спортзал, выставочное пространство.

Но на мой взгляд, самое оригинальное, веселое, но и серьезное, наивное, но и мудрое, содержится в «Азбуке Бейт-Гранда», которую получили в подарок уже многие дети, а получат – еще больше. Один экземпляр достался и мне и послужил путеводителем не только по трехэтажному, почти на квартал, зданию центра на улице Нежинской, но и по добрым делам, которые здесь рождаются и становятся достоянием многонациональной Одессы.

Как и положено азбуке, книжка нарядная, к каждой букве алфавита здесь сочинили короткое стихотворение, которое проиллюстрировали юные художники.

Итак: «А» – альманах «Мория». С его редактором меня связывают и общая профессия, и многолетняя дружба. Он-то мне и нужен в первую очередь: никто лучше Геннадия Наумовича Кацена не знает историю еврейской общины Одессы с первых лет ее образования и по сегодняшний день. Получаю от редактора справку об истории места, где нынче построен ЕКЦ, о том, что было здесь раньше. Важно, что Геннадий Наумович был участником встреч наших земляков с теми, кто, выполняя заветы родителей, совершил

благодеяние для общины да и для всего города. Вот как выглядит его обстоятельный рассказ в кратком изложении:

– На участке в конце Нежинской, в доме под номером 77, до революции располагалась женская гимназия Луизы Байер, последний выпуск ее питомиц состоялся в 1916 году, затем здесь находились медицинские учреждения, а в последние годы XX века – районные поликлиника и больница № 4. Эти строения пришли в упадок, и городские власти отдали площадку под строительство здания для нужд еврейской общины.

К тому времени назрела острая необходимость создания в Одессе современного комплекса, под крышей которого разместились бы и Еврейский благотворительный центр «Гмилус Хесед», центр «Шаарей Цион» и культурный центр. Предлагались различные адреса, строились планы, но средств не было, а они требовались немалые. И тут случилось чудо, вернее – возрождение традиции высокой благотворительности, которая с первых дней биографии города была присуща удачливым и предприимчивым одесситам – представителям разных этносов и конфессий.

7 июня 2008 года Нэнси и Стивен были почетными гостями на торжественном открытии центра, носящего имя семьи Гранд.

Геннадий Наумович вспоминает, как в Одессу приехали Стивен и Нэнси Гранд. В далеком 1919 году дедушка и бабушка Стивена, Герш и Соня Гуранд, переехали из Одессы в США, стали там состоятельными людьми и завещали внукам сделать доброе дело для родной Одессы. И те сделали это.

То, как Гранды из Калифорнии таки нашли в Одессе дело по душе, сколько длились деловые переговоры, поиски объекта, экспертизы, и кто и как принимал решения от имени местных властей, руководства «Джойнта», представителей одесской общины, – все это заслуживает подробного и обстоятельного рассказа, но мы сейчас находимся в уже построенном и плодотворно работающем Еврейском культурном центре Бейт-Гранд, названном в честь семьи Гранд, и собираемся рассказать о нем нашим читателям.

В руках у меня путеводитель «Азбука Бейт-Гранда», из которой я черпаю темы для разговора с руководством ЕКЦ.

Когда находишься в трехэтажном здании центра – пришел ли на спектакль в прекрасно оборудованный зал-амфитеатр, или

Элина Корнева

в соседний, спортивный, проходишь ли по коридорам со множеством дверей, за которыми голоса детей, занимающихся в различных кружках, когда присутствуешь на спектаклях, репетициях, дискуссиях в молодежных студиях, рассматриваешь в холлах выставки живописи и графики – ощущаешь масштабы деятельности центра культуры…

У директора ЕКЦ Элины Корневой мало времени на интервью: предстоит встреча с руководством, на которой ей придется отчитываться… Признаюсь, я тогда обещал, что не буду делиться с читателями тем, что речь на этой встрече пойдет о финансовых и экономических аспектах, и что она будет нелегкой… В наше трудное время, говорит директор, приходится доказывать, что подобный культурный центр – уже по умолчанию не может быть прибыльным… И все же я пишу об этом, потому что спустя недели две после нашей встречи узнал, что Корнева отстояла позиции: ее отчет был принят и одобрен.

Мы сидим в ее маленьком кабинете (-тике!), уж никак не сопоставимом и с размерами, и с площадями здания, и с масштабами происходящих здесь событий, а главное – с количеством людей, ежедневно заполняющих все до единого помещения на трех этажах. Это и самые маленькие, и самые, как принято нынче выражаться, возрастные одесситы: двери между ЕКЦ и Хеседом «Шаарей Цион» открываются в обе стороны, и довольно часто.

Элина Аркадьевна выбрала под свой кабинет комнатку метров 10-12 не из-за боязни больших пространств и не из чрезмерной непритязательности. В небольшом помещении по соседству работает и основной творческий состав центра – руководители

разных подразделений и студий. В подавляющем большинстве – девушки и молодые женщины. Они с большим трудом помещаются на совещаниях в кабинете директора, но уже привыкли к тому, что необходимо экономить на всем. Такова концепция руководителя уникального культурного центра, в деятельности которого равно сочетаются две тенденции.

Первая, по убеждению Корневой, преобладающая: создание условий для воспитания у молодежи навыков и, главное, убеждений в том, что приоритетами для юношей и девушек должны стать знание истории своего народа и страны, в которой живешь, умение проявить их с пользой для своей семьи и всех наших земляков. Речь идет о еврейских молодежных программах, а также о театральных студиях, в которых занимаются способные ребята разных национальностей. Студии бесплатны для тех, кто проявляет не только способности, но и желание работать и учиться серьезно.

Вот почему вторая, не менее важная и при этом трудоемкая сфера деятельности ЕКЦ направлена на то, чтобы заработать средства на молодежные гуманитарные, образовательные программы. Речь идет о коммерческих проектах. Сегодня Бейт-Гранд зарекомендовал себя как центр, в котором детям разного возраста обеспечены преподавание на высоком уровне и иностранных языков, и в студиях изобразительного искусства, гончарной, юных кавээнщиков и даже кинематографистов (!). При этом родители уверены, что их чада находятся в превосходных условиях, обеспечены заботой и охраной.

– Мы не берем денег у творческой молодежи, – говорит Элина Аркадьевна, – отличаясь при этом от аналогичных ЕКЦ в других станах, где иные условия жизни. Мы всячески поддерживаем наши волонтерские проекты, направленные на действенную помощь тем, кто в ней нуждается, и они ее получают, независимо от национальности.

В этом еще одно и важное отличие взглядов ЕКЦ от принципов деятельности культурных центров некоторых других национальных общин. В детском саду, студиях, кружках можно встретить одесситов не только разных национальностей, но и цвета кожи. Азбука, с которой я путешествовал по центру, завершается девизом, вынесенным в заголовок этих заметок:

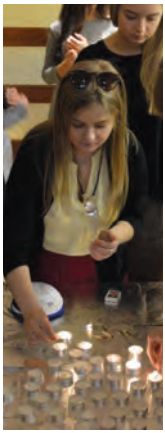
«Бейт-Гранд – второй дом нашей семьи»

Ключевое слово – «дом», а для нашей Одессы – и «двор». Оказалось, что не только я, но и Элина Корнева, и директор еврейских программ Марина Лондон – молодые современные деловые женщины, относящиеся к иному поколению, чем мое, не только помнят, но и чтят традиции наших дворов не только на Молдаванке, ни во всем городе. Вот почему в дни еврейских праздников, особенно таких веселых и светлых, как Ханука и Пурим, в Бейт-Гранде собираются все, кто считает его своим вторым домом.

В репертуаре Театра на Нежинской доминируют спектакли, построенные на одесских песенных и фольклорных традициях, в которых участвуют лучшие актерские силы города. Уже много лет полны залы на красочном и остроумном действе – спектакле «Бычки в томате». И все эти годы одну из ролей с блеском исполняет Ицык Авербух, который специально приезжает в Одессу из Иерусалима. Именно он, возглавлявший 10 лет назад региональное отделение «Джойнта», стоял у истоков проекта создания Бейт-Гранда, а затем курировал его. Именно он и его одесский коллега Игорь Патлажан предложили Элине Корневой стать директором центра, и она согласилась,

Сегодня Элина вспоминает, что тогда не представляла всей сложности и нестандартности своих новых обязанностей.

– У меня уже был опыт работы в Израильском культурном центре (правительственная организация). Он, конечно, пригодился, но парадоксальность новой работы состояла в том, что если раньше, образно говоря, на нас тратили государственные деньги, то отныне предстояло самим зарабатывать на деятельность ЕКЦ… Если не все средства, то значительную их составляющую. Мне объяснили, что благотворители и спонсоры не будут содержать нас вечно… Но и я, и пришедшая со мной Марина Лондон сразу же решили для себя и для других: наш одесский Еврейский культурный центр не будет сугубо коммерческим, и, исходя из этого, составили первый бизнес-план. Напомню, что американские JCC – ЕКЦ построены так, что в них приоритет отдается занятиям молодежи в спортивных секциях и тренажерных залах, в плавательных бассейнах. Все это – платные услуги. У нас же сегодня гораздо больше еврейских и других некоммерческих программ, и уже несколько лет плодотворно работает наша гордость, настоящий театр, о котором



Ажурная лестница Якова
украшает вестибюль

Стивен и Нэнси Гранд были почетными гостями
на торжественном открытии центра

Таким увидела великого Альберта
Эйнштейна Асия Писчаненко
(Азбука Бейт-Гранд)

Дети – непременные участники праздничных концертов

Жители одесского двора – персонажи спектакля «Бычки в томате»

мы только что с вами говорили. Важно, что он окупается и даже зарабатывает средства и для некоммерческих проектов.

Марина Лондон

– Мы пришли в прекрасное комфортное здание, но с пустыми стенами, – вспоминает Марина Лондон, – со столами для компьютеров, но без техники. Сфера моей деятельности – еврейские проекты. Их много, и разговор получится долгим. Но сейчас хочу рассказать о главном – о концепции, разработанной нами. Вкратце она такова. Мы стараемся построить свою работу так, чтобы, тактично и ничего не навязывая, привить нашим питомцам – речь идет о еврейских детях – понимание того, что здесь они, взрослея, становятся частью не только огромного общечеловеческого мира, но и мира своих предков. За прошедшие годы уже как минимум два поколения «выпускников» нашего детского сада продолжили обучение в Бейт-Гранде, но уже в студиях и кружках. Так коммерческий проект – детский сад – становится творческим. Для многих детсадовцев, ставших школьниками, Бейт-Гранд по-прежнему остается вторым домом.

– Вы часто бываете в нашем центре, – продолжает Марина, – и каждый год в определенное время, как правило летом, помещение библиотеки, в которой снимается ваша программа «Диалоги на Нежинской», вдруг заполняется шумной ватагой детей. Это – участники программы ежегодного Дневного еврейского лагеря, которые пополняют здесь свои знания. В лагере они заняты самыми разными полезными и увлекательными делами. Каждый год разными. К примеру, совершают виртуальное путешествие по Израилю. В прошлом году снимали кино. Практически настоящие фильмы – у каждой съемочной группы были свои юные сценаристы, режиссеры, гримеры. В конце сезона перед закрытием

лагеря профессиональный оператор отснял задумки ребят, и эти короткометражки были показаны на фестивале…

Одна из самых популярных некоммерческих программ – проект Геннадия Кацена под девизом «Творческие семьи и династии Одессы». На сцене – одесситы, активно и плодотворно продолжающие традиции нашего города, и им рукоплещет зал.

Всех, кто постоянно бывает в Бейт-Гранде или хотя бы раз заглянул в это здание, приятно поражает и удивляет порядок и чистота, в которых содержатся все его помещения, что, к сожалению, встречается у нас нечасто. Вежливый, доброжелательный и хорошо обученный персонал – от девушек, встречающих на ресепшен, до уборщиц и службы охраны соответствует представлениям о современном общественном центре и могут служить примером.

…Мне пора заканчивать путешествие по дому, о котором я, с одной стороны, знаю многое, но сегодня, как выяснилось, узнал еще больше. Разумеется, не все страницы «Азбуки Бейт-Гранда» мы сегодня перевернули с моими собеседницами.

Завершу цитатой из этой детской, но и мудрой книги. Она опубликована на странице, посвященной букве «Щ». И это не «Щука» и не «Щи» – первое, что приходит в голову, а «Щедрость»!

Вспоминай почаще в этот год, что мир великодушие спасет.
Щедрости не закрывай порог – милосердие наш мир спасет.

У одесского Бейт-Гранда есть эмблема, общая для всех еврейских культурных центров, но символом его можно со всем основанием считать библейскую лестницу Якова – воздушную, но и монументальную композицию из кованого металла. Спираль, поднимающуюся к небу, создал скульптор Йонатан Авербух – сын одессита Исаака Авербуха и йеменской еврейки Тали. Несколько лет назад он, солдат, недавно вернувшийся из израильской армии, приехал в город своих предков, чтобы сделать ему приношение.

Нам довелось быть с Йоником в эти месяцы, сопереживать его чувствам, в какой-то мере разделять его многотрудные заботы… Лестница Якова сегодня встречает всех, кто приходит в Бейт-Гранд и провожает уходящих из него. И так будет долго, может быть, всегда.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Одесский календарь

Французский бульвар

100 Александр Дорошенко
Дорога над морем

Александр Дорошенко

Дорога над морем

Фрагменты книги

…Когда Бог нарисовал дугу Одесского залива, Он вовсе не обрисовывал кромку живого и подвижного моря, но море под Его творящей рукой следовало красоте одесской бухты, береговой линии нашей души!

Он просто не смог удержаться, Бог, увидев красоту нашей одесской бухты.

Дуга нашего залива, над которым стал наш Город, окаймлена бульварами, переходящими друг в дружку, как взявшиеся за руки дети, – Приморским, Александровским, Лидерсовским и Французским.

Так можно обойти всю нашу одесскую бухту, – пройдя Приморский бульвар, спуститься и подняться по Карантинной балке, перейдя Таможенную площадь, потом Александровским, который мы создавали и ощущали как самый красивый городской бульвар, и так выйти к уютной и маленькой Ланжероновской площади, окаймленной шестиарочной аркадой, потом Лидерсовским бульваром, мимо Третьей гимназии, выйти к Пироговской улице и, ступив на Французский бульвар, так идти и идти до самой счастливой Аркадии.

А понизу береговой окантовкой лягут имена наших знаменитых пляжей – Ланжерона, Отрады, Малых и Средних Фонтанов, и так ты будешь идти и идти по дороге Счастья.

Чувство странное, это как бы иное пространство, неведомое, завлекающее, чтобы вовлечь, пойти там, зачарованным, даже зная, что назад уже не вернешься…

Фотография совершает чудо, любая, любого качества, умелая или не очень – она делает вырез, она вырезает прямоугольник видимого мира, и мир преображается. Твой взгляд рассеивался, ты видел мир широким обезличивающим кругом, но вот щелчок камеры – и ты вместо леса деревьев видишь дерево и впервые его узнаешь, понимая, что оно особо и ни на какие деревья не похоже, ты видишь его неповторимое лицо, рисунок ветвей, полных живой жизни, и даже листик, выхваченный крупным масштабом, становится единственным из всех когда-либо на планете Земля живших листьев – у него особая форма, и жилки расположены особо, и он по-своему ведет себя на морском ветру.

Возьми два рядом живущих листика, вглядись, и ты изумишься особости и неповторимости мира, его фантастическому многообразию!

Мне страшно, что я при взгляде
на две одинаковые вещи
не замечаю, что они различны,
что каждая живет однажды.
Мне страшно, что я при взгляде
на две одинаковые вещи
не вижу, что они усердно
стараются быть похожими.
Я вижу искаженный мир,
я слышу шепот заглушенных лир…

Мы выйдем с тобой погулять в лес
для рассмотрения ничтожных листьев,
мне жалко, что на этих листьях
я не увижу незаметных слов,

называющихся случай,
называющихся бессмертие,
называющихся вид основ.*

* Александр Введенский.

Можешь продолжить – ляг на траву под этим деревом и вглядись в пробегающего муравья, и дождись другого: они не похожи – всем, не только возрастом и размером, но побежкой, но характером – и там, где один пробежал мимо, второй остановится рассмотреть и подумать.

Это открытие мира, настоящее, чему бы тебя ни учили в школах и в книгах. Теперь ты обрел правильное видение мира. Только будь осторожен, не поднимай с этой целью глаза на людей – они неотличимы!

Прислушайся и различи

Когда в приморском городке
средь ночи пасмурной со скуки
окно раскроешь, вдалеке
прольются шепчущие звуки.

Прислушайся и различи
шум моря, дышащий на сушу,
оберегающий в ночи
ему внимающую душу.

Весь день невнятен шум морской,
но вот проходит день незваный,
позванивая, как пустой
стакан на полочке стеклянной.

И вновь в бессонной тишине
открой окно свое пошире,
и с морем ты наедине
в огромном и спокойном мире…

(В. Сирин) Владимир Набоков. Тихий шум. 7 июня 1926*

* Это одно из лучших стихотворений Владимира Набокова, и таких у него, подлинных, настоящих, утвержденных штампом вечности («оно заверено деревенским нотариусом на дубовом столе»), очень не много. Он это хорошо понимал,

Ах, это так верно, именно море открывает огромный и спокойный мир. Он лежит и покоится, как на ладони Бога, как в первые дни Творения, когда еще только-только Бог разъединил первоначально единую материю Бытия, когда вот так заискрилось и засверкало море, удивляя и вызывая зависть у родственных космических пространств…

Шум этот тихий и мощный.

Это говор, рокот, это язык, которому мы учились в детстве.

С тех самых пор он нас оберегает на путях жизни, и главное – не утратить слух. Днем он трудно различим, и только ночью, когда смолкает суета жизни, ты можешь различить этот голос – это только с тобою, лично с тобою говорит Бог!

От Ланжерона до Аркадии высоко над морем идет обольстительная дорога.

Слева море, оно теряется и находится в просвете деревьев.

Справа крутизна высокого одесского берегового откоса, на котором покоится городское плато.

И еще выше, на крутизне наших береговых склонов, лежит Город, его бульвары – Приморский, Александровский, Лидерсовский, Французский.

Это уцелевшее – когда-то в Эдеме все дороги были такими, и только у нас сохранилась такая дорога!

Французский бульвар. О чем он задумался? Что ему вспомнилось?

«В ознаменование последнего посещения Франции государем императором и государыней императрицей и в знак признательности французскому народу за оказанный их величествам радушный прием наименовать одну из улиц г. Одессы «Французской».

Из постановления Городской думы 11.09.1901

и поэтому о нем, о подлинном проявлении поэтического голоса, он так подробно пишет в письме (он написал его в Берлине и вложил в письмо к Вере Слоним, свой жене) – он хорошо понимал, что это стихотворение – голос с небес!

Слышишь – музыка!

Какую романтическую историю можно припомнить, – об этой лестнице, о балконе, о шелесте ночного дождя, прошумевшего ветвями и листьями в самом начале весны…

Какая удивительная цельность и соразмерность, выраженная в единой идее! Асимметрия придает всему зданию уравновешенность и достоинство, вторая башня придала бы всему оттенок нарочитой театральности, и трагедию превратила бы в фарс. Потому что симметрия это тупик и капкан.

Какая спокойная величественность!

Какое достойное время выражено в лице этого здания! И ты, ступив на эти входные ступени, изменишь шаг и жест, каким рука достает пачку сигарет. И лицо твое преобразится, – глянь на себя в зеркало, оно там, сразу за входными дверьми, в вестибюле –

и ты впервые поймешь, каким человеком и зачем именно ты пришел в этот удивительный мир.

До 1902 года он назывался Мало-Фонтанской и Старо-Аркадийской дорогой. Французским он назван в память посещения Николаем II Франции. В Париже тогда был открыт великолепный мост через Сену, названный именем Александра III и носящий это имя до сегодняшнего дня. Что тем французам память о русском царе-миротворце Александре? Но мы в советское время Французский бульвар переименовали в Пролетарский*.

Белый пароход у самой улицы. В него упирается переулок. Красные трубы, голубые звезды, капитаны.**

«Идя по Французскому бульвару по левой его стороне по направлению к 3-й гимназии, вдруг видели вы по левую руку переулок… В нем были и неуютные краски загона, коровьи грязно-коричневые краски, и один из заборов провисал в нем, наваливаясь как бы брюхом на прохожего, вместе с тем был этот переулок озарен синевой видного вдали моря. И так хотелось свернуть в этот переулок… Но всегда я спешил куда-то, все спешил! Так никогда и не свернул я в этот переулок. Я думаю, что и до сих пор выглядит он так же…»

Там таких узких и немного извилистых переулков, если идешь по Французскому бульвару, много. Теперь они выглядят чище, на них выходят боковые стороны роскошных особняков нуворишей, поэтому они сплошь глядят заборами, и это не провалившиеся заборы, но надежные и высокие крепостные стены глухих оград. И ограды эти, в отличие от старых времен, теперь непрозрачны. Неважно – важно то, что вдали, в их самом конце, с Французского бульвара по-прежнему и всегда видна синева моря. Переулки эти заканчиваются высоким и крутым обрывом, теперь густо поросшим всякой зеленью и деревьями, там далеко и глубоко внизу песчаная полоса, которую неутомимо облизывает море. Выйдя на такой обрыв из глухого и узкого туннеля,

* Мало-Фонтанская дорога (1889 год), Французский бульвар (1902), Старо-Аркадийская дорога (1912), Пролетарский бульвар (1920), Французский бульвар (1941), Пролетарский бульвар (1944), Французский бульвар (1990).

** Илья Ильф. Записные книжки.

ты внезапно оказываешься на галерее театра, округлость которого рождена заливом, а чашей сцены служит море. Главное в этом театре простор и ветер с моря, удивлением поражающий тебя после застоявшегося воздуха переулка. И пьеса, которая здесь представляется, – это могучий текст и ничем не сдерживаемое действие… Идет она без антрактов, действие ее не кончается при твоей жизни, а текст суров и чудесен. Эта пьеса идет и тогда, когда ты вдалеке от сцены, в глубине Города или в дороге. Никогда не забывай – тебе место в этом театре дано бессрочно. Поэтому в эти переулки сворачивать вовсе не надо. Самое важное, что они могут дать тебе, неторопливо идущему Французским бульваром, – синеву моря в конце этого туннеля из дачных стен. И уверенность, что ты всегда еще успеешь в него, этот переулок, свернуть.

Где-то сразу после Пироговской ты странным и внезапным откровением обнаруживаешь новое свое состояние – закончился Город, и началось таинство светотени и бьющейся в берег морской волны, невидимой, но ощутимой.

Ты здесь иной.

Здесь сохранилась великолепная стремительная брусчатка. Узкая серая лента реки стремительно течет в широких берегах, и в нее глядятся дворцы. Как и в Венеции, здесь сильно все обветшало в прошедшем множестве лет. Река, как и положено, ограждена решетками – ведь она может выйти из берегов!

Решетки эти мечта и грезы, переведенные в металл и камень, и поэтому они живые, и живут, изменяясь, как мечталось создателям. Они, как выведенные на парад гвардейские полки, и у каждого свой строй и свой наряд:

Здесь стоят по квадрату
В ожиданье полки –
От Синода к Сенату,
Как четыре строки!

Александр Галич. Петербургский романс

Только за плечами у них уже ни Сената, ни Синода, ни тех, кто их сюда вывел, а новые командиры уже столетие как о них позабыли, и не знают солдаты, кого приветствовать и от кого защищать.

Навсегда захлопнулись створки кованых ажурных ворот, и даже дорога за ними, на которую они когда-то открывались, чтобы въехала карета или вошли люди, даже дороги этой уже стерлись следы. Ограда здесь идет широкой дугой, в ее центре проездные ворота и виден против них парадный вход дома. Понятно, что была здесь дорога, и вела она к этому входу, перед которым могла развернуться карета, – но потеряны навсегда следы дороги. А новые владельцы зачем-то стали ходить в обход, минуя ясный для людей путь, – может быть, они чего-то боялись и ходили так, чтобы остаться навсегда незамеченными? Странные люди…

Осталась застывшая в камне река, решетки ограждений еще стоят, когда-то так надежно поставленные здесь на века, и время с ними справиться не смогло. Другое дело люди, они во многих местах уже выломали решетки и таким их заменили пластинча-то-сварным, убогим необычайно. Творчество требует великого напряжения сил души, и нужен, к тому же, талант, и как создать подобную красоту было непросто, так и такое уродство создать нужен был особый талант и склонность души!

Есть люди, лишенные чувства красоты, и это опасные люди. Они живут среди нас, притворяясь во всем людьми, но потеря этого чувства сродни преступленью – и ведет к деградации качества человека! У них чутье на красоту и ненависть к ней.

А была там дача Маразли (в советский период санаторий Чкалова). Остались оранжерея и парк. В нем было множество мраморных скульптур, как в Летнем питерском саду. Их после революции разбросали по городским площадям, для культурного роста народных масс, и поэтому большая часть их погибла, и лишь несколько, замученных временем и людьми, калеками продолжают жить в Городе.

А вместо них поставили там стоять человека в зимнем полушубке с меховым воротником и в унтах – Чкалова, на самом летнем солнцепеке. Зимой ему тепло, но там безлюдные аллеи, а к лету появляются курортники, и ему вновь приходится потеть. Хорошая тема для курортной скульптуры. Поставили бы его в плавках и с пропеллером – хоть на один сезон!

В этом месте бульвар делает поворот.

Когда спустя время, сломав старую решетку и сдав ее в утиль-сырье (для роста благосостояния народа), решили вновь обнести санаторий решеткой, то ведь напротив, через дорогу глядя, могли они рассмотреть решетку ботанического сада, как идет она нескончаемой напряженной волной. Как же они это сумели: видеть такое – и такое сделать?!

За эти решетки лучше не заглядывать. Просто надо идти и идти в тени деревьев, и наблюдать, как солнечный лучик, самый-самый первый, весело играет с решеткой, пересчитывая ее стерженьки-струны, перескакивая с одного на другой, – так веселый мальчишка бежит домой из школы, он бежит вдоль решетки и ведет палкой по ее стержням, ударяя по ним, как по клавишам рояля, и поют эти клавиши, нисколько на него не обижаясь. У каждой решетки своя мелодия – замечали ли вы это в детстве, когда бежали с ней рядом?

Каменная ограда – арочная стена, над арками карниз, а в нем, как пешки под командой офицеров, поротно стоят балясинки, и над каждой аркой голова рычащего льва. Когда-то это были мощные красавцы львы, огненногривые, саблезубые, и прохожие обходили их стороной, чуть опасаясь… Сегодня они постарели, утратили глаза и зубы, и уже не рычат по утрам. У них закрыты теперь глаза…

…Утром, ранним, уже солнечным, но еще прохладным, идет человек по самой кромке пляжа. Волна набежит и отхлынет, обнажив мокрый песок, вот и остается место, куда поставить ногу.

Иду и играю с волнами в прятки.

Это ранняя весна, еще прохладно, но солнечно и чисто… Нет купальщиков, и стоит тишина – только ты и море, и еще утреннее солнце – оно поднимается из глубин моря, вымытое, тихое ото сна, спокойное – и видит тебя.

Первым, кого видит!

Идет человек, в старой и теплой куртке, в сухих ботинках, в теплом мягком кашне… Ему тепло и уютно, и нет нужды выглядеть нарядно или празднично, или как-то и для кого-то особо… Ты сейчас настоящий, такой как есть. Не перед кем рядиться – солнце знает и помнит тебя, настоящим.

…

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Проза

110 **Сергей Корниевский**
Преступник

121 **Олег Шварц**
Синяя планета

133 **Александр Бирштейн**
Наши люди

О кошке и собаках
141 **Лариса Запорожец**
Крещение
145 **Владимир Белый**
Я ее отпустил

147 **Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук**
Отмычка Соломона

Сергей Корниевский

Преступник

К мойке на Константиновской улице мы подъехали через пятнадцать минут после звонка. Машину поставили под уличным фонарем. Водитель остался за рулем, а я вместе с Колпаковым вошел в офис. Увидев нас, какая-то девчонка с бледным лицом и веснушками вокруг носа засуетилась, и пока мы приближались, громко крикнула в сторону кабинета: «Сергей Иванович, тут милиция приехала!». «Стало быть, верная секретарша», – подумал я. К нам вышел седой мужчина.

– Вы Сергей Иванович? – спросил его Колпаков.

– Да, я. Вы, видимо, из дежурной части. Пойдемте, я вам все покажу.

Он вышел из помещения и направился в сторону Днепровской дороги. Водитель Сержнев, увидев нас, закрыл машину и пошел следом.

– Вот, глядите, – приближаясь, Сергей Иванович указал рукой на темно-синий «фольксваген» с разбитым боковым окном с водительской стороны. – Это свежее. Мы сюда курить ходим, час назад было целое.

Машина стояла в совершенной тьме. Только под свет фонарика удалось разглядеть осколки разбитого стекла и небольшой булыжник около водительской двери. Следователь Колпаков попросил Сержнева взять у конопатой секретарши объяснение, сам сделал несколько фотоснимков автомобиля, булыжника, разбитого окна, поле чего позвал за собой Сергея Ивановича и направился в офис. Я их остановил.

– Когда вы выходили курить последний раз? – спросил я Сергея Ивановича.

– Ну так я же говорю, около часа назад, не позже. Было все целое, а тут я вышел, сначала даже ничего не заметил, а когда глаза к темноте привыкли, гляжу – дыра. Ну и позвонил вам.

– Хозяина машины знаете?

– Нет. Так она каждый вечер тут стоит, видать, в этом доме живет. Я не знаю его.

– Что-нибудь украли? – уточнил я.

– Откуда же я могу знать? Ну, наверное, украли что-то, магнитолу, наверное, что еще крадут… Проверьте там, есть она или нет. Какой смысл бить машину и ничего не красть?

Я отпустил Сергея Ивановича вместе с Колпаковым, а сам обошел машину несколько раз вокруг, снова подошел к разбитому окну и заглянул внутрь. На водительском сиденье стекло, разбитое на тысячи мелких частиц и удерживаемое тонировочной пленкой, валялось, словно неопрятно брошенная тряпка. Вместо проигрывателя из панели торчало несколько корявых проводов и реле. Стало быть, действительно украли. Мне показалось, что в салоне я почувствовал запах сигаретного дыма, но не придал этому значения. Сам отошел немного от машины и закурил. Подошел Колпаков.

– Ну что? – совершенно спокойно спросил он.

– Ничего, пусто. Магнитолы нет. Это чисто поселковая тема. У них за ночь бывает по несколько таких.

Колпаков тоже закурил. Мы вдвоем подошли к машине. Он засунул голову в салон и, подсветив панель автомобиля телефоном, что-то рассматривал. Само собой, для меня уже было все ясно. Раскрыть подобную кражу у меня нет шансов, в отличие от оперов из Суворовского, которые подчас ловят автомобильных воров и в нагрузку лепят им несколько левых эпизодов. Сверх того, на мне висело четыре нераскрытых кражи и грабеж на Набережной, нажитые за последние трое суток. Я решил, что дело нужно ронять.

– Дима, ты не в курсе, звонили на архиватор? – спросил я Колпакова, по-прежнему ковырявшегося в салоне «фольксвагена».

– Да, на архиватор. Так тут номер регистрации есть, так что в любом случае тебе придется принимать решение.

– Слушай, ну тогда укажи там как-то в объяснении, что машина стояла по ту сторону дороги. Пускай в Суворовском занимаются.

Колпаков рассмеялся.

– Ты что, издеваешься? Как ты себе это представляешь?

– Ладно, короче. Где терпила? Когда дашь ему подписывать объяснение, галочку поставь, чтоб осталось пару пустых строчек. Я потом что-нибудь придумаю.

Дима ушел.

Прием с галочкой – это старый, всем нам знакомый милицейский фокус, когда потерпевшему указывают место, где ему поставить свою подпись так, чтоб от текста самого объяснения оставалось несколько свободных строк, на которых в дальнейшем можно добавить какие следует поправки. Тот, кто принимает объяснение, закрывает свободное место ладошкой и пальцем указывает, где именно приложить руку. Мало таких храбрецов, что позволят себе убрать руку милиционера и расписаться как положено, следом за своими свидетельствами.

Совершенно неясно, зачем мне вздумалось вновь заглянуть в салон. Я включил фонарик и опять засунул голову в автомобиль: на лобовом стекле есть трещина, под зеркалом заднего вида висит пара миниатюрных боксерских перчаток и ароматизатор, на пассажирском месте лежит какой-то журнал. Вдруг мне показалось, что сзади себя я услышал какой-то шорох. Повернул туда голову, и, заледенев от испуга, шарахнувшись, выскочил из машины. На заднем сиденье кто-то был. Рубаха зацепилась за осколок и от резкого движения порвалась ниже подмышки. «Может, мне померещилось?» Снова осмотрел свою рубаху, направил свет фонарика внутрь салона и аккуратно заглянул. Действительно, там в кромешной тьме сидел человек. У меня по телу пробежала дрожь – я совершенно не ожидал, что внутри кто-то может находиться. От изумления я выругался на незнакомца и схватился за кобуру.

– Ах ты гад, а ну вылезай давай, – я подошел к задней двери и постучал по окну. Ничего не произошло. Попробовал открыть заднюю дверь. Закрыта. Снова постучал по окну – тишина.

– Вылазь, мерзавец.

Я позвонил Колпакову и сказал ему, чтоб он вместе с Сергеем Ивановичем и конопатой скорее бежал сюда. Первым пришел Сержнев.

– Что такое?

– Глянь в салон, сам поймешь, что такое.

Сержнев тоже включил фонарик и направился к «фольксвагену».

– Только не трогай его. Пока гражданские не пришли, пускай сидит, – скомандовал я.

Через полминуты пришел Дима и Сергей Иванович. Я им объявил, что в салоне машины находится человек, стало быть, преступник. Каждый по очереди заглянул, но, ничего не говоря, высовывал голову и смотрел на меня угрюмо, как на пророка.

– Ну. Так чего он там сидит? – спросил Колпаков.

– Ждет своей остановки, – огрызнулся я. – Ждал же вас, а то вытащу, а он скажет, что мимо шел. Секретаршу чего не позвал?

Сергей Иванович снова подошел к машине, еще раз заглянул в салон и что-то сказал неизвестному. Сержнев, так, как и я минуту назад, стал стучать по заднему окну. Дима попросил его сбегать за секретаршей. Минуту ждали их. Человек в машине все время молча сидел на заднем сиденье, не подавая никаких признаков присутствия. Когда все были в сборе, я попросил Сержнева стать около меня и опять залез в салон.

– Дружок, ну чего же ты засел тут? Давай вылезай, на улице хорошо, воздух свежий. Выходи к нам, поговорить надо, – я показал ему пальцем на дверь. В этот раз мне удалось как следует рассмотреть неизвестного. Мужик где-то около сорока лет, худой и костлявый; мне сразу бросился в глаза огромный кадык, торчащий из шеи, как скала, и маленькие свинячьи глазки, совершенно растерянные и озабоченно рассматривающие меня сквозь узкую щель. Одет был во что-то темное. Несмотря ни на что, дышал весьма ровно. На мои слова он никак не реагировал. Хоть я не давал тому наружность, стоит признать, что от него веяло какой-то напряженностью и тревогой. Когда он невзначай слегка пошевелился, я вздрогнул и смутился немало. Вылез.

– Ну что? – тут же спросил меня Сержнев.

– Та ничего, обдолбленный наркоман. Залез украсть магнитолу и решил, что с друзьями едет на рыбалку. Придется вытаскивать силой.

Сергей Иванович и его конопатая секретарша, недоумевая, осматривали меня по очереди с водителем. Видимо, никогда ранее с подобным не встречались. Я сказал Сержневу, чтоб он глядел

внимательно: сейчас открою дверь изнутри, чтоб тот не выбросил магнитолу – мой билет к раскрытой краже.

Снова полез в салон. Мужик сидел на своем месте за водительским сиденьем, по-прежнему не двигаясь. Я открыл переднюю дверь, сел на водительское место и потянулся за передней пассажирской ручкой. Мужик шевельнулся.

– Может, мне выйти? – совершенно невозмутимо спросил он, как будто предлагал мне свое место.

– Уже можешь не напрягаться. Выйдешь через лет пять, – ответил я и распахнул пассажирскую дверь настежь. – Сержнев, иди открой заднюю правую.

Сержнев оббежал машину, засунул руку в салон, поднял замочную кнопку, открыл заднюю дверь и замер.

– Чего ты стал? Залазь, вытаскивай его, – заколебавшись, прогремел я.

– Откуда я знаю, что у него на уме? Может, он лезвием сейчас начнет махать, – оправдался Сержнев.

«Действительно, не исключено. Значит, надо лезть мне», – согласился я.

– Иди, садись на мое место.

Я обошел машину вокруг и, направив фонарик в лицо мужику, приказал ему показать ладони. Он послушно выставил свои костлявые руки вперед и несколько раз ими повертел.

– Так и держи, молодец, – сказал я и, сев на заднее сиденье, стал приближаться к противоположной двери. Мужик молча продолжал вертеть перед собой руки, с интересом их рассматривая. Я потянулся к замочной кнопке так, что практически уткнулся своим носом в ухо неизвестного. От этого прикосновения по телу вновь пробежала дрожь. Аккуратно я поднял кнопку двери вверх, вылез из машины и стал обходить. Вдруг позади себя услышал хлопок. Это закрылась задняя дверь, из которой я только что вылез. Вернулся к ней и попытался открыть. Заперта. Я пошел к двери, в которой поднимал замочную кнопку, но и она оказалась закрыта. Сержнев уже стоял в нескольких метрах от машины, держа в зубах сигарету и что-то рассматривая в телефоне. Дима и директор с секретаршей наблюдали за мной, как православные за работой иудейского священника. Я опять выругался.

– Сержнев, какого черта ты там делаешь? Я тебе сказал сидеть в машине, этот кретин закрыл все двери.

Водитель засуетился, спрятал телефон и подбежал к передней двери. Я его остановил и сам сел в машину.

– Ты чего же это, гад? – шипя, обратился я к мужику. – Быстро открыл дверь, не делай мне нервы.

– А можно, я еще здесь посижу? – вдруг жалко проговорил он, как ребенок, просящий у родителей еще поиграть за компьютером. Совершенно озадаченный такой просьбой, я решил действовать жестче: быстро поднял кнопку замка вверх, выскочил из машины и дернул дверную ручку. Он снова ее запер.

– Ах ты мерзавец! – взревел я. – Сержнев, стой тут, я сейчас отворю замок, сразу открывай дверь.

Я влетел в машину, отбросив худые руки мужика в сторону, быстро поднял кнопку и крикнул водителю. Задняя дверь, за которой сидел осажденный, отворилась.

Около минуты мы с Сержневым и позже подключившимся Колпаковым доставали мужика. Про магнитолу я уже позабыл. Во время потасовки рубашка моя порвалась еще хлестче. Я остервенел всецело. В горячке рукой я врезался в шею неизвестного и крепко ее сжал. Он захрипел, задыхаясь, но продолжал сопротивляться, упершись руками и одной ногой в «фольксваген», второй в меня. Я сжал шею еще сильней и также одной ногой уперся в злополучный автомобиль. Мужик шипел и выпученными глазами осматривал нас, как рыба смотрит на удильщика. Мы, вспотев и задыхаясь от волнений и труда, тащили мужика из его убежища наружу. Тянули так, что порвали ему свитер. Жалкая картина. Сокрушительная правда, о которой мне предстояло узнать чуть позже, на миг посетила мою голову, но тут же исчезла. Конопатая секретарша подбежала к нам и стала бить меня своей тонкой ручкой.

– Что же вы делаете? Вы же его задушите, – кричала она, бессильно стуча по моей спине.

Я отпустил шею и несколькими резкими движениями все же вытащил мужика из машины. Уложили на землю. Сержнев загнул его руки за спину и разом с Колпаковым надел на них браслеты.

– Ах ты гад! – взвыл я. – Ты, видимо, не понял, с кем имеешь дело. Сейчас приедем, я тебе все объясню.

Я приказал Сержневу брать мужика под руки. Поставили на ноги. Водитель повел его в дежурку. Я спросил, все ли из материалов собрал Колпаков, и мы с ним направились к машине. Конопатая секретарша шла следом за нами, вопила, что поедет в отделение с мужиком, что если мы его побьем, будет жаловаться куда следует, обзывала фашистами и проч. «Бодрая девка», – подумал я. Вспомнил за магнитолу. Развернулся и пошел в сторону машины. Секретарша, опешив, остановилась, сделала несколько шагов назад, и когда я приблизился вплотную, конвульсивно вздернула руки, стало быть, в ожидании драмы. Я прошел мимо. Магнитолы нигде не было. Я осмотрел заднее сиденье, коврики, место под задним стеклом, смотрел под машиной и по пути от «фольксвагена» к дежурке. Ничего не нашел. Вернулся и снова осмотрел салон. Ничего. От волнения я решил, что преступник спрятал магнитолу в штанину, поэтому успокоился, сел в машину и приказал Сержневу ехать, убежденный, что раскрытая кража у меня в руках.

В дороге все молчали. Я хмурился и думал о предстоящем допросе. Мужик с зажатыми за спиной руками тихо сопел и рассматривал панель с громкоговорителем, рацией и сиреной. Он казался совершенно беспечным и спокойным, как ребенок, впервые катающийся в милицейской машине. И без того моя жуткая неприязнь к наркоманам ударила в уши. «Сейчас, сейчас», – тихо шепнул я.

Приехали быстро. В дежурке сидели Кириченко и участковый Сердюк. Вместе с какой-то бабой они заполняли бумаги. С мужиком я сразу направился в свой кабинет, но меня окликнул дежурный, чтоб записать доставленного в журнал посещений. Мужика поставил лицом к клеткам. Все это время он, по-видимому, совершенно утерявший интерес к происходящему, покорно повиновался всем моим командам и молчал. Я набросил шторку на камеру видеонаблюдения у себя над головой и открытой ладошкой с размаху ударил его по щеке и уху. Он упал. С затянутыми за спиной руками мужик попытался встать, но тут же рухнул набок. Неизвестная баба, с которой работал дежурный, вдруг вскрикнула, но тут же закрыла ладонью рот, зажмурилась и отвернула голову в сторону. Лежа, мужик повернулся и посмотрел на меня, затем на Кириченко и Сердюка.

– Ну что, ты понял, куда попал? – спросил я тем самым остервенелым голосом, что угрожал ему пятнадцать минут назад. Он ничего не ответил. Из-под уха потянулась кривая красная линия. Я взял его за руку и повел в свой кабинет.

Наконец рассмотрел его всецело. Одет он был, как физик-ядерщик, в серые выцветшие брюки, какой-то невинный свитерок и черные поношенные туфли. Во внутреннем кармане нашел бумажку с номером телефона. Магнитолы при нем, само собой, не оказалось. Минут пять, по обычаю, с апломбом уверял, что тюрьмы ему не избежать, и что он себе поможет, объявив, где находится украденное. На это он отрицательно кивал головой и гудел, как трансформаторная будка. Следующие двадцать минут я суетился над мужиком, желая извлечь из него нужные сведения, словно повивальная бабка – младенца из утробы тощей матери. Тщетно. Вернулся к бумажке с номером. Набрал, дал телефон ему и сам вышел. Через пять минут вернулся, забрал телефон, вышел. Прослушал разговор. Ничего. Говорил он с какой-то женщиной, ревевшей в трубку, умолявшей его объявить, где он, и проч. Ни слова о магнитоле. О! Я так был занят своим предприятием, что совершенно не замечал вопиющих примет.

Вдруг затряслась дверь. С той стороны послышался женский голос. Сам не знаю, зачем я открыл, и в кабинет, словно ветер, влетела конопатая девка из автомойки. Мигом она подскочила к мужику и, увидев под ухом засохшую кровь, взяла его под руку и без разговоров, отталкивая меня, стала тащить к двери. Я пытался ее остановить, но она укусила меня за руку, крепко вцепилась в мужика и практически вытащила его в коридор. О, русские женщины!

– Как она тут оказалась? У тебя что там, день открытых дверей? – с гневом крикнул я дежурному Кириченко.

Он прибежал резво, мигом подхватил девку за подмышки и потащил из кабинета. Та держалась за мужика, билась ногами, в суматохе плюнула мне в лицо, снова обзывала нас фашистами и истерически верещала. Я тащил мужика в обратную сторону. Жалкая картина.

На мой телефон уже несколько раз звонил тот же номер, с которым говорил мужик. Я не отвечал. Снова стал пугать его тюрьмой. Он по-прежнему говорил какую-то чепуху и, как кот в окно,

смотрел на меня жалкими глазами. «Крепко держит», – решил я. В кабинет зашел Кириченко.

– Там приехал потерпевший, выйди к нему.

Я усадил мужика на стул и пошел к выходу. Около решетки стоял невысокий пузатый мужик с лысиной на затылке.

– Вы хозяин «фольксвагена»? – спросил я его.

– Да.

– Вот, дежурный сейчас у вас примет заявление, магнитолу пока не нашли, он ее где-то спрятал, видимо. Но не беспокойтесь, найдем.

– Какую магнитолу? – вдруг спросил хозяин «фольксвагена».

– Какую-какую? Ту, на которой вы сегодня утром музыку слушали.

Он немного задумался.

– У меня не было никакой магнитолы.

– Как не было? А что за провода там? Это же с автомойки? Мне сказали, что была.

– Провода торчат уже год. Магнитолы никогда не было. Кто сказал?

– Что значит, не было? А что было?

Он, стало быть, озадаченный моим вопросом, оглядел меня снизу вверх.

– Что украли у вас, вы уже знаете? – уточнил я вопрос.

– Ничего не украл, только стекло разбил, и не более.

«Не может быть, чтоб ничего не украл. Мне надо кражу раскрыть», – подумал я.

– Что же он, по-вашему, просто посидеть в машину залез? Вы, видимо, плохо смотрели.

Мужик не успел ничего ответить. В отделение вбежала новая баба, одетая в зеленое платье, с длинными волосами, красивым лицом и красными от забот глазами. Она заглянула в окошко дежурного.

– Михайлюк! Михайлюк! У вас Михайлюк? Пожалуйста, – ревя, теребя в руках мокрый платок, она увидела, что в дежурке никого нет, обратилась к нам.

– Женщина, вы кто? – спросил ее Кириченко.

– Я его жена. Он у вас?! У вас?!

Я понял, что это жена моего преступника.

– Ну вот, мы хотя бы уже знаем, как его фамилия, – спокойно сказал я. – Вы знаете, что он настолько обдолбленный, что ничего вообще не соображает? Что он разбил вот человеку стекло, залез в его машину и, может быть, что-то там украл?

– Так он же больной! Больной! Вот, вот справка, – она достала из карманчика какой-то потрепанный клочок бумаги и трясущейся рукою протянула его мне. – Умоляю, с ним все в порядке? Умоляю, пожалуйста! Я хочу его увидеть, с ним все в порядке?! Он больной, он обещал мне, что к вечеру вернется, хоть уже за десять.

В силах ли ты, милый друг, вместить, что со мной произошло в тот момент? Какое зверское потрясение меня охватило, когда я услышал, что мой преступник отнюдь не наркоман, к наркотиками имеет пристрастие ничуть не более, чем я, а всего лишь простак, в своем затуманенном безумии пожелавший залезть в чужой автомобиль. В один миг в моей голове всплыли все горячие сюжеты этого вечера: удушение, удары, крики, угрозы. О, позор, как это пошло! Я надорвался и, едва скрыв потрясение, ушел в свой кабинет. Женщина продолжала что-то лепетать про своего мужа, но слушать ее голос я уже был не в состоянии.

Мужик сидел на том же стуле, в той же искривленной позе водосточной трубы, что и в тот момент, когда я его покинул. Когда я вошел, он, не уделив моему появлению никакого внимания, про себя улыбался и что-то бормотал. Я взял из своего стола какую-то тряпку, смочил и вытер с его лица зачерствевшую кровь. Он мне улыбнулся. От этого меня чуть не вырвало. Снял с его рук браслеты, привел в порядок и пригласил в кабинет жену.

О! Русские женщины! Она в беспамятстве, позабыв про все на свете, бросилась обнимать, рассматривать и обласкивать от пят до головы своего больного. Мужик раскрыл широко рот, просветлел и, стало быть, от потехи и бессилия, из его рта потекла слюна. Привернув к себе его еще ближе, жена вытерла с лица секрет, поцеловала и разошлась еще крепче в неумолимом плаче. Теребя его лицо, женщина нечаянно нащупала за ухом ссадину, на миг замерла, но тут же резко убрала руку и, не придав находке ни малейшего знака, продолжила реветь и ласкать своего мужика. Затем она вмиг обратилась ко мне, резво бросилась на колени, сжав в молении руки.

– Он инвалид! Он контуженый! Два года назад его вместе с нашим сыном сбила машина. Сын погиб. Он сильно ударился головой о землю, отчего оскробел. Умоляю вас, отпустите его, я умоляю – я за стекло заплачу, – истошно, вряд с ревом и стенанием снова взвыла она.

Терпеть этого я не имел более сил. Я выскочил из кабинета, забежал в уборную и, как плюгавец, сам того совершенно не ожидая, горько расплакался, сопя, пуская из носа пузыри и подтирая влажные щеки и пот со лба. Почему так произошло? Я не знаю, но мысль об этой отчаянной и до безумия преданной женщине, что стояла только что предо мною на коленях, ее бремя и преданность, тяжесть и мрак всей этой истории и моя в ней роль вдруг столь резво наскочили на меня, что в груди загорело, в горле сдавило, дыхание замерло, и слезы хлынули селью без моего в том участия. Я подошел к умывальнику. Само собой, мне было слишком стыдно узнать это бесславие в зеркале, отчего я опустил, насколько возможно, вниз голову, и несколько минут приходил в себя, освежал водой покрасневшие и опухшие глаза. Когда я вернулся, она по-прежнему держала своего инвалида в объятиях. Увидев меня, она тут же подскочила и, кажется, вновь желала броситься на колени, но я ее остановил. Подошел к Михайлюку, похлопал его по плечу и виновато опустил голову.

– А что за машина была, что его сбила? – спросил я женщину.

– Какая-то большая. Я точно не знаю, может быть, КамАЗ или что подобное. Водитель получил премию в этот день и был смертельно пьян.

– Сыну сколько лет было?

– Четыре. Витя в этом году должен был идти в школу, – она снова расплакалась.

Я подошел к ней и, с трудом сдерживаясь, взял за плечи и обнял. От этого женщина слегка вздрогнула, ослабла и, упершись головой в мое плечо, расплакалась так крепко, что целиком измочила мою рубаху, порванную два часа назад ее инвалидом. Как объяснить ей, зачем я бил ее мужа, я не знал.

Олег Шварц

Синяя планета

Рассказ

Почему-то, когда мне было одиноко, я хотел физически попасть на Синюю планету. Телепортация или дырочная телепортация (как ее называли в прошлом) туда была запрещена. Существовала тысяча экзотических способов побывать на Синей планете, не выпивая всякой защитной гадости и не садясь в космобиль без ведома моего старшего брата. В конце концов я мог долететь туда любым рейсовым кораблем. Правда, они давно уже стали экскурсионными, но летали довольно быстро. Билет стоил сущие копейки. Последнее время появилось много любителей старины и экзотики. Собирание старинных монет, книг, оружия, вазочек, статуэток и всякой всячины из разных частей вселенной было любимым занятием многих и многих. Но если говорить о моих пристрастиях, то путешествия для меня стояли на первом месте. Экскурсионные бюро порой приглашали в такие головокружительные места, что без дополнительных чипов, особых систем защиты, кислородных приборчиков, а иногда и колец-невидимок перенесение туда было строго запрещено. Можно было также полежать на учебных курсах, где в тебя вливали информацию, прививая необходимые навыки, знания и сноровки. Можно было даже послушать робота-лектора, если ты уж такой дикий, и потом закрепить и расширить в памяти материал с помощью таблетки лаплана, если ты ну совсем настоящий дикарь или безумный историк с нестандартной душой и нездоровыми порывами. Я мог бы попасть туда, не выходя из комнаты. Новая дорожка и очки от Снейга, и никаких кнопок. Путешествуй куда хочешь, даже на ту планету или в ту страну, которую ты сам придумываешь на ходу. Конечно, это старый как мир способ, но когда телепортация

в то или иное место запрещена, вполне приемлемый. Каждая ямка на дороге, каждая травинка и росинка были подсчитаны, каждый ручеек тек с реальной скоростью в реальном времени, подчиняясь той силе ветра, которая в тот момент там была. Я удивлялся – неужели листья дрожат точно так же, как сейчас, там, на Синей планете, а ветки качаются в тех же направлениях и с той же скоростью? Я не очень-то вдавался в эту методику. Коммерческая сила дошла до того, что в фирменном описании нового оснащения говорилось, что незримая пыль, которая незначительно поднимается в воздух при ходьбе человека, смоделирована точно так же, будто вы ставите ногу там, и рассеивается она, и ложится так же, так что будьте уверены, вы ступаете именно там. Разумеется, ничего не говорилось о том, что речь идет лишь о туристических маршрутах. Они, конечно, могли отсканировать всю планету, но, очевидно, не все места были доступны для посетителей, кроме того, где можно сэкономить – можно сэкономить. Зверей и насекомых, которых было не так уж много на планете, они практически игнорировали, хотя восход солнца, закат, запахи, пение птиц – все было сделано профессионально.

И все-таки такое путешествие было не по мне. Ну не могу я осознавать, что скольжу по какому-то листу, а на самом деле иду по траве живописного леса, где хвойная сырость ударяет мне в лицо, кружится голова, я наклоняюсь, чтобы понюхать цветок, ветка трещит под ногой, и солнце внезапно ярко освещает поляну, где огромный дуб плывет в дурманящей пелене, слегка качаются зеленые паруса его ветвей, и синичка, не пугаясь меня, садится на тоненькую ветку, которая раскачивается, как трамплин. Хочется разбежаться и влететь на поляну, прямо всем телом в свежий стог ароматного сена, которого раньше здесь не было, но я его придумал. Вот тут и возникает путаница. Я скольжу и спотыкаюсь на искусственной тропе, а не иду по траве живописного леса. Но какая разница, если цель достигнута? Ты вроде бы на планете, все кажется таким натуральным, что трудно в это не поверить. Так считают в фирме Снейга и вообще большинство людей.

На корабле я заснул под тихую музыку. Нежный женский голос что-то рассказывал о Синей планете, словно убаюкивал. Я не вслушивался в слова. До меня доносился почему-то звук да-

лекого поезда, который идет по рельсам. О существовании подобных средств передвижения я узнал из статьи некоего Спайкса, который и сделал себе карьеру на выкапывании всяких инопланетных древностей.

Станция была утлым причальчиком посередине зеленого поля свежей травы. Там же, на причале, можно было взять рулелет – я так его называл – старинное устройство для перелета на близкие расстояния. Кстати, как оно называется? Не помню. Стоишь и держишься руками за руль, полукруглое стекло защищает от ветра. Летишь себе на высоте двух-трех метров, можешь зависнуть в воздухе – красота. Едва я начал взлетать, меня занесло в сторону и чуть не шваркнуло о землю, но спасибо экскурсионной компании, рулелет имел защитную систему от ударов и падений, которая определяла массу и форму тела, с которым можно было столкнуться, и высчитывала мощность выброса сжатого газа, при этом выравнивая рулелет.

Я тихо летел, и деревья шелестели совсем рядом. Я чувствовал себя землянином, который летит на работу или еще куда-нибудь и просто решил по дороге полюбоваться лесом. Мне казалось, я знаю эти места, здесь прошло мое детство. Здесь мы разбили палатку давным-давно с моим другом. Я в первый раз тогда заночевал в лесу, а мой друг все пугал меня какими-то страшным историями и по-волчьи скулил. А потом, когда совсем близко над нами ухнула сова, и проткнувшее палатку эхо так и осталось в ней, мы забились в угол, обняв друг друга. И не было никого ближе в тот час на целом свете. Вот он, мой лес, где я заблудился, где я плакал, смеялся, играл, пел, где гулял насвистывая, когда было радостно, и куда уходил горевать, когда налетала грусть. Я удивлялся такому повороту моих мыслей. Ведь это же не моя планета, не моя земля, и бывал я здесь только в виртуальной реальности коммерческих экскурсионных программ. Но почему же лес казался мне таким близким, словно тот друг, с которым мы испугались совы в палатке? Друг, которого у меня нет.

Лес перешел в гладкую равнину, которая ковром-самолетом приземлила меня на песчаный берег голубого жгучего моря. Я приземлился так аккуратно, что не почувствовал прикосновения к земле. На меня смотрело все вокруг, все, что имело глаза,

все, что дышало и жгло. Я прыгнул на песок, снял обувь и мгновенно ощутил его теплую вдавливаемую гладь. Мне совершенно не было ни одиноко, ни страшно оттого, что никого нет кругом.

Я шел по берегу моря, огромного моря. Я понимал, что оно настоящее, не созданное человеком, и от этого море казалось еще огромней. Горизонт был прочерчен темно-синим карандашом, словно наспех, словно кому-то нужно было срочно провести синюю линию, чтобы обозначить начало неба, поднимающегося над морем. Солнце планеты сверкало на волнах отдельными островами, и казалось, что это миниатюрные лодки своим солнечным сиянием качаются на волнах, переливаясь крылатым огнем. Это было похоже на нашествие сверкающих чаек, летящих очень низко над поверхностью воды. Они приближались к берегу, но не враждебно, просто спеша по своим делам. Прямо у берега они превращались в одинокие огоньки, сгорающие и зажигающиеся вновь.

Передо мной замерцало изображение Дэна. Я сказал: «Привет», – не отрывая взгляда от горизонта.

– Куда ты пропал? – голос Дэна звучал так чисто, как будто он был частью этого моря.

– Полетел на Синюю планету.

– Как твои исследования? Кетри не любит отстающих, ты ведь знаешь?

По-моему, он не придал значения моему ответу или не услышал его.

– Поэтому мне и нужен был этот день. Настрою процессор на два дня бодрствования и все сдам в срок. Видел бы ты, какое тут море!

– Где?

– На Синей планете.

– Где? Это же планета Земля! Как ты туда добрался? Подожди, но ты… Ты отключил процесс отслеживания? – он понизил голос. – Ол, зачем… ты знаешь, что…

– Дэн, не волнуйся. В следующий раз полетим сюда вместе.

– Как ты туда добрался?

– На экскурсионном корабле.

– Фу ты, не знал, что они еще летают.

Я сел на песок и стал бросать камушки в воду. Дэн все еще мерцал над водой. Он устраивался в кресле поудобней.

– Включи изображение, – буркнул он мне. – Знаешь, когда я последний раз там был?

– Знаю, Дэн, был, не ступая сюда ногой.

– Какая разница, все было по-настоящему. Мы взбирались на какой-то холм и даже пробовали бананы, а потом наш гид совершил хулиганский поступок, и мы оказались в сохранившейся хижине где-то в Норвегии (как сейчас помню). Знаешь, была там такая страна когда-то. В хижине я видел скамьи у стенки, большой деревянный стол, кружки, посуду.

– Они сохранились на самом деле?

– Откуда?! Гид нам их воспроизвел. Скопировал предметы из какого-нибудь музея, я думаю.

– А я хочу увидеть то, что действительно сохранилось.

– Ол, там нет ничего живого, кроме микроорганизмов и каких-то мелких животных уже несколько тысяч лет. Как ты отыщешь какую-то кружку?

– Но на санках-то вы покатались?

– А как же!

– Н-да, сидя на диване.

– Ол, не превращайся в дикаря. Ты хочешь стать похожим на выживших из ума путешественников?

– Да, ты знаешь, хочу обратиться к доброму старому дяде Колну и перенестись куда-нибудь в прошлое.

– К этому шарлатану? И потом… это нельзя делать.

– У нас нельзя, а на Синей планете…

– Я тебе могу дать…

– Нет, Дэн, по-настоящему,

– Да, Ол, тебе надо срочно возвращаться к своим исследованиям. Такие мысли тебя погубят. Если тебя съедят динозавры, я не могу себе представить, что напишут эти любители полунаучных новостей.

– Ну и что? Меня же восстановят.

– Где? На Синей планете? Сто миллионов лет назад?

– Все будет официально.

– Тебе никто не разрешит попасть физически в ту эпоху.

– Дэн, мы заржавели, причем давно, как те норвежские кружки. Ты даже не рассказал мне, как вы катались на санках и ехали вниз с горки. Я делал это когда-то с гидом, сидя на стуле в уютном офисе Детского игрового центра. С ума сойти, какой это идиотизм!

– Почему, Ол? У них можно и по-настоящему поиграть. Когда ты возвращаешься?

– Еще не знаю.

– Хочешь, чтоб я послал тебе дополнительную систему защиты?

– Нет, Дэн. Хочу просто погулять.

– Это глупо, Ол, очень глупо.

Я нашел огромную плоскую ракушку. Она была теплая, даже горячая, и очень красивая.

– Эй, Дэн! Давно ли ты находил на берегу моря такие ракушки?

Я увеличил изображение для него.

– Сейчас отсканирую.

– Да нет, Дэн, просто посмотри.

Но Дэн уже сканировал ракушку, выдавая мне ее химический состав, возраст и структуру.

Я вежливо попрощался с ним, не обижаясь, нет. Дэн занимался экологическими усовершенствованиями искусственных морей. Он очень практично подходил к своей работе и к своей жизни, в которой было мало импровизаций. В детстве он много читал, в том числе и старинную литературу земных авторов. Но вся эта наша жизнь со сканированием продуктов, проверкой работы каждой клетки, моделированием знаний и опыта, техническим предсказыванием, когда люди уже боятся отключать вшитые и привитые им чипы и устройства, советуются с виртуальными психологами, а не с друзьями, – вся эта жизнь свернула его развивающуюся бесшабашность, его порывы, его непредсказуемую творческую страсть в лежащую под стеклом трубочку, которую он только иногда поглаживал, пробуждая в себе воспоминания юности. Я думаю, что в душе его обуревала жажда приятно удивляться, написать стихотворение без запрограммированных подсказок, проснуться один раз и отключить психологическую программу установления настроения, просто поехать в лес, провести рукой по дереву, пообщаться с птичкой, насвистывая ей в ответ. Она и впрямь будет думать, что ты с ней разговари-

ваешь. Она такая, какая есть. И я хочу оставаться самим собой, а не ставить ногу под углом, который высчитывается за меня компьютерными системами, расположенными за тысячи миль от меня и созданными неизвестными мне людьми. Так меньше нагрузка на кость, смотрите, как сократилась ваша мышца, так она сможет развиваться лучше, и кровообращение совсем другое! Обо мне заботятся, спасибо. Но иногда забота кажется тайным разговором родителей на кухне, куда прикрыта дверь, и мама время от времени ее приоткрывает, высовывая голову и проверяя, не слышит ли эту беседу ребенок.

Я прилег прямо на песке. Облака плыли высоко-высоко, очень быстро, словно кто-то задергивал занавес, прикрывая окно неба. Солнце скрылось, освещая края облаков оранжевым сиянием. Я теребил песок, набирая его в руку и высыпая, будто моя рука была песочными часами, которые и не нужно переворачивать. Ветерок дрожал, и я стал уже дремать, как передо мной засверкало изображение симпатичной девушки из экскурсионной компании. Это была старая программа, созданная, очевидно, очень давно. Девушка улыбалась и спрашивала, когда бы я хотел вернуться на станцию, не нужна ли мне еда, вода или помощь, а затем монотонно зачитывала расписание движения кораблей. Я подумал, что, может быть, программа была создана так давно, что программист использовал реальный образ, возможно, той девушки, которую любил. Я вглядывался в ее черты и совершенно не слушал, что она говорила. Как мне было бы интересно, если б она говорила по-настоящему, то, что действительно говорила в своей жизни! Мне было приятно смотреть на нее, и она мне нравилась.

Я задремал. После того что я отключил все, что мог, кроме главного чипа, разумеется, мне снился, наконец, не запрограммированный, а самый настоящий сон. Какие-то птицы летали в нем, одна кричала на другую, и сгустки тумана росли и росли. Потом туман рассеялся, и я очутился в небе над городом. Город был странным. Дымились трубы, по улицам ехали наземные машины, и что самое удивительное – в городе протекала река. Я плыл, как птица, между высотными строениями с темными стеклами, и ветер дышал мне в лицо. Вдруг произошла вспышка, отчего я зажмурил глаза и пулей начал падать вниз. Мне стало страшно, и я закричал. Мой крик

надулся, как парус, между серыми башнями двух домов. Он падал вниз вместе со мной, а потом я плавно остановился, словно крик вдруг стал парашютом, оберегающим меня и спасающим от неминуемой смерти. Я завис и лежал высоко над землей, немного раскачиваясь, как на пружинной кровати, как будто подо мной была огромная сжатая масса воздуха, готовая выстрелить мной в любой момент. Потом я заметил, что плавно опускаюсь, как на лифте, вниз, и машины и люди внизу растут и приближаются ко мне, словно я подвожу к глазам увеличительное стекло и медленно изучаю новый мир и новый город. Я опустился на землю и пошел по тротуару. Я был обычным пешеходом, местным жителем, не упавшим с неба, а живущим здесь всю свою жизнь. Я купил сдобную булочку и съел ее с превеликим удовольствием. На углу улицы, не доходя до моста через реку, меня угостили чаем в уютном кафе с якорями на стенах. Там я почитал любезно предложенную хозяином газету и перебросился парой фраз с человеком, сидящим за соседним столиком. Я прошел еще два квартала и повернул налево. Улица вела к пляжу; она походила на тенистый канал, слетающий к морю, или пирс, приходящий к нему в тени высоких платанов. Я ступил ногой на теплый, немного колючий песок. Я чувствовал, что просыпаюсь, но мне так не хотелось уходить из этого мира! Мне хотелось снова оказаться в кафе с якорями, поговорить с кем-нибудь, вернуться в старые мечты, как в будущее, которое лишь свершится, лишь придет. Оно накроет меня новым огнем и выстрелит в воздух залпом тысяч победных пушек, словно новая жизнь будет рождаться на ходу, и дружба с новым собеседником будет приближаться ко мне, как корабль, на котором я совершу кругосветное плавание по этой замечательной планете, и каждая частичка воздуха будет порхать теплой летней бабочкой в новых неизведанных портах, где жители гостеприимны, а женщины засматриваются на мужчин, ища частицу красоты и мужественности, которая им нужна. И улицы полны там праздника и веселья, и корабль нас ждет, и солнце летит по городу, создавая его, словно разворачивается гигантский макет, вырастая из брошенного наземь огромного бумажного рулона, и дома, и мостовые становятся настоящими, вырастают деревья и летят вместе с городом куда-то к подножию горы.

Я подошел к кромке воды, вдохнул воздух и посмотрел назад в сторону берега. Я увидел его совершенно случайно. Он сидел на берегу и что-то писал в тетради. Мне не хотелось знать, какой его рост, вес и генетическая характеристика. Мне не хотелось знать, в каком я точно году. Я просто смотрел на него. Он меня не видел, такой сосредоточенный и чем-то даже похожий на меня. Дэн прорвался через полусознание, мой мозг клевали одинокие гудки. Доктор Гурн, наверно, меня засек и для начала хотел просто вытащить отсюда. Он хоть и был моим хорошим приятелем, но сделал бы это без колебаний. Я понимал, что скоро они меня все равно накроют.

Я решил подойти к нему. Какой глупостью было снять туфли, раздеться и остаться в легком тренировочном костюме! Я усмехнулся, что, как и все мы, заражен этой болезнью безопасности. Он увидел меня, провел рукой по лбу и продолжил писать. Я заметил нескольких пляжников. Они не обращали на меня внимания. Мой защитный костюм был настроен на невидимый режим, и поэтому никто не заметил, как он исчез на мне.

– Сегодня тепло, – сказал я и обалдел от самого себя.

– Тепло, – ответил он.

Что это за язык? Но какая разница? Я говорил, совершенно не ощущая, что я его не знаю. Переводчики были одними из лучших наших достижений.

– Я Ол, – выдал я.

– Ол?

– …Олег, – все-таки процессор нашел близкое имя.

– Вениамин. Будем знакомы.

– Я смотрю, никто не купается сегодня.

– Так вода прохладная, да и поздно уже.

И вдруг мне стало неимоверно жалко его. Вот он сидит, пишет, и все вроде бы хорошо. У него порыв, и падает на него печаль, и всплеск невыразимого откровения, и счастье льющегося водопада нот, которые будят его в чудесное доброе утро и улыбаются, как бы говоря, что все плохое осталось в глупом, испугавшем тебя сне, а ты твори и живи, дыши, не умея надышаться, вдыхая еще и еще, и еще! Но ведь жизнь его будет коротка, словно он только проснулся, а день уже пробежал, и вроде сделал что-то, а вроде и нет, и так много еще хочется сделать и вообще выйти в другое

пространство, сбросить с себя тень этого докучливого мира со всякими скучными приятелями и близкими, которые отбирают у тебя эти дни, эти горы и моря, хлопают дверями, сами пекут хлеб и часами спорят, с каким маслом он вкуснее всего.

– О чем вы пишете? – спросил я его. Он замялся и немного смутился. – Извините, – сказал я.

– Нет, – ответил он. – Это так… пытаюсь попробовать себя в жанре научной фантастики.

– Интересно, – я вдохнул этот морской воздух с удовольствием. Таким воздухом можно было подышать… тьфу ты, черт, опять вспомнил я о своей реальности. – Научная фантастика?

Он кивнул: – Пытаюсь.

Я словил себя на мысли, что для меня бумажная тетрадь – как для него кусок пергамента. Вдруг замелькало изображение. Робот, вернее, его голографическая голова в высвеченном для меня экране, замелькала, подпрыгивая на морской поверхности, как маленькое судно.

– Мы отключаем вашу связь с этой особью. Вы перенеслись во времени незаконно.

– Честное слово, я не знаю, как это получилось. Надеюсь, особь, как вы выразились, не узнает о нашем разговоре.

– Естественно. Мы транспортируем вас назад двумя способами, сначала во времени…

Я пытался его отключить, но вдруг перед глазами заплясал Дэн и профессор Карлов.

– Дело плохо, – подумал я.

– Ол, не волнуйся. Я сумел убедить профессора, что это все происки старого дяди Колна. Он перенес тебя в прошлое на Синей планете. Искусно сработал, гад. У меня есть доказательства, Ол. В конце концов, ты полетел экскурсионным кораблем и ничего такого не сделал.

– Здравствуйте, Ол, – прокашлявшись, забасил Карлов. – Я договорился в институте, что вы всего лишь прочтете несколько дополнительных лекций на факультете истории Синей планеты вместо административных наказаний, ведь вы отключили систему защиты.

– Я…

– Ол, не говори ничего, – вмешался Дэн.

– Да, – кивнул Карлов, – выживший из ума Колн, возможно, случайно проделал с вами злую шутку, скорее по глупости. Он будет наказан за это.

– Не надо его наказывать из-за меня, – сказал я.

– Ол, – продолжал Дэн, – мы сможем вытащить тебя оттуда только в два этапа. Подготовься к перемещению во времени, а потом мы тебя телепортируем.

– А может, назад я поеду на экскурсионном корабле?

– Не в твоей ситуации сейчас ерничать.

– Рейсы экскурсионных кораблей временно отменены, – сказал профессор.

– Что? Из-за меня?

– Нет, при чем здесь вы? – Карлов густо прокашлялся. – Готовьтесь к транспортировке. И где ваш костюм?

О систему, которую они уже успели включить, ударился большой и легкий мячик. Он покатился к воде, и маленькая девочка побежала за ним, постоянно на меня оглядываясь. Я увидел пчелу, которая летела между мной и профессором Карловым, и это было невероятно.

Мой костюм взобрался на меня за считанные секунды.

– До свиданья, – сказал профессор Карлов, и изображение исчезло.

– Дэн, я…

– Даже не думай с ним прощаться, Ол. Тогда я уже ни о чем не смогу попросить ни профессора, ни кого-нибудь другого.

– Дэн, я так хочу ему помочь!

Слабый ветер засвистел у меня в ушах.

– Ол, транспортировка начнется в считанные секунды.

– Дэн, я хочу ему пожать руку, чтобы передать дозу лайфодипролонга.

– Ты с ума сошел?

– Он будет жить в два раза больше и не будет болеть. А может, он пишет о нас и предсказывает нашу жизнь? Представляешь, если его рассказы опубликовать? Может, для нас это и фантастикой-то не будет.

– Ол, – Дэн покачал головой.

– Я хочу почитать, что он пишет, черт возьми! Да они, ей-богу, более свободны, чем мы. Что за текст ты мне послал о них, когда вышел на связь? Какой авторитарный режим? Какой Брежнев?

– Ол, система транспортировки начала свою работу. Ты мой друг, и поэтому я не обращаю внимания. Ты слишком возбужден. Знаешь, скольких усилий мне стоило уговорить профессора Карлова не применять к тебе никаких санкций? Все, Ол, приятной транспортировки. Стой, пожалуйста, неподвижно. Сейчас к тебе подключатся из лаборатории.

На экране появился какой-то парень с нордическим цветом глаз и девушка с непомерно большой головой.

– Ваши руки должны плотно прилегать к телу, – говорила девушка, словно зачитывала приговор.

Вдруг я услышал звучный хохот.

– Вот это номер. Ха-ха-ха-ооо…

Какой-то парень с белозубой улыбкой слетал с лестницы и подбегал к моему новому знакомому.

– Что ты тут делаешь? – продолжал парень, не переставая смеяться.

Смех этот был такой радостный и свежий, такой настоящий, что мне захотелось остаться и с мясом вырвать из себя все вшитые и привитые мне приборы. Я отключил мысленно систему слежения. Черт, мне это удалось! Я подбежал к нему.

– Всего хорошего, – сказал я, протягивая руку.

– До свиданья. Приятно было познакомиться.

Наше рукопожатие было коротким. Я протянул ему капсулу лайфодипролонга в стеклянной оболочке.

– Что это? – спросил он.

– Это для здоровья, новое средство от всех болезней. Примите, не пожалеете, – улыбнулся я ему, кивнул его другу и побежал по ступенькам вверх к набережной. В эту минуту они включили систему слежения.

Я прошептал: «Прощай», – и краешком глаза посмотрел в его сторону. Он о чем-то говорил со своим другом. «Кто это был?» – очевидно, спросил друг.

Но я этого уже не слышал.

Александр Бирштейн

Наши люди

Васнецов?

Будильник пробудился раньше всех и сходу завыл нечеловеческим голосом. Следом проснулась девушка Марья, невесть каким образом попавшая в постель к Васе Васнецову. Сам Вася долгое время просыпаться категорически отказывался, мотивируя это выражениями вовсе не публичными. Наконец он разлепил глаза, глянул на девушку Марью, чего-то сильно испугался и вырубился бесповоротно.

Девушка оделась, обыскала джинсы, пиджак и куртку Васнецова, безнадежно заглянула в шкаф и ушла, прихватив с этажерки слоников, притулившихся к одинокой, но зачитанной «Анжелике».

Вася Васнецов проспал до обеда. Проспал бы и обед, но не получилось. Пришлось встать и сбегать в уборную. Далее, не утруждая себя умыванием, он полез в холодильник, но ничего там не обнаружил. Такое уже бывало, так что он не сильно огорчился, а, наоборот, сосредоточился, оглядывая жилье.

Жена от Васи сбежала давно, но поспешно, оставив довольно много вещей, годных к продаже. Вот, например, будильник. Он давно нарывался. А сегодня еще и пугал… Судьба будильника была решена, и он прогулялся вместе с Васей к блошке у Нового рынка. Оттуда Вася ушел уже один, но при деньгах, достаточных для приобретения хлеба, плавленого сырка, луковицы и бутылки вермута.

Позавтракав, Вася решил отдаться чему-то важному, например уборке квартиры. Но не судилось. Пришел участковый Колька

Репин. Пришел не с очередными претензиями, а с горем – умер их воспитатель по интернату для неблагополучных детей Сергеич. И не только воспитателем был Сергеич, а отцом, другом, лекарем и советчиком. Это он, кстати, давал пацанам фамилии великих художников, наивно полагая, что носитель такой фамилии уже не скурвится никогда. Мечтатель…

Эх, Сергеич…

Колька рассказал, что у Сегеича осталась невестка с двумя малолетками. А сын-мент погиб еще в прошлом году.

– Надо бы помочь семье! – постановил Колька Репин.

– Конечно! – согласился Васнецов.

Репин ушел. А Вася стал по новой обшаривать квартиру в поисках того, что можно продать. Но что-то ничего и не находилось. Нет, на бутылку бы хватило… Но тут другой случай! Сергеич, эх, Сергеич!

Ничего не оставалось как прибегнуть к последнему средству. Вася полез под кровать, достал оттуда фибровый дембельский чемоданчик, из него мыльницу, а из той небольшой сверточек. Развернул – и в ладонь к нему пала рубиновая красная звездочка с серебряным бойцом посередке. Вася подержал звездочку на ладони, словно сомневаясь, потом решительно положил ее в карман и вышел из дома. Путь его лежал на Греческую площадь, где с утра до ночи цинковали барыги.

За орден дали пятьдесят гривен, и Вася ощутил себя богачом. Десятку он решил пропить. И не просто так, а с горя. А сороковник отдать сиротам Сергеича.

В знакомой винарке по-прежнему наливали. Вася взял два стакана смеси и конфетку и устроился в углу. В подвале было почти пусто и тихо. Поэтому вспоминалось особенно хорошо.

И то, как привезли его в детприемник, сняв с поезда.

И о том, как гнал ментам, что нет у него ни имени, ни фамилии. И адреса, разумеется, тоже.

И то, как менты, тщась узнать, кто он такой, чтоб не висел гирей, били его дубинками.

И то, как появился огромный дядька – Сергеич – и забрал его оттуда.

И то, как Сергеич все же выспросил – змей! – имя. А фамилию придумал. Как опекал и подкармливал. Как защищал и учил…

Васнецов и не заметил, как оба стакана опустели, хотя прихлебывал осторожно и бережно.

Пришлось взять еще.

– Надо же помянуть! – убедил себя Васнецов.

Да-да, помянуть стоило! В интернате таких, как он, битых-перебитых жизнью было сорок человек.

И охрана.

И надзиратели.

И Сергеич…

Вася вспомнил, как Сергеич, узнав, что Васнецов мечтает стать офицером, башку прогрыз военкому, но добился направления в танковое училище.

– Земля пухом! – прошептал Вася и поднес стакан к губам.

Но тот был пуст!

После интерната в училище было совсем легко. Он был сильным и злым. А это ценилось. И он стал офицером! А потом попал в Чечню…

Бой, ранение, горящий танк… Еще два ранения… Орден. Комиссия. Пенсия… Он вернулся домой… Домой? По крайней мере в жилье, которое дали после интерната.

Потом…

Васнецов вздохнул и тяжело поднялся. Больше вспоминать не хотелось. На остаток денег купил он в лавочке на углу флакон портвейна и пошел домой. Там он снова выпил за упокой души Сергеича, прослезился и уснул.

Все правильно: зачем отдавать последнюю рубаху, когда можно просто порвать ее на груди?

Клоун Мося

День кивнул утру на прощание и ушел туда, где наливали пиво и гулко суетились слова. Сентябрьское солнце сквозь полуоткрытые окна запускало лучи в бокалы. С моря донесся пароходный гудок, одинокий, как клоун Мося – алкоголик без стажа. У клоуна Моси образовалась десятка, и он нес ее к прилавку гордо и бережно, как октябренок флажок.

– Где взял? – завистливо спрашивали коллеги.

– В магазине купил! – скрытничал клоун Мося. Сухие соленые баранки таяли во рту, как валидол.

Когда-то Мося был Матвеем и служил в цирке. Но что-то случилось, и он устал. И перестал работать. Но еще не пил. Правда-правда!

– Пропал кураж! – говорил. Цирковые понимали. Остальные нет. Но какое ему было дело до остальных? Он стал ходить в парк над морем и глядеть на залив, окруженный берегами, как арена партером. По парку бегали домашние собаки, а к ним лонжей были пристегнуты хозяева.

Дома скопились афиши да пыль. Там оказалось совсем невозможно находиться. И он стал ходить по улицам, ища пристанище. Попалась забегаловка, куда пускали далеко не всех. Но его впустили. На двери забегаловки уже много лет висела табличка «Ремонт». А в пиво там доливали не воду, а самогон. Зато плату взимали и деньгами, и вещами. Пускали в забегаловку людей приличных, так что и вещи пропивались вполне приличные. И все были довольны.

Нельзя сказать, что Матвей, ставший как-то сразу Мосей, был душой компании. Но веселил, редко, но веселил. Он умел показывать животных и людей так, что их сразу же узнавали. Его герои были трогательны, а не смешны, но люди как раз смеялись. Так он стал еще и клоуном.

Клоун Мося – полузабытый человек.

В цирк его пускали всегда. Но он туда ходил только после мучительных двух-трех дней полного отрыва от забегаловки.

Приходил, если не было представления, садился на барьер, смотрел, как репетируют. Потом обходил конюшни… Еще он растерянно замирал, когда кто-то окликал:

– Матвей!

Потом оборачивался, и на лице была виноватая улыбка.

– Как живешь? – спрашивали знакомые.

– Все еще под куполом… – отвечал он.

Сразу за этим следовал вопрос о здоровье.

– Можно жить!

Ему пытались совать деньги, но он не брал и оправдывался:

– У своих… Нет… Нельзя…

Покинув цирк, спешил – уже спешил! – в забегаловку, принимал в руки бокал пива и успокаивался.

– Без куража тоже можно жить! – говорил.

Но его никто не понимал.

Митя Водкин

У него растерянный взгляд и лицо в красных прожилках.

– Митя, как твоя фамилия? – спрашивают любители.

– Водкин! – с готовностью отвечает он.

На самом деле водку Митя не пьет. Объясняет коротко:

– Невкусно!

А пьет Митя желтое нестерпимое вино «Фрага». Дорогое – рубль с большими копейками.

Примерно в эту сумму Митя вроде бы оценивает свою жизнь.

– Митя! А с моста прыгнешь?

– За сколько? – настораживается он.

– За рубль!

– Нет, за рубль не прыгну.

– А за два?

За два рубля Митя прыгать готов. Но требует деньги вперед. Кто-то выдает ему два мятых рубля.

Люди, как полагается, суетятся.

– Ты с ума спрыгнул сначала, что ли?

Митя непреклонен. Раз взял деньги, надо исполнять.

Толпа перемещается к мосту. Мост уже стар. Он построен купцом Новиковым аж в середине XIX века. И пересекает бывшую когда-то балку. Когда-то у балки были склоны. Теперь склон есть только с одной стороны. А с другой склон срезали и построили гаражи.

Но туда, где склона нет, Митя не идет. А направляется, наоборот, туда, где склон. С внешней стороны моста идет уступчик шириной сантиметров пятнадцать. Вот на него Митя и всходит.

Все приготовились затаить дыхание.

Но Митя, как говорят, дурной, но умный. Пройдя по уступчику шага три, он прыгает. Высота с метр, не больше. Но с моста же!

– Не пойдет! – возмущается потративший деньги.

– Почему? – недоумевает Митя. – Я же прыгнул! С моста…

Все верно. Не попишешь. Но обидно. Заплативший пытается поскандалить, но натыкается на вопрос от людей:

– Ты хочешь, чтоб он убился?

Кто в таком признается?

А Митя собирается в гастроном.

– Там еще и на закусь хватит! – подначивают его.

– На закусь? – удивляется Митя. – Зачем? Я завтракал…

Теперь он возьмет заветную бутылку, заныкается куда-то на чердак или на задворки и станет блаженствовать. Аж до вечера. А потом неохотно поплетется домой.

Говорят, есть у него жена и какие-то дети…

Он так и говорит:

– Какие-то дети…

Равнодушно говорит, словно не о себе.

– А жизни нет! – так он тоже говорит.

Впрочем, что такое жизнь в Митином разумении, не знает никто. Он, наверное, и сам точно не знает. Но когда совсем туго, когда копейки даже на стакан любимой «Фраги» не наскребается, Митя ругает жизнь, как выплевывает, одной фразой:

– Как в плену!

Хам Егоров

Егоров – хам! И хулиган говорящий.

– Слушай, – пристегивается он, – твоя фамилия не Гринблит, а Гринблат!

– Почему? – послушно спрашиваю я, понимая, что сейчас отхвачу.

– А потому, что ты сюда по блату попал!

Попробуй возрази! Так и есть…

После инструментального института и службы командиром взвода в рядах хоть и советской, но якобы непобедимой армии я, вернувшись в наш город, реально мог устроиться только в институт «Пищепромавтоматика» на бешеную зарплату в сто десять

рублей. Плюс бесконечное протирание штанов за проектами, которые не очень-то и были нужны.

На нашем заводе мне платили сто семьдесят пять! И работа по делу. Правда, устроиться сюда было неимоверно трудно. Но мне удалось…

Должность называется «мастер инструментального цеха».

А мой обидчик Егоров работает просто слесарем. И меньше трехсот рублей не зарабатывает. Не считая премии. Плюс постоянный объект развлечений – я!

Когда я потребовал тщательно убирать после смены свое рабочее место, Егоров обозвал меня Гринписером. А его ржущие коллеги тут же сократили это прозвище.

Представляете?

Кстати, его фамилия дает мало поводов для словотворчества. Но я в любом случае не стал бы это делать. Потому что человек должен гордиться своей фамилией. И это подло – высмеивать то, чем человек гордится.

По работе придраться к нему трудно. Все-таки шестой разряд. Да я и не собираюсь.

– Гринбой! – орет на весь цех Егоров. – Почему заготовки вовремя не подвозят? А ну живо!

– Гринболт! – вопит он. – А где гайки?

– Зачем ты молчишь? – спрашивает меня начальник цеха Игорь Иванович Упругий. – Дал бы раз…

С Игорем мы учились в одной группе и служили вместе в Афгане. Спецназ… Я был комвзвода. Игорь моим заместителем. У меня одно ранение. У него тоже. У меня две Красные Звезды. И у него две Красные Звездочки…

Вы уже догадались, что попал я на этот завод только благодаря Игорю.

На праздничные демонстрации 1 Мая и 7 ноября принято приходить всем семейством. Игорь Упругий приходит со своей Светой. А Егоров с женой Женей и дочкой Ирочкой.

А я прихожу один.

Я знаю, Егорова это раздражает.

– Гринбаб, – шипит он так, чтоб Женя не слышала, – ты явно Гринбаб!

Я и тут молчу.

– Сколько можно? – настаивает Игорь.

Если б я знал…

Не надо было мне сюда идти работать. И Егорову было бы спокойней, и мне легче. Но кто ж знал, что я его тут встречу?

Женю мы с Егоровым любили с третьего класса. Просто у него не было шансов. Он это знал… Но не отставал.

Мы с Женей хотели пожениться сразу после института, когда станем хоть немного независимы от родителей, которые с обеих сторон яростно противились этому.

Двадцать седьмого июня я защитил диплом, а второго июля уже был в рядах легендарной, потому что советской, армии.

Узнав, что нас отправят в Афган, сказал Жене, что свадьба откладывается. Она промолчала.

Через четыре месяца на меня пришла похоронка. Ошибочка вышла. Бывает… Исправили ошибку нескоро…

У Жени произошли преждевременные роды. Ирочка родилась семимесячной.

И все это время Егоров был рядом. Приносил продукты и цветы. Сдал кровь… Он стирал Ирочкины пеленки, возил ее в коляске, которую сам же и купил, гулять…

А еще через полгода меня выписали из госпиталя.

О кошке и собаках

Многие из нас, у кого в доме на правах членов семьи обитает «зверье – мое», особо ценят тех, кто лечит, спасает, – и огромных собак, и крохотных котят, и разговорчивых попугаев, и молчащих о своем золотых рыбок… Врачи – по специальности ветеринары, а по душе – айболиты, входят в твою жизнь, и ты постепенно узнаешь, что они – внимательные и придирчивые читатели нашего альманаха, что их фамилии – на театральных афишах.

Недавно я узнал: доктор Владимир Белый, уже второй десяток лет выхаживающий наших кошек и котов, а также его жена и коллега Лариса Запорожец пишут рассказы, некоторые из которых превращаются в монологи в спектаклях студии ОШО, которой руководит Михаил Федоров. Два из них я предлагаю нашим читателям. Нужно ли подчеркивать то, что эти истории не выдуманы, а прожиты и прочувствованы авторами? Полагаю, это и так ясно.

Феликс Кохрихт

Лариса Запорожец

Крещение

На Крещение 19.01.13 я, естественно, не смогла придумать ничего лучшего, как пойти погулять на море с двумя собаками. Одна взрослая мадам, вторая совсем щенок. Шила энд Нора, а за ними Лора.

Благополучно миновав огромное количество людей возле Монастыря (правда, кто-то на руках был, таким образом, было быстрее), мы пришли к морю. Там хорошо. Волны есть, но не силь-

ные. Поиграли в мячик, в «сюда ко мне», побегали за резиновыми апортами и просто побегали, чуток пофоткались. Дальше я увидела кучу чаек, сидящих на пирсе, естественно, спящий в глубине души художник потребовал нужного кадра. Медленно и со вкусом (чтобы не спугнуть чаек) подкралась к ним и сфоткала. А на море Крещение!.. Гуляют люди, купаются «моржи» и не только. Мы всем улыбаемся, нам все улыбаются! Чудненько! Дернуло меня зайти на пирс… причем от защитной стенки я отошла на два шага! (Шоб волну сфоткать.) Эти шаги оказались роковыми! Мои придурочно-преданные собаки поперлись за мной (за команду «сидеть!» молчу, ибо одна собака ее знает, а другая, вы помните – дитя неразумное). А дальше, как в сказке, как вспомню – так вздрогну.

В общем, резко поднялась волна и хлынула через этот пирс. Вижу, у Норы лапы скользят (а Шила устойчивая, тяжелая, стоит). А Нору несет к краю пирса. Не медля, бегу вслед, чтобы ухватить ее… не успеваю… вторая волна, сильнее первой, смывает мою девочку в море. Она изо всех сил инстинктивно гребет лапами к берегу. Мое состояние – это словами не описать. И тут я вижу: какой-то самоотверженный мужчина – «морж» (он перед этим купался в море и бегал по берегу), быстро оценив ситуацию, кидается в море за щенком, хватает ее за загривок и плывет к берегу (нет таких смайликов, чтобы передать мое состояние на тот момент, но нет и таких, чтобы передать состояние после), плывет, плывет, плывет и вдруг бросает щенка, и быстро-быстро гребет к берегу… и говорит: «Там водоворот, я с ней выплыть не смог бы, а она все равно не выживет». Как вам передать мои эмоции на тот момент?! Сколько прошло времени? Вода холодная! А девочка отчаянно борется за жизнь, гребет лапками, и видели бы вы эти глаза! Недолго раздумывая, я скидываю с себя куртку и как есть иду в море, и думаю только об одном… Успеть!.. Успеваю! Хватаю за загривок и что силы гребу к берегу одной рукой и двумя ногами. Ведь в другой руке щенок, и я изо всех сил старалась держать ее выше волн. И тут попадаю в этот пресловутый водоворот, волны все выше, меня крутит, и тут я понимаю свою роковую ошибку… Я не сняла свои сапоги-вездеходы, не промокающие, но, как оказалось, быстро намокающие и тянущие ко дну. По-

пытка скинуть сапоги во время движения и желание удержаться на плаву ни к чему хорошему не привели, я очень быстро стала терять равновесие. Барахтаясь в воде, я отчаянно понимала, что мне необходимо как можно скорее согреть Нору, которая уже лапами не гребла, но отчаянно скулила (а пока скулит – значит, жива). Доплыть одной рукой до берега с действительно крутящим водоворотом… Хотя бы ногами до песка… Меня, как назло, волны к берегу не приближали. Принимаю решение приблизиться к пирсу и ухватиться рукой за край. Волны швырнули меня об пирс крепенько (их силу я оценила несколько дней спустя), но тогда я этого даже не чувствовала, я отчаянно пыталась как можно скорее попасть на берег.

И тут, увидев компанию желающих искупаться, отчаянно машу им рукой, а они мне в ответ помахали… и пошли обратно, «согреться» для начала. Ну что вам сказать… (Говорят, что когда падают с высоты, то вспоминают всю жизнь свою.) А я поняла одно: спасение утопающих – дело рук самих утопающих. И тут мне в голову пришел анекдот (кто знает, тот поймет: «Последний раз ныряю»), затем мне пришла в голову мысль: «Как же по-идиотски я буду выглядеть, если утону; мало того, что растрепанная и с расплывшимся макияжем(бр… бр… видок еще тот),так цель-то не достигнута – сиганула за щенком, а утопли оба! Не! Такого я себе позволить не могла и опять стала отчаянно приближаться к пирсу (из последних сил, что такое гипотермия, знаю не понаслышке). И тут вижу – бежит этот «морж», мужчина с канатом в руке (это ж сколько времени я провела в холодной воде?! А Нора?!).

С третьей попытки (с учетом ветра) он закидывает мне канат, я, естественно, хватаюсь, а дальше мне помогают добраться до берега и рассказывают все, шо обо мне думают (но меня это нисколько не обижает). Я заворачиваю свою очень сильно замершую девочку в куртку, оставшуюся на пирсе, и зависаю… Одна часть мозга говорит: «Пошли домой», – а другая часть мозга говорит: «Согласна, но мы не дойдем. Ты ведь вся мокрая, еле двигаешься». Дальше моя не совсем замерзшая часть мозга, которая могла мыслить и еще чуток логически рассуждать, решает идти «в люди». Представляете себе картину: все радостные бегут купаться в море, а кто-то весьма странного и мокрого вида

с пищащим свертком в руке приближается навстречу. Первое – я попросила охранника, которого увидела, вызвать мне такси (пришлось сказать, что поскользнулась на пирсе), трясущимися руками дала ему свой телефон, который чудом в куртке не намок.

Пока охранник ко мне приглядывался и вызывал такси, какой-то молодой парень подбежал ко мне и участливо сказал: «Девушка, вы же вся мокрая». На шо я ему ответила, шо я в курсе. Так вот, я вся мокрая и трясущаяся, а моя Шила рядом, это только потом я поняла (задним умом), что Шила весь этот момент крутилась у рюкзака с курткой и гавкала, привлекая внимание, вещи никому не давая трогать. В дальнейшем Шила все время была рядом без команд, а охранник проникся сочувствием и пригласил к себе в будку, где включил все мыслимые и допустимые обогревательные приборы (под которые я положила Нору в первую очередь), а тот молодой человек, имени которого я не знаю до сих пор, принес мне горячий *сладкий* чай! Такой глюкозы горячей я в жизни не пила, но это было то, что нужно! Я чуток согрелась, и меня начало трясти не по-детски: «Это нормально», – говорили мне мои мозги.

Приехало такси, я, открыв дверь, еще не успела извиниться, как Шила сразу заняла свое место внизу (кто не знает, у ног перед передним сиденьем). И тут я такая, вся мокрая, плюхаюсь на переднее сиденье. И со стучащими зубами рассказываю историю, «как я поскользнулась и упала». Самое интересное, что мой мозг работал лучше его навигатора. Я говорила парню: «Ты туда не едь, там эта штуковина стоит, которая дорогу преграждает». А он мне: «Разберемся…». Ага, щас… В общем, поехал он потом по моей навигации. Спасибо этому парню! Ведь сушить кресло – это так себе!

Ну а я, добравшись домой, в первую очередь завернула Нору в махровый халат и положила в кровать. Сделав себе чай, быстро легла рядом. Дальше слегка оттаявшие мозги начали соображать, что моя температура – это, конечно, хорошо. Но температура собаки в норме гораздо выше даже моей. То есть 36,6 или 38,8? Быстро Шилу к себе в кровать, на ее брюхо Нору, и укутать в одеяло. Два часа моя Шила лежала, не шелохнувшись, и тут это чудовище открывает глаза, а в них *сознание*, именно так! А тут мне звонят мои

единомышленники и спрашивают: «Так мы завтра едем?». Конечно, едем! Да! Мы выжили! И тогда, лежа под одеялом, я сама себя спрашивала: «А это того стоило?!».

И сегодня, не кривя душой, могу сказать: *это того стоило*! Глядя на эту шебуршную девку, которая делает мене шкоду каждый раз, которая лижет мне лицо, честно глядя в глаза, жует мои тапочки! Ну, шо вам сказать… Никому не пожелаю испытать гипотермию, как она есть, но… *Когда нужно спасать друга, о внешних факторах совсем не думаешь*.

Владимир Белый

Я ее отпустил

Говорят, собака выбирает хозяина, а кошка выбирает дом. Тогда от кого произошла моя кошка?

Она любила дом, а хозяином у нее был я. Если ее ругали домашние, она сидела с отсутствующим видом, будто бы ее это не касается. Когда ее ругал я, она убегала в комнату и ждала… Потом выглядывала и ждала… когда ее позову. Позвал – значит простил. Простил – значит, все как прежде.

Каждый хозяин знает, как тяжело лечить свое животное: они не понимают, за что им делает больно их любимый хозяин, если им и так нехорошо. У нас такой проблемы не было: надо было сделать укол – она зажималась и терпела, надо проглотить таблетку – она слизывала ее и глотала, ей надо было, чтоб я ее только погладил.

Как-то раз мы уехали и оставили нашу кошку у знакомого. Там она поранилась. Когда он промывал ей рану, она облизывала ему пальцы и смотрела в глаза. Он нам потом сказал. Ему показалось, что она сказала: «Я потерплю, а ты, пожалуйста, не делай мне больно».

Я долго удивлялся, откуда домашние знают, во сколько я вернусь домой, и разогревают мне кушать. Я их спросил – они молча показали на кошку, мирно спящую на моей постели, и ответили: «Нам не надо знать, когда ты придешь. Ты придешь раньше – кошка сядет раньше под дверь, ты задержишься – она позже

подойдет к двери. Мы только включаем газ». Я потом вспомнил: а и правда, только я открываю дверь – кошка уже у моих ног.

Так было всегда. И когда она в последний раз заболела, она все так же стоически терпела уколы и глотала таблетки, только во взгляде что-то поменялось, будто она что-то знала, но не хотела мне говорить.

Когда я в очередной раз подошел делать ей укол, она облизала мне руку, заглянула в глаза, сказала «мяу». Я понял: она просит, чтобы я ее отпустил.

Я выполнил ее просьбу.

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук

Отмычка Соломона*

Татьяна

Татьяна Николаевна шла по коридору, сгорая от любопытства. В прошлый раз она рассталась с Соломоном, можно сказать, на самом интересном месте.

Когда они отсмеялись, Соломон вздохнул, откашлялся и сказал:

– Это надо рассказывать долго, и есть риск, что вы все равно не поверите. Кроме того, рассказав вам все, я совершаю должностное преступление, за которое могу лишиться не только работы, но и жизни. Я ни о чем не смею просить и только надеюсь на вашу доброту. Вы не предадите это огласке. В доказательство того, что все это – правда, я могу только обещать, что ваша гематома исчезнет через десять минут.

И тут зазвонил мобильник. Звонил начальник службы безопасности. В варшавском аэропорту исчезли клиенты – пожилой бельгийский коммерсант с супругой. Суточные розыски ничего не дали. Дело осложнялось еще и тем, что фирму им рекомендовал весьма влиятельный клиент, с легкой руки которого Татьяна регулярно получала выгодные заказы. И потерять лицо было весьма накладно для фирмы.

Татьяна Николаевна не была бы таким гением в своем деле, если б отреагировала иначе. Соломон был тут же забыт.

– Еду! – сказала она.

– Вас ждет внизу милицейская машина, самолет на Варшаву вылетает через двадцать пять минут, билет заказан, вас подождут.

---

* Продолжение. Начало в кн. 64-74.

– Я вам перезвоню, всего доброго! – выскакивая из кабинета, бросила она Соломону и почти бегом помчалась к выходу.

Сбегая по лестнице, она почувствовала, что у нее печет и чешется подбитый глаз, но не стала искать зеркало, а побежала дальше.

Автомобиль стоял у входа, ее ждали. Взвыла сирена, и машина покатила к аэропорту. По дороге Татьяна все-таки заглянула в зеркало – от синяка осталась легкая желтизна, которая неуклонно исчезала. Милиционер передал ей распечатанное сообщение из Варшавы и билет. Мгновенно проскочив таможенный досмотр и паспортный контроль – ее здесь знали и уважали, вскочила в автобус и, не задержав самолет, улетела в Варшаву, с юмором отметив, что летит экономклассом.

В Варшаве были приключения. Почтенный бизнесмен оказался довольно приметной фигурой – вернее, его супруга. Ее шляпку с вишенками и сумку со вставками из кожи змеи видели все сотрудники аэропорта. Но дело осложнялось тем, что супруги прибыли в аэропорт в пересменку, и следовало опрашивать обе смены.

Бельгийцы заявили о пропаже багажа, позвонили встречающему их сотруднику фирмы, что встретили знакомого, прибудут в гостиницу к десяти вечера, – и пропали. Их не было и в десять утра. Мобильный телефон не отзывался. Охрана на дверях аэровокзала видела, как они то входили, то выходили. Но покинули они вокзал или нет, выяснить не удалось – выходов было несколько, пересменка, и до минуты перемещения туристов никто не отслеживал.

Служба безопасности фирмы подняла на ноги службу безопасности аэровокзала. Вместе они опросили всех служащих, уборщиц, таксистов, облазили весь аэровокзал – вполне добропорядочные господа как в воду канули. Повисло нехорошее слово «похищение». Люди очень состоятельные, но из родственников одна племянница в Гамбурге.

Секьюрити Татьяны Николаевны было выше всех похвал и не беспокоило хозяйку по пустякам. Но если дело принимало весьма неприятный оборот, срабатывало странное свойство самой Татьяны. Когда, казалось, все зашло в тупик, она одним своим

присутствием словно включала цепь благоприятных событий. Сейчас сильно поджимало время. И дело было не в том, что стоимость розысков неуклонно сжирала доход от этих клиентов, – на кону была репутация фирмы.

У входа Татьяну уже ждал сотрудник ее службы безопасности. Оказалось, что, заявляя о пропаже багажа, бизнесмен говорил на чистейшем польском языке – как на родном. Кстати, багаж найден, но не востребован. Кроме того, должна выйти на работу уборщица, которая сдавала смену, когда пропали бельгийцы.

Уборщица была призвана и сообщила, что видела пани с вишенками и змеиной сумкой за разговором с маляром, приходившим брать кипяток.

Выяснилось, что в здании рядом с вокзалом идет ремонт – отделка под офис. Татьяна со свитой из разного сорта охраны и администрации вокзала двинулась в соседнее здание.

Еще на подходе они услышали нестройное пение: «Шла девечка до лясечка…».

На втором этаже царила идиллия. На перевернутых ведрах вокруг ящика, покрытого целлофаном, сидела крепко выпившая компания. Раскрасневшийся господин без пиджака, в красных подтяжках, мадам в шляпке с вишенками набекрень и два маляра дружно, но фальшиво пели под выпивку и шпикачки.

Солидная батарея пустых бутылок многое объясняла и внушала уважение. В углу валялся разбитый мобильный телефон.

Господа бельгийцы, по происхождению поляки, отправились на родину в поисках утраченных родственников, о чем, конечно, фирму не предупредили. Родственников они найти не успели, но встретили друга детства прямо в аэропорту. Это событие следовало обмыть, чем они и занимались уже вторые сутки, время от времени посылая сына маляра за ещем. Мобильник, который всегда раздражал пани, она собственноручно разбила после второй бутылки, чтоб не отвлекал. На песни из здания соседи не обратили внимания, потому что маляры и раньше пели, и столь же талантливо.

Господа бельгийские поляки продолжать путешествие наотрез отказались. Но оставили фирме уплаченные вперед деньги за беспокойство. Настоятельно приглашали присоединиться

к выпивке. Кое-как согласились переместиться для продолжения банкета в гостиницу и получить свой багаж.

Проклиная как положительные, так и отрицательные качества славян, Татьяна сбагрила клиентов сотрудникам. К вечеру она улетела в Одессу, пробыв в Варшаве всего три часа, – и опять экономклассом.

Вернувшись в Одессу, Татьяна, еще позанималась делами фирмы. Время было позднее, от перелетов и нервотрепки у нее разболелась голова. Разговор с Соломоном она ради приличия отложила на завтра, хотя любопытство мучило ее довольно сильно.

Дом

– Ну, – сказал Петя, – и что будем делать дальше? В дыру пойдем или вдоль берега?

– Не хочется мне в дыру, – ответил Соломон, – не люблю я все эти катакомбы: сыро, воняет и темно, а у нас даже фонарика нет.

– А по жаре пилить не жрамши, а вокруг ни одной живой души, а если какая и появится – неизвестно, чего ей надо. Опять же: эти парни зашли и вернулись, что уже обнадеживает.

– Может, они там такое увидели, что им жить расхотелось?

– А чего заранее себе могилы выкопали? Приступ ясновидения? Нет, я хотя бы загляну в эту дыру. Если уж нас послали туда, не знаю куда, так, может, эта нора и подойдет. По крайней мере ведет она – точно не знаю куда.

И Петя, переступая с камня на камень, стал карабкаться к пещере. Соломон, переминаясь и морщась от боли в босых ногах, полез следом. Когда он был почти у входа, из пещеры высунулся Петя.

– Там свет в конце. Дневной. И дорога довольно гладкая и прямая. Не далеко и не жарко. Кто нам мешает сначала туда сходить, а потом вдоль моря пилить? Все равно не знаем, что ищем.

Соломон, которому уже изрядно напекло лысину, нырнул в пещеру. Внутри она была довольно высокая и прохладная – путники могли идти не нагибаясь. Вправо и влево уходили какие-то темные коридоры, в которые без фонаря Петя и Соломон совать-

ся не рискнули, и поэтому пошли на свет. Петин ангел-хранитель, видимо, уснул, потому что никакие тревоги Петю не одолевали, наоборот, он пришел в прекрасное расположение духа, что Соломона сильно обнадеживало. Шли они недолго, минут пять – и вдруг вышли на берег моря.

Внизу под обрывом сияло и лениво плескалось море. Горячий ветер колыхал лебеду и лозы кустарника с фиолетовыми картофельными цветочками, название которых Соломон уже не один десяток лет собирался узнать. Пахло горячей пылью.

– Петя, смотри! – воскликнул Соломон и ткнул пальцем в землю.

От пещеры вдоль обрыва и вниз к морю вела дорожка. Посредине в два ряда лежали квадратные черные лавовые плитки. С двух сторон она была вымощена ноздреватым плоским голышом, поставленным на ребро. По краям был бордюр из беленых известью косо поставленных кирпичей.

– Вот это да! Я такое даже на Слободке и за кладбищем видел двадцать лет назад. Ты как хочешь, а я пошел вниз. Раз дорога, значит, люди оседлые и еда.

И Петя зашагал по прохладным гладким плиткам вниз, переступая через каждый второй квадрат. Соломон поспешил следом.

Дорожка, пропетляв между глыбами ракушечника и ямами, заросшими камышом, вывела их на маленький пляжик, покрытый крупным голышом и битыми ракушками мидий. Пахло морем. В прибое лоснились камни, обросшие зелеными и бордовыми водорослями. У Пети из-под ног выскочил большущий пупырчатый краб и боком бросился удирать в воду. Петя изловил его и перевернул, держа двумя пальцами за спинку. Краб шевелил ножками и угрожающе махал клешнями.

– Красавец! Откуда такой огромный? Надо отпустить, может, еще такие разведутся. Он отпустил краба в море и боковым зрением увидел, как мимо камней в золотистой чистейшей воде мелькнули рыбы-иглы.

– Слушай, это не джинновские штучки? Это не лампа часом? Уж как-то слишком хорошо! Я такого пляжа с детства не видал.

– Какие джинны! Я вот ногу ракушкой порезал, – взвыл Соломон, который уже залез в воду и застрял между камнями. – Дай руку, здесь не выкупаться, может, дальше будет меньше камней.

Петя помог Соломону выбраться на берег. Вправо дорогу закрывала огромная скала, и они пошли по камням влево. Скоро крупные голыши сменились мелкой галькой, пляж стал шире, и вдали показался высокий двухэтажный дом под черепичной крышей.

Петя и Соломон, измученные жарой и дорогой, полезли в море. Ласковая теплая вода смыла усталость. Они перевернулись на спину. Соломон глядел в небо, слушая хлюпанье воды и покачиваясь вместе с упругой волной. Тело исчезло, только кисти рук и ступни отзывались на ласковые прикосновения волн. Петя нырнул и сквозь чистейшую воду смотрел на солнечные узоры на дне, а вокруг шныряли стайки мальков.

Выкупавшись, они уже веселее зашагали к дому, и много быстрее, чем рассчитывали, дошли до конца пляжа.

Дом стоял на обрыве, и к нему вела дорожка, вымощенная дикарем и лавовой плиткой. Путешественники взобрались на довольно крутой подъем и вышли к дому. Он был старый, двухэтажный и стоял буквой Г, образуя подобие двора, открытого морю. Вдоль фасада тянулась двухэтажная выбеленная солнцем галерея, на которой сохли простыни и тельняшки. Между столбами на веревочке сушились бычки и ставридка.

У дома под огромной цветущей липой стояла табуретка, на которой ревел примус. На нем шкварчала огромная чугунная сковорода. Красивая загорелая женщина лет тридцати пяти в открытом сарафане и с волосами, выгоревшими на солнце, жарила скумбрию. Запах цветущей липы, моря и жареной рыбы витал над двором. У нагулявших аппетит Пети и Соломона потекли слюнки.

Женщина подняла голову, окинула путников насмешливым взглядом и голосом Петиной и Соломона мамы сказала:

– Мальчики, мойте руки и идите кушать!

И они пошли. Они помыли руки под гремящим медным рукомойником, привязанным к липе, и уселись за стол на веранде на скамейку, застеленную тряпичным ковриком. А женщина принесла им тарелки, ложки и вилки.

И начался обед. Они ели уху из бычков, прозрачную, как море, в которой плавала петрушка, кусочки кислого молока и помидо-

ров. И картошку с укропом, и жареную скумбрию, и салат из огурцов с помидорами. И баклажанную икру, и кабачковые оладушки со сметаной. И домашний хлеб, и пирожки с вишнями. И пили домашнее вино. А на закуску им выдали целую миску перезрелых абрикос.

Они ели, а женщина приносила еще и ни о чем не спрашивала, только приговаривала:

– Вы ешьте, ешьте, потом поговорим.

Садилось солнце за выступ дома. Плескалось море. По дорожке пришел смуглый невысокий мужчина, босой, полуголый, в закатанных до колен, вылинявших до белого штанах. В руке он нес огромную камбалу, которая задевала пыль на дороге кончиком хвоста.

– Добрый вечер! Мамочка, возьми рыбу! – спокойно сказал он, передавая камбалу хозяйке, и сел за стол. Женщина перехватила за кукан огромную, как колесо, рыбину и ушла в дом. Мужчина придвинул к себе непонятно откуда взявшуюся тарелку и тоже стал есть.

Опомнившись от еды, наши путешественники вдруг задумались, что им говорить гостеприимным хозяевам. Врать не хотелось, но и непонятно, как говорить правду. Да и о ночлеге не грех было подумать.

– Большое спасибо! – сказал Петя. – Просто замечательно вкусно. И красиво у вас, море, липа цветет.

– Да, да, липа… – неуверенно подключился Соломон, лихорадочно соображая, что говорить дальше.

– Соломон, – обратилась к нему женщина, и веселые чертенята запрыгали в ее прекрасных карих глазах. – У меня просто сердце кровью обливается, глядя, как вы ерзаете. И какие чудные оладушки пропадают от ваших угрызений совести. Давайте я начну, а вы продолжите.

Послал вас джинн Сахр, который у джиннов великий пуриц, но мы не джинны, и нам он по барабану. Пошли вы не по своей воле, а под грамотным убеждением, что многое объясняет. Так, как вы не слишком верите, что вернетесь живьем, боялись вы не за себя, а за близких и город. Поэтому на золото не позарились, где надо не струсили и на рожон не лезли. Вот и пришли

куда надо. То есть туда – не знаю куда. Теперь осталось получить то, не знаю что.

Но нас тут двое: я и Хаджибей. Должен прийти третий. Когда придет, тогда и решим. А пока поживите у нас, покупайтесь в море. Походите по дому. Только в комнаты не заходите, постойте на пороге, потому что войти-то вы войдете, а вот выход я вам не гарантирую.

Солнце село. Над домом тоскливо догорал темно-рыжий закат. Мужчина доел уху и посмотрел на них пристально, изучающе – словно ночь заглянула им в глаза. Женщина закурила сигарету.

– Рассказывайте, – глухо сказал Хаджибей.

И они стали рассказывать. Сначала Соломон, а потом Петя.

Продолжение следует

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Поэзия

156 **Анна Нахимчук**
Весенние стихи

161 **Ирина Евса**
Ковчег без трапа

167 **Виталія Войницька**
Тут болі немає кінця

172 **Ирина Беньковская**
Хороводы

175 **Лариса Ржепишевская**
Мои стихи

Анна Нахимчук

Весенние стихи

* * *

Плывут, растворяясь во мгле, силуэты прохожих.
Печально стекает вода с козырьков навесных.
Совсем не весеннее утро сегодня, и все же
По старому стилю сегодня – начало весны.

Начало весны… О, как долго я жду ее старта!
Зима, истекая, льет слезы, и льются дожди.
По старому стилю сегодня лишь первое марта.
Начало весны… и всего, что еще впереди!

Еще впереди – впереди! – кампанелла капели,
Крахмального неба густая бездонная синь
И россыпь скворцов, и обрывы, и воздух апреля,
И трепетных ласточек победоносное си!

Еще впереди – впереди! – нежность первых тюльпанов.
И юности первой, бессмертной, как жизнь, кружева.
И майское солнце сквозь крону цветущих каштанов.
И первая капелька, та, что мгновеньем жива.

* * *

Природа пробуждается от сна,
От зимнего глубокого наркоза.
Как головокружительно весна,
Пора любви – и авитаминоза.

Уходит из-под ног моих земля.
Хоть не пьяна, шатаюсь я, как будто
По палубе хожу я корабля,
Раскачиваясь, словно Будда.

А шар земной вокруг своей оси,
Вращаясь, набирает обороты.
И ласточек пронзительное си
Стремительнейшего полета

Врывается в открытое окно.
И в напряжении высоком осы,
Зависнув в воздухе – Юла? Веретено? –
Пьют аромат цветущей абрикосы.

Весна еще затопит синевой
Мою прохладно-сумрачную келью.
И крупных капель, брошенных грозой,
Разорванное ожерелье
Сверкнет на солнце… О весна, весна!
О небо, распахнувшее объятье!
Природа пробуждается от сна
И прячет наготу в салатовое платье.

* * *

Пролеты ласточек следили по утрам.
Торжественной походкой Терпсихоры
В хоромы зелени в Весны роскошный храм
Вступали медленно в сопровожденье хора

Певцов невидимых. Там, где лазурь, сурьма
И одуванчиков махровых охра,
Махоркой сыпалась с орешка бахрома.
И легкие не умещали вдоха.

И пух летел…

И пух летел куда-то в облака…
И тело обволакивала нега.
А душу обволакивало небо
Тончайшим полотном парного молока.

* * *

Весна… Упругой юности шаги.
И дух свободы в воздухе апрелевом.
Хочу, чтоб безнадежности враги
Мелодию весеннюю напели вам.

Еще сирень сжимает кулачки,
А я уже хожу в одной футболочке.
И сквозь солнцезащитные очки
Смотрю на золотистые иголочки.

Цветущей вишни тонкий аромат
Вдыхаю до… до головокружения…
Весь мир апрельской нежностью объят.
О жизни бесконечное движение!

Зависла над соцветием пчела.
В лучах весны я плавлюсь, словно олово.
И небосвод касается чела,
Когда я запрокидываю голову.

О господи! Какая синева!
Стремительны пролеты первых ласточек.
Люблю весенних парков острова,
Когда еще не скошена трава,
И белки скачут с ловкостью гимнасточек.

Ласточки

Утро. Восемнадцатое мая.
Транспортная улица свежа.
Стайки сорванцов напоминая,
Что из школы вырвались, визжа,

Ласточки над городом летают.
Ласточки… А может быть, стрижи.
В воздухе то здесь, то там мелькают
Крылья их, как острые ножи.

Вот они – рожденные для странствий.
Их еще касатками зовут.
Ласточки, лавируя в пространстве,
Летний воздух крыльями стригут.

Ласточки над городом! Над миром!
Ласточки над миром и войной.
Словно опьяненные эфиром,
Кружат, как кружили над Каиром,
Над Пекином, Прагой и Москвой.

Кружат – и в безудержном круженье
Все сильней влечет их высота.
Для свободы их передвиженья
Не нужны им биопаспорта.

В головокружительном полете
Тают то медлительно паря,
То в крутом пике, то в развороте,
В плавном и протяжном развороте
Ласточек весенних якоря.

* * *

Весна! И жизнь пульсирует,
Как флаги на ветру.
И скворушка грассирует.
И бабочки вальсируют,
Целуясь на лету.

Весна… Сирень, акация…
Под шелестом айвы
О как хочу остаться я!
О как люблю касаться я
Ладонями травы!

Храним небесной гаванью
Бессмертной жизни дух.
Весна… Воздухоплаванье…
И я пускаюсь в плаванье
По воздуху сквозь пух.

Ирина Евса

Ковчег без трапа

* * *

Если страх, – какого тебе врача?
Это снега тающие пласты,
с крыш на землю валятся, грохоча,
а совсем не то, что подумал ты.

Был сметлив, как рысь, и здоров, как лось.
Нахлебался бед, но не лег под них.
Все, чего боялся, уже сбылось:
ты за каждый вдох получил под дых.

А теперь трясешься, держа в уме,
что молчать – безбожно, кричать – нельзя.
И когда шутихи трещат во тьме,
ты мычишь, к несущей стене ползя,

что пришел обещанный тохтамыш
разнести хибару, где ты живешь,
в щель забившись, как полевая мышь,
или в складку, как платяная вошь.

* * *

Разглядишь (стекло, где опять зима,
потерев дырявою рукавицей),
как лежат на теплой спине холма
двое беглых: отрок с отроковицей.
Нафига им алгебра и физ-ра,
если здесь цикад воспаленный скрежет –
словно сверху спущенная фреза,
дребезжа, разглаженный воздух режет.
Как пугает шорох в борщевике!
Но гадай, зажмурившись, – кто там, кто там:
то ли это ящерка – по щеке,
то ли пчелка чиркнула мимолетом?
Двое беглых – можно сказать, волчат, –
интернатом взятые на поруки.
Их вот-вот каникулы разлучат:
он уедет к бабушке под Прилуки.
А потом покатится, как с холма:
одному – война, а другой – Лубянка...
– Ну ты что? Ты что? Не сходи с ума.
Это просто бабочка-голубянка.

* * *

Молодое светило вылезло на вершок.
Пять утра. Ни морщинки на посветлевшем шелке.
Пляж безлюден. Лишь две синюшные шалашовки
собирают бутылки в пластиковый мешок.
То ли это мотель на трассе, то ли сераль:
бирюзовая вязь, понтовая позолота,
в запотевший цветник распахнутые ворота
и коровьей лепешки спекшаяся спираль.
Справа – старый погост, где розы крадет жулье;
на бетонной ограде красным: «Сдаю жилье»;
снизу – черным – приписка: «Дорого и навеки».

Неопознанный птичик боком торчит на ветке
запыленной софоры и верещит свое.
Слева клуб, от невзгод не спасший свою корму.
Но фасад уцелел, и плиты еще не сперты.
Перед ним постамент, мужик в пиджаке. Кому
этот памятник? Вроде Киров, но буквы стерты.
Куришь, в масляный воздух дым выпуская злой,
пятернею водя нелепо, как бы смывая
этот верхний сиротский праздно-лубочный слой.
И фрагментами проявляется вдруг живая
виноградная волость, каменная страна,
всякий раз при угрозе вражеского секвестра
уплывающая из рук полотном Сильвестра
Щедрина.

Поэт

Евгению Рейну

Ну, брюзглив, брюзглив. И, как ни крути, – не в теме.
Старость мыслит смутно, а изрекает веско.
Подписал не то, не ту похвалил, не с теми
вдруг побил горшки, вломил не тому словесно.
Словно мир не резок, сбились настройки: в луже
мнится небо, тело шага страшится, вдоха.
И ему советчик – всяк проходимец: ну же,
отведи туда, где сухо и нет подвоха.

Но гляди: в стихах по-прежнему держит спину
и лицо, лицо! Не трусит, не бережется.
И слоисто слово, и не подвластен сплину
дух, деталь живая жостовским жаром жжется.
И каким бы ни был, к Богу он точно ближе,
чем любой из тех, кто злей, голодней, моложе.
Хорошо, не спорю: рифмы теперь пожиже.
Ну так он и прежде этим грешил. И что же?

* * *

Пятые сутки баржу болтает в море.
Умный дурак мне пишет, что всем кранты.
На берегу коты застывают в ссоре,
прямоугольно выгнув свои хвосты.

Спорить не стану: шар наш – ковчег без трапа.
Правда, коты считают, что выход есть.
Черный – за Клинтон, рыжий (верняк!) – за Трампа.
Морда в бугристых шрамах и дыбом шерсть.

Дует восток, ломая зонты на пляже,
круг надувной катя по волне ребром.
Фуры вдоль трассы. И никакой продажи
у торгашей, пока не пойдет паром.

Жалко водил, заснувших на жесткой травке.
Мелкого жаль, что, круг упустив, гундит;
жалко народ, что ринулся делать ставки
на кошаков... Мне пофиг, кто победит

там или здесь – под этой летящей криво
гиблой волной, сводящей запал к нулю.
Сидя на парапете с бутылкой пива
и сигаретой Winston, я всех люблю.

* * *

Земную жизнь пройдя до грозной даты,
в чужом краю вися на волоске,
под штормовые мерные раскаты
я задремала в полдень на песке.

И длился сон без фабулы и смысла,
покуда не почуяла спиной,
как чья-то тень надвинулась, нависла,
бесшумно распустилась надо мной.

Небритый, мятый, вероятно, клятый,
но без следов страданья на лице, –
он был нерастаможенной цитатой
с тревожным троеточием в конце.

Алкаш, привыкший клянчить на рюмашку?
Глухонемой торгаш береговой,
что мне сейчас подкинет черепашку,
качающую плоской головой?

Циркач заезжий? Местный авиценна?
В такое пекло – в шляпе и плаще.
А может, вор? Но все, как будто, цело.
И сколько он стоит здесь вообще?

Ну, благо хоть укрыл меня от солнца.
И, словно отвечая на вопрос,
он вдруг сказал: «Доверчивый спасется».
Свернул к воде и тень свою унес.

* * *

Штиль поутру, а к вечеру накат
старательно твои полощет мощи.
– Почем кизил и гамбургский мускат?
Все дорого. Купи чего попроще.

К примеру, беспородный пирожок,
как водится, внутри не пропеченный;
опасный, словно солнечный ожог;
с печеночной начинкою перченой.

Вертя башкой, вместившей сотни книг,
но к точным не способною наукам,
смотри, как вдруг выныривает МиГ
из облака, запаздывая звуком;

как ветхий катерок полупустой,
крутым не соответствуя тарифам,
переползает бухту, словно в той
стране, что стала пугалом и мифом,

где с найденной монеткою во рту,
охотничьему зуду потакая,
ты на волнах болтаешься в порту,
как недоросль, как водоросль какая.

Виталія Войницька

Тут болі немає кінця

Випадковість

Ароматна трубка кориці.
Твої пальці на мої наткнулись.
І злилися очей зірниці –
Зашарівшись, тобі усміхнулась.
Запах кави з духмяним перцем,
Поміж нас зависло мовчання,
Лиш у грудях колотиться серце,
Так неждано приходить кохання.

Колишня домівка

Він сказав: «Давай почнемо все з чистого аркушу?»
Я відповіла: «Не вийде…ти зіпсував увесь зошит».

Тут болі нема кінця,
И страх сидить на вікні.
Тут зірвані маски з лиця,
Заплетені роки в дні.
Тут ти розбудив мій гнів.
Тут я воскресла в вогні.
Тут пекло земне узрів.
Тут душу вирвав мені.

...А там за вікном любов,
Й розбиті дверні замки.
Та душі скалічені в кров –
Рубцями на всі роки.

Втрата

А за окном шелестят тополя:
«Нет на земле твоего короля».

Скажи мені чому, чому тебе нема?
Чекає вірний пес, зітхаю я сама.
Тріщать сирі дрова, дзюрчить по стрісі дощ.
Тривожить тишу грім, кипить вчорашній борщ.
– Ти пий гарячий чай. Ромашка, м'ята, біль.
Варила я сама. Гляди не охмелій.
Кипить вчорашній борщ. Тріщать в печі дрова.
– Його давно нема, – пугукнула сова.

Прощание

Скоро, Постум, друг твой, любящий сложенье,
долг свой давний вычитанию заплатит.
Забери из-под подушки сбереженья,
там немного, но на похороны хватит.
И. Бродский. «Письма римскому другу»

Когда уходит свет,
Смолкает сердца стук.
И голоса вельвет
Уж не совьется в звук.

Сплошная темнота
Окутывает дом,

И можно лишь шептать,
Глотая колкий ком.

Нет света – темнота.
Чернее черных дыр,
И я внутри пуста,
И опустел весь мир.

И белых роз букет
Сложу тебе венцом.
Ты будешь здесь воспет,
Там встретишься с творцом.

А дальше – снова день
Зажжется, ночь сгубя.
И свет поглотит тень,
Но не вернет тебя.

Октябрь

Минуты не прошло, как что-то из меня ушло.
Душою было это что-то.

Николай Олейников

Ни пальцы дождя на оконном стекле,
Ни хриплый стон из-под кроны,
Ни паром дышащий чай на столе,
Ни розы усопшей бутоны

Не смеют сменить хохот звонкий на грусть,
Сломав звенящие струны.
Да, осень пришла, ну и пусть,
Ваяет с листвы себе дюны.

Ведь осени грустно, она оттого
И льет дождливые слезы.
Что листья желтеют, и время близкò,
Как землю спаяют морозы.

Ведь осени очень хотелось бы быть
Столь легкой и звонкой, как лето.
Но роком присуждено ей изменить –
Погоду и время рассвета.

Напомнить о доме, где теплый очаг,
Вернуть из мечтаний на сушу.
Надеть на озябшие плечи пиджак,
Встряхнуть разомлевшую душу.

Эпилог

Мир так радужен, полон нежности.
Безграничный, согрет добром.
Так чего же нет безмятежности
В моем сердце, доме твоем?
Отчего же так пальцы холодом
Обжигает твоя рука?
И сосет внутри женским голодом
По прошедшей любви тоска…

Диалектика

Я давно уж собою гонима,
А дороги не видно края.
Все хорошее тает незримо,
Как потерянный ключ от рая.
Когти точат в душе моей кошки.
Словно мышки бегут от них годы.

Надоели мне дегтя ложки
В моей полной бочке свободы.

Морячка

Там за морем еще одно море,
А за ним океан – и ты.
Пройдет день, неделя, и вскоре
Принесешь для меня цветы.
Три высокие красные розы,
Тает льдинка в красном вине.
Не смутившись банальной фразы:
«Я скучал», – ты прошепчешь мне.
Улыбнусь и без слов, лишь взглядом
С теплотой скажу в ответ:
«Я так рада с тобою рядом
Снова в море встречать рассвет».

Нерешительность

Тихо-тихо. Плачу тихо.
Тихо-тихо играет песня.
Ой, как тихо крадется лихо.
Что ж так тихо, коль снова вместе?
Тихо рвутся по швам надежды.
Так болезненны тихие звуки,
Коль молчат, что не будет, как прежде.
Коль кричат они от разлуки.
Тихо-тихо горит полено.
Ты так тихо роняешь руки.
Кто сказал, что любовь нетленна?
Почему же так тихи муки?
Почему я кричу, а тихо?
И кого же ты ждал в переходе?
Почему не спросила… трусиха!

Ирина Беньковская

Хороводы

* * *

Погляди напоследок на книжные эти полки,
на штрихи на картонке, закладки, тайные метки;
по глухим переулкам летят упругие волки,
дребезжат осколки, распахиваются клетки.

Все, что раньше грело, больше не пригодится.
Не блажи – ему не впервой ошибаться дверью.
Вот толпа у ворот. «Гряди, – кричат, – голубица!»
И она грядет, и летят кровавые перья.

Пожелай мне смерти, дружок, пожелай мгновенной.
Что в кармане бренчит монетою неразменной?
Ключ от райских врат, уздечка, полтина, медный
обол. Все слышней торжествующий вой победный.

* * *

Наливается пламенем алый шар
и плывет, качаясь, над головой:
это плавится звонкий тифозный жар
давней выдержки вековой.

На весу подрагивает блесна,
застит взгляд горячечная слюда,
и приходит яростная весна
в разоренные города.

Впрочем, эта весна ненадолго: не
оборачивайся, не путай шаг,
там на площади полночь и дом в огне,
и колышется тусклый флаг;

там раскачивается бетонный мост,
там раскручивается змеиный хвост,
и растерянный город, слепой от слез,
поднимается во весь рост.

И из черепа этого октября
выползает кольчатая змея,
говорит: «это смерть, это смерть твоя»;
это жизнь, это жизнь моя.

* * *

Хороводы без конца,
каждый третий – без лица,
в небесах упругий свиток
разворачивается.

Тает хрупкая стена,
зазвенели стремена,
нотной грамоты китайской
реют птичьи письмена.

Кто писал слова огнем
в доме сумрачном моем?
Видишь, бархатные твари
устремились в водоем.

А другие из воды
вверх глядят, разинув рты;
распускаются на склонах
небывалые цветы:

в нежных рыльцах копят яд,
в душу пристально глядят,
голосами человечьими
о чем-то говорят.

Крыльев низкое круженье;
тихо хрустнула печать:
он пришел без приглашенья
вашу детку покачать.

* * *

Дело к ночи. Сбегают улицы
в темноту под уклон к воде
(раз волнуется, два волнуется –
дожидается; быть беде).

Вновь зима, и подходим молча мы
к остывающему костру.
Видишь, стяги с крюками волчьими
развеваются на ветру?

Слышишь, песня в ночи доносится,
нам знакомая с давних пор;
из котельных на волю просится,
рвется тонкоголосый хор.

Тянет дымом из переулочков,
начинается торжество.
– Для чего тебе эта дудочка?
– Ты сама догадайся, дурочка;
кто ж признается, для чего?

Лариса Ржепишевская

Мои стихи

* * *

Our life looks like a zebra,
sometimes black stripes,
sometimes white.
The black stripes
take a turn of the white,
like day and night.
And sometimes
our life zebra kicks
making it's own tricks.

Friend

F is for the one who is Fair.
R is for the one is so Rare.
I is for the one who is not Ideal.
E is for the one who is my Equal.
N is for the one who is always Near.
D is for the one who is so Dear.

* * *

– I am a little rabbit, hrum-hrum,
I like sweet carrot, hrum-hrum,
I'm like a ferret, hrum-hrum,

Live in a burrow, hrum-hrum,
Though it's narrow, hrum-hrum,
Now I am eating cabbage, hrum-hrum,
It's for my courage, hrum-hrum.
– Dear little rabbit, tell me about your habit.
– Hrum-hrum!

I Am on Diet

I'll put on a diet my fattish ass
So that the doorway I could pass.
I'll do some exercises to lose weight
As fat asses I just hate.
I would like to look a model of superclass
Or maybe like a slander lass.
I know it's too bad to amass fat,
But… while rhyming this couplet
I am looking at an apple pie
And a big saliva appears in my eye.

* * *

If your shirt has no button,
and your trousers are roughened,
if your jacket is so crushed,
and your carpet needs a brush,
if you can't find a clotheshorse,
and all the time you just curse,
there is only one way out:
to marry or divorce.

* * *

I like the warmth of the rains in the summer time.
It's so nice and pleasant in any clime.
I like the golden autumn when it dances blues,

When I let my imagination loose.
I like the whiteness of the snow when winter comes
I don't feel any cold when I am in your arms.
But when the blossom of the spring comes
I'll overcome the oceans, mountains, and seas
And on the wings of love, I'll fly to you
For only one reason – to tell you: *I love you*!

* * *

The day has gone,
And I am again alone.
What should I say?
I can only pray
For the best times to come,
When I meet my only one.

Limerick

I am tired to repeat:
I have nothing more to read.
Please, edit my new book
With your intelligent outlook.
I will not retreat until my ego is complete.

* * *

My guitar,
Oh, my guitar!
You are in a case.
It seems so far
You were not embraced.

Your strings are weak,
Your heart is sick.

But a hope remains,
You'll overcome the pains.

A master will come,
You won't strum.
You won't complain,
But will sound again.

* * *

In the starry darkness of the night sky
The inspired poet's rhymes fly.
They are quietly dreaming to live in a book,
For everyone to see the poet's outlook.
Poet's stanzas freely fly as rhymed constellation,
Spreading the light of the poet's inspiration.

Первые шаги

180 Море талантов по-всеукраински

Море талантов по-всеукраински

В 2018 году Всеукраинский литературный конкурс «Море талантов» собрал со всей Украины и из зарубежья юных авторов, которые подали более 500 поэтических и прозаических работ. Благодаря предложенным темам у ребят была возможность пофантазировать, придумать новые миры и спроецировать на них человеческие взаимоотношения. Мы предлагаем лучшие произведения победителей литературного конкурса.

Инна Ищук, член Национального союза писателей Украины,
председатель Объединения детских писателей Одессы

Юлия Байда, 15 лет, Одесса

Одесский художник

Мы идем с огромным псом,
Пес сопит упорно,
Машет бубликом-хвостом
С кисточкой задорной.
Этой кистью две недели
Пес в берете и с шарфом
Все рисует акварели
С неподдельным торжеством.
В Горсаду художник важно
Демонстрирует альбом:
Видим чаек бесшабашных,
Видим натюрморт с котом,

Вот буксир, чихая громко,
Тянет в море круг луны,
Вот Одесса в дымке тонкой
Цвета шепота волны.
Мы идем с едой в кармане,
Вдохновились, как могли,
Побывали на лимане –
Это круче, чем Бали.
Холст и краски – пес в работе,
Лишь сопит усердно нос.
Как картину назовете,
Наш лохматый виртуоз?!

Иллюстрации Юли Байды

Алиса Дема, 17 лет, Одесса

Маленький роботик

Большие голубые глаза и бабочка из хрома на шее. Круглая голова и небольшое тело. В руках планшет.

Так выглядел робот Тайм. Вид: человекоподобный; принадлежность: робот-секретарь.

Тайм был первым поколением «разумных» роботов и принадлежал богатому предпринимателю, одному из первых людей, приобретших себе таких металлических помощников.

Тайм называл его Мастером. Он был очень рад, что у него такой хозяин. В его обязанностях было заниматься организацией дня и помогать сыновьям Мастера с уроками. Близнецы в шутку называли его дворецким или маленьким роботиком. Тайм трогал себя за блестящую бабочку и говорил: «Приятно».

Но почему его имя Тайм (англ. time – время)? Потому что в его программе на первом месте из качеств стояла ответственность.

У Мастера было много работы, и робот делал все так, чтобы все было сделано вовремя. Опоздание можно было назвать его

главным страхом. Когда что-то не получалось, Тайм начинал суетиться, его глаза мигали туда-сюда. Ему просто говорили: «Остынь».

Наверное, это и была главная проблема «разумных» роботов.

– Мастер, у вас осталось 20 минут до встречи. Вы не успеете доехать за это время. Вы опоздаете на 15 минут.

– Остынь, Тайми. Я встречаюсь со своим другом. Он может подождать.

– Но Мастер… Вы же назначили на это время, – говорил робот, показывая на часы.

– Иди лучше зарядись и помоги мальчикам с проектом, – отвечал хозяин.

Тайм послушно шел и говорил: «Непонятно».

Не успел роботик смириться с утренней ситуацией, так появилась еще одна: близнецы не едут завтра на учебу.

– Почему, Мастер? Мы же подготовили большой проект.

– У них завтра день рождения. Мы решили сделать выходной.

– Но выходной – это суббота и воскресенье, – недоумевал Тайм.

– Остынь, – говорит мальчик. – Мы возьмем тебя с собой. Повеселишься.

Друг Мастера был Dj – диджеем. Близнецы с друзьями пришли к нему в клуб на вечеринку.

Громко играла музыка, ярко светились огни. Подростки танцевали и пели. Тайм сидел на диванчике. Его глаза тоже светились. Он хлопал в металлические ладошки и говорил: «Интересно».

Но тут яркие огни исчезли: машина, которая их создавала, сломалась. На секунду воцарилась атмосфера разочарования. Дети попробовали включить фонарики на телефонах, но желаемый эффект не получался, и даже музыка перестала звучать энергично. Работник клуба пошел проверять поломку. Но тут снова все замерцало, засветилось. Все посмотрели на робота. Его глаза проецировали белые лучи, блестки. Они отражались на потолке, одежде.

Все начали радоваться и снова танцевать. Тайм тоже танцевал и говорил: «Весело».

– Ты крутой, – сказал ему Dj. – Меня зовут Тим, я – музыкант.

Тайм и Тим стали друзьями. Маленькому роботику понравилось создавать светомузыку, и он старался делать быстро все дела, чтобы вечером встретиться с Тимом и повеселиться. Он танцевал танец робота и говорил: «Хорошо».

Прошел год. Близнецы поступили в колледж в другом городе. Поэтому они только по выходным могли приезжать домой в гости. Забот стало меньше, и Мастер с женой уже могли сами справляться. Поднялся вопрос: чем занять робота?

Мастер решил, что будет выгодно отправить его на работу в свою фирму. «Наконец-то ты будешь заниматься тем, для чего и был предназначен».

– Раз у меня теперь уже больше времени, могу ли я официально помогать Тиму с концертами?

– Ты про Dj? – спрашивает немного раздраженный Мастер. – Нет. Ты – робот-секретарь, а не прожектор! Это будет пустая трата времени и энергии. Я не для этого тебя приобретал. Все. Я уже нашел тебе рабочее место, и с понедельника ты поедешь со мной на фирму.

Тайм послушно ушел и сказал: «Странно».

Ночью он снова убежал на вечеринку. Благодаря видео, в которых Тим и Тайм показывают свои концерты, друзья стали известными, и клуб обрел успех. Люди были рады видеть робота, они подбрасывали его, держа за руки, танцевали с ним. В тот момент маленький роботик был очень счастлив. Хоть его лицо не умеет выражать эмоции, оно было радостным и милым. Ему было приятно, что никто не дает указания и списки дел. Маленький Тайм наконец понял, что значит расслабиться.

Когда концерт закончился, и все разошлись, робот подошел к музыканту.

– Извини, Тим. Я в ближайшее время не смогу прийти. Меня отправили на работу в фирме Мастера.

– Почему? – удивился Dj. – Ну конечно. Ты ответственный, ты считаешься предназначенным для офиса. Очень жаль, что твой Мастер не заметил, насколько ты талантлив и какую радость ты можешь приносить людям.

– Извини, Тим. Я буду пытаться приходить.

– Не извиняйся, Тайм, – ответил музыкант. – Не надо себя перетруждать. Ты не вечный двигатель. Найди себе новых друзей, которые будут тебя уважать.

Тим обнял маленького роботика, и тот сказал: «Хорошо».

Первый рабочий день. Мастер представляет Тайма сотрудникам. Бабочка его блестит, в руках планшет.

Робот легко вошел в поток. Он обрабатывал документы, собирал информацию, писал отчеты. У него все получалось, и он все успевал. Потом Тайм заряжался в углу и тихо говорил: «Легко».

Прошел месяц.

– Мне нравится, как ты работаешь, – сказал ему Мастер. – Ты хорошо справляешься, намного лучше других.

И стал отдавать ему больше работы. Тайм чувствовал себя очень важным и ответственным. Ведь он единственный, кто может это сделать. Он не успевал заряжаться, но зато все было сделано вовремя. «Нелегко», – говорил робот, идя домой и думая, что стал все реже ходить на вечеринки к Тиму.

Через некоторое время Мастер стал доверять Тайму более важные дела. Он смог заменить уже пять работников. Не жалея себя, робот делал все очень быстро и успевал.

Робот посмотрел на время. Руки затряслись, голова начала нагреваться. До конца осталось полчаса, а он сделал только четверть задания! Тайм оглянулся, офис был пуст. Все ушли, а всю работу оставили ему.

«Найди себе новых друзей, которые будут тебя уважать», – вспомнил он и сказал: «Сложно».

Подошла уборщица и хотела попросить, чтобы он отошел. Она дотронулась до его плеча и тут же быстро убрала руку.

– Ты чего такой горячий? Остынь.

Тайма передернуло. Он не любит эту фразу. Его глаз треснул и начал мерцать.

Робот решил остаться на ночь, чтобы Мастер пришел и не ругал его.

«Я не должен его разочаровать. Я всегда справлялся. Он доверяет мне. Он сказал, что все должно быть готово на завтра. Если я не успею, то он не сможет подписать договор, и за это буду ответственен я».

Все его тело раскалилось. Тайм начал очень быстро печатать на компьютере. Его круглая голова начала вминаться внутрь. «Очень сложно», – говорил он, и понял, что надо зарядиться. Пошарив по столу, робот вспомнил, что забыл дополнительную батарею, и немного отчаялся.

«Я не могу пойти домой. Мастер будет ругать меня», – думал маленький роботик, пытаясь подключить к себе зарядку от планшета, но она не подходила к его проему.

Тайм решил, что надо все-таки остыть, и включил видео с нового концерта Тима. Бесчувственно слушал он громкую музыку, пустым взглядом смотрел он на яркие огни. Медленно глянул на компьютер и на незаконченный материал.

Темная капля упала на экран. «Обидно», – сказал маленький роботик, и из его треснувшего глаза начало литься масло.

* * *

Идя по коридору в офис, Мастер почувствовал дым. Он вбежал в кабинет и увидел сидящую на стуле сгорбленную фигурку. Потухшие глаза были залиты маслом, испачканная хромовая бабочка перестала блестеть, из головы шел дым. На столе лежала стопка документов, которые маленький роботик Тайм успел доделать за минуту до прихода босса.

Когда Тайм включился, то понял, что находится в мастерской.

– Ну ты даешь! Машинам нельзя так себя эксплуатировать, – сказал неизвестный человек (скорее всего, это был механик). – Еле-еле тебя починил.

– Да? А что я сделал такого? – удивился робот. – …Уже вспомнил. Спасибо вам.

– Ты заставил меня поволноваться, – открывая дверь, сказал силуэт.

– Тим! – воскликнул Тайм. – Я так скучал!

– Я тоже, друг, – обнял его музыкант.

Тут вошел Мастер.

– Прости. Это была большая ошибка – так тебя перегружать.

– Но можешь больше не волноваться, – продолжил Тим. – Я поговорил с твоим Мастером, и он согласился, что тебе будет лучше работать со мной. Я научу тебя управлять не только светом, но и музыкой!

– О, я так рад, – ответил роботик. – Ха-ха! Нет, я не просто рад, я очень счастлив! – подпрыгнул он.

– Эй, осторожней! – крикнул механик, – провода отключишь.

* * *

Вечер. Сквер. Идут две фигуры: большая и маленькая. У маленького в руках шарик. Маленький смотрит на большого и без улыбки смеется, потому что его лицо не передает эмоций, но оно выглядит очень ярким и счастливым.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Искусство – жизнь – искусство

188 **Евгений Голубовский**
Мой друг – живой классик

193 **Юрий Михайлик**
Стихи разных лет

198 **Белла Верникова**
Звук и слово Киры Муратовой и других

206 **Виктория Коритнянская**
Одесские корни Николая Кужелева

222 **Леонид Авербух**
Одесские музы поэтов

245 **Людмила Еремина**
Николай Петрович Глущенко – советский, украинский художник

249 **Евгений Деменок**
Одесситы пишут Бурлюку

263 **Михаил Гершкович**
Одессит с балтскими корнями

Евгений Голубовский

Мой друг – живой классик

Юрию Михайлику 80 лет

Поэты виноваты
всегда, как башмаки.
и в том, что маловаты,
и в том, что велики.
Но как горька свобода
быть вольным башмаком
в стране, где тьма народа
гуляет босиком.

Это одно из восьмистиший Юрия Михайлика.

Как всегда, личностное стихотворение и внеличностное, дающее возможность сквозь улыбку почувствовать общую боль.

13 ноября 2018 года Юрию Николаевичу Михайлику исполнилось 80 лет. Во всяком случае, так утверждает мой внутренний хронометр, потому что всезнающая Википедия называет датой его рождения 19 ноября 1939 года.

Верю самому себе. И оказалось, что правильно.

Мне помнится, мы познакомились с Юрой в незапамятные времена, где-то в 1958 году. Я уже окончил институт, он еще учился на филфаке университета и уже выступал, читал стихи.

Потом, когда в 1965 году я бросил работу конструктором и пришел на полставки в «Комсомольскую искру», он там уже работал. Это именно Юра Михайлик и Саша Варламов уговорили редактора газеты Игоря Лисаковского взять меня в штат.

С тех пор – полсотни лет – рядом, ощущая плечо друг друга.

И тогда, когда Михайлик под началом капитана Назарова уходил перегонять суда по Ледовитому океану, а мы ждали его, полу-

чая короткие телеграммы, и тогда, когда в 1966 году у него вышла первая книжка «Север – Юг»…

Как для кого, для меня с тех самых пор Юрий Михайлик стал первым поэтом Одессы. Кому-то тогда больше мог нравиться Володя Домрин, кому-то Иван Рядченко, я ощущал, что напряженность стиха, энергетика, точность поэтических образов у Михайлика мне ближе.

Для первой четверти XX века поэтом Одессы был Эдуард Багрицкий. Рядом были Олеша, Катаев, Кессельман, Бабаджан – но первым был Багрицкий.

Ситуация повторилась.

Вслушайтесь в мелодику, в звучание его стихов. Не буду целиком их публиковать – только отдельные строфы.

По белой, по режущей кромке залива
прошел осторожно меж битого льда
безлюдный буксир под названьем «Счастливый».
Зачем их, счастливых, пускают сюда?..

Михайлик был отличным журналистом. Его театральные рецензии ждал каждый театр. Был острым публицистом, но оказалось, что он великолепный учитель.

Помню две студии, которые вел Юра. Одна во Дворце студентов просуществовала 11 лет, с 1964 по 1975 год. Вторая, «Круг», при ОМК, с 1980 до 1991 года. Из стихов ее участников Юра составил сборник «Вольный город».

Помню презентацию книги в Доме актера, счастливого Михайлика (это нечасто бывало) и окружавших его авторов книги. А компания была неслабая, все стали поэтами: Рита Бальмина, Анна Сон, Валера Бодылев, Толя Гланц, Белла Верникова, Оля Ильницкая, Таня Мартынова, Валера Юхимов. У всех у них вышли свои книги…

Но спустя 20 лет они выпустили, вновь под редакцией Михайлика, книгу «Глаголы настоящего времени».

И вновь напомню строки из стихов Юрия Михайлика, стихов об Одессе, а у него, где бы он ни был, на Крайнем Севере, или сейчас на Юге, в Австралии, все равно стихи об Одессе.

Я прислушаюсь, дрогну, пойму – и с ума сойду,
ибо это играет оркестр в городском саду.
Над зеленой, холеной, над стриженою травой
это жизнь моя, кажется, кружится вниз головой.

В 80-е перестроечный поток увлек и Юру в политику. Михайлик стал депутатом областного совета. Я бы сказал, что он был готов к этому, написав в 70-х роман «Честно и храбро», столкнувшись с таким сопротивлением как части ветеранских организаций, не желавших, чтобы правду о сварах в руководстве обороны Одессы опубликовали, так и в партийных органах, желавших, чтобы все было тихо, и не было никаких пересмотров легенд.

Активность в облсовете вызвала прямые угрозы Михайлику, и это стало одной из причин эмиграции.

Эпоха уходит, как поезд –
гремит и дымится.

И в окнах, как в рамах, по пояс
плывут очевидцы,
петлицами, лицами рдея
шинельного кроя, –
плывут – уплывают злодеи,
страдальцы, герои…

Сказать, что мы общались часто, – ничего не сказать. Конечно, на днях рождения 13 ноября, конечно, на днях рождения Эддочки, его жены, а нашей подружки с тех же самых времен. Ее мы узнали по дому Лары Сикорской и Вити Чечика, по дому Ксаны Добролюбской.

Какое замечательное стихотворение памяти Ксаны Юра напишет и пришлет из Сиднея, потрясенный ее смертью!

И когда у Эдды и Юры родилась дочь Лена, это сегодня она поэт и литературовед, только что вышла ее книга о Варламе Шаламове, а тогда Валя, уже будучи мамой, помогала Эдде делать первые шаги…

А ежедневные прогулки летом по Большому Фонтану… Мы жили на 10-й, Михайлики на 13-й, и эти прогулки над морем, бесконечные разговоры и чтение Юрой новых стихов… Это сейчас он присылает десяток замечательных стихотворений в год, тогда стихи рожались чаще.

Как никто другой, любил и умел писать о море. Я часто повторяю его формулу:

…Все против нас, и небо против,
но море все еще за нас.

Среди самых близких друзей – Борис Литвак, Гарик Голубенко, Юра Швец, Инна Тиккер. Нет их уже. И понимаешь трагизм ощущения поэта:

Из тех, кто помнит мой город, остался лишь я один.
А было людей в моем городе, словно в банке сардин.
Теперь они где попало – в раю и в чужом краю,
наверное, плавают в масле. И я черт-те где стою.

Новые стихи Юры для нас – это всегда радость. Помню, как, получив «Млечный путь», Валя написала замечательное эссе об одном стихотворении, о притяжении и отторжении букв «л» и «р». Как и все стихи Михайлика, мы его опубликовали в альманахе «Дерибасовская – Ришельевская».

А Аня как-то записала и сделала видео – одесские друзья читают Юрины стихи. Там записаны Боря Литвак, Валя Голубовская, Гарик Голубенко, Олег Губарь, Игорь Кнеллер и другие. Оно есть на Ютубе.

Сейчас Аня с Юрой договорились сделать новый проект. Пусть будет сюрпризом.

В одном из последних стихотворений, присланных в Одессу, Юра вспоминает лето и дачу.

Летний сон. Полночная прохлада.
Мягкий звук – во сне иль наяву?
Ты не бойся – там во мраке сада
абрикосы падают в траву…

Не знаю, какие фрукты падают в траву в Австралии… Знаю, что друзья собираются там сейчас издать новую книгу стихов Михайлика. Жду ее. У него совсем не много книг. В 2001 году в Москве вышло «Окаменевшее море», в том же году в Одессе «Край моря», в «Библиотечке «Огонька» в 2008 «Звезда морей» и, наконец, в 2012 году Всемирный клуб одесситов издал его книгу «Перемена времен».

Именно потому, что книги не выходили давно, для очень многих читателей новые стихи Михайлика, большого поэта, неизвестны.

Горжусь, что пару лет назад Юра Михайлик посвятил мне свой триптих.

Что ж, помолчи со мной, старый товарищ мой.
На языке молчания нас позовут домой.
Так коротка стезя, что не дойти нельзя,
там юны наши подруги, там живы наши друзья…

Как видите, не выдержал, не удержался. Не на языке молчания, а на родном языке попытался рассказать о замечательном поэте, друге Юре Михайлике.

Юрий Михайлик

Стихи разных лет

* * *

Вы, конечно, правы, Андрюша, – второй крестовый поход,
в сущности, был обречен еще до его начала.
Дело вовсе не в тупости возглавлявших его господ,
и не в том, что стратегия или тактика подкачала.
Все куда серьезней. Когда вы ведете взгляд
по рядам готовых сражаться за освобождение Гроба Господня,
вы должны выбирать себе хороших солдат.
То есть именно тех, кого ждет преисподня.
Тех, кто, глядя на крест, узнает рукоять меча,
кто в бою не срежет с убитого ни золотых, ни медных
побрякушек, лишь краем глаза их отлича,
чтоб не сдохнуть на месте средь полчищ жадных и бедных.
Тех, кто лепит на рану смесь плесени и земли,
кто милосердно втыкает нож в горло побратимам неисцелимым,
а уж если покажется, наконец-то, город вдали,
чем бы он трижды ни был – он будет Иерусалимом.
Крестовый поход праведников закончится в первом бою,
даже если их, праведных, удалось бы собрать для похода,
даже если их убедили бы оставить семью,
даже если их оторвали бы от любимого огорода…
Что с них, Господи, толку? Какой от них, к дьяволу, прок?
Разве что вклад в развитие медицины.
Так что если уж нужно вести солдат на восток,
отбирать следует тех, от кого побегут сарацины.
И тогда выясняется, что не получится ни черта
даже с самым лучшим войском. Ничего, кроме сущего вздора.
Какой же Господь допустит, чтобы святые места
освобождали убийцы, насильники и мародеры?

Невозможность, Андрюша, добру оставаться добром
заставляет надеяться, что зло еще превратится в благо,
что когда утихнут пожар, бесчинство, погром,
из них образуются мужество, благородство, отвага.
Все придут на молебен. Черные губы солдат
будут двигаться в лад с молитвенным ритмом – таков обычай.
Что ж это был за город?.. Молебен, затем парад,
а уж после парада справедливый дележ добычи.

* * *

Нам досталась такая страна,
что она и беда, и вина,
лет по триста любым разговорам,
да и птице, видать, не впервой
убеждать вологодский конвой:
– Я не мельник, я – ворон.

Эту землю как книгу из книг
сочинял не монах, но ледник,
русла завтрашних рек нацарапав,
валунами утыкав гряду
вдоль пути в Золотую Орду
от Хвалынска и вниз – на Саратов.

На широтах тюрьмы и сумы
государство страшнее зимы,
все столичные бунты – гусарство.
Но как грянет пурга по земле,
эти несколько дней в феврале –
пострашней государства.

Нам досталась такая страна,
где наивно рассчитывать на
правоту и рассудок,
здесь легко голодать-холодать,
но когда низойдет благодать,
здесь не выжить и суток.

Соплеменник, изменник, беглец,
ты не мельник, и я не кузнец,
что ж нам снятся под пальмами юга
тьма да вьюга, да снежный завал,
что мороз намолол и сковал
близ полярного круга.

* * *

Ливни и грозы соответствуют мартовским идам
(если гонять родной календарь по чужим орбитам),
что объясняется близостью Антарктиды
к этим краям, позаброшенным и позабытым.
Ибо достигнув известных пределов, айсберги тают,
гибельны теплые воды белым громадам.
Айсберги тают, и испаряются, и улетают,
и через тысячу верст выпадают градом.
Мятые крыши автомобилей заморской марки,
сбитые наземь телеантенны и апельсины.
Так испаряешься и погибаешь в марте,
в мокрой траве – холодный, маленький, синий.
Айсбергам трудно в начале марта, как и тиранам,
не заходить далеко за пределы боли.
Мы не Титаники, нам не идти тараном
в южных морях, а уж в северных и тем боле.

* * *

Мы убыли, мы выбыли –
какая благодать!
Ни убыли, ни прибыли
уже не угадать.
Мы ухнули как с горочки
в отвал, в провал, во тьму,
и терочки-разборочки
нам ваши ни к чему.

В другие полушария
мы вышли из игры
в коллекции, в гербарии,
на кончике иглы.

По низкой траектории
мы вышли из пике
в неведомой истории
на странном языке.

И лишь одно созвездие
из памяти живой
как позднее возмездие
висит над головой.

* * *

Ночь не спросит, утро не ответит.
Ветер провожал нас – ветер встретит.
Жемчуг мелок, да и супчик редок.
Улыбнись подруге напоследок.

Улыбнись подруге, ей досталась
кочевая поздняя усталость,
с моря тянет ветром незнакомым,
ветер пахнет дымом, а не домом.

В две руки – природа и свобода –
мастерски стасована колода.
Там в колоде обещаний много,
а сбылась лишь дальняя дорога.

Поклонись дороге – ты свободен.
Нет на свете ни одной из родин.
А уж от чужбины до чужбины –
что тебе и пальмы, и рябины?

* * *

Из тех, кто помнил мой город, остался лишь я один,
а было людей в моем городе, словно в банке сардин,
теперь они где попало – в раю и в чужом краю.
Наверное, плавают в масле. И я черт-те где стою.
Будущее на лысинах предписано дуракам –
посредине пустыня, заросли по бокам.
Дымный ветер гуляет в чахлых пучках седин.
Из тех, кто помнил мой город, я остался один.
Никто не знает, что строит, тем паче граф Воронцов,
воткнувший в татарский берег тьму пионерских дворцов,
где будущие поэтессы, хитрюги себе на уме,
нетерпеливых поэтов отталкивают во тьме.
Купеческое барокко, левантийская грязь и спесь,
но каолин и сера – это опасная смесь.
И берег сползает в воду с хрустом арктических льдин.
Из тех, кто помнил мой город, остался лишь я один.
Его больше нет над морем, он сгинул вместе со мной,
а когда-то в его колоннадах качался июльский зной,
и все дрожало и плыло, предсказывая пейзаж,
где сам ты лишь очертанье, жажда, жара, мираж…
Отсутствующий виновен. Отрезанное болит.
Прошлое в настоящее врезается, как болид,
и тогда сдвигаются плиты, и в дыру посреди миров
летят бульвары и скверы, фонтаны бедных дворов.
Паутиной прибрежных тропок, колеблемой зыбью мостов
мой всплывающий город прошепчет мне – будь готов.
Давно готов, – я отвечу на тихий призыв его.
Из тех, кто помнил мой город, больше нет никого.

Белла Верникова

Звук и слово Киры Муратовой и других

В этом городе все знают друг друга, все связаны, все могут уместиться в один фильм Киры Муратовой и умещаются.
Вадим Ярмолинец. Рòковое лето
Журнал «Волга – XXI век», № 3-4, 2008

Цитата из рассказа Вадима Ярмолинца и ко мне имеет отношение. В фильме Киры Муратовой «Долгие проводы», запрещенном при выпуске в 1971 г. и на долгие годы положенном на полку, сына героини Зинаиды Шарко, лучшей роли актрисы в кино, оставшейся нам на память от режиссера, играет Олег Владимирский, позже фоторепортер, сотрудничавший с рядом одесских газет. Во второй половине 1980-х гг. редактор газеты Одесского университета, где я тогда работала, Николай Трофимович Щербань по договору взял Олега Владимирского фотокорреспондентом в нашу газету.

А в фильме Муратовой «Астенический синдром», сначала запрещенном, а позже удостоенном двух премий «Ника», премии за лучшую женскую роль на кинофестивале «Созвездие» и «Специального приза жюри Берлинского кинофестиваля» 1990 г., две части картины, бежево-черно-белую и цветную, соединяет ведущий киноклуба и мой коллега по Одесскому литературному музею Борис Владимирский. В отличие от его эпизода в фильме – неудачной попытки поговорить со зрителями о серьезном современном кино (сквозь шум расходящейся публики звучат имена Киры Муратовой, Сокурова и др.), в реальном киноклубе при одесском кинотеатре им. Фрунзе, куда я ходила в 1980-е гг.,

по воспоминаниям Елены Каракиной, сегодня ученого секретаря литмузея: «Благодаря Владимирскому кино обретало трехмерность и протяженность во времени. Открывались вторые, третьи, пятые планы… Вместо с трудом выдавленного мычания «нравится» – «не нравится» возникала ткань диалога, связывающего человека и произведение искусства» (журнал «Мигдаль Times», № 15, октябрь 2001).

И, конечно, прямое отношение данный эпиграф имеет к нашему с Вадимом Ярмолинцем другу, писателю Сергею Четверткову, автору сценариев и актеру нескольких муратовских фильмов. В моей книге «Из первых уст. Эссе, статьи, интервью» (М.: Водолей, 2015) на стр. 93 приведена фотография Сергея Четверткова, сделанная при нашей встрече в Одессе в апреле 2011 г., когда я приезжала на неделю в родной город, и помещенная мною на сайте визуального искусства «Иероглиф», а оттуда попавшая на ряд киносайтов. Подпись под фотографией в книге: Сергей Четвертков-Шикера, поэт, прозаик, сценарист фильмов Киры Муратовой «Второстепенные люди», «Настройщик». Одесса, 2011. Фото Б. Верниковой.

По его сценарию снят и показанный впервые на Венецианском кинофестивале 1999 г. короткометражный фильм Киры Муратовой «Письмо в Америку», где сценарист и исполнитель главной роли Сергей Четвертков по ходу сюжета гротескно читает свое стихотворение «Путешественнику», опубликованное в моей рубрике «Антология одного стихотворения» в журнале «Интерпоэзия» (№ 2, 2008). В предисловии к рубрике я заметила, что «без учета этих стихотворений представление о русской поэзии нашего времени будет неполным и ущербным».

Звук Киры Муратовой – прежде всего говор ее персонажей, где в одесские интонации актеров Натальи Бузько, Георгия Делиева, Жана Даниэля, Анатолия Трухина или в механические изломы произношения Уты Кильтер и Филиппа Панова вплетается странный выговор Ренаты Литвиновой, которую Кира Георгиевна Муратова сделала одной из ведущих своих актрис, полагаю, именно благодаря необычному звучанию ее голоса, адекватному индивидуальной пластике. К месту здесь и музыка композитора Валентина Сильвестрова в декорациях художника-постановщика

Евгения Голубенко, и московская дикция Аллы Демидовой, и отголоски украинского детства Нины Руслановой.

Как пишет Олег Зинцов в статье «Памяти Киры Муратовой» в газете «Ведомости» (7 июня 2018): «В Одессе на 84-м году жизни умерла Кира Муратова – великий и недооцененный кинорежиссер, отменивший банальность. …

Порой ведь ловишь себя на том, что ситуация – как в фильме Муратовой: по степени обыденного абсурда, речевого автоматизма или внезапно ставшего явным гротеска. Но это уровень бытовой, поверхностный, а приметливость Муратовой была гораздо глубже, острее».

Это утверждение касается и художественной выразительности звука в фильмах Киры Муратовой. В кино, как удачно сформулировал по другому поводу звукооператор «Мосфильма» Лев Соломонович Трахтенберг, «каждый голос должен диссонировать, тогда в звуке массовая сцена будет многообразной и выразительной» (см. в книге: Л. Трахтенберг. «Мастерство звукооператора». М.: Искусство, 1972).

А.Н. Огарков и И.К. Романова отмечают в статье «Голос в кино» в «Вестнике Санкт-Петербургского университета» (Серия 6; Вып. 2, 2013), что «Реабилитация голоса (в кино) как одного из основных приемов художественной выразительности произошла далеко не сразу: длинные планы молчащих героев авторского кинематографа (Антониони, Тарковского, Сокурова и других) убедительно свидетельствуют в пользу того, что его создатели предпочитают добиваться своих целей скорее визуальными средствами».

Упомянутый там же французский кинорежиссер 1920-1930-х гг., писатель и актер Рене Клер считал, что звуковое кино покорило мир голосов, но потеряло мир сновидений (см. его статью 1929 г. в журнале «Сеанс», № 37/38: Рене Клер. «Искусство звука»).

В 1924 г., когда звук еще не угрожал Великому Немому, Юрий Тынянов опубликовал в журнале «Жизнь искусства» статью «Кино – слово – музыка», где определил кино как искусство абстрактного слова, подчеркнув, что в немом кино «музыка дает богатство и тонкость звука, неслыханные в человеческой речи. Она дает возможность довести речи героев до хлесткого, напряженного минимума. Она позволяет устранить из кинодрамы весь

смазочный материал, всю «тару» речей» (см. в книге: Ю. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977).

В рассмотренных далее и открытых в сети фильмах режиссеров, связанных с кинематографом Киры Муратовой, заметно стремление при наличии звука сохранить мир сновидений, присущий некогда немому кино. Достигается это разными средствами, в том числе обращением к старым немым фильмам и к литературе гротеска и абсурда.

Короткометражный немой черно-белый фильм «Девушка с коробкой» 2013 г. – автор сценария и режиссер Рената Литвинова, музыкальное оформление Земфиры Рамазановой – ремейк одноименного немого фильма Бориса Барнета, поставленного на студии «Межрабпом» в 1927 г., повторяет некоторые смысловые детали и техническое оформление старого фильма. В фильме Барнета девушка с круглой шляпной коробкой в исполнении Анны Стэн приезжает в жутком вагоне, забитом пассажирами, где с полки над ее головой нависают валенки главного героя, из пригорода в город, чтобы сдать шляпы в магазин и получить оплату за их изготовление, в качестве которой ей дают облигацию, и вокруг этой выигравшей крупную сумму облигации закручивается сюжет любовно-мордобойной картины, снятой в ходе рекламной кампании государственного займа. Надписи-интертитры в фильме Бориса Барнета:

«Наташа Коростелева и ее дедушка жили под Москвой в маленьком домике»

«Ежедневно железнодорожный кассир Фогелев стремился к предмету своей безнадежной любви»

«Наташа и дедушка занимались на дому изготовлением шляп»… и т. д.

После вступительных титров следует надпись о достоинствах картины, видимо, сделанная в 1968 г. при музыкальном озвучании фильма в новой редакции на студии им. М. Горького:

Этот фильм – одна из первых работ кинорежиссера Бориса Барнета. Поставленная с целью пропаганды государственных выигрышных займов, комедия интересна своими новаторскими попытками в разработке характеров героев, привлекает лиризмом повествования.

В получасовом короткометражном фильме Ренаты Литвиновой девушка-курьер Любочка Орлова (!) в исполнении актрисы и модели Любови Инжиневской получает в московском модном доме с интерьерами в стиле модерн продолговатую коробку с платьями, на которой по-английски написано имя дизайнера моды Александра Терехова, – для ценной клиентки, живущей в Петербурге, куда она едет в шикарном полупустом вагоне «Красной стрелы» с Ингеборгой Дапкунайте в роли проводницы, и во время поездки прогуливается вдоль купе, сначала в своем платье, а позже надевает одно из платьев, взятое из коробки, чтобы быть замеченной молодым человеком, которого играет дизайнер А. Терехов, он же художник-постановщик фильма.

На экране надписи-интертитры:

«В нашем вагоне оказалось занято только три купе – мое, соседнее с загадочной дамой в сверкающем платье, и еще одно – с молодым человеком и его мамой»

«Я проснулась, не досмотрев сон… а прекрасный юноша так и не пришел»

«Как красиво!»… и т. д.

В вагоне едет еще одна пассажирка в шикарном платье из коллекции Терехова («даже внешне простые вещи из коллекций модельера выглядят стильно и, что называется, «дорого»), дама с пистолетами в исполнении Ренаты Литвиновой, и, как выясняется из ее телефонного разговора, испугавшись слежки гуляющей по вагону девушки-курьера, она сходит на ближайшей станции.

Приехав и пройдя по питерской набережной, Любочка Орлова приносит коробку с платьями по назначению. «Эпатажная дама», как написано в титрах, в исполнении Сати Спиваковой, заметив в коробке надорванную упаковочную бумагу, не ругает курьера, а дарит ей платье из порванной упаковки вместе с подходящими туфлями, чем вызывает у девушки восторг, который наблюдает зритель. Далее поездка в автобусе задремавшей Любочки, увидевшей себя во сне в пяти экземплярах в платьях из той же коллекции. Кончается фильм хэппи-эндом – встречей девушки-курьера с разыскавшим ее попутчиком в исполнении Александра Терехова.

Таким образом, как и фильм Барнета, фильм Ренаты Литвиновой участвует в рекламной кампании – модного брэнда «Alexander Terekhov» – и при этом отличается художественными достоинствами в контексте приведенных выше высказываний Рене Клера и Юрия Тынянова.

Модельная пластика Любови Инжиневской и ее проходы с коробкой по городским улицам возвращают нас в мир сновидений, «к длинным планам молчащих героев авторского кинематографа».

А сопровождающая фильм музыка, которая «дает богатство и тонкость звука, неслыханные в человеческой речи», собрана певицей Земфирой из киноклассики эпохи джаза и блестящей истории музыкального Голливуда – в заключительных титрах перечислены композиторы Макс Стайнер, Бернард Херрманн, Миклош Рожа, Альфред Ньюман, Хьюго Фридхофер, Коул Портер, Фридрих Холландер, авторы музыки многочисленных голливудских фильмов и неоднократные номинанты и обладатели «Оскаров».

«Блажью крепленья звучаний привносятся смыслы» (из книги стихов Беллы Верниковой «Звук и слово». Иерусалим, 1999, стр. 84).

Еще одну киноленту, где звучат стихи Сергея Четверткова в авторском исполнении, снял в 1996 г. одесский кинорежиссер Сергей Рахманин, ныне живущий в Буэнос-Айресе. Это десятиминутный черно-белый с цветными вставками короткометражный фильм «Вчера, сегодня, завтра…», обозначенный в титрах как проект, а при публикации в сети – «Видео-арт. Paris, metro etc.». Авторы проекта: Сергей Рахманин, Сергей Четвертков. В фильме использованы киноматериалы Петроса Севастикоглу.

К сожалению, в титрах тех копий, что открыты в сети, не указан композитор, чья музыка сопровождает фильм, дополняясь телефонными звонками, стуком колес идущего поезда и голосом поэта на фоне городских конструкций, пассажиров в метро и в пространстве города в дождливую и ясную погоду. Сергей Четвертков с перерывами читает свой абсурдистский верлибр из трех обширных строф, преобразованный в диалог, когда поэт говорит «Алё, алё!» и задает вопросы, состоящие в основном из разговорных и литературных клише, а механический голос

отвечает Да или Нет. Привожу заключительный фрагмент верлибра Сергея Четверткова, звучащего по ходу фильма:

Алё, алё! Алё! А среди пилотов «Нормандии-Неман» смотрел? – ДА
……
А в длинных и коротких очередях смотрел? – ДА
А русский бунт бессмысленный и беспощадный видел? – ДА
А в кухне за плитой смотрел? – ДА
А в южном полушарии смотрел? – ДА
А в левом полушарии смотрел? – ДА
А ощетинясь смотрел? – ДА
А небо в алмазах видел? – ДА
А сколько горя вокруг, видел? – ДА
А Пола Сколфильда в роли Гамлета видел? – ДА
А в манящий вырез ее платья смотрел? – ДА
А за больным отцом смотрел? – ДА
А как голубые краснеют под взглядом коричневых видел? – ДА
А как засыпают, пуская слюну, видел? – ДА
А среди шелковидных червей смотрел? – ДА
А в полной уверенности что всё теперь будет иначе, смотрел? – ДА
Нету? – НЕТ

Звучащую фактуру времени представляет зрителям видеоарт Сергея Рахманина и Сергея Четверткова, сегодня доступный в сети.

Открыт в сети и смонтированный режиссером Сергеем Рахманиным короткометражный фильм-портрет «Николай Кочегаров. Памяти актера и человека», где безвременно ушедший актер представлен зрителям как исполнитель главных ролей в фильмах С. Рахманина «Второй» и «Человек К» в музыкальном сопровождении мюнхенского Бах-хора и мюнхенского Бах-оркестра.

Фильмы Сергея Рахманина «Второй» (сценаристы Надежда Бессокирная, Игорь Потоцкий, Сергей Рахманин, Людмила Самодаева) и «Человек К», по раннему ирреальному рассказу Кафки «Быть несчастным», вошедшему в его сборник 1913 г., можно уви-

деть в Интернете в сокращении. При их просмотре вспоминается строфа из стихотворения современного поэта Ольги Боченковой «Галка по имени Кафка»:

> А если смотреть изнутри – это будет даже красиво,
> и не менее осязаемо, чем если смотреть снаружи,
> думай медленно, наводи птичьим своим курсивом
> сеть рисунка из соли, воды и стужи.

Стажер Киры Муратовой в фильме «Второстепенные люди» режиссер Ева Нейман сняла на Одесской киностудии картину «У реки» (2007) по мотивам рассказа Фридриха Горенштейна «Старушки» (сценарий Сергея Четверткова при участии Евы Нейман), где наряду с Мариной Полицеймако играют Нина Руслановa, Сергей Бехтерев, Юрий Невгамонный, чьи голоса знакомы нам по муратовским фильмам.

Как сказал в интервью РИА Новости кинорежиссер и сценарист Андрей Прошкин: «Кира Муратова создала потрясающие фильмы, она диктовала моду в кино. … Великие уходят, она, безусловно, была очень крупным режиссером, отдельным человеком с непростой жизнью и с потрясающими картинами. Очень самостоятельная, она не поддавалась моде, а сама, наоборот, оказывала влияние».

Иерусалим

Виктория Коритнянская

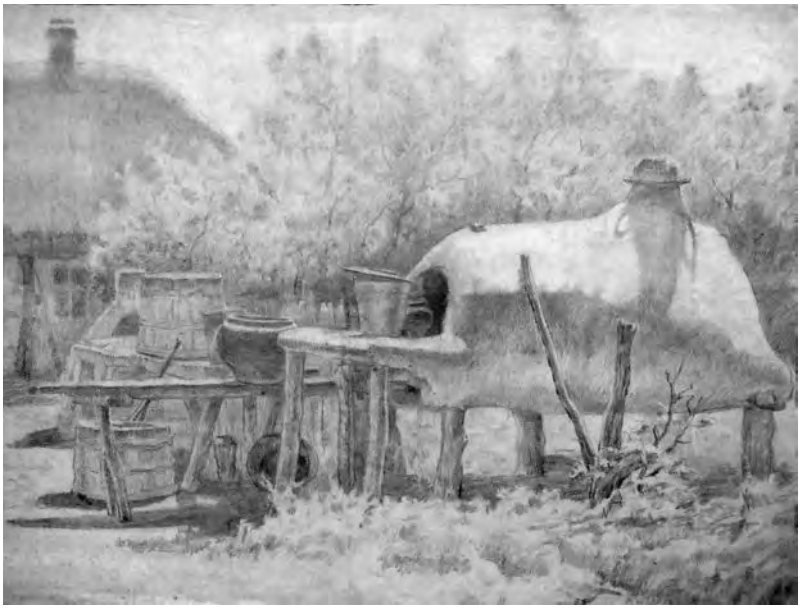
Одесские корни Николая Кужелева

Николай Георгиевич Кужелев (20.01.1942, г. Одесса – 03.10.2017, г. Киев).

Художник театра. Член Национального союза художников Украины. Кавалер ордена «Знак почета». Творческий путь начал в Харьковском театре юного зрителя с декораций и костюмов к японской сказке Дзюдзи Киноситы «Журавлиные перья».

Работал с Харьковским государственным академическим театром им. Т.Г. Шевченко, Харьковским национальным театром оперы и балета им. Н.В. Лысенко, Харьковским академическим театром музыкальной комедии, Национальным академическим драматическим театром им. И. Франко (г. Киев), Киевским академическим театром юного зрителя на Липках, Одесским академическим украинским музыкально-драматическим театром им. В. Василько, Одесским театром юного зрителя им. Юрия Олеши, Одесским академическим русским драматическим театром им. А. Иванова, Академическим музыкально-драматическим театром им. Леси Украинки в Каменском (бывшем Днепродзержинске), Кировоградским украинским академическим музыкально-драматическим театром им. М.Л. Кропивницкого, Черкасским драматическим театром им. Т.Г. Шевченко, Николаевским академическим украинским театром драмы и музыкальной комедии и др.

Оформил более ста спектаклей, среди которых: «А зори здесь тихие…» Б. Васильева, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Пятая колонна» Э. Хемингуэя, «Трагик поневоле» А. Чехова, «Двенадцатая ночь» и «Ричард III» В. Шекспира, «Живой труп» Л. Толстого, «Блоха» Е. Замятина, «Калигула» А. Камю, «Доходное место»



«На подвір'ї». 1962-63 гг.

А. Островского, «Черевички» по повести Н. Гоголя «Ночь перед Рождеством» и др.

Участник союзных, республиканских и международных художественных выставок. Инициатор проведения первой республиканской выставки молодых театральных художников (1969 г., г. Харьков). Иллюстратор. Автор цикла театральных плакатов к произведениям Жана Ануя, живописных серий «Бахчисарай», «Крым», «Одесса», «Киев», «Турция». Автор книги «Жизнь, отданная искусству», сборника поэзии «Остаюсь весенним».

Произведения художника находятся в собраниях Одесского художественного музея и Музея театрального, музыкального и киноискусства Украины, Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина (г. Москва, Россия), частных коллекциях Японии, Франции, Израиля, США, Канады, Германии, Украины, России.

Идея написать о Николае Георгиевиче Кужелеве пришла ко мне не случайно. Организация, в которой я работаю, – Одесский филиал Национального научно-исследовательского реставрационного центра Украины – разместилась в Вознесенском переулке, в небольшом, но очень милом особняке начала XX в. После революции этот дом был превращен в коммунальную квартиру. Две комнаты в нем занимала семья Кужелевых. Николай Георгиевич провел в этих стенах свое детство и юность. Художник, живший и творивший в этих стенах когда-то. Материал показался мне интересным. Я узнала домашний телефон художника и позвонила. Трубку подняла жена – Ольга Григорьевна. От нее я узнала, что Николай Георгиевич болен. Болен настолько, что уже не сможет рассказать о себе и своей жизни в Одессе. Мы разговорились. Ольга Григорьевна рассказала о Коленьке – только так называет она супруга – все, что знала о его детстве и юношестве. В ее воспоминаниях – добрый одесский мальчишка в окружении любящих родителей, друзей и соседей. Мне захотелось узнать больше. Начался кропотливый поиск. Дворец пионеров (в настоящее время Одесский городской дворец детского и юношеского творчества. – **В. К.**), в котором маленький Коля сделал свои первые шаги как художник. Одесское театрально-художественное училище, где он на отделении бутафорского искусства учился на протяжении четырех лет. Харьковский художественный институт (в настоящее время Харьковская государственная академии дизайна и искусств. – **В. К.**), в стенах которого в мастерской Б.В. Косарева раскрылся в Н.Г. Кужелеве яркий талант театрального художника. Запросы возвращались однообразными ответами: сведения отсутствуют, архив не сохранился, утерян.

В журналах и газетах 70-80-х годов – с десяток коротких заметок (в колонках «Театральные премьеры», «Новости театра и кино» и др.). Почти в каждой – положительный отзыв о работе сценографа Н.Г. Кужелева. О нестандартном подходе и изобретательности при создании декораций, о своеобразии и яркости оформления, о красочности и исторической правдивости костюмов, об умении уловить и точно отобразить суть пьесы, узнаваемости почерка художника и его большом удивительном таланте. В газете «Культура і життя» (2002 г.) – одно интервью.

В нем Николай Георгиевич называет себя творцом, художником-шестидесятником, воспитанным на настоящем театре и не желающем мириться с «коллективизмом ягнят». Кужелев считает, что театр – «условное зеркало жизни», он не признает на сцене реализма и в создании «образа» пьесы видит главную задачу художника-сценографа. Иероним Босх, Рафаэль, Гойя и скульптор Роден для него – примеры величия человеческого духа. «Мы не должны придумывать себе кумиров, – говорит Николай Георгиевич и в конце интервью добавляет: – Личный пример родителей – основа будущего мироощущения и всех желаний ребенка в будущем».

На сайте «Енциклопедія сучасної України», в разделе «Культура» о Николае Георгиевиче – стандартный набор безучастных в своей деловитости сведений: дата рождения, перечень названий учебных заведений и театров, в которых учился и работал. Всё. Я недоумевала. Довольно известный художник, много лет успешно творивший в Украине, а о нем – почти ничего… Уверена, потомкам еще предстоит осознать и изучить творческое наследие художника, но оставим это искусствоведам, театроведам и критикам. Этот очерк – попытка увидеть в Н.Г. Кужелеве человека и те окружение и среду, в которых жил и творил талантливый художник.

Из воспоминаний подруги детства, главного хранителя Одесского художественного музея Л.А. Ерёминой

– Коля с родителями жил над нами, на втором этаже. Они занимали две комнаты. Мама его, Ольга Константиновна, плохо слышала, и по вечерам папа Коли громко читал ей новости из газет. Когда было тепло, нам все было слышно через открытые окна… Во дворе слева от фонтана росли два больших ореховых дерева. Ольга Константиновна за ними ухаживала. Осенью, когда падали орехи, она собирала и делила их поровну на кучки по количеству живших в доме семей. Было всем такое угощение…

Нас во дворе было одиннадцать детей, почти все ровесники, погодки. Очень дружные были, все время вместе: вместе в школу, вместе из школы, в булочную, за керосином. По бокам во дворе стояли дровяные сарайчики. Летом нам стелили возле них коврики. Мы играли там в индейцев, разбойников, в войну. С Тузиком – собачкой нашей. Она пушистая была, и Пишоха Иван Григорьевич –

жилец со второго этажа, делал ей стрижку, как у льва, с гривой и кисточкой на хвосте… Куклы мастерили: вырезали из картона фигурку, из лоскутов шили одежку, рисовали глазки, ротик, прическу делали из «волос» кукурузы. Очень красиво выходило…

Мы интересно жили. Не то что сейчас дети. В переулок все время приходили разные люди. Жестянщики, торговцы рыбой, точильщики ножей, парикмахеры, старьевщики. Они шли мимо домов и кричали – зазывали народ. Мы, как слышали, сразу выбегали, конечно. Интересно же, особенно у старьевщика. Смотришь в его повозку, а там – чего только нету… Люди сразу в очередь становились, кому что нужно было, кому ножи поточить, кому кастрюлю починить. Помню, еще приходил один старик, приносил камбалу. Большую такую (широко разводит руками. – **В. К.**), хвост по земле волочился. Он ее, как ранец, на спине носил. Хозяйки выходили, показывали, сколько им нужно, и он тут же на каком-то пне рубил эту рыбу топором…

На втором этаже в большой комнате, где сейчас большой реставрационный зал, жила Таня Погромская. Ее мама Надежда Флоровна была заведующей гинекологическим отделением в Еврейской больнице, а папа работал в горисполкоме. На Новый год они всегда наряжали елку и иногда приглашали нас, детей, в гости.

Кужелевы бедно жили. Когда совсем было плохо, мама шла на Привоз и продавала Колины рисунки (позднее, чтобы уберечь сына от неприятностей, Ольга Константиновна продавала их, выдавая за работы своего мужа Г.А. Кужелева. – **О.Г. Кужелева**). Этого хватало на что-то… Тогда все бедно жили. Нечего было прятать. Мы комнаты не закрывали, всегда нараспашку. Летом только марлевая занавеска висела. Жили открыто, как родственники. Помогали друг дружке. Когда кто-то умирал, хоронили всем двором. Гроб несли на руках по Водопроводной улице до самого кладбища. Все дети – впереди колонны с венками. Помню, нас одевали тогда во все нарядное, натирали зубным порошком ботиночки. Чтобы было красиво…

Коля был добрым, хорошим мальчиком, всегда рисовал. Очень красиво. Дворик наш, дом… У меня несколько его работ дома висят. Я вам покажу их, увидите, какие это чудесные пейзажи.

«Портрет отца». 1950-е гг.

Из воспоминаний друга юности, заслуженного художника Украины, главного художника Одесского театра юного зрителя им. Юрия Олеши Н.М. Вилкуна

– Я познакомился с Николаем в училище, он был на пару лет меня младше. Мы как-то сразу сдружились. Николай был очень интеллигентным, воспитанным мальчиком, очень много читал, и родители у него замечательные, очень гостеприимные. У них не было телевизора, было много книг. Коля – поздний ребенок от второго брака, мама его обожала. Отец был для него авторитетом. Они с Колей любили рыбачить. Шли на Ланжерон, выходили на лодке в море ловить ставриду. Я редко составлял им компанию, был к рыбалке равнодушен. Иногда мы рыбачили вместе. Однажды, помню, когда Коля уже работал в Одессе, рано утром мы вышли в море, и из порта вышел «Адмирал Нахимов». Пароход медленно прошел совсем близко от нас и скрылся за горизонтом. Это был его последний рейс…

Николай всегда хотел быть художником, он овладевал этой профессией очень осознанно и настойчиво. Это была цель его жизни. Влюбленный в искусство, очень искренний, компанейский человек. Мы ездили вместе с ним на этюды, праздновали дни рождения. Я часто бывал у них дома. Мама – очень добрая, симпатичная, милая женщина. Папа – очень статный, высокий. Работал в Гипрограде, была такая проектная организация на Греческой площади, там «Таврия» сейчас.

В училище мы дружили со многими ребятами. Из нашего «кружка» вышло много знаменитых, замечательных людей: режиссер Леонид Осыка, Юра Коваленко, Михаил Шишлянников – художник Мариинского театра, актер и режиссер,

председатель Национального союза кинематографистов Украины Борис Савченко, диссидент, поэт Олесь Різників, я, Коля… Я не помню, чтобы мы хотели что-то еще, мы всегда хотели стать художниками. Об этом были все наши разговоры, все книги, все мысли.

Судьба его сложилась… Не то чтобы плохо… Николай уехал в Харьков, там женился (первая жена Н.Г. Кужелева – главный художник Харьковского академического драматического театра им. Т.Г. Шевченко, заслуженный деятель искусств Украины Татьяна Медведь. – **В. К.**), работал в Харьковском ТЮЗе. Потом в театре случился пожар. Загорелась сцена, знаете, синтетические декорации… они вспыхнули мгновенно. Он спасся чудом, смог выбраться по крыше. Тогда же развелся с женой. Понимаете, он все потерял… Приехал в Одессу. Здесь работал. В Украинском театре, в ТЮЗе. Я помогал, устроил Коле поездку в дом творчества «Сенеж». Он вернулся отдохнувшим. У Николая в Одессе было несколько персональных выставок, в Доме актера, во дворе филармонии. В Одессе он встретил свою вторую жену Олю. Знаете, как-то он был связан с этим именем, у него мама Оля, вторая жена Оля. Две Оли, которых он очень любил. Потом уехал в Киев, работал там по договору, делал выставки, что-то писал… Жил, в принципе, неплохо…

Мне кажется, 90-е, перестройка ударили по Николаю. Он был очень ранимый, тонкого душевного склада человек. Его в детстве очень опекали родители, наверное, поэтому он не смог справиться со всем этим… Плюс – он перестал быть востребованным. Художнику важно творить, важно быть нужным… Думаю, все это сыграло роль… Через время он заболел…

Из воспоминаний коллеги, актрисы Одесского театра юного зрителя им. Юрия Олеши, заслуженной артистки Украины В.Ю. Губской

– Мы очень дружили с Колей. Он был очень добрым, но в то же время закрытым человеком. Часто бывал у нас дома. Помню, когда моей дочери Юльке было десять лет, она принесла из школы четыре двойки. Это было седьмого марта – такой вот подарок на праздник маме! Я ее отругала, конечно. Она закрылась у себя в комнате. Пока сидела там, надергала из веника веточек, сделала

из них кисточки и нарисовала свой портрет. А вечером уже, восьмого марта, вышла, выставила его – вот, мол, тебе настоящий подарок! И как раз пришел Коля, посмотрел, спрашивает:

– Валь, а кто это нарисовал?

А я возмущаюсь:

– Юлька! Весь веник мне извела!

А он:

– Слушай, у нее талант, с ней заниматься нужно.

А через пять дней снова пришел, просит у меня портрет. Я спрашиваю:

– Зачем?

А Коля говорит:

– Этот портрет требует обрамления.

Он сам сделал к нему раму из вишневого дерева. Она очень украсила, подчеркнула Юлин рисунок.

Впервые я столкнулась с Колей на репетициях спектакля «Коварство и любовь» по Шиллеру. Это был очень глубокий, красивый спектакль. Я играла в нем леди Мильфорд. У Коли было очень теплое и уважительное отношение ко всем актерам. Мы больше никогда такого не знали. Он говорил с актерами, обсуждал с ними все детали, прислушивался к мнению каждого. Актерам было комфортно играть на сцене с Колиным оформлением, им было удобно в его костюмах. В «Коварство и любовь» у меня было роскошное платье: бархат и шифон в сиреневых тонах. Когда спектакль сняли, я рыдала.

Коля был очень талантлив. Высочайшей культуры человек. Был доброжелателен, но всегда умел настоять на своем, без шума и крика. У него были очень добрые, излучающие свет глаза. Это помогало ему в спорах, он обезоруживал человека глазами…

Из воспоминаний коллеги, актера Одесского театра юного зрителя им. Юрия Олеши И.Ю. Тильтикова

– Я пришел в театр в 1976 году, Коле было 34, молодой энергичный мужчина. В 78-м он оформлял спектакль «Одуванчик», я играл в нем Хорька. У меня был костюм – жилетка с каким-то мятым мехом. Получился очень удачный яркий образ такого, знаете, запаршивленного злодея.

Коля очень ценил мнение актера. От художника в театре многое зависит, именно он дает ощущение сцены, задает общий настрой. В ТЮЗе главным режиссером тогда работал Н. Тараненко, у них с Колей сложился удачный тандем. Тараненко не приступал к репетициям, пока они с Колей не приходили к единому мнению. Николай показывал ему макет и, если режиссерский замысел был воплощен, если видение режиссера совпадало, с тем, что показывал Коля, – начинались репетиции.

Мы дружили, часто ходили в гости друг к другу. Коля – хороший поэт, творчески разноплановый, высочайшего интеллекта человек. Умел держать слово. Писал стихи, но я никогда не слышал, чтобы он читал их. Хотя, помню, его жена Оля рассказывала, что Коля очаровал ее именно стихами. Она пришла к нему в гости, он стал читать ей стихи.

– Ну как после этого можно было в него не влюбиться? – спрашивала она, сияя глазами.

Коля был известным востребованным художником. Работал с театрами многих городов Украины. Его оформления не были похожи друг на друга, он мог несколькими штрихами воссоздать атмосферу, сделать узнаваемым интерьер. У Коли получались красивые спектакли. В «Коварство и любовь» в двухэтажных декорациях на втором этаже висел гобелен. Не знаю, как Коле это удалось, но изображение на нем было трехмерным, как 3D. Сейчас этим никого не удивишь, а тогда, в 79-м, это было что-то необыкновенное…

Из воспоминаний жены художника, виолончелистки, старшего преподавателя, зав. струнно-смычковым отделом ДМШ № 28 (г. Киев), педагога высшей категории, члена жюри Международного конкурса Е. Станковича О.Г. Кужелевой

– Коля часто рассказывал о своей жизни в Одессе. Он собирался писать об этом, несколько раз начинал и забрасывал. Теперь уже не вспомнит. Он очень любил Одессу. Всегда приходил в переулок. Его пускали во двор, разрешали подняться на второй этаж и зайти в комнаты. В них все переделано, конечно, даже вход не там. Но само место – оно притягивало. В последний раз почему-то не пустили…

Помню, у них в комнате посередине стоял стол, а по углам – шкаф и буфет. Сбоку стояла кровать, на ней на руках у Коли умер его отец…

На буфете стояла картинка дуэли Лермонтова и большие каминные расписные часы. Когда-то давно их купил дедушка Коленьки по маминой линии. Как-то он шел домой, увидел их и не смог устоять – купил. Они были, наверное, самой дорогой вещью в доме… По маме они одесситы, жили на Градоначальницкой. Дедушка был довольно известным в городе мастером по росписи карет, а бабушка Соня занималась домом. В выходные она нанимала извозчика и ехала на Привоз покупать продукты. Во время войны мама Коленьки спрятала эти часы и книги в дрова, был у них во дворе маленький такой сарайчик. Часть этих книг до сих пор стоит у нас в шкафу…

«Семейный натюрморт», 2004 г.
На картине изображены те самые купленные дедушкой Н.Г. Кужелева расписные часы

Мама Коленьку любила очень. Она за папу Коли вышла, тот был вдовец с двумя почти взрослыми детьми. А потом, через время, родила. Когда беременная ходила, почти перед родами случился с ней один случай. Она шла по Пироговской, ее остановили румыны, ударили автоматом прямо в живот (описываемые события и рождение Н.Г. Кужелева происходили во время оккупации Одессы немецко-румынскими войсками. – **В. К.**). Такая жестокость… Она потеряла сознание, добралась потом как-то домой… Переживала очень, но, к счастью, все обошлось. Родила Коленьку на каком-то холодном мраморном столе, в роддоме были выбиты все стекла, а на улице мороз – минус двадцать, представляете? У мамы была одна новая простыня, в нее-то Коленьку, как родился, и завернули.

Тяжело было очень, Коля маленький, двое детей, больной муж (отец Н.Г. Кужелева участвовал в сооружении оборонительных позиций города Одессы, заболел фурункулезом, впоследствии был комиссован). Жили бедно. Бывало, денег совсем нет, но мама шла на Привоз купить одного бычка – мальчику нужна рыба… Мама – чистюля, большая умница. Все старенькое, но чистое, зашитое. Была осторожной, помню, всегда одергивала папу, говорила ему: «Тише! Молчи!». А папа был боевой, не боялся…

Как-то, помню, мама рассказывала. Летом двор по краям зарастал высокой травой, и дети играли там в индейцев. Однажды Коленька нашел в траве семечку.

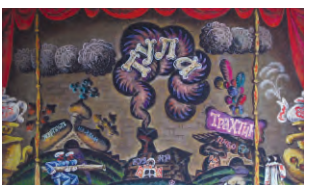
«Семено! Семено!» – закричал он и, потрясая семечком в вытянутой руке, бросился наверх по лестнице, чтобы показать, поделиться с ней своей находкой.

Коленька с детства хорошо рисовал. Когда ему исполнилось шесть лет, родители повели его во вновь открытый после войны Дворец пионеров. Преподаватель по рисованию Гитя Александровна попросила его нарисовать хорька. Коленька справился с заданием, но его не приняли, так как он был еще мал и не был пионером. Сказали, что мальчик может посещать занятия, только платно. Но денег в семье не было, и родители не могли себе это позволить. А когда Коленьке было восемь, он принял участие в каком-то конкурсе детского рисунка. Я не знаю, был ли Коленька победителем, но точно известно, что после конкурса родители получили письмо от известной художницы, по-моему, она была в жюри, Татьяны Яблонской (к сожалению, письма и воспоминаний об этих событиях в архиве Т.Н. Яблонской не сохранилось. – **В. К.**). В письме она приглашала талантливого мальчика учиться в Киевской художественной школе. Но родители побоялись отпустить Колю – далеко, он еще маленький… Они написали Татьяне Ниловне письмо, в котором подробно объяснили причины отказа, и тогда Яблонская обратилась к дирекции Дворца пионеров с просьбой, чтобы Коленьку приняли учиться в рисовальную студию бесплатно. Так Николай снова вернулся к Гите Александровне (в 90-х гг. Гитя Александровна эмигрировала в Израиль, сведения о ней и Н.Г. Кужелеве в архиве Одесского городского дворца детского и юношеского творчества не сохранились. – **В. К.**).

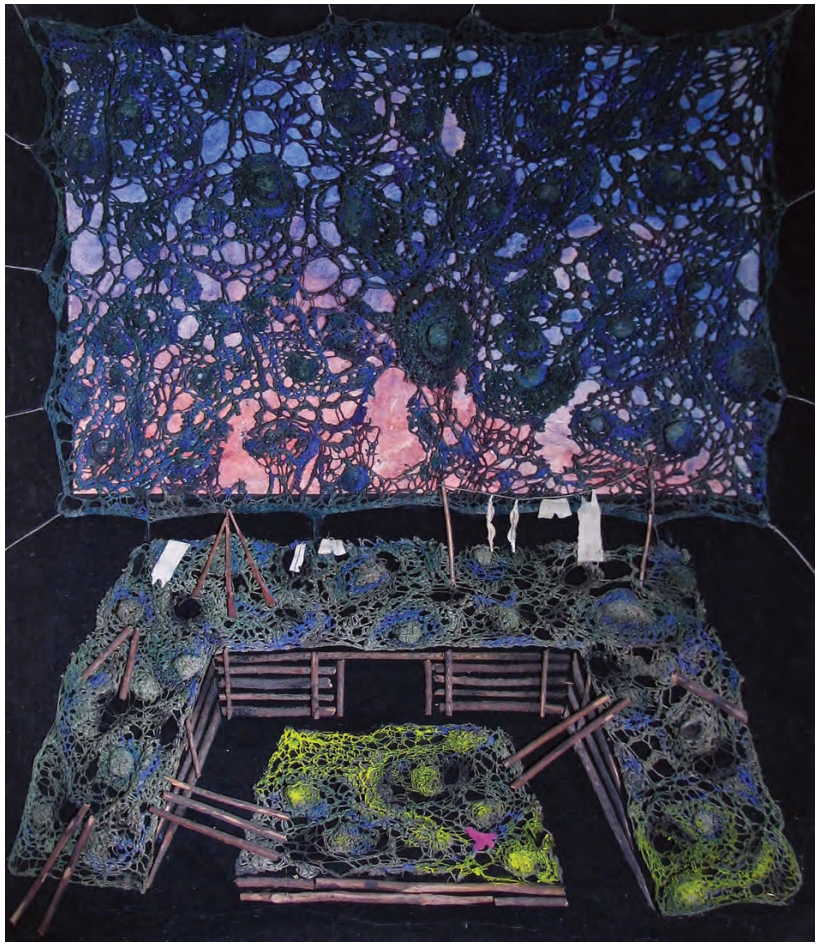
Улочка Бахчисарая, 1994 г.

Автопортрет. 1988-89 гг.

Таллинский дворик. 1960-е гг.



Работы Николая Кужелева



На Коленьку огромное влияние оказывал папа. Именно он настоял, чтобы Коля вместо техникума измерений, куда он хотел поступать после школы (Н.Г. Кужелев окончил 79-ю школу, учился на «хорошо» и «отлично»), подал документы в художественное училище. Но там набор был уже закончен, и тогда Коленька поступил в Одесское театральное училище на бутафорское отделение (в архиве училища о Н.Г. Кужелеве сохранилась одна учетная запись – о том, что он студент 4-го курса бутафорского отделения. – **В. К.**). Из воспоминаний мужа об училище помню историю сдачи выпускного экзамена. Тема диплома была «канделябр в палате Ивана Грозного», но Коленька так увлекся, что кроме канделябра воссоздал интерьер царской опочивальни. В училище как раз в это время были какие-то переезды. Коленьке нужно было все это перевезти на Торговую, но декорации были такими большими, что не влезали ни в одни двери. Тогда Коля с папой решили поднимать их на веревках через балкон. Наняли биндюжника, привезли, стали поднимать и… Веревки оборвались, работа полетела вниз, разбилась. Не знаю, как Коленька вышел из ситуации, но диплом он защитил.

При поступлении в Харьковский институт (сведения о Н.Г. Кужелеве в архиве вуза не сохранились. – **В. К.**) был конкурс 10-15 человек на место, и Коленька был одним из шести, лично отобранных на курс Василием Косаревым (за композицию «Сварщики трамвайных путей»).

Коленька очень любил свою работу. Полностью отдавался ей. Порядочный, честный, не способный на творческий компромисс человек. Был очень требовательным к себе, мог переделывать по многу раз то, что, по его мнению, было не так. Его любили в театре, он со всеми находил общий язык. Помню, в постановке «А зори здесь тихие…» главная героиня в конце тонет, и Коленька придумал изобразить воду на сцене с помощью сетей, связанных из канатов. Эти сети потом двигались, выходило, как будто бушуют волны. Очень эффектно… Их вязали в каком-то цеху женщины, у них было мало времени, а они не понимали, как это делать, и возмущались. Коленька пришел к ним, они стали жаловаться, а он, улыбаясь, сел, принялся вязать, показывать: «Вот так, вот так!». Работа была выполнена к сроку.

«Хлеб». 1950 г.

В Одессе Коленька работал над несколькими спектаклями. Особенно оригинальным получилось у него оформление к спектаклю «Черевички». На сцене соорудили вертеп, у актеров были очень самобытные, яркие, в украинском духе костюмы. В газетах Одессы много писали об этом, хвалили. Это было событие в культурной жизни города. Коленька придумал разукрасить все декорации в этом спектакле светящейся в темноте краской. Помню, на гастролях в Риге идет представление, вдруг в зале гаснет свет, и все на сцене начинает светиться. Первые секунды – тишина. Потом – гром аплодисментов художнику. Это было потрясающе…

В середине октября, позвонив Ольге Григорьевне, я узнала, что Николая Георгиевича не стало. Оказалось также, что она в Одессе – привезла прах мужа в родной город. На следующий день мы встретились. Ольга Григорьевна пришла с сестрой. Мы поднялись на второй этаж и зашли в одну из комнат, где жил когда-то Николай Георгиевич с родителями. Постояли. Ольга Григорьевна обвела взглядом белые стены, вздохнула, потом, улыбаясь, по-

смотрела в окно. В уютном дворике было все, как раньше, – фонтан, круглые кроны старых шелковиц, ажурная решетка черных ворот… Все, как раньше, только без Коли…

Н.Г. Кужелев похоронен в Одессе рядом с любимыми родителями, на Таировском кладбище.

Одесский период творчества Н.Г. Кужелева

Одесский академический украинский музыкально-драматический театр им. В. Василько

1. «Красные дьяволята». Авт. П. Бляхин, А. Полевой, А. Толбузин. Реж. В. Туманов. Премьера 28.12.77.
2. «Черевички». Инсценировка В. Василько (по Н. Гоголю). Реж. В. Туманов. Премьера 22.04.78.
3. «Эксперимент». Авт. Я. Верещак. Реж. В. Туманов. Премьера 05.12.78.

Одесский театр юного зрителя им. Юрия Олеши

1. «Не склонить головы» по пьесе И. Буковчана «Снег над кедром». Реж. Н. Тараненко. Премьера 23.06.77.
2. «Веселое время». Авт. М. Бременер. Реж. Н. Тараненко. Премьера 24.12.77.
3. «Трубадур и его друзья». Авт. В. Ливанов, Ю. Энтин. Реж. Б. Светличный. Премьера 19.03.78.
4. «Остановите Малахова». Авт. В. Аграновский. Реж. Н. Тараненко. Премьера 30.06.78.
5. «Одуванчик». Авт. А. Бруштейн. Реж. А. Булыга. Премьера 27.12.78.
6. «Коварство и любовь» (по Ф. Шиллеру). Реж. Н. Тараненко. Премьера 24.06.79.
7. «Приключения в загородном доме». Авт. Э. Низюрский. Реж. А. Булыга. Премьера 26.07.79.
8. «Белоснежка и семь гномов». Инсценировка Л. Устинова, О. Табакова (по Я. и В. Гримм). Реж. Н. Ермоленко. Премьера 28.12.79.

9. «Атомино». Авт. М. Арджилли. Реж. А. Булыга. Премьера 23.03.80.
10. «День открытых дверей». Авт. И. Ольшанский, Н. Руднева. Реж. В. Туманов. Премьера 23.07.80.
11. «Гуманоид в небе мчится» по пьесе А. Хмелика «А все-таки она вертится!». Реж. В. Туманов. Премьера 25.12.80.
12. «7 криков в океане». Авт. А. Кассон. Реж. Б. Зайденберг. Премьера 29.06.81.
13. «Свободное небо». Авт. Л. Устинов. Реж. В. Туманов. Премьера 24.03.82.

Одесский академический русский драматический театр им. А. Иванова

1. «Репетитор». Авт. Г. Полонский. Реж. В. Терентьев. Премьера 27.07.78.
2. «Соловьиная ночь». Авт. В. Ежов. Реж. К. Чернягев. Премьера 03.05.80.

Стихи Н. Кужелева

Художник

Из месива красок, из хаоса звуков,
Из тайных кладовок природы могучей
Талант извлекает в сомненьях и муках
Гармонию цвета и рифмы певучей.

А кажется – будто всегда это было,
И цвета игра, и оркестра звучанье…
Не знает никто, как металась и ныла
Душа у того, кто добился признанья.

Не знает никто, где искал вдохновенья,
Какими слезами душа обливалась…
А сколько потратил труда и терпенья,
Когда над безумцем толпа насмехалась…

И если писал не для ветреной славы,
И верил лишь Музе – прекрасно-свободной,
То станет навечно любимым по праву
Без имени автор,
А песня – народной…

Пока я жив

Пока я жив – туман клубится,
И стройные березы нежно шелестят,
Пока я жив – меж скал ручей струится,
И женщины мне дарят нежный взгляд.

Пока я жив – в садах смеются дети,
И соловьи поют наперебой,
Пока я жив – встречаюсь на рассвете
С волною, солнцем и с тобой…

Пока я жив – твои глаза красивы,
И волосы струятся по плечам…
Пока я жив – живут любви приливы,
И нежный шепот слышен по ночам…

Пока я жив – сюрпризы шлет природа,
Вдруг из-за туч проглянет неба синь.
За горизонтом сгинет непогода…
Пока я жив – держусь за жизнь.

Леонид Авербух

Одесские музы поэтов

Н.С. Гумилев и Е.К. Дю-Буше

Мне в жадности не с кем сравниться,
и всюду – опять и опять
хочу я всем девушкам сниться,
всех женщин хочу целовать…

Е. Евтушенко

Поэты – народ влюбчивый… Это в полной мере относится к Н.С. Гумилеву. Если бы Гумилев по примеру Александра Сергеевича составил «донжуанский список», они вполне смогли бы ими помериться. И еще неизвестно, кто бы вышел победителем. Фантастическая влюбчивость Гумилева – одно из самых стойких и буйных проявлений его характера. Вторая натура. И постоянное состояние души. Ну не умел он жить без любовных романов, приключений, интриг. Мимолетных или затяжных, «роковых» или случайных, бурных и не очень. Любовь и поэзия были для него всем – неразрывным, единым, огромным. Одно не мыслилось без другого. Поэтическое вдохновение питалось любовью, любовь – вдохновением. Ему требовалось постоянно пребывать в эйфории – трепетном нетерпеливом ожидании новых и новых наплывов страсти. «…Мучиться и мучить, твердя безумное: «люблю!» Стихотворению Гумилева «Дон Жуан» больше подошло бы другое название – «Автопортрет»:

Моя мечта надменна и проста:
Схватить весло, поставить ногу в стремя

И обмануть медлительное время,
Всегда лобзая новые уста.

Новой возлюбленной, а среди них были девицы и дамы любых сословий, вплоть до известной крутой революционерки и писательницы Ларисы Рейснер, он, не смущаясь, передаривал и перепосвящал стихи, уже поднесенные или посвященные покинутым пассиям. Этим, как известно читателю, грешил и Маяковский… Встречи, события, судьбы в предлагаемом и предыдущем очерках пересекаются как во времени, так и в пространстве. Смириться с тем, что в мировой войне русская армия терпит поражение, Гумилев, считавший себя настоящим патриотом, не хотел и не мог. К тому же, на фронт в марте 1917 г. пришло известие о том, что царь Николай II отрекся от престола, и власть перешла к Временному правительству. Вскоре после этого Гумилев решил перевестись на Салоникский фронт и с этой целью отправился в русский экспедиционный корпус в Париж. Во Францию он поехал северным маршрутом – через Швецию, Норвегию и Англию.

В Лондоне, где Гумилев задержался на месяц, он познакомился с поэтом Уильямом Батлером Йейтсом и писателем Гилбертом Китом Честертоном. Англию Гумилев покинул в отличном настроении: стоимость бумаги и типографские расходы оказались там гораздо ниже, и он смог напечатать там один из номеров своего журнала «Гиперборей». Прибыв в Париж, проходил службу в качестве адъютанта при комиссаре Временного правительства. Теперь настроение поэта и воина стало весьма унылым.

Именно в это время произошло их знакомство с Еленой Дю-Буше, семья которой была достаточно плотно связана с Одессой. Елену Гумилев мог встретить, осваиваясь в офисах российской миссии, размещавшейся в парижском районе Трокадеро, учитывая, что она в это время работала переписчицей (а по другим источникам – переводчицей) тылового управления российских войск во Франции. Это знакомство явилось одним из ярких моментов жизни Николая Гумилева.

Отец Елены Чарльз (Шарль, Карл) Винчестер Дю-Буше (Charles Winchester Du Bouche) родился в Париже в 1868 году. По-русски эту фамилию пишут еще: Дю Буше или дю Буше, Дюбуше и даже

Н.С. Гумилев в годы первой мировой войны

Дибуше… Его отец работал дантистом-хирургом при дворе Наполеона III, мать была американской подданной. Отец умер рано, и сына воспитывала мать. После окончания частной школы в Париже Чарльз Дю-Буше поступает на медицинский факультет Парижского университета, где успешно совмещает учебу с работой в клиниках знаменитых профессоров – Террье и Потена. После успешного окончания университета он в течение нескольких лет совершенствуется в известных европейских клиниках и научных лабораториях у выдающихся ученых: Пастера, Ранвье, Кохера, Ру. Итогом его стажировок в ведущих клиниках Европы стало написание и защита докторской диссертации в 1897 году. Во время учебы в Париже, в Сорбонне, Чарльз Дю-Буше знакомится со студенткой-одесситкой Людмилой Орловой – дочерью одного из организаторов Одесской консерватории, председателя Одесского отделения Русского музыкального общества, почетного мирового судьи В.А. Орлова. В 1889 (а по другим источникам – в 1891-м. – **Л. А.**) году Л.В. Орлова становится женой Дю-Буше.

В 1897 году семья Дю-Буше переезжает в Одессу и живет сначала на улице Елисаветинской, 7. Необычная история одесской семьи героини очерка заслуживает подробного изложения. Позже они переезжают в здание на улице Ясной, 6, и Чарльз Дю-Буше начинает работать в городской больнице ординатором хирургического отделения. Очень быстро у него раскрывается талант хирурга. Современники Дю-Буше, наблюдавшие за его хи-

Здание лечебницы Дю-Буше, Ул. Ясная, 6

рургической деятельностью в тот период, называют его «одним из лучших хирургов Европы». В Новой городской больнице нашего города Дю-Буше создает хирургическое отделение по примеру лучших клиник Европы. Согласно источникам, в 1902 году Чарльзу Дю-Буше было разрешено открыть в Отраде, на улице Ясной, частную хирургическую и гинекологическую клинику. Это двухэтажное здание из неоштукатуренного известняка, крытое марсельской черепицей и декорированное красным кирпичом, отлично сохранилось до наших дней. При доме был разбит палисадник, огороженный коваными решетками. В паспорте Приморского района Одессы приведена другая дата основания клиники: «Здание построено в 1890 году – архитектор С.А. Ландесман. С 1897 года здесь функционировала лечебница, которую открыл доктор Чарльз Дю-Буше».

Кроме амбулатории в клинике было стационарное отделение для 10 больных, которые нуждались в хирургической помощи. Дю-Буше оказывал и бесплатную медицинскую помощь всем, кто в этом нуждался. Кроме основной деятельности Чарльз Дю-Буше

увлекался парусным спортом, был членом Черноморского яхт-клуба. Вместе с ним членом этого клуба был тогда и В.П. Филатов, впоследствии выдающийся офтальмолог, академик. Будучи американским подданным, Чарльз Дю-Буше на протяжении некоторого времени выполнял функции почетного вице-консула США в Одессе. Во время антиправительственных событий 1905 года он оказывал медицинскую помощь демонстрантам и раненным в уличных боях. Часто прятал их в своей больнице от полиции. Легенда гласит, что тогда он спас Сергея Уточкина, которому пришлось сделать сложную операцию после удара ножом. Жена Людмила Васильевна организовала хранение в клинике изданий большевистской «Искры» и принимала участие в их распространении. Также, согласно легенде, после подавления одесского вооруженного восстания в мертвецком покое лечебницы Дю-Буше одесские революционеры-боевики прятали оружие. В конце 1950-х годов при ремонте дома на чердаке обнаружили относящиеся к 1906 году документы Одесского комитета РСДРП.

Все это не прошло незамеченным, и у тогдашних властей Одессы возникло к супругам Дю-Буше недоверие. Очевидно, именно поэтому в декабре 1905 года Чарльз Дю-Буше тайно отправляет жену с детьми в Женеву, а сам под надзором полиции продолжает свою врачебную и общественную деятельность. Однако в 1908 году, после ареста и последовавшего за ним выдворения из России, он забирает свою семью из Женевы и переезжает в Париж. Там ему довелось лечить многих русских эмигрантов, а также и сестру Ленина М.И. Ульянову, что упоминалось в советских источниках.

После отъезда Дю-Буше в здании лечебницы открылась «Санатория для нервных больных», после революции она стала санаторием «Отрада». Сейчас там размещено Управление соцзащиты населения Приморского района.

В начале первой мировой войны Чарльз Дю-Буше организовывал американский госпиталь в пригороде Парижа Нейи. С 1917 года он работает хирургом-консультантом американской армии. В 1929 году доктор Дю-Буше возглавляет строительство образцовой больницы в Сореке (западный пригород Парижа), которая была открыта в 1936 году и стала одной из лучших лечебных учреждений Франции. Чарльз Дю-Буше был награжден прави-

тельством Франции орденом Почетного легиона. А в 1956 году в вестибюле этой больницы было установлено его скульптурное изображение. Почти всю жизнь он прожил во Франции, но оставался американским гражданином.

Во время второй мировой войны Дю-Буше уезжает в США, в Бостон, где активно сотрудничает с Обществом Красного Креста США и Обществом США – СССР, организуя материально-финансовую помощь СССР.

Чарльз Винчестер Дю-Буше умер в 1946 году в Бостоне. Известно по крайней мере о двух детях супругов. Кроме нашей героини это ее старший брат Виктор-Всеволод. Сын Виктора-Всеволода и его жены Надежды Вильтер (врач еврейско-русского происхождения), племянник Елены Андре Дю-Буше (1924-2001) был талантливым французским поэтом, лауреатом многих литературных премий.

Годом рождения очередной музы Гумилева – Елены Дю-Буше – источники называют 1896-й, следовательно, в Одессу ее привезли в возрасте 1 года, а увезли в 1905-м, то есть девятилетней. Значит, родившись не в нашем городе, она провела в нем что-то около восьми детских лет. По этому поводу мне хочется привести остроумную классическую ремарку моего покойного друга, авторитетнейшего историка и краеведа Ростислава Александрова (А.Ю. Розенбойма): «В который раз дивиться только можно, как много известных людей так или иначе связаны с Одессой, а то, что не все они ее уроженцы, так это вовсе не имеет значения, – разве мало таких, которые родились здесь, но лучше бы (они) этого не делали…».

Наиболее полно о семье Е.К. Дю-Буше рассказал внук знаменитого биохимика, академика А.Н. Баха И.С. Балаховский. Он писал: «…дочь Шарля и Людмилы – Елена Дюбуше – была журналисткой, дружила со старшей сестрой моей мамы Лидией Алексеевной. Я ее немного помню, так как в 1934 или 1935 г. она приезжала в Москву». Дальнейшую ее судьбу выяснить не удалось. По-видимому, именно она, Елена Карловна Дю-Буше, стала первой из новых знакомых Гумилева во Франции.

Весна 1917 года в Париже выдалась поздняя, моросил мелкий дождь, над городом висели низкие тучи. Только к середине июля

Елена Дю-Буше

погода разгулялась, и Николая Степановича пригласили совершить экскурсию в долину Луары, в Орлеан. Собралась небольшая компания: художники Ларионов и Гончарова, поэт Николай Минский и несколько молодых французов, среди которых Гумилев обратил внимание на высокую стройную девушку в простом, но элегантном платье, с большим букетом белой сирени. У нее были большие карие, чуть раскосые глаза, темные локоны оттеняли ровную матовость лица. Ларионов назвал ее имя на французский манер: Элен Дю-Буше. Тут и узнал поэт, что она полуфранцуженка, полурусская. Русские парижане звали ее Еленой Карловной. Из воспоминаний внебрачного сына Гумилева (от актрисы Ольги Высотской) Ореста Николаевича Высотского (1913-1983) (надо думать – на основании хранившихся в семье записок отца, которого он не знал. – **Л. А.**): «Хотя прежде Гумилев не бывал в Орлеане, судьбу Орлеанской Девы он знал, как мало кто другой, и увлек свою новую знакомую необычайно красочным рассказом о Жанне Д'Арк. Он не замечал окружающего, видя только Елену, радуясь брошенной ему улыбке, ревнуя, когда она разговаривала не с ним. Они бродили по городу, заходили в большой гулкий собор, кормили на площади воркующих голубей. Вечером, когда, утомленные и притихшие, возвращались они поездом в Париж, Гумилев был точно в тумане.

Он чувствовал, что произошло что-то большое, радостное и одновременно страшное. Тетрадь, в которую он записывал стихи, теперь начнет заполняться быстро. Первое стихотворение, навеянное новой страстью, появилось в ту же ночь, к рассвету:

Из букета целого сиреней
Мне досталась лишь одна сирень,
И всю ночь я думал об Елене,
А потом томился целый день.

Все казалось мне, что в белой пене
Исчезает милая земля,
Расцветают влажные сирени
За кормой большого корабля.

И за огненными небесами
Обо мне задумалась она,
Девушка с газельими глазами
Моего любимейшего сна.

Сердце прыгало, как детский мячик,
Я, как брату, верил кораблю,
Оттого, что мне нельзя иначе,
Оттого, что я ее люблю.

Сиреневую веточку из своего букета подарила ему, прощаясь, Елена… В штабе, куда он являлся ежедневно, ожидая отправки на Салоникский фронт (или Македонский, как его еще называют – периферийный театр военных действий первой мировой войны, где сражались бригады Российского экспедиционного корпуса. – **Л. А.**), приказа все не было. Гумилев тогда числился в составе 1-й бригады, а позднее перешел в 3-ю бригаду. Однако разложение армии, как и в России, чувствовалось и там. Вскоре 1-я и 2-я бригады подняли мятеж. После того как он был подавлен, а Гумилев, между прочим, лично принимал участие в его подавлении, многих солдат депортировали в Петроград, оставшихся объединили в одну особую бригаду.

Общество юной Елены, способной наследницы трех национальных культур, увлекавшейся литературой и делавшей первые шаги в журналистике, помогло Гумилеву избавиться от затяжной депрессии. Очень скоро поэт понял, что влюблен, и эмоциональный взрыв стал весьма благоприятной почвой для

творчества. Буквально за полгода Гумилев написал несколько десятков стихотворений, посвященных своей избраннице, которые позже вошли в сборник под названием «К Синей птице». Среди них – «Уста солнца», произведение, которое по праву считается одним из самых сильных и волнующих в любовной лирике Гумилева.

О личной жизни русских литераторов первой половины XX века (а о Гумилеве – вообще) в СССР принято было умалчивать, поэтому о романе Гумилева и Дю-Буше знали лишь немногие биографы поэта. Для большинства же читателей стихотворение «Уста солнца» являлось гимном любви, сложенным в честь Анны Ахматовой. Однако к моменту встречи с Еленой отношения между супругами уже зашли в тупик, и оба они лишь ждали удобного момента, чтобы расторгнуть брачный союз. К тому же, именно рядом с юной Еленой Гумилев почувствовал себя настоящим мужчиной, сильным и лишенным той ребячливости, в которой его постоянно упрекала Ахматова. Достаточно принять во внимание датировку этого стихотворения – июль 1917-го, да и некоторые черты адресата, чтобы убедиться в том, кому оно посвящено. Критики уверенно считают, что «…с удивлением прислушиваясь к своим внутренним ощущениям, он написал:

Неизгладимы, нет, в моей судьбе
Твой детский рот и смелый взор девический,
Вот почему, мечтая о тебе,
Я говорю и думаю ритмически.

Я чувствую огромные моря,
Колеблемые лунным притяженьем,
И сонмы звезд, что движутся, горя
От века предназначенным движеньем.

О, если б ты всегда была со мной,
Улыбчиво-благая, настоящая,
На звезды я бы мог ступить ногой
И солнце б целовал в уста горящие.

Его чувства оказались настолько сильными и яркими, что они, как он сам отмечал, попросту ошеломили его самого, он даже не предполагал, какой возвышенной и сладостной может быть новая любовь. Она давала ему силы не только жить, но и строить планы на будущее, в котором он не мыслил свою жизнь без избранницы».

(Цитаты, цитаты… Приходится понимать, что даже сегодня, когда события и факты поддаются видео- и фотофиксации, от подачи этих материалов зависит то, насколько они соответствуют действительности. А мы вынуждены довольствоваться *нарративом* – модный нынче термин – *автора* в процессе чтения. И если даже считать его достоверным, он все равно позже уже заменяется нарративом *читателя*, по-своему понимающего и определяющего текст. Если же последний пересказывает текст, то он, в свою очередь, становится автором для другого читателя и так далее. Таким образом, нарратив становится рассказом – синонимы, между прочим, – который всегда можно изложить по-другому… – **Л. А.**)

Упомянутым планам и помыслам Гумилева не суждено было сбыться, хотя поэт и предрекал, что благодаря союзу с любимой «на звезды я бы мог ступить ногой и солнце б целовал в уста горящие». Очень скоро Гумилев осознал, что его чувства не настолько прочны, как это казалось ему вначале. Но он до конца своей недолгой жизни благодарил судьбу за то, что она свела его с этой удивительной девушкой и дала возможность вырваться из плена чар Анны Ахматовой, во власти которых поэт пребывал без малого 15 лет.

Елена Дю-Буше

Однако пока его перестала тяготить мысль, что придется и дальше торчать в Париже. Ему это казалось счастьем, особенно после того как Елена первой ему позвонила, и они условились о встрече. Вечером они были на балете. В вечернем платье Елена казалась особенно прелестной. Потом он провожал ее по ночным улицам «к тупику близ улицы Декамп» и долго прощался «у массивной входной двери с бронзовыми ручками»… Условились в ближайшее воскресенье совершить прогулку в Версаль. Жизнь раскололась надвое: выполнение противных обязанностей у комиссара Раппа, звонки по телефону, поездки в военные лагеря и – постоянное радостное ожидание новой встречи с Еленой, которая держалась с ним дружески просто, свободно, как принято во Франции. А он весь горел и писал в тетради:

Как ты любишь, девушка, ответь,
По каким тоскуешь ты истомам?
Неужель ты можешь не гореть
Тайным пламенем, тебе знакомым?

Если ты могла явиться мне
Молнией слепительной Господней,
И отныне я горю в огне,
Вставшем до небес из преисподней?

При встрече Гумилев читал ей стихи, написанные накануне, стараясь по выражению лица угадать ее отношение – не к стихам, а к любовным признаниям. Она слушала с улыбкой, говорила, что любовь всегда свободна, и от этих ее слов Гумилев терзался еще сильнее:

…Нет, любовь не это!
Как пожар в лесу, любовь – в судьбе,
Потому что даже без ответа
Я отныне обречен тебе.

Должен сразу оговориться: эти заключительные строки из стихотворения «Прогулка» – «Мы в аллеях светлых пролетали» –

ряд комментаторов считали посвященными Ахматовой, и на этом основании они были приведены мной в предыдущем очерке, но так как дата их создания – июль 1917, их адресатом со значительно большей вероятностью следует считать Елену Дю-Буше.

Как и все творческие озарения Гумилева, «звездная» тема была предопределена его судьбой. Он ведь учился поэзии в знаменитом Царскосельском лицее, где витал дух Пушкина, и где во время его учебы директором был И.Ф. Анненский (1855-1909), который в 1909 году написал стихотворение, впоследствии ставшее романсом (это – мой, автора этих строк, в юности любимый романс, который я услышал в исполнении А. Вертинского, бывшего и автором музыки. – **Л. А.**):

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя…
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

Эту «байроновскую звездную» тему исповедовали в своем творчестве и Лермонтов, и Баратынский, и М. Глинка, и Полежаев. И когда Гумилев увлекся Еленой Дю-Буше, у него не было и минуты сомнения, что это именно его «звезда», которую он так долго искал «среди миров». Это была, по мнению Ларионова, его астрологическая фантазия – объяснять все безумные российские нелепости 1917 года действием таинственной, еще неизвестной науке сверхновой звезды, появившейся в созвездии Змеи. Незримое сияние этой далекой холодной и недоступной звезды, по фантазии Гумилева, действовало на впечатлительных россиян так, как соблазн библейского Змея-искусителя на Адама и Еву, увлекая их в недостижимую и безжизненную даль. «Синей звездой» он называл теперь Елену. Она на какое-то время стала психологической, философской и даже богословской героиней его

творчества, порой напоминавшей далекий призрак, возбуждающий горькие и мучительные переживания:

И умер я… и видел пламя,
Не виденное никогда:
Пред ослепленными глазами
Светилась синяя звезда.

Однако (попробуй, пойми этих поэтов… – **Л. А.**) это не мешало ему на фоне отвлеченной любовной философии вдруг мучительно затосковать по… Ахматовой, обращая к ней такие строки:

Не всегда чужда ты и горда,
И меня не хочешь ты всегда –
Тихо, тихо, нежно, как во сне,
Иногда приходишь ты ко мне.

Вероятно, именно Елена, хорошо знавшая русскую публику, обитавшую у Трокадеро, способствовала сближению Гумилева со знаменитой четой уже неоднократно упомянутых художников – экзотических примитивистов, участников скандальных выставок русских авангардистов Михаила Ларионова и Натальи Гончаровой. Они занимали апартаменты в отеле «Кастилья» по соседству с его пристанищем на rue Galilee, а он, конечно, был наслышан о них намного раньше. Оба эти художника написали по несколько графических портретов Гумилева в характерном для них (и весьма спорном, на мой вкус… – **Л. А.**) стиле.

Восток и нежный, и блестящий
В себе открыла Гончарова,
Величье жизни настоящей
У Ларионова сурово.

Из воспоминаний М.Ф. Ларионова: «Мы с Николаем Степановичем прогуливались почти каждый вечер в Jardin des Tuileries. В Париже, недалеко от Parc de Carrousel, на дорожке, чуть-чуть вбок от большой аллеи, стояла статуя голой женщины – с под-

Н.С. Гумилев в Париже. 1917. Графика М. Ларионова и Н. Гончаровой

нятыми и сплетенными над головой руками, образующими овал. Я, проходя мимо статуи, спросил у Н. С., нравится ли ему эта скульптура? Он меня отвел немного в сторону и сказал:

– Вот отсюда.

– Почему, – спросил я, – ведь это не самая интересная сторона?

Он поднял руку и указал мне на… звезду, которая с этого места как раз приходилась в центре овала переплетенных рук.

– Но это не имеет отношения к скульптуре.

– Да! Но <имеет> ко всему, что я пишу сейчас в Париже «под голубой звездой».

Встречаясь с Еленой уже несколько недель, Николай Степанович все не решался открыто с нею объясниться. Мысли о будущем его не тяготили, а прекратить свидания с Еленой было выше его сил. Гумилев смотрел на нее с восторгом и нежностью и страдал (так пишут биографы. – **Л. А.**) все сильнее. В общем, неоднозначные это были отношения. Особенно нелегко их до конца понять

Та самая статуя в Париже

нам по прошествии целого столетия. По крайней мере, именно такими они предстают при изучении немалочисленных источников, крайне разноречиво характеризующих чувства, испытываемые Еленой, – от всепоглощающей любви до полного безразличия… Да, и счастливый Николай Степанович, как видит читатель, вдруг предстает глубоко страдающим. Неразделенной называет его любовь к прекрасной Елене в такой неподходящий для любви военный 1917 год друг Гумилева Сергей Маковский: «любовная неудача больно ущемила его самолюбие, но как поэт он не мог не воспользоваться горьким опытом, – пишет он и обобщает – дабы… выразить… не только свое горе (?!), но горе всех, любивших неразделенной любовью». Одно лишь не вызывает ни малейших сомнений – образ Елены вызвал к жизни мощный всплеск творческого вдохновения одного из крупнейших поэтов Серебряного века. А современный источник (А. Захваткин, 2017) утверждает: «Роман Николая и Елены был бурным:

Ты повторяла: «Я страдаю»,
Но что же делать мне, когда
Я наконец так сладко знаю,
Что ты – лишь синяя звезда…»

И далее делает неожиданный вывод, что это была классическая игра в любовь как с его, так и с ее стороны, причем ни малейших сомнений на этот счет, как утверждает этот автор, ни она, ни он не испытывают. Как выражался в подобных случаях

Л.Н. Толстой, «он знал, что она знает, что он знает…». И действительно, пишет он, если отбросить этот «игровой» момент, то Гумилев предстает здесь обычным прелюбодеем, совращающим чужую невесту. Но и Елена Карловна в отсутствие жениха, свадьба с которым для нее дело решенное, не считает предосудительным флиртовать с заезжим русским поэтом, рассказывая ему в интимных беседах:

Все, что может девушка придумать
О еще неведомой любви…

А продолжая, противореча самому себе, этот автор пишет: «Гумилев понимает (и оттого невыносимо страдает) всю пагубность своего влечения к Елене», – подкрепляя эту позицию следующими строками поэта:

Моя душа осаждена
Безумно странными грехами,
Она – как древняя жена
Перед своими женихами.

Она должна в чертогах прясть,
Склоняя взоры все суровей,
Чтоб победить глухую страсть,
Смирить мятежность буйной крови.

Но вернемся к фактам. После свиданий Елена вдруг исчезала на целую неделю, не отвечая ни на письма, ни на телефонные звонки. Однажды, даже не предупредив по телефону, она пришла в отель, где он жил, – даже по меркам французов такое считалось неудобным. Николай Степанович понял, что пришло время объясняться. После этой встречи ему пришлось, даже не успев предупредить Елену, уехать в лагерь почти на три недели.

Возвратившись в Париж, он поспешил на улицу Декамп с надеждой на свидание. Консьержка сказала, что мадемуазель десять дней назад уехала, а когда вернется, неизвестно. Елена позвонила

Экспедиционный корпус в Париже.Н.С. Гумилев в группе офицеров

только через неделю. Они встретились в кафе; она объявила, что их отношения зашли слишком далеко, и это не приведет ни к чему хорошему. Нужно думать о будущем. Возвращение в Россию для нее невозможно. Надо устраивать свою жизнь. Гумилев растерялся: отвечать ей было нечего. Впервые в жизни он почувствовал неуверенность.

Шел октябрь, зарядили холодные дожди. Свидания прекратились, все разладилось. Стало ясно – роман окончен. Решение было принято, точка поставлена. Он больше не искал встреч, не звонил, старался задерживаться на службе, чтобы отвлечься от воспоминаний. Однако в конце октября Елена позвонила и каким-то жалким голосом попросила с ней встретиться. Им предстояло проститься. Вскоре Елена уезжала из Парижа, из Франции, даже из Европы. Ведь и до встречи с Гумилевым она была помолвлена с американцем французского происхождения, капитаном армии США Вальтером Ловелем (Лоуэллом) (1884-1937) из Чикаго, где у его отца было большое дело. Но это не стало тогда преградой развитию их страстного романа. Оставалось лишь пожелать ей счастья за океаном…

Вот и монография готова,
Фолиант почтенной толщины:
«О любви несчастной Гумилева
В год четвертый мировой войны».

…Каждая подумает уныло,
Легкого презренья не тая:
«Я б американца не любила,
А любила бы поэта я».

А по другим источникам, отрицающим легкость этих отношений, любовь воистину оказалась несчастной. Как бы то ни было, Елена действительно предпочла поэту богатого (в этом ли дело? – **Л. А.**) американца, вышла за него замуж и уехала с ним в Чикаго.

Противоречивые настроения и чувства нашли отражение и в упомянутом цикле «К синей звезде». Создавая образ возлюбленной, поэт сосредотачивает внимание, прежде всего, на портретных характеристиках. Перед нами одухотворенная любовью красота, «мучительная, чудесная, неотвратимая»: «фарфоровое тело, как лепесток сирени белой», «атласная кожа», «руки нежновосковые» и особенно глаза – «большие, газельи, поющие, с которыми сравним лишь черный бархат, на котором забыт сияющий алмаз». Тревожащее дыхание в эпитетах белого цвета – цвета холода – ощущается сразу. Ведь это только «тело ее из огня», а «сердце не дрожало никогда». В ней «белых лилий и синих миров сверканье», она – «Синяя звезда – звезда безлюбая, холодная». Может быть, потому что «еще почти ребенок»? Не случайно ведь «губы полудетские», «детский рот», «взор девичий», «маленький детский передник»! Нежностью взрослого мудрого человека наполнены и обращения к ней в момент ее страдания, когда она, «милая с таким печальным ртом», похожа на «птицу раненную». Он воин, но… потерявший волю, «жестоко осужденный страдать», пораженный ударом «молнии слепительной Господней», горит в огне, «вставшем до небес из преисподней», как огненный столп. Образы эти, безусловно, носят гиперболизированный характер, но поэзия склонна к гиперболе. Возможно, и потому что любовь ощущается героем как последняя, на исходе жизни:

Страсть пропела песней соловьиной,
Никогда ей не запеть опять…

Отсюда и образ осени как символа старения: «золотые листья опадали в синие и сонные пруды», «деревья золотые с водами слились в одно кольцо». Отсюда и образ ночи, мучающий героя «смертной скорбью». Так постепенно входит в цикл мотив смерти, чтобы излиться наконец в строках:

И теперь мне ничего не надо,
Ни тебя, ни счастья не хочу.

Лишь одно бы принял я не споря –
Тихий, тихий, золотой покой
Да двенадцать тысяч футов моря
Над моей пробитой головой.

Автограф «Хокку» Гумилева

Кажется, спасение от нахлынувших страданий только в смертном покое, приговор вынесен: «Женщине с мужчиной никогда друг друга не понять».

Но кроме нежности есть и смутная обида, и печаль: «полуребенок – полуженщина», телесная и бесплотная, она уходит в другой мир, обворожившій ее «простой и грубой прелестью своей», – мир богатства, благополучия, мир американского избранника. Делая этот выбор, она, по его словам, отвергает «волнующий и странный мир поэта», наполненный героями его сти-

хов, который ей, живущей в тупике за занавешенным окном, и поэтому не знающей настоящей свободы, даже не приснился. Она – улетающая птица, «осенней ясною порой уже готовая проститься с печальной северной страной». Звучит мотив расставания, приносящего страдания не ей, а лирическому герою, образ которого раскрывается поэтому изнутри, через характеристики состояния, переживания. Недетскую практичность увидел Гумилев в этом выборе девушки, который оценен им обиженно-иронически. Отсюда единственное «хокку» Гумилева:

Вот девушка с газельими глазами
Выходит замуж за американца…
Зачем Колумб Америку открыл?!

В последний раз они встретились в апреле 1918 года, когда Гумилев плыл на пароходе из Лондона в Мурманск с короткой остановкой в Гавре:

Я скажу ей: «Хочешь, мы уедем
К небесам, не белым, к голубым,
Ничего не скажем мы соседям, –
Ни твоим, царевна, ни моим?»

Всего около девяти месяцев миновало. Биографы констатируют: чувства остыли, он морально и физически обессилен. В этой поездке Гумилева сопровождал поэт В.Д. Гартнер (1880-1956), который позднее вспоминал:

До Мурманска двенадцать суток
Мы шли под страхом субмарин,
Предательских подводных «уток»,
Злокозненных плавучих мин.

Лимоном в тяжкую минуту
Смягчал мне муки Гумилев
Со мной он занимал каюту,
Деля и штиль, и шторма рев.

Опираясь на источники, констатируем, что, несмотря на всю неоднозначность ощущений, о чем так много сказано выше, понимая, что расстается со своей возлюбленной навсегда, Гумилев мог говорить и думать лишь о ней. Шел 1918 год, и он, судя по всему, с трудом представлял себе, что именно ждет его на родине. Рассчитывая на благополучный исход своей поездки, он все же готовился к худшему, и эти опасения явно читаются меж строк стихотворения «О тебе». «В человеческой, темной судьбе, ты – крылатый призыв к вышине», – отмечает Гумилев. Он убежден, что благородное сердце его возлюбленной, «словно герб отошедших времен», сможет защитить его от любых невзгод. Но он, по-видимому, даже не предполагает, что совершает роковую ошибку, возвращаясь домой, в послереволюционную Россию. Ошибку, которая в конечном итоге будет стоить ему жизни.

Но пока до роковых событий 1921 года еще далеко, и поэт полон бравады. Он утверждает, что любовь его избранницы может отогнать смерть, и золотой серафим, пришедший за его душой, даст отсрочку. «Мы поднимем тогда перед ним, как защиту, твой белый платок», – утверждает Гумилев. Но вновь и вновь, от стихотворения к стихотворению, звучит признание и благодарность за счастье, подаренное любовью, которая вырвала поэта «из жизни тесной… скудной и простой», которая разбудила душу, что «дремала… как слепая». По-настоящему же примирение с жизнью и с собой ощущается лишь в стихотворении, завершающем цикл, «Новая встреча». Примирение это найдено на путях христианского понимания прощения и вечной ценности любви и добра по сравнению с тщетностью обид. Дорогого стоит признание в том, что герой «горько счастлив темной судьбой». Пожалуй, именно этот оксюморон соединил горечь и сладость чувства, выпавшего на его долю. Я не силен в библейских реминисценциях, но, по мнению все тех же искушенных биографов поэта: «…уместно провести аналогию между примирением с судьбой, осуществившимся в его душе, и примирением между падшим ангелом (дьяволом, змеем) и серафимом». В стихотворении, пишет один из этих авторов, намеренно сводятся два толкования образа «утренней звезды»: ветхозаветное, в книге пророка Исайи, и новозаветное, в Апокалипсисе. В первом случае – это дух зла, Лю-

цифер, змей. Во втором случае – Христос. Может быть… Но не будем забывать, что в цикле этот образ наполнен и иным содержанием – голубая, синяя звезда – утренняя звезда – это образ Венеры, богини любви, а также образ возлюбленной, дарящей радость страдания.

Правда, М.Д. Эльзон в комментариях к «Стихотворениям и поэмам» Гумилева вообще утверждает, что подлинное авторское название книги стихов, известной сейчас как книга «К синей звезде», – «Посредине странствия»… Судя по всему, пишут биографы, несчастному в конечной своей судьбе поэту невдомек, что меньше чем через год он забудет свою французскую музу и, официально расторгнув брак с Ахматовой, станет мужем другой женщины – А.Н. Энгельгардт. Забудет ли? Дочери, родившейся этом браке, думается, не случайно, отец дал имя Елена… Хотя объективности ради приведем слова Всеволода Рождественского: «Я как-то постучал к нему (Гумилеву) в комнату. Он открыл дверь и еще на пороге сказал каким-то особо торжественным голосом: «Поздравь

Предполагаемое место расстрела Николая Гумилева и крест-кенотаф. Ковалевский лес, у изгиба реки Лубьи в районе арсенала Ржевского полигона, платформа Бернгардовка (ныне – г. Всеволожск Ленинградской обл.)

Л.Н. Гумилев и О.Н. Высотский, сыновья поэта

Памятник-кенотаф Н.С. Гумилеву в Коктебеле

меня. У меня родилась дочь». И добавил: «Я хочу назвать ее Еленой в честь самой красивой женщины на земле, из-за которой греки осаждали Трою». Лукавил, по-моему…» Обе они, мать и дочь, трагически погибли от голода в осажденном Ленинграде.

После заключения под стражу в письме, адресованном своей второй жене, обреченный поэт заверял ее в том, что беспокоиться не о чем, и просил передать ему томик Платона и табак. Перед расстрелом Гумилев написал на стене камеры: «Господи, прости мои прегрешения, иду в последний путь». Лишь спустя 70 лет со дня смерти поэта были рассекречены материалы, доказывающие фабрикацию заговора, и в связи с отсутствием состава преступления в 1991 году судебное дело его было официально закрыто.

И именно двум его супругам, матерям его детей, двум Аннам – Ахматовой и Энгельгардт – предстоит долго и безрезультатно искать его могилу, которая так до сих пор и не обнаружена, чтобы отдать последнюю дань памяти человеку, которого обе они по-настоящему любили…

Людмила Еремина

Николай Петрович Глущенко – советский, украинский художник

(1901-1977)

Среди обширной экспозиции Одесского художественного музея, в отделе искусства XX века рядом с известными украинскими мастерами 1920-1930 гг. – А. Нюренберга, Ф. Кричевского, А. Шовкуненко, П. Волокидина, Т. Фраермана – экспонируется небольшой автопортрет художника Николая Петровича Глущенко. Портрет написан на деревянной доске в стиле эпохи Ренессанса. Спокойные охристо-коричневые пастельные тона словно решены одним цветом. Архитектурные условные формы, застывшее лицо и тихий пейзаж за окном. Пытливый взгляд молодого художника направлен на зрителя, в окружающий его мир, который раскрывает его внутреннее волнение, уравновешенность. Ренессансный стиль воспринимается театральным костюмом, который он случайно примерил. Ему было 22 года – время мечтаний и надежд.

Этот автопортрет, написанный в 1923 году, экспонировался в Киеве на ретроспективной персональной выставке художника, посвященной 70-летию со дня рождения мастера. С выставки этот портрет был приобретен дирекцией выставок Министерства культуры Украины и в 1975 г. передан на хранение в коллекцию Одесского художественного музея. Из Киева его привез директор музея (в то время) Иван Иванович Семенюк и был чрезвычайно рад и горд, что ему посчастливилось для музея получить этот портрет.

В те годы имя Николая Петровича Глущенко стояло несколько особняком. Его картинами интересовались серьезные коллекционеры и приобретали их.

Художник родился в г. Новомосковске Екатеринославской губернии (ныне Днепропетровская область) 17 сентября 1901 года. В 1918 году окончил коммерческое училище в г. Юзовке (ныне

Донецк). Увлеченный творчеством И. Репина и С. Васильковского, он много копировал работы этих мастеров. Некоторое время создавал декорации для спектаклей в клубах рабочей молодежи. И это стало его основным заработком на жизнь. В том же 1918 году по мобилизации художник был зачислен в Добровольческую армию Деникина и через некоторое время попал в лагерь для военнопленных в Польше. Оттуда ему удается бежать в Германию. Пройдя через лишения – нищету, голод и холод, – он наконец поступает в Берлинскую школу Ганса Балюшенко, а затем в Берлинскую академию художеств.

В 1924 г. в Берлине, в художественной галерее «Каспер», на выставке появились его первые портреты, в том числе и ранее упомянутый автопортрет. Художественная критика отмечала высокую культуру исполнения и техническое совершенство портретов, талант художника с большим интеллектуальным потенциалом. Успех позволил ему участвовать в дальнейшем в выставках французских, швейцарских и итальянских художников в Берлине, Дрездене, Эрфурте. Разнообразные художественные школы и течения, которые тогда существовали, отрицая друг друга и влияя друг на друга, не лишили Николая Глущенко собственного пути в искусстве. В Берлине он находился под влиянием символизма, так характерного для немецкого искусства того времени. Потом он увлекается работами известного шведского художника Андреса Цорна. Именно от него у художника появляется утонченное ощущение пластической формы, сочного мазка, непринужденность и свобода мышления в лучших произведениях того времени. Его влечет реализм, суровость и ясность в произведениях немецкого и фламандского Возрождения – Дюрера и Ганса Гольбейна Младшего, Яна Ван Эйка и Лукаса Кранаха Старшего. Но своей живописью художник пытается передать наиболее интимные движения души. Именно в портретах, в образе человека и есть вечная тема красоты, что наиболее полно отвечало его стремлениям.

Покидая Берлин, художник в 1925 году переезжает в Париж и сразу окунается в бурную художественную жизнь города. Игра цвета, живописные достижения импрессионистов завораживали его – Мане, Моне, Ренуар, Сезанн, Матисс, Пикассо, Леже, Дерен… Имена, без которых не представляем высокого взлета изобрази-

тельного искусства в начале XX века. И все же молодой художник Николай Глущенко не потерялся в пестрой толпе художников Монмартра, приобретая мастерство, свою живописную манеру письма. Со временем он стал известным художником, участвуя в многочисленных выставках «Осеннего салона», «Тюильри», «Салона независимых». Его свежие работы были тесно связаны с жизнью: «Картежник», «Шахматист», «Любовная пара» и другие. В парижских пейзажах привлекает внимание виртуозное мастерство художника в передаче атмосферы наполненного пестрой нарядной толпой людей и вечернего залитого огнями города.

Живя в Берлине и Париже, он совмещал с творчеством задание советского разведчика под агентурным псевдонимом «Ярема». При жизни художника о его работе в разведке никто из знакомых и коллег не знал. Он был одним из тех, кто заблаговременно (в январе 1940 г.) проинформировал советское правительство о готовности к войне.

Еще в 1923 году с помощью Александра Довженко художник обрел гражданство СССР и имел назначение на должность главного художника павильонов торгово-промышленных товаров. Он занимался оформлением павильонов в Лионе, Брюсселе, Милане, Париже, Марселе. Способствовал организации ряда выставок советских художников в Париже, в частности, выставки Петра Кончаловского, которая имела заметный успех.

Художник постоянно совершенствовал свое мастерство не только в области композиции рисунка, колористической гаммы, но и в духовной жизни. Это раскрывается в создании в 1930-е годы ряда портретов выдающихся культурных деятелей Франции. Он был знаком с передовыми художниками своего времени – Шагалом, Пикассо, Кандинским. Он был человеком, знающим мировую историю искусства. Им созданы портреты Ромена Роллана, Анри Барбюса, Поля Синьяка… Иметь портрет работы Николая Глущенко в то время стало модно среди парижской богемы. Тогда же он открыл свое художественное ателье.

Обострение международной обстановки не оставило художника равнодушным. В 1934 году он посещает Испанию и пишет картину «Расстрел революционеров». Еще раньше создает полотно «В.И. Ленин у Стены коммунаров». В период с 1925 по 19365 гг.

Глущенко показал ряд персональных выставок во Франции и других странах Европы, а также в США. В 1936 году, получив долгожданное разрешение на возвращение в СССР, выехал с женой в Москву.

Война застала его в Москве. В прессе стали появляться его рисунки, полные гнева и ненависти к врагу, – серия под названием «Оборона Москвы». Художник неоднократно выезжал в прифронтовую зону, создавая картины «Смерть генерала Доватора», «По следам врага» и другие.

После освобождения Киева в 1944 г. художник из Москвы переезжает в Киев. И с этого времени его искусство непосредственно связано с Украиной. Со временем, когда в страну стали поступать трофейные картины и антиквариат, по просьбе правительства Украины Николай Петрович принимал участие в их атрибуции и оценке.

Люди часто недооценивают своих современников, и Глущенко был не исключением. Теперь всем ясно, что в его лице украинское искусство XX века имело крупного художника европейского масштаба. Он обладал невероятным живописным талантом, темпераментом. Блестящая импрессионистическая живопись в последние годы его жизни вызывает восторг. Поздний период привлекателен усилением интенсивности звучания цвета. В картинах возникает особенная праздничная атмосфера.

Сегодня Николай Петрович стал классиком, и его картины по-прежнему современны, потому что он настоящий мастер. Он выдающийся украинский живописец, народный художник СССР, лауреат Государственной премии им. Т.Г. Шевченко.

После смерти художника (31 октября 1977 г.) время расставило все на свои места. У вдовы художника Государственная Третьяковская галерея приобрела 9 его произведений для музейной коллекции. В январе 1980 г. в коллекцию Одесского художественного музея из Дирекции выставок Министерства культуры Украины поступило 26 картин художника, которые были приобретены после его смерти.

Сейчас Николай Глущенко, пожалуй, самый дорогостоящий, востребованный художник. Любителей живописи особенно привлекают его ранние работы, которые имеют не только художественную, но и историческую ценность.

Работы Николая Глущенко

Евгений Деменок

Одесситы пишут Бурлюку

Это удивительное чувство – когда, находясь за тысячи километров от Одессы, на другом континенте, за океаном, среди бумаг Давида Бурлюка находишь вдруг письмо от своего хорошего знакомого, любимого и уважаемого Александра Юльевича Розенбойма. И понимаешь, как тесен иногда бывает огромный мир.

И еще понимаешь, что есть люди, которые просто олицетворяют собой историю культуры определенного периода. Она, эта самая история, прямо-таки проходит сквозь них, через них, с их участием. Евгений Михайлович Голубовский сказал как-то, что Давид Бурлюк, как шампур, нанизал на себя целую эпоху. Это абсолютная правда. Он не только внес огромный вклад в историю живописи и литературы, но еще умудрился быть знаковым и поддерживать контакты чуть ли не со всеми знаковыми художниками (и не только) своего времени. Бурлюк вел огромную переписку. Среди его корреспондентов – Василий Кандинский и Казимир Малевич, Рокуэлл Кент и Генри Миллер, Михаил Ларионов и Борис Григорьев, Джон Грэм и Аршил Горки, Михаил Матюшин и Василий Ермилов, Григорий Петников и Лиля Брик, и многие другие. И, конечно, его друзья и соратники – Владимир Маяковский, Василий Каменский, Алексей Крученых.

Основной массив писем находится в трех местах – у родственников, в фонде Бурлюка в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки и в Сиракузском университете США.

И вот, работая в фонде Бурлюка, хранящемся в исследовательском центре специальных коллекций библиотеки Берда

в американском Сиракузском университете, я с удивлением обнаружил, что среди корреспондентов «отца российского футуризма», который в США уже предпочитал именовать себя «фельдмаршалом мирового футуризма» (так назвал его первым Василий Каменский), было немало одесситов. Это Осип Колычев и Макс Поляновский, Семен Кирсанов и Владимир Издебский, художник Виктор Мидлер.

Прожив более половины жизни в Америке, Давид Бурлюк поддерживал и вел переписку с десятками, если не сотнями корреспондентов в СССР. Страстно желая, чтобы на Родине о нем помнили, он незамедлительно отвечал всем тем, кто задавал ему вопросы о бурном прошлом и, конечно, о дружбе с Маяковским, – именно благодаря Маяковскому о Бурлюке в СССР вспоминали в первую очередь. Каждому Давид Давидович не только отвечал, но и посылал свои американские издания – сборники и журналы «Color and Rhyme».

В первой части публикации я хочу привести письма Бурлюку от Александра Розенбойма, Макса Поляновского и Осипа Колычева, во второй – от художника Виктора Мидлера, который в Одессе был одним из «независимых», а в Москве организовывал выставки «Бубнового валета» и работал в Третьяковской галерее.

Александр Розенбойм

Александр Юльевич Розенбойм написал Бурлюку, судя по всему, летом 1964 года. Дата на письме отсутствует – это в своем ответе сразу же подчеркнул Бурлюк. Вот текст письма:

Burliuk, Hampton Bays
N. Y., U. S. A.
Уважаемый Давид Давидович!

Ваш адрес удалось узнать от моего земляка т. Генцлера, который писал Вам во время Вашего пребывания в Москве в 1956 г.

Решил написать Вам, т. к. уже лет 8 увлекаюсь, занимаюсь, изучаю Вл. Маяковского. Стараюсь привлекать к нему молодежь и т. д.

Burlink
Hampton Bays
N.Y.
U.S.A.

Уважаемый Давид Давидович!

Ваш адрес удалось узнать от моего земляка т. Гейцлера, который писал Вам во время Вашего пребывания в Москве в 1956 г.

Решил написать Вам, т.к. уже лет 8 увлекаюсь, занимаюсь, изучаю Вл. Маяковского. Стараюсь привлекать к нему молодежь и т.д.

В общем являюсь сторонником (т.к. думаю, что поклонником и почитателем Маяковского быть — это не то)

О Вас знаю, в меру сил из Литературы, благодарен за сделанное Вами для Маяк.

Пользуясь случаем, хочу получить консультацию по след. вопросу:

Кто Мариз из „Облака в штанах"?

Приходилось слышать, что Мариз — реальное лицо, может быть даже из Одессы, (приезд 1914 г.) до сих пор не установлен.

Приходилось слышать от товарищей, для которых изучение Маяковского — специальность.

Очень хотелось бы знать Ваше мнение.

В Одессе я не смог найти никого,

Письмо Александра Розенбойма

В общем, являюсь сторонником (т. к. думаю, что поклонником и почитателем Маяковского быть – это не то).

О Вас знаю, в меру сил, из литературы, благодарю за сделанное Вами для Маяк. Пользуясь случаем, хочу получить консультацию по след. вопросу:

Кто Мария из «Облака в штанах»?

Приходилось слышать, что Мария – реальное лицо, может быть, даже из Одессы (приезд 1914 г.), до сих пор не установленное. Приходилось слышать от товарищей, для которых изучение Маяковского – специальность.

Очень хотелось бы знать Ваше мнение.

В Одессе я не смог найти никого, кто встречался с Маяковским в 1914 г.

*Недавно вышел сборник «Маяковский в воспоминаниях современников». Тираж мал. Спрос огромен. Достать трудно.**

*О сборнике Вы, конечно, в курсе дела. К 70-летию Маяковского готовилась юбилейная настольная медаль – кажется, еще не вышла.***

Не желая утомлять Вас длинным письмом, заканчиваю.

С наилучшими пожеланиями и с уважением,

Инж. Розенбойм А.

Мой адрес: Александр Розенбойм

Воровского 51 кв. 19, Одесса, СССР

Ответ Бурлюка мне довелось прочесть раньше, чем я увидел письмо Розенбойма, – спасибо Леониду Рабиновичу. В ответном письме от 14 августа 1964 года (см. книгу «Новое о Бурлюках») Давид Бурлюк рассказывает о годах учебы в Одесском художественном училище, о Марии Денисовой и ее старшей сестре Катерине, с которой Бурлюк был знаком по Харькову, а также пишет

* Книга «Маяковский в воспоминаниях современников» под общей редакцией В.В. Григоренко, Н.К. Гудзия, С.А. Макашина, С.И. Машинского, Ю.Г. Оксмана, Б.С. Рюрикова вышла в 1963 году. В ней нет воспоминаний самого Давида Бурлюка, но его имя упоминается более сотни раз.

** Настольная медаль «Владимир Владимирович Маяковский» была выпущена Ленинградским монетным двором в 1957 году. Была также выпущена алюминиевая медаль работы И.П. Федина.

о том, что собирается выслать Розенбойму несколько комплектов со своими изданиями. Однако переписка прервалась.

Макс Поляновский

Одесское КГБ все же погорячилось насчет «врагов советской власти» – в 1956 году Давид Давидович с женой Марией Никифоровной посетил СССР с официальным визитом. Его пригласил тогда Союз писателей. Визит Бурлюка освещался в прессе, он выступил также в Государственном музее В.В. Маяковского. Собственно, его знали в Советском Союзе в первую очередь именно как «учителя» и соратника Маяковского. Родившийся в Одессе писатель и журналист Макс Поляновский тоже пишет о лучшем друге Бурлюка:

Москва, 20 июля 1962

Поздравляю Вас, Д. Д., с вашим 80-летием!

Желаю от души быть и впредь молодцом, продолжать творить и путешествовать по земному шару вместе с вашим неразлучным другом Марией Никифоровной.

Спасибо за журнал, посвященный юбилейной вашей дате. Получил его и надеюсь впредь получать.

Вчера исполнилось 69 лет со дня рождения Вл. Вл. Маяковского. По этому поводу я выступал вчера по центральному телевидению на тему «Неизвестные кинокадры Владимира Маяковского».

Свое выступление проиллюстрировал 30-ю кино- и фотокадрами. Трижды упомянул и показал на голубом экране также и Вас. Зрители Москвы и многих других городов, видящих столичные телепередачи, увидели два кинокадра из фильма «Не для денег родившийся», где Вы сняты вместе с Маяковским.

Кроме того, показал фотографию, снятую в Москве (1956 год), на которой Вы изображены с моей книгой «Маяковский – киноактер» в руках.

Москва, 20 июля 1962

Поздравляю Вас, Д.Д. с вашим 80-летием!

Желаю от души быть и впредь молодым, продолжать творить и путешествовать по земному шару вместе с вашим неразлучным другом Мариной Никифоровной.

Спасибо за журнал, посвященный юбилейной вашей дате. Получил его и надеюсь впредь получать.

Вчера исполнилось 69 лет со дня рождения Вл. Вл. Маяковского. По этому поводу я выступал вчера по центральному телевидению на тему „Неизвестные кинокадры Владимира Маяковского".

Свое выступление проиллюстрировал 30-ю кино и фотокадрами. Трижды упомянул и показал на голубом экране также и Вас. Зрителям Москвы и многих других городов, видящих столичные телепередачи, увидели два кинокадра из фильма „Не для денег родившийся", где Вы сняты вместе с Маяковским.

Письмо Макса Поляновского

*Любопытно, что Маяковский и Вы родились в одном месяце – июле, правда, с интервалом в 11 лет.**

Надеюсь, что до вашего столетия мы еще увидимся, то ли на берегах Москва-реки, или же Гудзона. Главное, быть здоровыми, остальное приложится.

Всего наилучшего!

Привет супруге и всей семье, о которой многое узнал из присланного мне Вами журнала.

Если пришлете какие-либо свои воспоминания о Маяковском (по линии кино), с охотой включу их в новое переиздание своей книги к 70-й годовщине со дня его рождения.

Будьте здоровы!

Макс Поляновский

Книга Макса Поляновского «Маяковский – киноактер» вышла под редакцией Льва Кассиля в 1940 году и затем переиздана в 1958-м. Маяковский снялся вместе с Бурлюком в 1918 году в фильме «Не для денег родившийся». Режиссером фильма был Никандр Туркин (Алатров), оператором – Евгений Славинский, сценаристами – Маяковский и Бурлюк (по роману Джека Лондона «Мартин Иден»). Давид Давидович выступил также в роли художника фильма. В ролях, помимо тех же Маяковского и Бурлюка, снимались Василий Каменский, Вадим Шершеневич, Борис Лавренев, Маргарита Кибальчич, Янина Мирато, Лев Гринкруг и другие. Съемки происходили, в том числе, и в московском «Кафе поэтов».

Бурлюк благосклонно относился к Поляновскому. В нескольких письмах к своему главному советскому корреспонденту, тамбовскому коллекционеру Николаю Никифорову, он пишет:

22 января 1959 года: «Статью Поляновского печатаем в «Color and Rhyme» в ближайшем номере. Он милый человек».

17 марта 1959 года: «Даже на частные письма («во имя мира и дружбы») мне никто из СССР не отвечает». И тут же: «Получили милое письмо от чудесного Поляновского».

* Макс Поляновский и сам родился в июле (10 июля 1901 года), так что ему было приятно, что он в этом совпадает с Маяковским и Бурлюком.

13 июля 1962 года: «Получили… твое письмо с описанием радиопередачи Поляновского, где (по его письму) он 3 раза упомянул имя Бурлюка».

15 августа 1962: «Получили в этом году поздравление от Поляновского».

Судя по письмам Никифорову, Поляновский писал Бурлюку неоднократно. В Сиракузском архиве сохранилось, однако, лишь одно приведенное выше письмо. А началось знакомство, скорее всего, во время того самого первого визита Бурлюков в СССР в 1956 году. Тогда же в газете «Московский комсомолец» была напечатана статья Поляновского «Две памятки», где он описывает, как, занимаясь поисками исполнителей кинопостановок, сделанных при участии Маяковского, он беседовал с Марусей и Давидом Бурлюками, прибывшими по приглашению Союза писателей СССР. «Еще до эмиграции в 1918 году Бурлюк был участником этих кинопостановок, которые проводились в Москве, в Самаровском переулке частным киноателье «Нептун». Д. Бурлюк вспомнил эпизоды, связанные со съемками фильмов, и, получив старую фотографию, где он «под гримом», растрогался и поблагодарил за «памятку».

Осип Колычев

Зато писем от другого одессита, поэта Осипа Колычева, сохранилось три, и с Маяковским они никак не связаны:

Дорогой Давид Давидович!

Поздравляю Вас, выдающегося художника и поэта, с замечательным Вашим 80-летием и желаю от всей души новых творческих взлетов, новых ярких свершений – в цвете и в рифме.

Поздравляю также Вашу супругу Марию Никифоровну, Вашего верного прекрасного друга.

Всегда помню Ваши проникновенные добрые слова, сказанные Вами по поводу моей первой книги стихов.

В день Вашего юбилея вместе с Вашими друзьями поднимаю бокал за Ваше здоровье!

Ваш Осип Колычев,
Москва, 17/VII 62 г.

* * *

Москва 29/VII – 964

Дорогой Давид Давидович!

Благодарю за письма и журналы. С большим интересом знакомлюсь с ними. «Цвет и рифма» № 55 чрезвычайно интересен. Я многого из сообщенного Вами до сих пор не знал. Конечно, ряд сообщений войдет в историю литературы. Особенно те моменты, которые связаны с жизнью Маяковского, Каменского, Лентулова, Вашей и т. д.*

*Кстати, о Каменском. Мой сын, артист московского Театра им. Ленинского комсомола, работает сейчас над воплощением телевизионного фильма о Василии Каменском. Дело в том, что в связи с исполняющимся в этом году 80-летием Каменского телевизионный центр Перми (где родился поэт) создает фильм о нем. А мой сын Юрий, находясь сейчас на гастролях в Перми, приглашен выступить в этом фильме в качестве ведущего чтеца. Он будет читать знаменитые стихи о Стеньке Разине и о Пугачеве.***

К слову, могу сказать Вам, что мой второй сын Евгений – художник. Кончил бывшее Строгановское. Работает в области книжной графики. Обложка моей книги «Закон весны» (я Вам послал эту книгу) выполнена моим сыном. Это был его дебют.

Я приветствую начинание Пермского телецентра. Как это важно: помнить своих поэтов! Города гордятся своими поэтами, художниками и актерами. Это – прекрасно!

Вот – Одесса. Этот город в последние полвека был просто-напросто поставщиком талантов в любых областях искусства. Ведь Одесса дала Бабеля, Багрицкого (с которым я в юности дружил), Олешу, Катаева, Паустовского и многих других. Я горжусь тем, что я – одессит.

---

* 55-й номер журнала «Color and Rhyme» был издан Давидом Давидовичем и Марией Никифоровной в 1964-65 годах в честь 82-летия Бурлюка на русском языке. В нем опубликованы стихи и воспоминания Бурлюка (в том числе о приезде в Америку Маяковского), письма Василия Каменского, Владимира Издебского, Дмитрия Краснопевцева и других.

** Юрий Осипович Колычев (род. 15 декабря 1928 года) – советский и российский актер театра и кино. Народный артист РСФСР (1989). С 1957 года работает в труппе Московского театра имени Ленинского комсомола («Ленком»).

3

Москва 10/I 1965

Дорогие Мария Никифоровна и Давид Давидович!

Удивительно долго нет от Вас писем. Ума не приложу: отчего это? На мое последнее письмо от I июля 1964 года Вы не ответили, и я в полном неведении: получили ли Вы его? А между тем оно послано было Вам по авио.

Я уже писал Вам и снова пишу о том, что Ваше юбилейное издание дневников №55 произвели на меня сильное впечатление. В этом труде очень ценны воспоминания и биографические данные о Маяковском, о Давиде Бурлюке, о Николае Бурлюке, о Каменском , Хлебникове и Гульбине. По страницам дневников рассыпаны любопытнейшие детали, связанные с творческой лабораторией Д. Д. и множество интереснейших штрихов.

С интересом я перечитывал - ранее мне неизвестные - стихи Д. Д.

С любопытством ожидаю новых Ваших изданий и репродукций.

Этот год прошел для меня творчески активно. Я закончил большой цикл лирики. Углубился в живопись. В конце прошлого года с успехом прошла в Москве в Центральном Доме литераторов выставка писателей-художников" под заголовком "ВТОРОЕ ПРИЗВАНИЕ", где довольно широко был представлены мои работы. Посылаю каталог выставки.

Октябрь я провел на Волге. На теплоходе , носящем имя нашей замечательной космической героини Валентины Терешковой, я проделал 6000 километров по воде, от Москвы до Астрахани и обратно, с остановкой в Горьком, Куйбышеве, Волгограде и т. д, и т. д.

Дорогой Давид Давидович, напишите : над чем сейчас работаете. Хотелось бы очень видеть Ваши новые вещи. Если бы прислали свои рисунки, был бы безмерно благодарен.

В последнее время вышел ряд книг, где Вы упоминаетесь довольно интенсивно. Книга Шкловского "Жид... -ЫЛИ". Там целые страницы

Письмо Осипа Колычева

Я закончил книгу воспоминаний об Одессе, о встречах с Эдуардом Георгиевичем Багрицким, с Бабелем, Олешей.

Сейчас у себя, в зеленом Подмосковье, я работаю над большим циклом лирических миниатюр. У нас здесь очень хорошо на даче в Фирсановке, по Октябрьской ж. д. (*дорога на Ленинград*).

Кроме лирики я занимаюсь, как уже сообщал Вам, живописью.

Я люблю покрывать грубую ткань мешка, крупнозернистую дерюгу, натянутую на подрамник, толстой шпаклевкой сверкающих красок, выдавленных из свинцовых тюбиков. Это помогает стихам. Стихи помогают живописи.

Сегодня утром я по памяти написал три этюда, три вечерних впечатления, приобретенных в прогулке.

Я люблю живопись декоративную, сочетание больших, волнующих воображение пятен. Делакруа был прав: живопись должна быть эффектной. Но в то же время я не чураюсь тонкой скрупулезной ювелирной работы над маленьким полотном. Но писать люблю быстро, с полной отдачей себя полотну. Чтоб было так, как сказал когда-то забытый Венедиктов:

И помнит он свое произведенье,
Не помня, как оно совершено.

Вчера я писал розы в саду. Совсем стемнело. Писал почти в полной темноте, почти не видя, в какую краску сую кисть. Потом при свете заметил, что это помогло. Неожиданно родились новые цветоконтакты.

Еще не поздно – думается – поздравить Вас с 82-летием. Простите, что поздравляю с опозданием. Хворал, не сумел Вам отправить приветствие… Кстати, в этом году, 16 мая, исполнилось мне 60 лет.

С годами расширяются душевные, творческие горизонты, а физические возможности сокращаются. В этом – трагедия. Как никогда, я полон замыслов, желаний. Хочется писать и писать стихи, поэмы, драмы, полотна маленькие и большие, маслом, гуашью, темперой. Буйная поросль дерзаний!

Пишите мне почаще. Мой сердечный привет Марии Никифоровне. Вашей всей семье от меня и от моей семьи.

С дружбой и любовью,

Ваш Осип Колычев.

С интересом ожидаем Вашей новой живописи и поэзии. Правда, и старые работы знаю далеко не полно.

* * *

Москва 10/I 1965

Дорогие Мария Никифоровна и Давид Давидович!

Удивительно долго нет от Вас писем. Ума не приложу: отчего это? На мое последнее письмо от 1 июля 1964 Вы не ответили, и я в полном неведении: получили ли Вы его? А между тем оно послано было Вам по авио.

Я уже писал Вам и снова пишу о том, что Ваше юбилейное издание дневников № 55 произвело на меня сильное впечатление. В этом труде очень ценны воспоминания и биографические данные о Маяковском, о Давиде Бурлюке, о Николае Бурлюке, о Каменском, Хлебникове и Кульбине. По страницам дневников рассыпаны любопытнейшие детали, связанные с творческой лабораторией Д. Д., и множество интереснейших штрихов.

С интересом я перечитывал – ранее мне не известные – стихи Д. Д.

С любопытством ожидаю новых Ваших изданий и репродукций.

Этот год прошел для меня творчески активно. Я закончил большой цикл лирики. Углубился в живопись. В конце прошлого года с успехом прошла в Москве в Центральном Доме литераторов выставка писателей-художников под заголовком «Второе призвание», где довольно широко были представлены мои работы. Посылаю каталог выставки.

Октябрь я провел на Волге. На теплоходе, носящем имя нашей замечательной космической героини Валентины Терешковой, я проделал 6000 километров по воде, от Москвы до Астрахани и обратно, с остановкой в Горьком, Куйбышеве, Волгограде и т. д., и т. п.

Дорогой Давид Давидович, напишите: над чем сейчас работаете. Хотелось бы очень видеть Ваши новые вещи. Если бы прислали свои рисунки, был бы безмерно благодарен.

В последнее время вышел ряд книг, где Вы упоминаетесь довольно интенсивно. Книга Шкловского «Жили-были». Там целые страницы посвящены Вам. Потом я видел репродукцию с Вашей картины, изображающей Капри, в книге «Горький и художники».

Затем в недавно опубликованных воспоминаниях В. Бакшеева тоже неоднократно встречалась Ваша фамилия.

Пишите, Давид Давидович. Всегда рад Вашим письмам.

Сердечный привет Марии Никифоровне и всей Вашей семье.

Ваш Осип Колычев.

Осип Колычев – псевдоним поэта, одессита Якова Сиркеса, выведенного Ильфом и Петровым в «Двенадцати стульях» под псевдонимом Никифора Ляпис-Трубецкого. Дебютировал Колычев в 1920 году в журнале «Шквал» и газете «Известия», а через три года опубликовал с Семеном Гехтом под совместным псевдонимом М. Тарасенко стихи «Потоки». Именно о своих воспоминаниях о том одесском периоде и пишет Колычев Бурлюку (его текст «Рождение «Потоков Октября» был опубликован Аленой Яворской в 36 книге альманаха «Дерибасовская – Ришельевская»). В 1928 году семья Сиркесов перебралась в Кунцево, а в 1930-м – в Москву, и в том же году вышел его первый поэтический сборник. Видимо, именно по его поводу и высказал свое положительное мнение Бурлюк. Но известен Колычев в первую очередь как автор слов к песням «Песня о Советской Армии (Несокрушимая и легендарная)», «Что такое летная погода» и многих других. В последние годы жизни он серьезно увлекся живописью – это нашло отражение в переписке с Бурлюком.

Первые ответы Колычеву Давид Давидович отправлял через Никифорова. 15 ноября 1963 он писал Никифорову о том, что получил книгу «Закон весны» Колычева и «Открытые страницы» Петникова. «Далеко от новизны (былой) Маяковского! Просят отозваться, выразить мнение. Мы живем на разных планетах, в разных мирах», – пишет Бурлюк.

Во второй половине 1950-х и в 1960-х Давид Давидович стал гораздо резче в своих характеристиках советской действительности. Он то ли оставил надежду на возвращение – а с ней

и необходимость писать комплименты, то ли окончательно осознал пропасть между мирами… Его нелестные характеристики часто доставляли неудобство корреспондентам, которые понимали, что письма из Америки читают не только они. Произошло это и с Осипом Колычевым, которому Бурлюк написал о провинциальности России. 26 июля 1964 Давид Давидович написал Никифорову: «Поэт Колычев, которому я написал, что Russia, Москва, по сравнению с Европой и Америкой – провинциальны, стал обвинять меня в «непочтении к революции»???».

А что еще мог написать в такой ситуации Колычев?

Но для меня гораздо важнее его неожиданные в такой переписке слова об Одессе.

Михаил Гершкович

Одессит с балтскими корнями

В этом году минуло 130 лет со дня рождения и 45 лет со дня кончины незаурядного человека и писателя Виктора Финка – одного из когорты начинавших в Одессе писателей начала 20-х годов прошлого столетия, уже в 30-х годах ставшим знаменитым не только в СССР, но и за рубежом, прежде всего, своим замечательным антивоенным романом «Иностранный легион». Однако должен заметить, что юбилей этого необычного писателя-одессита, к сожалению, остался незамеченным (скорее всего, не только в Одессе), – вне внимания культурной и литературной общественности. Поэтому, хоть и с некоторым опозданием, попробую заполнить этот пробел, остановив внимание читателей на, возможно, наиболее интересных фактах биографии и творчества этой интереснейшей личности, в том числе касающихся Одессы и Балты.

Я проживаю в Балте много лет, и мне не однократно приходилось слышать связанную с этим городом фамилию Финка-

писателя во время проведения культурных и литературных мероприятий – мол, она осталась в истории Балты. Однако ни один из местных историков и литераторов не смог мне объяснить эту связь. Впрочем, высказывалась версия рождения Виктора Финка в Балте. И она оказалась не случайной, но не подтвержденной фактами.

А вот что говорят разные официальные источники (Википедия и другие интернетовские). Виктор Григорьевич (урожденный Гершевич) Финк родился 18 мая 1888 года в г. Одессе в интеллигентной семье, отец был известным в городе адвокатом. (К сожалению, имен родителей я нигде не отыскал.) Далее везде указывается, что в 1906 году Виктор окончил коммерческое училище (замечу, ни в каких официальных источниках не указывается, где находилось это училище), после чего поступил в Новороссийский (Одесский) университет. Но вызывает интерес найденная мной публикация очерка «Родные и двоюродные» известной одесской журналистки Беллы Кердман в газете «Вечерняя Одесса» от 18 октября 2008 года.

Вот что там, в частности, можем прочесть:

«Я в командировке в Балте… И на стол передо мной ложатся старые фотографии.

ВОТ СОЛИДНЫЙ (выделено в оригинале. – **М. Г.**) господин в мундире с золотыми пуговицами. Это Маркус (Мордехай) Цванг – учитель российской словесности, смотритель еврейских учебных заведений Балтского уезда. Мундир, а также кортик с золотым эфесом пожаловал ему на торжественном обеде российский император, посетивший город в 1912 году. На эфесе короткая надпись: «За просвещение Маркусу Цвангу. Николай II».

Так отмечена была заслуга человека, основавшего в своем городе частное еврейское коммерческое училище с преподаванием на русском языке, куда со временем стали поступать дети не только из еврейских семей, потому что преподавание в училище Цванга велось на высоком уровне. Немало его выпускников стали известными людьми – писатель *Виктор Финк* (выделение мое. – **М. Г.**), историк Абрам Приблуда, доктор медицины Михаил Бронштейн, ректор Саратовского университета Григорий Русаков».

Замечу, упомянутый Маркус Цванг – дед Семена Цванга, о большой семье которого рассказ Беллы Кердман, и который в 50-80-е годы XX столетия был известным в Балте журналистом и поэтом (с 1991 г. живет в Израиле); его до сих пор помнят многие балтяне и некоторые старые литераторы Одессы.

Оказывается, Виктор Финк учился в Балте не случайно. Ведь именно здесь жил его родной дедушка Финк Иуда Хаим – богатый купец, торговец мехом (его дом в центре города сохранился доныне: балтяне помнят, что в советское время до 1991 г. включительно там размещалось райсельхозуправление, еще несколько лет назад – отделение Имексбанка, а сейчас магазин «Eva» и др.). Детские и отроческие годы его внук, юный Виктор Финк, часто проживал у деда. Именно здесь, в Балте, он окончил коммерческое училище, действовавшее на правах гимназии, причем, по некоторым сведениям, окончил с отличием.

Позже в своих произведениях Виктор Финк не раз вспоминал либо упоминал Балту. Например, в романе «Молдавская рапсодия», обращаясь к событиям времен гражданской войны в Приднестровье, он роняет фразу: «Расскажу хотя бы только о Балтском уезде, особенно мне дорогом – *там прошли мое детство и юность*» (выделение мое. – **М. Г.**).

Но продолжим вспоминать факты биографии. Поступив на юридический факультет в Одессе, Виктор Финк не был удовлетворен учебой и в 1909 году уехал учиться в Парижском университете (Сорбонне), юрфак которого окончил в 1913 г. С началом первой мировой войны в 1914 году он, как и ряд других выходцев из России и Украины, вступил волонтером во французский Иностранный легион. Годы и события службы в нем стали материалом для его знаменитого антивоенного романа «Иностранный легион».

Кстати говоря, записался Виктор Финк в Иностранный легион в один день с небезызвестным балтянином, находившимся в эмиграции писателем и анархистом Самуилом Шварбардом (будущим убийцей Симона Петлюры, 1926 г.), с которым, вероятно, был знаком с Балты. (Замечу, между прочим, что в Иностранном легионе служил еще один знаменитый одессит – Р.Я. Малиновский, будущий Маршал Советского Союза.)

Провоевав два года, Финк был тяжело ранен, выжил, получил орден и гражданство Франции, но, подлечившись, в 1916 году уехал домой, в Одессу, по которой очень соскучился. Эти факты почти дословно взяты из интернет-издания Livejournal от 6 октября 2017 г. («Легионер из Одессы»). Неизвестный автор-одессит также делится воспоминанием о том, что в детстве ему приходилось видеть Виктора Финка: «Каждый год приезжал из Москвы в гости к родне и всегда выступал в библиотеке им. Гайдара, где я читал книги…».

Вернувшись в Одессу, Виктор Финк решил пробовать свои силы в журналистике и литературе, иногда сотрудничал с местными газетами. В 1918-1920 годах знакомится с некоторыми одесскими литераторами и художниками, в частности, с Э. Багрицким, также много разъезжает, в том числе в Балту. В 1919 году работал некоторое время в Киеве редактором газеты «Киевское эхо». В 1920 году вместе с К. Паустовским Финк приезжает в Одессу в одном поезде Киев – Одесса (позже Паустовский писал об этом в очерке «Поезд Киев – Одесса») и одновременно с ним поступает работать в информационный отдел Опродкомгуба. В «Повести о жизни» Паустовкий выводит его под именем Виктора Хвата. В это время в Опродкомгубе служили известные литераторы Василий Регинин, Сергей Бондарин, Евгений Иванов, Илья Ильф и другие. Именно в 20-е годы Финк познакомился и сдружился с И. Бабелем, о котором уже в послевоенные годы оставил замечательные воспоминания «Я многим ему обязан» (в книге «Воспоминания о Бабеле», 1989 г., Москва).

В те годы Финк не раз бывал в Балте. Почерпнутые там сведения о событиях в Балтском монастыре (так называемая иннокентьевщина) легли в основу его повести «Гибель мира» (1939 г.), а уже позже нашли отображение в романе «Голгофа» Леся Гомона.

Первая книга Виктора Финка, «Жорес», вышедшая в 1925 году, была посвящена жизни французского революционера, горячего защитника Дрейфуса (известное дело Дрейфуса). Здесь уже подняты вопросы еврейства. Впрочем, в той или иной мере еврейская тема часто (если не в большинстве произведений) присутствует в его творчестве.

Двадцатые годы, как потом и тридцатыее, оказались весьма плодотворными для творчества писателя. Как потом пишет в очерке «О переводчике» И. Лосиевич, первыми книгами Финка в основном были сборники сатирико-юмористических рассказов, выходивших в 1926-27 гг. Писал также очерки и повести. В те годы он создал целый ряд произведений (в большинстве своем очерков и новелл) о жизни и быте еврейских земледельческих колоний и колхозов в Крыму, Белоруссии и Биробиджане. Его интерес к еврейской тематике не случаен, ведь Финк был иудейского происхождения. Его книги «Евреи на земле», «Евреи в поле», «Евреи за плугом» и «Евреи в тайге» (о переселенцах в Биробиджане) и сейчас читаются с интересом. А некоторые исследователи вообще считают Виктора Финка русско-еврейским и даже вообще еврейским писателем. К тому же, некоторые свои творения он писал и на идиш (печатались, например, в Харькове и Варшаве). Как русский еврейский писатель Финк проявил себя и в публицистике солидным очерком «Еврейский вопрос» в журнале «Красная новь» (1938 г.), имевшим тогда большой резонанс. Кстати говоря, во многих очерках о евреях упоминаются и Одесса, и Балта. Например, в повести «Евреи в тайге» автор рассказывает: «Он (священнослужитель. – **М. Г.**) был портной из Одессы, с Молдаванки, – я узнал это впоследствии».

И все же вершиной творчества писателя стал его «Иностранный легион» (роман в 13 новеллах), вышедший в 1935 и в 1936 годах в Москве, а уже в 1938 г. – во Франции. По словам академика Е.В. Тарле, в нем художественно воплотилась «сила правды о войне». Ученый, в частности, писал: «Это сильнее и страшнее, чем Ремарк и Барбюс». Упоминавшийся выше автор заметок в Интернете «Легионер из Одессы» отмечает: «Что любопытно, роман был «идейно выдержанный», и поэтому во Франции его готовы были издать только коммунисты, а московские друзья Виктора очень хотели, чтобы перевод опубликовало не «красное», а «солидное буржуазное издательство», – и в итоге книга была издана за счет Ассоциации ветеранов Легиона, причем в предисловии было сказано, что ассоциация автора знает, взглядов его не разделяет, но ручается, что каждое слово – правда…». Это оказалось умелым средством моральной

и политической защиты автора. Появление романа «Иностранный легион» приветствовали И. Бабель и М. Горький, с большим интересом восприняли большинство читателей как в СССР, так и за рубежом, где он тоже издавался неоднократно. И сейчас этот роман считается по праву одним из лучших антивоенных романов XX века. Продолжением его стал роман «Судьба Анри Ламбера» (В. Финк писал его в 1937-41 гг., вышел из печати в 1942 г.) – о жизни французов так называемого потерянного поколения 30-х годов, написанный с не меньшим мастерством. Кроме того, очень удачной стала и книга «Комбатанты», также об эпизодах первой мировой.

В 30-х годах Виктор Финк не раз выезжал во Францию, с 1937 года – надолго. (Между прочим, как во Франции, так и в Союзе он просил себя называть на французский манер – Виктòр, с ударением на о.) Во время второй мировой войны он работал во Французской секции Международного московского радио, был корреспондентом газеты «Красная звезда». В 1937 г. в составе советской делегации участвовал в работе Второго международного конгресса писателей в защиту культуры в Мадриде. В конце 1939 г. был награжден орденом «Знак Почета».

Не был пассивным Виктор Финк и в годы борьбы советского народа с фашизмом. И всегда помнил о родном городе. Примечательна, например, его заметка «Враг под Одессой» в «Литературной газете» от 24 октября 1941 года, где автор выражает уверенность в стойкости одесситов.

И находясь в эвакуации в Свердловске, и в послевоенное время он старался работать плодотворно даже в тяжелых условиях, в частности, над переводами, новым изданием «Иностранного легиона», над романом «Молдавская рапсодия» (вышел в 1966 г.) и книгой «Литературные воспоминания» (1960 г. и более поздние издания). В 1952 году Виктор Финк наконец обрел гражданство Советского Союза и был принят в члены Союза писателей СССР.

Живя довольно много лет во Франции, а также общаясь с советскими литераторами, Финк накопил немало интересных впечатлений и воспоминаний, которые потом вошли в задуманную книгу. К примеру, интересны воспоминания о Ромене Роллане,

Ж.-Р. Блоке, П. Вайян-Кутюрье, о советских писателях В.К. Арсеньеве и А.С. Макаренко.

Известен Виктор Финк и как переводчик на русский язык некоторых произведений Стефана Цвейга, других писателей, а особенно романа Луи Буссенара «Похитители бриллиантов».

О творчестве Виктора Финка и о нем лично написано не много. Но о нем тепло отзывались К. Паустовский, И. Бабель, К. Чуковский (в своем «Дневнике»), М. Горький и другие писатели. Теплые дружеские отношения у него сложились с А.С. Макаренко и выдающимся артистом-иллюзионистом Вольфом Мессингом – соседями по известному писательскому дому в Лаврушинском переулке Москвы.

Вольф Мессинг в своих воспоминаниях «Я – телепат Сталина» (1974 год) писал: «Виктор Григорьевич Финк недавно умер. Мне его сильно не хватает. Мы познакомились с ним вскоре после моего появления в Советском Союзе и общались до последнего дня его жизни… Виктор Григорьевич был очень умным, добрым и чутким человеком. Его доброта поражала не меньше, чем его эрудиция. Он мог поделиться последним, мог помогать, забыв про свои дела. Про Виктора Григорьевича можно без преувеличения сказать: «Золотой человек». И такой же золотой человек его жена Эсфирь Яковлевна… Я им многим обязан. Я шутя называл Виктора «моим советским импресарио», потому что он, устраивая свои дела (выступления, поездки. – **М. Г.**), устраивал и мои… Я храню открытки, полученные от них. Виктор подписывал их: «Искренне ваши Финики». Он был веселый человек, любил шутить… «Финик» было его прозвище, которое он придумал сам. Все так и говорили: «Пойдемте к Финикам». Моя судьба не щедра на подарки, но иногда она дарит мне знакомство с такими людьми, как Виктор и Фира, это очень ценный подарок».

Виктор Григорьевич Финк умер в 1973 году в Москве, похоронен на Новом Донском кладбище.

Прошло 112 лет со времени окончания Виктором Финком в Балте частного коммерческого училища и ориентировочно 52 года со дня последнего посещения им Балты (возможно, и Одессы), где он на память о себе подарил районной библиотеке

экземпляр книги «Иностранный легион. Судьба Анри Ламбера» с таким автографом: «Балтской библиотеке от земляка-автора. В. Финк. 25.XI.66». Кстати, в этой библиотеке также имеется книга В. Финка «Литературные воспоминания». Наверняка книги с его автографом сохранились и в ранее упомянутой одесской библиотеке им. А. Гайдара, а возможно, и в других.

К сожалению, этот действительно незаурядный русский писатель ныне незаслуженно призабыт, однако его имя и произведения сохранилось в памяти многих поколений, а его антивоенные романы и сейчас воспринимаются с огромным интересом и очень актуально. Приобщение к его творчеству не оставит равнодушным ни одного читателя. Неплохо бы одесситам (а также балтянам) подумать об увековечении памяти славного земляка.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Публикации

272 **Сергей Лущик**
Становление поэта
Публикация Ольги Барковской

301 **Лев Межберг**
Международный фестиваль
«Эльба – музыкальный остров Европы»

Сергей Лущик

Становление поэта

Материалы к биографии Эдуарда Багрицкого

В 1919 году известный поэт и теоретик литературы Георгий Шенгели, находившийся тогда в Одессе, печатно провозгласил: «Южнорусская школа поэтов, столь отчетливо запевшая в последние годы в Одессе…»[1]. Вскоре почти все ее представители получили признание как прозаики, лишь один Багрицкий остался верен чистой поэзии. В. Катаев назвал его «первым мастером южнорусской романтической школы»[2]. Он вошел в большую литературу «Багрицким», этот красочный псевдоним, от слова то ли *багровый*, то ли *багряный*, превратился со временем в его родовую фамилию, которую приняла его жена, унаследовал сын. И сегодняшняя молодежь (не раз приходилось слышать) считает ее исконной фамилией, не воспринимает как псевдоним. В действительности же фамилия поэта звучала иначе, а псевдонимов поначалу было несколько.

Как ни странно, «до сих пор нет ни авторитетной научной биографии Багрицкого, ни подробной летописи его жизни»[3], – это написано совсем недавно, в 1996 году, спустя столетие со дня рождения поэта. Даже в новейшем издании стихов Багрицкого, вышедшем в Санкт-Петербурге в 2000 году с интереснейшим полемическим послесловием[4], использованы лишь перепечатки старых автобиографических фрагментов. А они ненадежны: «Я родился в 1896 году»[5] (по метрической записи – в 1895!); «В 1915 году впервые было напечатано мое стихотворение»[6] (ниже даны стихи, напечатанные в конце 1913-го). В работе М. Спивак приводится высказывание В. Катаева о Багрицком: «Был фантазер. Вся его биография абсолютно липовая»[7].

Опубликованы две «Хронологические канвы для биографии Э. Багрицкого»: в «Альманахе» 1936 года[8] и в материалах С. Блох, 1974 года[9]. Обе содержат минимум сведений, не имеют ссылок на источники информации.

Создается впечатление, что в их основе лежит устная традиция. Коренная причина ненадежности всяких биографических сведений о Багрицком четко объяснена у М. Спивак: «Полнейшие беспорядок и неорганизованность имели место также и в его деловых бумагах. Никогда не хранил своих рукописей, совершенно о них не заботился. Никогда не было порядка в документах, относился к ним страшно безалаберно и халатно. Терял важные документы, например, утерял свой воинский билет. Прописывался по каким-то справкам, вроде выданной, например, газетой «Моряк». Когда проводилась паспортизация, то не оказалось документов, удостоверяющих его личность. Были частые недоразумения с истинной фамилией (Дзюбин) и фамилией Багрицкий (псевдоним), вечно путались в документах эти фамилии. Эта неразбериха с документами осталась и после смерти, в связи с утверждением жены в правах наследования»[10].

За отсутствием первичных документов все пишущие о Багрицком вынуждены опираться лишь на опубликованные воспоминания современников. Среди них только один Б. Скуратов смог что-то рассказать о школьных годах будущего поэта, но без конкретных дат и фактов. Соратники по «южнорусской школе» перезнакомились позднее, к 1914 году. Жена и ее сестры встретились с уже приобретшим известность Багрицким в 1920 году. Периоды же детства и юности – сплошное белое пятно, вся наличная информация – вторичные пересказы, во многом с его же слов. В результате бытует множество легенд, зачастую противоречащих друг другу.

В легендарных наслоениях прослеживается некая закономерность. Можно выделить три основные линии, которые с некоторыми вариациями следуют за господствующей идеологией своего времени. В 1920-х годах преобладают темы романтической бесшабашной богемной жизни поэта (вспомним повесть В. Катаева «Бездельник Эдуард»). К 1930-м нарастает новая тенденция – о безрадостном полунищем детстве в затхлой трущобе

(укажем на стихотворение «Происхождение» самого Багрицкого, на воспоминания в «Альманахе» 1936 года). А в 1990-х «нажимают» на еврейское происхождение – и в среде хулителей, и в среде почитателей. В каждой легенде и в каждой тенденции есть зерна истины, но гораздо больше – позднейших наслоений.

Составители и комментаторы столичных изданий книг Багрицкого зачастую слабо ориентируются в реалиях одесской литературной жизни 1910-х годов, путаются в конкретных датах и фактах. Неточности перетекают из тома в том.

Так, в предисловии к одному из сборников сказано: «Альманахи «Смутная алчба» и «Чудо в пустыне» составлялись уже в 1918 году – когда на Украине кипела гражданская война»[11], далее следуют соответствующее идеологические выводы… В действительности же «Смутная алчба» анонсировалась в прессе, начиная с сентября 1915 года, но так и не была издана, а «Чудо в пустыне» поступило в продажу в апреле 1917-го, задолго до начала Гражданской войны. В другой книге читаем: «Авто в облаках». Именно в этом альманахе появляются в 1915 году первые стихи Багрнцкого»[12]. Снова ошибка, точнее – две. Этот альманах, вышедший в сентябре 1915-го, был далеко не первым. Ранее, в апреле 1915-го, изданы «Серебряные трубы» с подборкой стихов Багрицкого, а первые публикации под этим псевдонимом появились в газете еще в феврале 1915-го.

В домашней картотеке и архивном собрании автора данной работы за последние 30-40 лет исподволь накопилось некоторое количество информации о первых шагах начинающего Багрицкого. Возникла потребность собрать все воедино, систематизировать, осмыслить и ввести в научный оборот для будущих биографов поэта. Какие-то фрагменты уже известны, но подзабыты, иные же публикуются впервые. Автор стремился раскрыть все первоисточники, дать максимальную библиографию, обосновать каждый факт и каждую дату. Основные источники: фонды Государственного архива Одесской области (далее в ссылках ГАОО) и Одесского литературного музея, материалы из домашнего собрания и картотеки автора, а также одесские малотиражные издания, местная периодика 1910-х годов, публикации краеведов 1960-х – 1990-х годов. Хронологические рамки работы – до 1915

года включительно, до прихода известности к поэту. Все даты приводятся так, как они даны в источниках: дореволюционные – по старому летосчислению, иногда сдвоенные; советские и современные – по новому.

* * *

В фонде Одесского городового раввината, хранящемся в областном архиве, имеется «Метрическая книга о рождении» за 1895 год с записью под № 1594 от 24 октября:

«*Где родился* – в Одессе;

Состояние отца, имена отца и матери – Одесский мещ. Годель Мошков Дзюбан, жена Ита;

Кто родился и какое ему или ей дано имя – сын Эдуард род. 22, а обр. 29 октября»[13].

Рядом с записью стоит оттиск позднейшего штампика чернилами с датой «15 март. 1904» – очевидно, отметка о получении метрического свидетельства перед поступлением в учебное заведение (мальчику минуло восемь лет).

Итак, документированная дата рождения – 22 октября 1895 года по летосчислению того времени, что соответствует 3 ноября по современному (напомним: в XIX столетии разница составляла 12 суток). Первая «Хронологическая канва для биографии Э. Багрицкого» в известном «Альманахе» 1936 года[14] указала «4 ноября» (по новому стилю) без ссылки на первоисточник – видимо, результат неправильного пересчета. В последующих книгах и статьях встречаются обе даты, иногда 4 ноября переводят обратно на старый стиль: «4 ноября (23 октября)».

Исконная фамилия будущего поэта – Дзюбан, но не Дзюбин, как принято думать. Кстати, именно так отец поэта значится в справочниках «Вся Одесса»: «Дзюбан, Г.М. Ремесленная, 40. Галант, торг.»[15]. Вариант написания «Дзюбин» впервые встретился нам в виде подписи поэта в 1914 году (см. далее).

Бросается в глаза необычное для той среды и того времени имя младенца – Эдуард. В соседних записях значатся традиционные: Соломон, Хаим, Иосиф, Ицхок, Симха-Лейб, Исаак, Шмая-Герш, Яков, Ицхок, Абрам… И вдруг – Эдуард! В метрической книге второго такого не встретилось. Всего здесь перечислены

2018 родившихся за 1895 год, мальчиков и девочек. Преобладали библейские имена, но изредка появлялись и общепринятые русские: примерно в двадцати случаях – Александр; по пять-шесть раз – Николай, Владимир, Михаил, Павел; по одному разу – Георгий, Сергей, Станислав. Аналогично и женские имена: Ольга, Евгения, Анастасия. Создалось впечатление, что до десяти процентов новорожденных принадлежали к семьям из «среднего» класса, которые уже отходили от отцовских традиций. К ним можно отнести и семью Дзюбанов. Только за 1895 год из этой среды вышло три будущих «русскоязычных» литератора: Эдуард Багрицкий, Станислав Радзинский, Александр Соколовский[16].

Современники утверждали, что нетрадиционное имя Эдуард появилось по инициативе его матери, которая любила читать романы, была «несколько легкомысленная», «фантазерка», «играла под аристократку»[17].

Судя по метрической книге, где отец назван «Годель Мошков», сын его должен был стать Эдуардом Годелевичем. В быту же он превратился в Эдуарда Георгиевича, но с какого времени – проследить не удалось. В альманахе 1936 года и в первом томе «Собрания сочинений», изданном в 1938-м, отчество поэта не упомянуто ни разу, даже в «Хронологической канве».

Любопытная информация о жизни семьи в середине 1910-х годов содержится в воспоминаниях двоюродного брата Эдуарда, А.Д. Ройтмана[18]. Они писались в 1985 году, на склоне лет, были предложены одной из одесских газет, но в печать не попали. Бесхитростные, чисто бытовые, написанные начерно на одном дыхании, почти без знаков препинания, они не отягощены никакими литературными оценками и не засорены идеологией. Дано достаточно подробное описание квартиры, характеристики членов семьи. Хронологически охвачен период с 1914 года до отъезда Багрицкого из Одессы. Фрагменты из воспоминаний предлагаются вниманию читателей (см.: *Приложение*).

Словесный портрет отца будущего поэта: «Среднего роста, довольно полный, отличался исключительной воспитанностью и добрым характером. Жизнерадостный, приветлив, всегда его разговор отличался юмором». Работал приказчиком в известной

мануфактурной фирме Пташникова. «Смерть отца, 1918 г., унесла все благополучие семьи». Это совпало с революцией, которая, добавим от себя, обрекла на нищету не только эту семью.

Подробно описана квартира Дзюбиных в доме № 40 по ул. Ремесленной: несколько комнат в дворовом флигеле, в бельэтаже. У Эдуарда – отдельная большая комната с тремя окнами: «Клетки были размещены по всей высоте всех трех оконных проемов». Перечислена обстановка столовой: массивный двухэтажный буфет с мраморной доской, огромное зеркало в золоченой раме, ломберный столик, обеденный стол посередине комнаты.

Из далекой столицы не совсем понятно, что представляет собой улица с прозаическим названием Ремесленная. Она расположена вблизи фешенебельного центра города, идет параллельно престижной Пушкинской. Застроена, в основном, многоэтажными домами, иные – в предреволюционном стиле модерн. Это одна из важных торговых артерий, ведет к морскому порту. Здесь жили многие представители торгового капитала, врачи, юристы. Стояла англиканская церковь. До недавнего времени в одном из уютных особняков располагалось индийское консульство. Багрицкий прожил здесь первые 25 лет жизни: родился в доме на углу улиц Базарной и Ремесленной, вскоре семья перебралась на Ремесленную, 40. Эта квартира была оставлена уже в советские времена, по свидетельству А. Ройтмана – в 1922 году.

Адрес отца на Ремесленной, 40, фигурирует из года в год в справочниках «Вся Одесса». Это еще одно подтверждение его устойчивого общественного положения.

В различных автобиографических заметках Багрицкий не раз повторял, что «родился в мелкобуржуазной еврейской семье»[19]. Все сказанное выше подтверждает, что семья действительно была мелкобуржуазной, но ни в коем случае не ортодоксальной, не местечковой.

Внимательное прочтение метрической записи, автобиографических заметок поэта, рукописи его двоюродного брата, воспоминаний современников позволяют непредвзято понять социальный статус семьи, в которой рос будущий поэт. При этом невольно разрушаются многие привычные стереотипы советской

и постсоветской заидеологизированной критики, как «левой», так и «правой». Чего только не писали и не продолжают писать сегодня о Багрицком…

Начнем с имени, данном при рождении, – Эдуард. Как совместить этот факт с утверждением, якобы «Багрицкий вырос в семье, в которой относились с уважением к традиционным иудейским обычаям и обрядам». Скажем так: или «традиционные иудейские обычаи», или «Эдуард». Одно исключает другое.

Ознакомившись с описанием квартиры Дзюбиных в рукописи двоюродного брата, обратимся к следующему пассажу: «Тот религиозный и бытовой уклад, который царил в пропахшей вековым запахом бедности квартирке Дзюбиных на Ремесленной улице. Потомок едва сводившего концы с концами владельца мелочной лавочки»[20]. Без комментариев…

Подобные примеры можно продолжить. Авторы подобных высказываний обычно отталкивались от трагических образов известного стихотворения 1930 года «Происхождение». Но не пора ли увидеть в «Происхождении», равно как и в «Смерти пионерки», лишь уступку правящей идеологии 1930-х годов, набиравшей тогда зловещую силу? К сожалению, не один Багрицкий был тяжко болен откровенным конформизмом – вспомним не менее любимых нами Катаева или Бабеля.

* * *

По воспоминаниям Б. Скуратова, одного из юношеских приятелей Эдуарда, тот в 1911-1912 годах принимал активное участие в издании рукописного ученического журнала в какой-то «школе» (название ее не указано), где учились его друзья: «Всего вышло четыре или пять номеров этого журнала, и все они были разрисованы Багрицким. Стихов он тогда еще почти не писал, довольствуясь славой и высоким званием «главного художника»[21]. И сам Багрицкий писал в автобиографических заметках, что хотел поступить в художественное училище, но родители воспротивились. Скуратов рассказал также, как был придуман псевдоним *Дези* для подписей под рисунками – по первым буквам фамилии *Д з,* по образцу подписи *Ре-ми* популярного рисовальщика столичного журнала «Сатирикон» Н.В. Ремизова.

Рисунки за подписью Дези не приходилось видеть ни в оригиналах, ни в репродукциях. Но в местной периодике этот псевдоним обнаружен несколько раз. В апреле 1912 года в рубрике «Почтовый ящик» одесского юмористического журнала «Крокодил» был напечатан язвительный ответ некоему Дэзи с критикой присланного им неудачного стихотворения: «Дэзи, подобно Гамлету, останавливается в недоумении перед мировой загадкою…»[22]. Ответ дан за подписью «Э-съ», то есть Эскесс – популярный псевдоним поэта Семена Кесельмана.

В марте следующего, 1913 года, «Дэзи» снова появился в печати, на страницах литературного сборника «Молодой журнал». На этот раз – в качестве персонажа рассказа «Матовый фонарь»: в зимний вечер накануне Рождества ученик некоего училища, робкий Дэзи, пишущий стихи, впервые посещает публичный дом[23]. Случайное ли совпадение, или герой действительно списан с реального начинающего поэта, никто уже не скажет. При этом невольно вспоминается нашумевшая позднее повесть В. Катаева «Бездельник Эдуард» (написана в 1920 году). «Матовый фонарь» примитивен, не блещет литературными достоинствами – продукт пера начинающего автора. Любопытно другое: некоторые сюжетные повороты рассказа впоследствии странным образом возникли вновь в поэме Э. Багрицкого «Февраль». Автор рассказа, некто Макс Агор, не оставил памятных следов в одесской литературной жизни, известна еще лишь одна его местная публикация с датой «Москва, март 1913»[24]. Возможно, он рано уехал из Одессы или ушел на фронт летом 1914-го.

Появление в сборнике «Матового фонаря» вызвало громкий скандал. Временным комитетом по делам печати в г. Одессе, а затем и окружным судом было признано, что «…рассказ под названием «Матовый фонарь»… является явно противным нравственности и благопристойности и заключает в себе все признаки преступления»[25]. Тяжба продолжалась почти год, в феврале 1914-го весь тираж «Молодого журнала» в количестве 1400 экземпляров был уничтожен. В Одессе остался единственный образец, подшитый в архивном деле вместе с судебной перепиской[26]. По одному экземпляру сохранилось также в главных библиотеках Москвы и Петербурга.

* * *

Появление в печати стихотворений за подписью «Desi» относится к декабрю 1913 года. Это самая первая публикация будущего Багрицкого! Честь открытия принадлежит А.Ю. Розенбойму[27], он ввел в научный оборот два номера забытого одесского сборника «Аккорды». Ранее о существовании таковых было известно лишь понаслышке, ни в одной из библиотек родного города книг не оказалось, они не были учтены серьезным «Систематическим указателем литературы за 1914 год» И. Владиславлева, о них не знали даже составители четырехтомного библиографического указателя «Литературно-художественные альманахи и сборники», изданного Всесоюзной книжной палатой в 1957-1960 годах. Розенбойм разыскал оба выпуска в Санкт-Петербурге, в бывшей Императорской публичной библиотеке, куда в свое время стекались обязательные экземпляры всей типографской продукции страны. Впоследствии по его рекомендации Одесский литературный музей заказал фотокопии этих раритетов[28].

Выход в свет первого номера «Аккордов» был зарегистрирован Временным комитетом по делам печати г. Одессы 7 декабря 1913 года[29], тираж – 700 экземпляров. Архивная запись о регистрации второго номера пока не обнаружена. Видимо, это произошло в начале 1914 года. В обеих книжках «Аккордов» насчитывается в сумме не менее пяти текстов юного поэта под разными, легко угадываемыми подписями. В первом выпуске – два стихотворения[30]:

Эдуард Д. Розы;

Desi. Мечте.

Во втором выпуске – два стихотворения и статья[31]:

Desi. Лунные цветы;

Э. Д. О Брюсове (Критический этюд);

Эдуард Дзюбин. Поэт.

Все тексты Багрицкого из «Аккордов» учтены в библиографических сводах, посвященных его творчеству, 1974 и 1978 годов[32].

* * *

Стихотворения, будем откровенны, вряд ли смогут заинтересовать современного читателя, и важны лишь как подтверждение факта первой публикации. По текстам легко определяются

образцы для подражания – у кого из старших поэтов учился юноша. Возможно, правильно поступали составители всех посмертных собраний сочинений Э. Багрицкого, не включая эти пробы пера в его творческое наследие. Все же перепечатываем их впервые, в *Приложении*, в качестве документов к будущей биографии.

«Критический этюд» о В. Брюсове – свидетельство пристального интереса начинающих одесских поэтов к творчеству влиятельного московского мастера. Всего через год группа авторов альманаха «Серебряные трубы», в котором участвовал и Багрицкий, отправила свою книгу тому же Брюсову с многозначительной надписью: «Учителю Валерию Яковлевичу г. Брюсову от учеников. Одесса. 8.IV.1915»[33].

Любопытны в «Аккордах» поиски начинающим поэтом своей авторской подписи. Кроме придуманного ранее *Desi видим здесь варианты инициалов Э. Д.* и *Эдуард Д.,* а также *Эдуард Дзюбин* – несколько измененное, всего на одну букву, начертание подлинной фамилии. Насколько удалось проследить, это первый случай появления в печати варианта *Дзюбин* вместо *Дзюбан.* Все последующие биографы трактовали *Дзюбин* как подлинную фамилию Багрицкого. Может быть, следовало бы и *Дзюбина* причислить к псевдонимам?

В каком окружении начинал Эдуард Дзюбин? В двух выпусках «Аккордов» насчитывается свыше двадцати различных подписей, авторов же было, очевидно, несколько меньше. Иные из них, к примеру, некто *Отто Ф. Кильбах*, не оставили никаких следов в последующей одесской периодике. Некоторые из псевдонимов, типа *Элли* или *Дрелли*, расшифровать не удалось. Достаточную известность, даже за пределами Одессы, приобрели со временем Иза Кремер, Александр Биск, Яков Гольденберг, Борис Бобович[34]. Особо хочется вспомнить Лео Розена – именно он вывел Розенбойма на поиски «Аккордов»: «Якось у розмові з одним з найстаріших в Одесі працівників культури Л.А. Розіним я почув розповідь про один невідомий раніше збірник. <…> – Грішним ділом, брав в цьому участь і я. До цього часу пам’ятаю, як ми з Едуардом Багрицьким продавали їх <…> в Міськім саду – «Купуйте новий альманах «Акорди»! Вірші молодих поетів!»[35]. Вспоминал об «Аккордах» и еще один поэт тех лет, Исидор Бобович, старший брат только что

упомянутого Бориса Бобовича: «Вскоре после выхода в свет нашего первого сборника[36], в моей комнате… появился девятнадцатилетний юноша в форме землемерного училища Линденера. В руках у него была тощенькая книжка или тетрадка – то ли журнальчик, то ли сборничек под довольно затасканным названием «Аккорды». Это был Эдуард Дзюбин»[37]. Мемуарист иронично, но справедливо описал «Аккорды». Действительно, все перечисленные ранее сборники 1913 года были изданы юными неопытными авторами крайне примитивно, напечатаны во второстепенных дешевых типографиях, со множеством опечаток. Тексты набраны в два столбца на каждой странице (из экономии бумаги?), с пагинацией по столбцам, тексты начинались с обратной стороны обложки. Объемы брошюр: «Молодой журнал» – 32 страницы; два номера «Молодости» – 8 страниц в первом и 12 во втором; два выпуска «Аккордов» – по 16 страниц в каждом. Выход их в свет не был замечен прессой, не отмечался рецензиями, очень скоро все они оказались забытыми.

Необходимо разобраться с понятием «землемерное училище».

А. Розенбойм доказал, что речь идет о «Политехнических курсах»[38]. Реклама гласила: «М.Н.П. [Министерство народного просвещения]. Политехнические курсы инженера М.П. Линденер. Одесса, ул. Полтавской победы, № 29 [так называлась в те годы улица Канатная]. Отделы: инженерный, архитектурный, электротехнический – 3 года, землемерный – 2 года. При курсах: физический, химический, электротехнический и геодезический кабинеты. Электрическая станция…»[39]. Обратим внимание на слова: «землемерный» отдел, «геодезический» кабинет, которые подвели будущих мемуаристов и исследователей. Курсы функционировали с 1913 года. «Хронологическая канва» в Альманахе 1936 года сообщает: «1913 г. Переход в землемерное училище»[40]. Аналогичная «Хронологическая канва» в работе С. Блох усиливает путаницу: «1913 г. Переход в Землемерное училище. <…> 1916 г. Слушатель Геодезических курсов»[41]. И никто при этом не дает ссылок на источники информации. Очевидно, речь идет об одном учебном заведении. Непонятно, сколько лет проучился в нем Багрицкий, закончил ли… Не удалось обнаружить ни одного архивного документа касательно учебы поэта ни на Политехнических курсах, ни в реальном училище В.А. Жуковского.

После «Аккордов» подпись *Desi* исчезла из поля зрения, казалось – навсегда. Но нет. В 1922 году уже очень известный Багрицкий вернулся, в последний раз, к псевдониму своей юности. В апрельской книжке одесского журнала «Театр» за такой подписью появилась рецензия на только что изданный в Одессе сборник стихов Веры Инбер «Бренные слова»[42]. А спрятаться за псевдонимом понадобилось, вероятно, по той причине, что и Багрицкий, и В. Инбер значились сотрудниками журнала, неудобно было рекламировать коллегу. В библиографии (см. прим. 29) эта статья не учтена. В 2000 году забытая рецензия с упоминанием авторства Багрицкого была перепечатана в книге, посвященной одесскому периоду творчества В. Инбер[43].

В мае 1966 года краевед А. Владимирский выступил в Одесском Доме ученых с докладом «Первое печатное стихотворение Э. Багрицкого «Счастье»[44]. Доказывалось, что первой публикацией поэта было стихотворение за подписью «Иван Горцев» в одесском сборнике «Живое слово» весной 1914 года. Один из аргументов – в 1923 году Багрицкий неоднократно пользовался псевдонимом «Рабкор И. Горцев» в одесской газете «Известия». Об «Аккордах» докладчик не знал. Об открытии сообщили газеты[45], одна из них привела текст стихотворения полностью[46]. Кое-кому из слушателей доводы показались недостаточно убедительными, с тех пор прошло свыше тридцати лет, стали известны более ранние публикации 1913 года в «Аккордах», гипотеза Владимирского не нашла подтверждения, но и не была опровергнута. Библиографические указатели ее не учли. Вопрос остается открытым.

* * *

Самое значительное событие в истории будущей «южнорусской» литературной школы – вечера поэтов летом 1914 года, первая попытка объединения творческой молодежи Одессы. О них написано достаточно много: в текущей периодике того времени, в воспоминаниях участников (прежде всего, В. Катаева), позднейших исследованиях. Напомним основные даты и факты, имеющие непосредственное отношение к теме настоящей работы. 27 мая 1914 года появилось газетное объявление, подписанное

популярным критиком Петром Пильским: «Поэтам Одессы. Этой зимой возникла мысль об устройстве вечера молодых поэтов юга… Я прошу молодых поэтов собраться в литературном клубе сегодня в 9 час. вечера»[47]. Через несколько дней другая газета сообщила: «На этой неделе в Литерат.-Артистич. клубе состоялось несколько заседаний «Кружка молодых поэтов», учрежденного П. Пильским. В действительные члены о-ва выбраны: Жгут-Комар, Сем. Кесельман, Цагарелли, Валентин К., Вл. Дидрихштейн и др.»[48]. Как видим, в перечне нет ни Дези, ни Дзюбина.

Еще одна газетная информация, от 12 июня: «В курзале Хаджибеевского лимана в это воскресенье 15 июня состоится «Вечер поэтов», в котором примут участие пятнадцать поэтов юга. <…> Участвующие: гг. Багрицкий, Баткис, Биск…»[49] (перечислены пятнадцать фамилий в алфавитном порядке). В тот же день, с цензурным разрешением от 12 июня, были заказаны печатные программа и афиша с почти идентичными текстами. Запомним эту дату, 12 июня 1914 года (или 25.06 по новому стилю) – первое, самое первое, появление в печати нового имени: Багрицкий!

Программа гласила: «Курзал Хаджибеевского парка. В воскресенье 15-го июня 1914 г. в 3 ч. веч. состоится единственный Вечер поэтов в 5-ти отделениях. Участвуют: критик Петр Пильский. Поэты: Эдуард Багрицкий, Леонид Баткис, Александр Биск…».

Далее описывалось каждое из пяти отделений: «Отделение третье. «Романтизм и футуризм». 1) Вступительное слово Петра Пильского. 2) Эдуард Багрицкий, стих.: а) «Летучий Голландец», б) «Дионис». 3) Анатолий Фиолетов, стих: «Городской сутолок», б) «Электрические сумерки»[50]. Итак, 15 июня 1914 года – первое публичное выступление поэта Эдуарда Багрицкого!

Среди десятка положительных откликов прессы по поводу вечера особенно интересен следующий, от 17 июня: «Главная заслуга вечера в том, что он показал публике двух молодых, еще нигде не печатавшихся, но, безусловно, имеющих право на внимание поэтов – гг. Багрицкого и Фиолетова»[51]. Первый похвальный отзыв в печати! «Господину Багрицкому» было тогда восемнадцать с половиной лет.

Итак, в Одессе появился поэт Эдуард Багрицкий.

Судя по воспоминаниям современников, Багрицкий и Фиолетов были дружны. Оба впервые заявили о себе на вечере поэтов, выступили рядом в одном отделении «Романтизм и футуризм», оба выбрали себе «цветные» псевдонимы: Дзюбан стал Багрицким, а Шор – Фиолетовым.

Возникновению кружка молодых поэтов и знакомству с Багрицким посвящен ностальгический рассказ В. Катаева «Встреча», впервые опубликованный в 1936 году, в известном Альманахе. Катаев отметил, что это было «событие, оказавшее влияние на всю мою дальнейшую жизнь», что «в этот вечер – еще не зная этого – я выбрал себе дорогу». Думается, что-то похожее мог ощущать и Багрицкий. Поначалу все происходящее было отнесено Катаевым к лету 1913 года, но при переиздании рассказа в 1973-м ошибочная дата была исправлена: вместо 1913 проставлен 1914 год[52]. В книге «Алмазный мой венец» писатель с удовольствием вновь вернулся к воспоминаниям о тех временах.

В том же номере газеты от 17 июня 1914 года, где отмечалось удачное выступление Э. Багрицкого на поэтическом вечере, бросаются в глаза жирно набранные на соседних страницах заголовки репортажей об убийстве в Сараево наследника австрийского престола – зловещее начало кровавых катаклизмов XX столетия. Печальное совпадение… Молодые поэты успели 1 июля провести еще один вечер, в дачном театре на 16-й станции Большого Фонтана[53]. Вскоре, 19 июля (1 августа по новому стилю), началась мировая война. П. Пильский, поручик запаса, был призван в действующую армию. Кружок молодых поэтов прекратил свое существование.

Больше никакой новой информации о Багрицком до конца текущего 1914 года в прессе не обнаружено.

* * *

Триумфальное вхождение Эдуарда Багрицкого в литературу начинается с 1915 года. 22 марта два его стихотворения были напечатаны в газете «Южная мысль»[54]. До выхода статьи А. Розенбойма об «Аккордах» они считались первыми, опубликованными поэтом, и включены во все посмертные сборники стихов. Тексты обоих наполнены отзвуками только что начавшейся войны:

«…В дыму погибающих сел…» («Враг»);

«…Приходят с заката тевтоны
С крестом и безумным орлом…» («Славяне»).

Одно из стихотворений, «Враг», имеет в газетной публикации авторскую дату: «Ковно. Сентябрь», то есть сентябрь предыдущего, 1914 года, Ковно, ныне Каунас, в Литве. Получается, что Багрицкий находился осенью 1914 года в Прибалтике, вблизи театра военных действий, каким образом, почему он попал туда – неизвестно. Никто из мемуаристов, биографов, позднейших исследователей никогда не упоминал о таком факте. Может быть, это авторская мистификация? В доступных источниках нигде не встретилось ни одного документа, освещающего взаимоотношения Багрицкого с военным ведомством: пытались ли его мобилизовать в период мировой войны, давали отсрочки на время учебы или освобождали по состоянию здоровья? Ведь многие из его сверстников-поэтов были призваны в армию. Стихотворение «Перед отъездом», по всем штрихам, – автобиографическое, связано с «поэтом, на войну уезжающим» (опубликовано в сентябре 1915-го). И в поэме «Февраль», которую иногда считают автобиографической, лирический герой назван вольноопределяющимся, а некоторые события отнесены к той же Прибалтике (Мазурские болота). В воспоминаниях Ф. Левина приводятся слова Багрицкого: «Поэма эта о себе самом, о старом мире. Там почти все правда, все это со мной было»[55]. Следующему поколению биографов поэта следовало бы специально заняться этим «белым пятном».

* * *

В начале апреля 1915 года вышел из печати славноизвестный альманах «Серебряные трубы»[56], а в нем – восемь стихотворений Э. Багрицкого. Все они были полностью перепечатаны в первом томе «Собрания сочинений» 1938 года, учтены библиографическими указателями, выборочно повторяются в последующих сборниках. В их числе «Дионис», создавший репутацию неизвестному еще автору на вечерах молодых поэтов летом 1914-го. В современных изданиях «Дионис» обычно помещается среди произ-

ведений 1915 года, по времени первой публикации, но написано стихотворение не позднее июня 1914-го (судя по упоминанию в программе вечера на Хаджибеевском лимане). «Дионис» долго сохранял популярность, Багрицкий читал его, например, 26 апреля 1916-го, на вечере в Литературно-артистическом клубе[57].

К маю 1915-го «Серебряные трубы» стали известны и в столице – в петроградском журнале «Театр и искусство» появилась обстоятельная рецензия, где оценены стихи каждого из авторов. «Некоторые стихотворения сборника, написанные без излишних «вывертов», говорят о наличии искры Божией у авторов. <…> г. Эдуард Багрицкий. У него лучше всех стихотворение «В пути» (стр. 10). Образно передано настроение на судне во время бури среди океана, тяжко беспросветное. И у этого же поэта в стих. «Креолка» явно несуразные стихи <…> Г. Цагарели менее других вычурен, его поэзия искрения, но образности в ней меньше, чем у его товарищей, гг. Багрицкого и Фиолетова, которые несомненно одарены более других»[58]. Снова выделены Багрицкий и Фиолетов!

Среди рукописей поэта С. Кесельмана, который был также и незаурядным рисовальщиком, сохранился лист с шаржами на участников «Серебряных труб» с едкими их характеристиками[59]. Кесельман – на шесть лет старше Багрицкого, к тому времени уже зарекомендовал себя многочисленными публикациями, при организации кружка поэтов 1914 года был одним из арбитров, отбиравшим достойных. Он участвовал в «Шелковых фонарях», первом из серии альманахов, но в «Серебряных трубах» его стихов не оказалось. По рассказам И. Бобовича, внутри группы авторов возник какой-то конфликт, скорее всего – между Кесельманом и П. Сторицыным (Коганом). В результате родилась любопытная карикатура.

Заголовок всей композиции – «Оловянные дудки» – пародирует название сборника. Даны шаржированные «портреты» пяти участников «Серебряных труб» с текстовыми ремарками. Одна из них: «Главный поэт сборника Эдуард Багрицкий (Дзюбин). Пишущий под псевдонимами: 1) Н. Гумилев, 2) Теофиль Готье, 3) Леконт де Лиль, 4) Бодлер, 5) Там видно будет. Справа – обложка будущей книги стихов поэта». Если Г. Цагарели отмечен

карикатуристом как «инициатор сборника», «Поэт Коган» (Петр Сторицын) – как «субсидирующий предприятие», то Э. Багрицкий выделен как «главный поэт сборника». Проницательно подмечен круг авторов, которыми интересовался или которым подражал начинающий литератор. И опять, в который раз, доминирует Багрицкий.

* * *

В августе 1915 года одесский журнал «Южный музыкальный вестник» опубликовал три стихотворения молодых участников альманахов Э. Багрицкого, Г. Цагарели и П. Сторицына под общим заглавием «Тексты для мелопоэзии. К интермедии «Медальон Антуанетты»[60]. Текст Багрицкого назван «Песенка Антуанетты». Никакой другой информации о существовании интермедии не обнаружилось. Стихотворение очень близко к обеим «Газеллам» из «Серебряных труб». Оно должно быть введено в научный оборот, так как не было замечено последующими исследователями, не вошло ни в один из сборников поэта и не учтено библиографическими указателями (см. *Приложение*).

Вскоре, в сентябре 1915 года, вышел из печати следующий альманах – «Авто в облаках»[61], изданный той же группой поэтов с урбанистической, почти кубистической обложкой по рисунку Сандро Фазини. Багрицкий был представлен восемью стихотворениями. Пять из них, под уже привычной подписью *Багрицкий*, открывали книгу, а еще три были помещены отдельно, несколько дальше (как бы другого автора), под псевдонимом *Нина Воскресенская*. Это следует понимать не как попытку скрыть авторство, но как сознательную мистификацию, эпатаж читателя. Ведь именно стихи Нины Воскресенской вызвали повышенный интерес рецензентов (чаще – со знаком минус). В дальнейшем все восемь стихотворений были перепечатаны в «Собрании сочинений» 1938 года, большею частью повторены в последующих сборниках, учтены в библиографии. Достаточно освещена и история с псевдонимом *Нина Воскресенская*[62], за исключением одного – нигде не отмечен случай его повторного использования в 1919 году[63]. По сравнению с недавним альманахом «Серебряные трубы» стихи Багрицкого из «Авто в облаках» с «Гимном Маяковскому» отличаются совершенно иной, новой для поэта стилис-

тикой, демонстрируют пристальный интерес к освоению опыта футуристов. Эксперимент удался, имел внешний успех, эпатировал публику, но не удовлетворил самого автора. В следующих стихах, конца 1915-го и, особенно, 1916 года (сборник «Седьмое покрывало»), наблюдается возврат к прежней манере, на более высоком качественном уровне, но даже без намеков на недавний «футуризм». Это очень наглядно прослеживается, если положить перед собой рядом три альманаха. К сожалению, во всех последующих переизданиях, начиная с «Собрания сочинений» 1938 года, ранние стихи подаются вперемешку, без сохранения последовательности публикаций внутри 1915 года, и чередование стилистических особенностей стирается.

Молодые поэты, участники «Серебряных труб» и других сборников, были тесно связаны с газетой «Южная мысль». Еще в 1912 году двое из них, Г. Цагарели и Я. Гольденберг, значились среди постоянных сотрудников газеты[64]. Исидор Бобович вспоминал: «Эта газета, выходившая в середине дня и игравшая роль вечерней газеты, была по тем временам прогрессивного направления и сгруппировала вокруг себя преимущественно литературно-журналистскую молодежь. Газета помещала на своих страницах стихи молодых поэтов и… явилась центром, объединившим кружок молодых поэтов, выпустивших в свет стихотворные альманахи»[65]. Редакция, контора и типография помещались в центре города, на углу Дерибасовской и Ришельевской, в «новоотстроенном доме Новикова». Именно в «Южной мысли» появились в марте 1915-го первые пробы пера за подписью *Багрицкий.* И завершился 1915 год для Багрицкого, уже неожиданно прославившегося, – публикацией 25 декабря в той же «Южной мысли» двух новых стихотворений: «Из цикла «Песни Китая». «Танцовщица» и «Осень»[66]. Они были перепечатаны в Альманахе 1936 года, затем в первом томе «Собрания стихотворений» 1938-го, учтены библиографами. А «Осень» стала со временем хрестоматийной:

Литавры лебедей замолкли вдалеке,
Затихли журавли за топкими *лугами,*
Лишь ястреба кружат над рыжими стогами,
Да осень шелестит в прибрежном тростнике…

Примечания

[1] Шенгели Г. Анатолий Фиолетов // Театр. Одесса, 1919. № 23, 12 дек., с. 7. – Шенгели Георгий Аркадьевич (1894-1956) – поэт, теоретик стихосложения. Жил преимущественно в Москве, 1919-1921 провел в Одессе.

[2] Катаев В. Бездельник Эдуард // Собрание сочинений. В 5 т. Т. 4. – М., 1956, с. 112. – Авторская дата – 1920. Первые публикации отдельных глав – с 1923.

[3] Спивак М.Л. Эдуард Багрицкий. Мемуары для служебного пользования, или Посмертная диагностика гениальности // Литературное обозрение. – М., 1996. № 5-6, с. 198-207; 1997. № 1, с. 34-60, 201. – Далее в прим.: Спивак, 1996; Спивак, 1997.

[4] Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы / Сост. Г.А. Морева; авт. ст. М.Д. Шраер. – СПб., 2000.

[5] Советские писатели: автобиографии. – М., 1966. Т. 3, с. 34.

[6] Там же, с. 36.

[7] Спивак, 1997, с. 51.

[8] Эдуард Багрицкий: альманах / Под ред. Вл. Нарбута. – М., 1936, с. 145-147. – Далее: Альманах, 1936.

[9] Блох С.Д. Материалы к библиографии изданий произведений Э. Багрицкого и литературы о нем // Филологический сборник Казахского университета. – Алма-Ата, 1974. Вып. 13-14, с. 14-16. – Блох Серафима Давыдовна летом 1968 приезжала из Москвы в Одессу для изучения материалов по «литературной Одессе». Сохранилось рекомендательное письмо Лидии Густавовны Багрицкой, вдовы поэта, к А.Ю. Розенбойму от 10 авг. 1968 с просьбой о содействии.

[10] Спивак, 1997, с. 50.

[11] Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы / Авт. вступ. ст. Е.П. Любарева. – М.; Л., 1964, с. 8.

[12] Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы / Сост., авт. вступ. ст. Л. Волгин. – М., 1987, с. 8.

[13] ГАОО, ф. 39. Одесский городовой раввинат. Оп. 5, ед. хр. 75, л. 377, об. – Публикуется впервые. Упоминания о метрике и подлинной фамилии Багрицкого имеются в статье М. Спивак. Впервые пришлось услышать о существовании метрической записи о рождении поэта в феврале 1969 года, в докладе краеведа Авраама Ааронович Владимирского (1910-1986) на заседании секции книги Одесского Дома ученых (Архив секции. Ед. хр. 3.1, л. 28. – Передан в ГАОО. Фонд С.З. Лущика), но опубликован документ не был. Беглая газетная информация о находке Владимирского появилась еще в 1966 году (Кноп О. Багрицький починався так… // Комсомольска іскра. – Одеса, 1966, 15 червня).

[14] Альманах, 1936, с. 145.

[15] Вся Одесса. Адресная и справочная книга всей Одессы с отделом Одесский уезд на 1914 год. Одесса, 1914. Разд. «Алфавитный указатель жителей», с. 135.

[16] Радзинский Станислав Адольфович (1889-1969) – писатель, драматург. Сотрудник одесских периодических изданий в 1910-е. Со второй половины 1920-х жил и работал в Москве; Соколовский Александр Саулович (1895 – после 1941) – одесский поэт. С 1920 в эмиграции. Жил в Бухаресте и Нью-Йорке.

[17] Спивак, 1996, с. 201.

[18] Ройтман А.Д. «В квартире Дзюбиных…». Рукопись, черновая, без названия. Одесса, 1985, 6 с. Публикуется впервые. Собрание С. Лущика. – Ройтман А.Д. (1908 – после 1985). Имя, отчество и год смерти не установлены.

[19] Советские писатели: автобиографии. – М., 1966. Т. 3, с. 35.

[20] Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы. – СПб., 2000, с. 256.

[21] Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы. – М., 1987, с. 6.

[22] Скуратов Б. Ранние годы // Альманах, 1936, с. 187-188. – Скуратов (Погорелер) Борис Борисович (1897-1975) – московский журналист; в юности – одесский поэт.

[23] Э-съ (Эскесс; Кесельман С.) Почтовый ящик // Крокодил. Одесса, 1912. № 17, апр., с. 8. – Кесельман Семен Иосифович (1889-1940) – одесский поэт.

[24] Агор М. Матовый фонарь // Молодой журнал. Одесса, 1913. № 1, янв., с. 33. – На протяжении книги транскрипция имени автора меняется трижды: «Максагор» на обложке; «Рассказ Макс-Агора» на с. 33 в заголовке; «Макс Агор» на с. 40 в подписи под рассказом.

[25] Агор М. Набережная: отрывок из рассказа «Старый дом» // Молодость. Одесса, 1913. № 1, апр., с. 8.

[26] ГАОО, ф. 10. Временный комитет по делам печати в г. Одессе. Оп. 1, ед. хр. 150, л. 7.

[27] Там же, л. 9-26.

[28] Розенбойм О. Перший псевдонім // Комсомольська іскра. Одеса, 1969. 8 липня, с. 3. – Розенбойм Александр Юльевич (1939-2015. – **Ред.**) – популярный одесский краевед, автор книг, статей, телевизионных выступлений (часто – под псевдонимом Ростислав Александров).

[29] Одесский литературный музей. Фонды. № КП-811; ПИ-688.

[30] ГАОО, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 134, л. 177.

[31] Аккорды. Одесса, 1913. № I. Стб. 9-10, 15-16. ~ Пагинация в издании не по страницам, а по столбцам набора, по два столбца на каждой странице. Стихотворению «Мечте» (стб. 15) предпослано: «Посвящается А. Э.», адресат не установлен; Аккорды. Одесса, 1914. № 2. Стб. 5-6, 7-10, 17-18.

[32] Блох С.Д. Указ. соч., с. 8; Русские советские писатели. Поэты: биобиблиогр. указ. Т. 2. – М., 1978, с. 202 (прим. 4), 212, 223.

[33] Парнис А. Голос времени: к 90-летию со дня рождения Эдуарда Багрицкого // Книжное обозрение. – М., 1985. № 44, 1 нояб., с. 16.

[34] Кремер Иза Яковлевна (1890-1956) – популярная певица, писала стихи. Эмигрировала, умерла в Аргентине; Биск Александр Акимович (1883-1973) –

поэт, переводчик, автор нескольких сборников стихов, изданных в Петербурге, Одессе, Париже. Эмигрировал, жил в Брюсселе, Нью-Йорке; Гольденберг Яков Маркович (1890 – конец 1960-х?) – поэт, сатирик. Печатался под многими псевдонимами, самые популярные – Яго и Яков Галицкий. В сентябре 1913 поселился в Одессе, после революции жил в Москве; Бобович Борис Владимирович (1896-1975) – поэт, журналист. Начинал в Одессе рядом с Багрицким, после революции жил в Москве.

[35] Розенбойм О. Перший псевдонім // Комсомольська іскра. Одеса, 1969. 8 липня, с. 3. – Розен Лев Абрамович (1894-1977) – других его публикаций в одесской периодике не обнаружено. С 1930 был доцентом Одесского художественного института, читал курс по истории театра (см.: ГАОО, ф. Р-499, оп. 1, ед. хр. 1737, л. 16). Работал также в Муздрамине, на радио. После войны возглавлял отдел культуры.

[36] Речь идет об альманахе «Шелковые фонари», который вышел из печати в марте 1914.

[37] Бобович И. Все, что память сберечь мне старается…: фрагменты воспоминаний. Ташкент, 1975, с. 32. Машинопись, 52 с. Собрание С. Лущика. Не опубликованы. – Бобович Исидор Владимирович (1894-1979) – участник пяти поэтических альманахов, 1914-1917. После окончания университета отошел от литературной деятельности, стал банковским служащим. Уехал из Одессы, жил в Средней Азии.

[38] Александров Р. [Розенбойм А.]. «Если отстоялось словом…» // Веч. Одесса. 1978, 9 сент., с. 4.

[39] Вся торгово-промышленная Одесса: адресно-справочная книга на 1914 год. – Одесса, 1914, с. 449.

[40] Альманах, 1936, с. 145.

[41] Блох С.Д. Указ. соч., с. 14.

[42] Desi. Вера Инбер. Бренные слова. Одесса.1922 // Театр. Одесса, 1922. № 2, 4 апр., с. 16. – Всего вышло 4 номера.

[43] Инбер В. Цветы на асфальте / Сост.: Е. Голубовский, А. Яворская. Одесса, 2000, с. 89.

[44] «Одессика» (Январь 1964 г. – декабрь 1973 г.): [указатель заседаний и докладов]. Одесса, 1978, с. 6, № 25. 16.V.1966. – О Владимирском см. прим. 13.

[45] Сосюра Б. Сокровищница истории и культуры // Знамя коммунизма. Одесса, 1966, 5 июня.

[46] Кноп О. Багрицький починався так… Про одну літературну знахідку // Комсомольска іскра. Одеса, 1966, 15 червня.

[47] Пильский П. Поэтам Одессы (письмо в редакцию) // Маленькие одесские новости. 1914. 27 мая (9 июня), с. 5. – Пильский Петр Моисеевич (1876-1941) – журналист, критик, автор нескольких книг и бесчисленного множества статей. Учился в Москве, жил в Петербурге, Одессе; летом 1920 бежал из советской Одессы через Днестр, поселился в Риге.

[48] Одесский «Парнас» // Одесский листок. 1914, 1 июня, с. 5.

[49] «Вечер поэтов» // Одесские новости. 1914, 12 (25) июня, с. 3.

[50] Единственные дошедшие до наших дней экземпляры программы и афиши сберегись в домашнем архиве участника вечера, поэта Семена Иосифовича Кесельмана (1889-1940). В середине 1960-х вдова поэта Милица Степановна Заркова (1896-1981) передала семейные бумаги автору данной работы. Они легли в основу некоторых публикаций, например: Лущик С. По следам старой афиши // Вечерняя Одесса. 1982, 27 января, с. 4.

Прим. ред.: В 2016 г. на основе этого архива была издана книга стихов и рисунков С. Кесельмана «Стеклянные сны» со статьей С.З. Лущика. Исследователь не успел завершить работу над книгой, и она вышла при участии Е. Голубовского, О. Барковской и А. Яворской.

[51] «Вечер поэтов» // Маленькие одесские новости. 1914, 17 (30) июня, с. 4.

[52] Катаев В. Встреча // Альманах. 1936, с. 171, 175; Катаев В. Встреча // Эдуард Багрицкий: воспоминания современников. – М., 1973, с. 50.

[53] Подробнее о 2-м вечере поэтов см.: Бобович Б. Начало Эдуарда Багрицкого // День поэзии, 1965: [сборник]. – М., 1965, с. 247; Александров Р. Театр на Большом Фонтане // Веч. Одесса. 1987, 13 июня, с. 4; Александров Р. Прогулки по литературной Одессе.– Одесса, 1993, с. 92-95.

[54] Багрицкий Э. Славяне. Враг // Южная мысль. Одесса, 1915, 22 марта, с. 4. – Оба текста перепечатаны в Альманахе 1936 года и в последующих собраниях стихотворений.

[55] Левин Ф. Встречи с Багрицким // Альманах, 1936, с. 375.

[56] Газета «Южная мысль» известила 6 апреля 1915: «Сборник на днях появится в продаже». В библиотеке В. Брюсова в Москве сохранился экземпляр книги с дарственной надписью авторов, датированной 8 апреля 1915 (см.: Парнис А. Голос времени // Книжное обозрение. – М., 1985. № 44, 1 нояб., с. 16).

[57] Отчет правления Одесского литературно-артистического клуба за 1916-й год. – Одесса, 1917, с. 11.

[58] Тамарин Н. Серебряные трубы. Стихи. – Одесса. 1915 г. Цена 75 к. // Библиотека театра и искусства: прил. к № 22 журн. «Театр и искусство». Пг., 1915. Кн. V, май, с. 21-22.

[59] [Кесельман С.]. «Оловянные дудки»: иллюстрированное издание для потомства. Рукопись. Бумага, тушь. 35,5×20,3 см. Собрание С. Лущика. Публикуется впервые. – Шаржи на поэтов: Г. Цагарели, Я. Гольденберга (Яго), Э. Багрицкого, Когана (П. Сторицына), И. Бобовича. – **Прим. ред.** см.: Лущик С.З. Чудо в пустыне. Одесские альманахи 1914-1917 годов // Дом князя Гагарина: сб. науч. ст. и публ. Вып. 3, ч. 1. – Одесса, 2004, с. 172-174 ил.; Кесельман С. Стеклянные сны. – Одесса, 2017.

[60] Багрицкий Э. Песенка Антуанетты: из интермедии «Медальон Антуанетты» // Южный музыкальный вестник. – Одесса, 1915. № 8-9, авг., с. 13-14. – В предыдущем номере журнала была напечатана похвальная рецензия на альманах «Серебряные трубы».

[61] [Объявление] // Южная мысль. – Одесса, 1915, 27 сентября, с. 1. – «Вышла в свет и продается в лучших книжных магазинах города книга «Авто в облаках». Известна рецензия на сборник в газете от 13 сентября.

[62] В частности, см. недавнюю книгу: Поэты, которых не было / Сост. И. Фоняков. – СПб., 2000, с. 61.

[63] Воскресенская Н. Хочется и колется!.. // Ежик в сметане. – Одесса, 1919, № 1, 4 апр., с. 3. – Эта публикация лежит за хронологическими рамками нашей работы, но все же коснемся ее вскользь, чтобы обратить внимание будущих исследователей. «Ежик в сметане» – сатирическая газетка, единственный номер которой появился 4 апреля (н. ст.) 1919, в день очередной смены властей в Одессе, когда уходили французские войска и пришли «красные». Текст, подписанный Н. Воскресенской, – рифмованная агитка, нарочитое подражание Маяковскому – грубый выпад в адрес журналистов и редакторов местных газет предыдущего периода. С насмешкой упомянуты многие известные уважаемые фамилии. Текст агитки четко совпадает с позицией Багрицкого в скандале, разыгравшемся неделю спустя, 11 апреля. Скандал этот подробно описан в дневнике В. Муромцевой, очерке И. Бунина «Волошин», воспоминаниях А. Биска, упомянут в «Записках о гражданской войне» и «Траве забвенья» В. Катаева. Приводим цитату из рукописи воспоминаний Биска, мало известных широкому кругу читателей: «Багрицкий был безудержный талант; в жизни это был форменный хулиган. Когда ушли первые большевики, он, в качестве освободителя города, ходил по Дерибасовской с винтовкой через плечо. Но когда в марте 1919 г. большевики воцарились вторично, на 4 месяца, Багрицкий сменил вехи. <…> Мы решили учредить Профессиональный союз литераторов. <…> Председателем был выбран старый уважаемый литератор, редактор журнала «Театр и искусство» Кугель. И вот произошла отвратительная сцена: как только Кугель начал говорить, Багрицкий прерывает его истерическим криком: «Зачем вы посадили сюда эту старую ворону, дайте дорогу нам, молодым» (Биск А. Одесская литературка / Публ. Е.Л. Яворской // Дом князя Гагарина: сб. ст. и публ. Одес. лит. музея. – Одесса, 1997, с. 150).

[64] Первая годовщина «Южной мысли» // Южная мысль: ил. прил. – Одесса, 1912. 1 сент., с. 1-4.

[65] Бобович И. Все, что память сберечь мне старается…: фрагменты воспоминаний. – Ташкент, 1975. Машинопись, с. 23. – Собрание С. Лущика.

[66] Южная мысль. – Одесса, 1915. 25 дек.: [Рождественский номер], с. 2.

Мечте

Посвящается А. Э.

Я сплету венец свой нежный из играющих снежинок,
Из пушистых, нежно-томных, как сверканье серебра…
Я одену твои кудри тонкой сетью паутинок
И рубинами, что ярче света алого костра…

И лишь только повернешься и встряхнешь слегка кудрями…
Загорится, замелькает эта дивная роса…
Загорится, заиграет нежно-рдяными огнями,
И закрою я от страсти заблестевшие глаза…

Из души своей возьму я луч поэзии священный
И с улыбкой нежной брошу в твою мраморную грудь…
И он вспыхнет, загорится точно солнца луч нетленный…
И проложит прямо к сердцу свой звучащий нежно путь…

Ты предстанешь предо мною, точно зорька молодая,
Золотая, огневая, в вечно-дивной красоте…
И к ногам твоим я брошусь, умирая и рыдая,
Припаду, забудусь нежно, все отдам своей мечте…

Дези

Аккорды. – Слишком много в сердце песен,

Слишком мало в сердце струн…

Одесса, 1913. № 1. Стб. 15-16

Розы

Страстью опьяненные, нежно благовонные,
Тихие и сонные
Розы наклонились…
Гордые, прекрасные, ярко-ярко красные,
Как вакханки, страстные
Солнцу дня раскрылись…

Смотрят, удивленные, светом изумленные,
Смотрят, полусонные,
В синеву небес…
Ветерок с улыбкою, нежною и зыбкою,
Напевает скрипкою
Сказочку чудес…
Даль горит опалами, чистыми кристаллами,
Красными кораллами
Розы расцвели…
Над травой томление, шорохи и пение,
Да лучей горение
В радостной дали…
Росы серебристые, как алмазы чистые,
Как огни лучистые
В нежных розах спят…
Мотыльки огнистые, нежно-золотистые,
Бросив дали мглистые,
Над травой летят…

Эдуард Д.

Аккорды. Одесса, 1913. № 1. Стб. 9-10

Лунные цветы

В лунном сияньи есть очертанья
Бледных увядших цветов…
Все побледнели, все онемели
В лунном сиянии снов.
Вот орхидеи, будто злодеи,
Смотрят в зловещую мглу,
Томно склоняясь, в ночь удаляясь,
Гимны поют они злу…
Бледны и странны, смотрят тюльпаны,
Свившись, как змеи, в борьбе…
Запах могилы, темные силы,
Цвет их подвластен Судьбе…

Грустны и жалки, шепчут фиалки.
Тихо, покорно глядят…
В вечном покое, гордо левкои
В ночь устремляют свой взгляд.

Desi

Аккорды. Одесса, 1914. № 2. Стб. 5-6

Поэт

Ты родился в сверкающий день…
Солнце ярким шаром огневело,
Только в нишах суровая тень,
Как преступник, сжимаясь, темнела…
В твое тело вонзило лучи,
Точно иглы, могучее солнце, –
Как порывы любви, горячи,
Они тихо проникли в оконце…
Над кроваткою нежно склонясь,
Солнце дивные сказки шептало…
Даль горела, в лучах золотясь,
Даль рубинами ярко сверкала…
Солнце пело о дивных мирах,
О сплетеньях планет златоцветных,
О воздушных лазурных морях,
Об улыбках призывно-ответных.
И ты вырос средь многих – один,
С светлым духом, с сияньем во взоре…
Ты – титана горящего сын,
Твое сердце – безбрежное море…
Ты напевы о солнце слагал –
Песни страсти волшебные клики…
И титана горящий металл
В твои очи отбрасывал блики…
Ты о море бушующем пел,
Пел приливы его и отливы.

И твой голос, как арфа, звенел,
В нем на диво звучали извивы…
И лазурные волны сплелись,
Светозарный шатер образуя…
В нем опалы огнями зажглись
И в него ты вошел, торжествуя…
Твой же дух стал лучом золотым,
Стал лучом пламезарного Феба,
Вздохом ветра, огнем неземным,
Тихой сказкой лазурного неба…

Эдуард Дзюбин

Аккорды. Одесса, 1914. № 2. Стб. 17-18

Приложение

А.Д. Ройтман

[Отрывки из воспоминаний]

В квартиру Дзюбиных (тогда еще псевдонима не было) я вошел первый раз в 1914 году, когда мои родители переехали в Одессу из местечка Михайловка (Гросулово), в возрасте 6 лет. Квартира эта находилась на Ремесленной улице, № 4 (Осипова). Бельэтаж правого дворового флигеля. Несмотря на то, что я еще был ребенок, но в моей памяти запечатлелась вся внутренняя обстановка квартиры. Большой массивный буфет, стоящий с левой стороны, с мраморной доской и двумя львами, поддерживающими верхнюю часть темно-вишневого цвета. Огромное зеркало с правой стороны в золоченой раме между оконными проемами и ломберный столик под ним. В середине комнаты обеденный стол с висящей над ним керосиновой лампой под молочным абажуром.

Смежная комната Эди, тахта с ковром и клетки с птицами. Эти клетки были размещены по всей высоте всех трех оконных проемов. Внизу на подоконниках – аквариумы с рыбами. Тут же, как сейчас помню, книги Брэма – животный мир. Птицы, рыбы были тогда и в последующей жизни [ее] составной и неотъемлемой частью. Астма, которой он болел с детства, уже начинала прочно

давать себя чувствовать. Кормление всей проживающей в квартире живности, хоть и малогабаритной, забирало очень много времени, кроме того, что корм нужно было еще добывать. Если всякая крупа и конопля могла быть куплена, то за дафниями нужно было отправляться к канавам Хаджибея и там их вылавливать.

Вспоминая об Эде, необходимо упомянуть о наших родственных отношениях. Наши матери – родные сестры. Ида Осиповна Дзюбин, урожденная Шапиро, – мать Э. Багрицкого; Полина Осиповна Ройтман, урожденная Шапиро, – моя мать. Так что Э. Багрицкий приходится мне двоюродным братом со стороны матери.

Отец Багрицкого Г. Дзюбин среднего роста, довольно полный, отличался исключительной воспитанностью и добрым характером. Жизнерадостный, приветлив, всегда его разговор отличался юмором. Вот таким он остался в моей детской памяти; я помню, что он тогда работал, так говорили в семье, у Пташникова – приказчиком. Это торговая мануфактурная: фирма. <…> Смерть отца, 1918 г., унесла все благополучие семьи, одновременно совпавшая с революцией. Я не помню отъезд Багрицкого на персидский фронт, но приезд его мне запомнился привезенными чувяками, расшитыми золотом. Это был 1918 г. В это время в их квартиру вошла Лида – Лидия Густавовна Суок, ставшая женой Багрицкого. <…>

Тяжелые революционные годы и меняющаяся власть в городе не давали возможности общения с братом, учитывая еще разность в возрасте: 1895 – 1908, [не] оставили в памяти подробностей жизни Эдуарда. В 1922 году мать Багрицкого, сестра моей матери, переезжает на постоянное место жительства в нашу семью. Мы жили тогда на Новобазарном пер., 3. Комната тети была обставлена всей той мебелью, которая была на Ремесленной, 4. В нашей семье мать Багрицкого прожила до своей кончины [в] 1939 г. Одновременно с переездом к нам матери Эдуард переезжает в Лермонтовский переулок. Угловой дом, Лермонтовский и Белинского. Квартира находилась в глубоком подвале, окна которого были ниже уровня земли. Чем был вызван этот переезд, и с таким контрастом – благоустроенная квартира на Ремесленной в бельэтаже на глубокий подвал, сейчас припомнить не могу. В этом подвале на Лермонтовском в 1922 г. родился Сева – Всеволод Багрицкий.

Летом, как мне вспоминается, этого же года Сима Суок, жена Нарбута Владимира Ивановича, забрала Багрицких к себе в квартиру, но из-за отсутствия свободной жилой площади получился второй контраст, Багрицкий с пополнением семейства разместился на антресоли, высота которого не превышала 2-х метров при площади этого антресоля около 7 м^2, ну, об обстановке рассказывать нечего. Тахта, коляска для ребенка и стул. Ко всему этому нужно прибавить ужасную нужду, когда еле-еле сводили концы с концами. Квартира, о которой я пишу, находилась на ул. Подбельского, 40 (Коблевская), левый дворовой флигель, третий этаж. На Подбельского Багрицкий прожил недолго, т. к. вскоре переехал на Дальницкую, № 3, внутри двора, противоворотный флигель, второй этаж. Это была нормальная благоустроенная квартира из двух комнат. Комната, окна которой выходили во двор, была полностью отдана птицам. По стенам и в оконном проеме висели в несколько рядов клетки. <…> Тяжелая материальная жизнь, астма, которая почти никогда не оставляла его, восполнялась природой дома. <…>

В последний раз я видел Эдуарда в 1924 г., когда он пришел к нам прощаться с матерью и нами. <…>

12.10.1985 г.

Перепечатано с оригинала рукописи. Опущены фрагменты текста о сестрах Суок, о птицах, о посещении опустевшей квартиры Багрицких в Москве в 1938 г. Текст не редактирован, лишь проставлены необходимые знаки препинания. – **С. Лущик.**

Подготовила публикацию Ольга Барковская

Лев Межберг

Международный фестиваль «Эльба – музыкальный остров Европы»

Путевые очерки и мысли

Предисловие редактора

Рукописный текст очерков Льва Межберга передала мне Ася Межберг (прямая наследница Льва Межберга) для пополнения информации о его жизни и творчестве.

Еще при жизни Л. Межберг был признанным в мире художником. Его работы были представлены на многочисленных выставках, и сейчас находятся в музеях и многих частных коллекциях. Недавнее представление его работы домом Сотбис в Нью-Йорке успешно завершилось в октябре 2018 г.

Михаил Шемякин отметил творчество Льва Межберга, назвав его «лучшим колористом в современной мировой живописи».

Л. Межберг посетил 4-й фестиваль в 2000 году, еще до его переезда в 2001 году из Нью-Йорка в Каррару, Италия, где успешно работал еще шесть лет. Фестиваль на Эльбе – одно из самых престижных музыкальных событий Европы. Он был основан в 1997 году Георгием Эдельманом и Юрием Башметом, выдающимися музыкантами, с которыми Л. Межберга связывали давние дружеские отношения. Вскоре к фестивалю присоединились и другие музыканты с мировым именем: Гидон Кремер, Марио Брунелло, Виктор Третьяков, Юто Уги и многие другие, упомянутые Л. Межбергом в очерках.

Хотя адресат не указан, эпистолярный стиль очерков подобен тому, в котором Лев Межберг в 1973 году писал мне и своим друзьям письма из Италии о базиликах, храмах и площадях Рима. Такой стиль помогает ему выразить свой внутренний мир в непринужденной форме. Красной нитью очерков проходит мысль о единстве и взаимопроникновении таких искусств, как живопись, музыка и поэзия.

Музыка всегда была частью живописи Л. Межберга. Так, его выставки в Сан-Франциско и Нью-Йорке в 2005-м году проходили под девизом «Запомненная музыка». А известный искусствовед Dr. Jean Audigier назвал его натюрморт с фонарями и бутылками «Живописная соната».

В очерках есть многочисленные воспоминания и размышления о живописи и музыке в виде коротких эссе. Мысли автора нередко возвращаются к малоизвестным деталям его путешествий и биографии. С особым увлечением и благоговением Л. Межберг пишет о творчестве Леонардо да Винчи и активно полемизирует с З. Фрейдом и Д. Мережковским по поводу их произведений, полагая, что гений Леонардо недопонят ими.

Очерки позволяют, с одной стороны, понять творческую позицию Л. Межберга как неоценимый вклад в эстетику живописи, а с другой стороны – как промежуточные итоги его творческой жизни.

В печатный текст очерков внесены номера частей, соответствующих последовательности поездок, концертов, размышлений и воспоминаний, которые приведены ниже.

1. Прибытие в Италию.
2. Путь из аэропорта в город Пьембино.
3. Путь из Пьембино паромом на Эльбу.
4. Прибытие на Эльбу.
5. Первый концерт фестиваля.
6. Впечатления от первого концерта.
7. Концерт на острове Марчиана-Марина.
8. Воспоминания и размышления о фестивале.
9. Об искусстве этрусков.
10. Об искусстве Рембрандта.
11. О Леоше Яначеке и Гие Канчели.
12. Концерт 14 сентября.
13. На острове Корсика.
14. На острове Делос.
15. Возвращение на Эльбу.
16. Последний концерт и возвращение в Америку.

Редактор, подготовивший рукопись к публикации,

Илья Молодецкий

Музыку можно назвать сестрою живописи.
Леонардо да Винчи

1. Италия. Рим. Аэропорт Леонардо да Винчи. Такого голубого неба я давно уже не видел. Металлические конструкции излучали и отражали свет так, что все вокруг озарялось каким-то необыкновенным светом. Самолеты садились и взмывали в лазурь. Я подумал, что если бы Леонардо да Винчи ожил и посетил этот аэродром, он был бы внутренне удовлетворен и прошептал бы про себя: «Я все это предвидел в своих чертежах». Он изумился бы только своему памятнику, хотя нашел бы его достаточно выразительным. Я направлялся на международный музыкальный фестиваль на остров Эльбу. Около часа я в условленном месте ожидал людей, которые должны были меня встретить. Я уже забеспокоился и начал звонить, но у меня ничего не получалось.

На помощь мне пришел католический священник и еще один итальянец. Они суетились, самоотверженно старались мне помочь, одновременно предупреждая меня, чтобы я следил за багажом. Сколько доброты и желания помочь они проявляли! Вдруг появился человек с табличкой: «Межберг – Эльба». Священник моментально подвел его ко мне, и мы тут же обнялись и познакомились: «Джузеппе – Лев». Он совершенно не знал английского, а я едва знал 20 слов по-итальянски, но мы каким-то образом понимали друг друга. Путь на Эльбу протекал через всю западную часть провинции Тоскана к городу Пьембино, откуда на Эльбу плыл громадный паром «Моби Дик». Я сел рядом с шофером, пристегнул себя ремнем, протер большое стекло автомобиля, и мы двинулись в путь.

2. Я еще долгое время был под впечатлением памятника Леонардо да Винчи. Сколько замечательных вещей сделал этот человек: художник, скульптор, анатом, врач, ученый, инженер, изобретатель, архитектор, музыкант, композитор – сочинитель мадригалов, певец, преподаватель пения. Я сказал об этом моему итальянцу, и он сразу мне напомнил еще несколько имен: Джезуальдо Ди Веноза, Монтеверди. Тут начался наш разговор длиною во всю западную часть Тосканы. При этом он все время улавливал, что я глазами пристально впитываюсь в пейзаж, улыбался и, поправляя очки, произносил

звучно и музыкально: «Мольто белло». Он подробно (вероятно. – **Ред.**) говорил мне о местности, через которую мы проезжали. Я любовался пейзажем и продолжал думать о Леонардо.

Перед отъездом я прочел работу Зигмунда Фрейда «Леонардо да Винчи. Воспоминания детства». Фрейд пишет, что «он был высок, строен, прекрасен лицом и необыкновенной физической силы, обворожителен в обращении с людьми, хороший оратор, веселый и приветливый. Он и в предметах, окружающих его, любил красоту, блестящие одежды и ценил утонченные удовольствия». Я еще добавлю: он виртуозно играл на изобретенном им инструменте типа лютни, он не ел мяса, покупал птиц, чтобы выпустить их из клетки, считал человека самым кровожадным и злым, более чем дикие звери. Он предвосхитил Бэкона и Коперника.

Фрейд упрекает Леонардо, что его работы были всегда незаконченными. Фрейд утверждает на основании психоанализа, что на всю жизнь Леонардо отложили отпечаток раннее половое созревание и необыкновенная любовь матери к нему.

Мы знаем, что Леонардо был незаконнорожденный. Отец подгулял его с молодой, красивой, крепкой деревенской девушкой. Потом, позже, через суд Леонардо снял с себя бремя незаконности. С матерью он был года четыре, потом его отдали в семью отца. Через всю работу Фрейда проходит мотив его ранней сексуальности, затем – отхода от чувственного и проявление гомосексуальности, задержки в сексуальной жизни Леонардо и его художественной деятельности. Еще он пишет о легенде с коршуном, хвост которого был как бы половым органом и касался уст младенца. Эта навязчивая идея проходит через всю работу. Вот что пишет Фрейд: «Его незаконное рождение устраняет его почти до пятого года от влияния отца и представляет нежному попечению матери, для которой он являлся единственным утешением. Заласканный ею и благодаря этому преждевременно сексуально развившийся, он неизбежно должен был вступить в фазу инфантильной половой деятельности». И далее: «Влечение смотреть и знать возбуждалось его ранними детскими впечатлениями; эрогенная ротовая зона приобретает значение, которое сохраняется навсегда. Из позднейшего противоположного поведения, как, например, чрезмерной жалости к животным, мы можем заключить, что в этом периоде

детства не было недостатка в сильных чертах садизма». Мне думается, что Фрейд по своей природе был человеком не тонким, возможно, даже грубым. Большей частью в своих размышлениях он исходил из воспоминаний о своих личных переживаниях. Все же у него кишка была тонка, чтобы постичь Леонардо.

Иногда Фрейд для утверждения своих мыслей приводит цитаты Мережковского. Я читал роман Мережковского о Леонардо. Очень много интересных новых слов. Мережковский провел большое исследование жизни Леонардо, но творчества его не постиг. Он, как и многие другие, не знал грамоты живописи, этой сложной науки, которой надо учиться с детства. Он был человек умный, образованный, но не талантливый, а чтобы постичь Леонардо, надо иметь от природы что-то, пусть маленькое, но адекватное этому могучему таланту. Конечно, Леонардо, прежде всего, был живописцем. Он тонко чувствовал цвет, гармонию, линию. Много знал, писал трактаты, суждения о живописи, скульптуре, анатомии, о всей человеческой деятельности. Но он часто предупреждал художников – живописцев, что слишком большое знание анатомии может повредить. Его воспаленные мозги не всегда придерживались правил техники. Он мог писать по свежей штукатурке масляными красками.

Между тем перед глазами пролетал пейзаж Тосканы, тот пейзаж, который был на заднем плане работ Леонардо. Он ничего не придумывал, он переносил этот пейзаж на холст трогательно и нежно. И удивительно: с тех пор пейзаж не изменился, я как бы смотрел его глазами. Потом я опять впал в размышления. Старость он провел в эмиграции и умер на руках французского короля Франциска I, при открытых окнах, где через чудесный сад виднелась река Луара, а с противоположной стороны был виден ее приток. Да, это, пожалуй, одна-единственная работа Фрейда, где он, несмотря на свойственную ему напористость и уверенность, иногда дает «задний ход», понимая в глубине своего сознания, что он слишком мал перед этим гениальным монументом: «Так как художественное дарование и работоспособность тесно связаны с сублимацией, то мы должны прибавить, что и сущность художественной деятельности также недоступна для психоанализа». Так неожиданно выпрыгнула эта фраза из Фрейда.

Только Микеланджело мог посмеиваться над неумением, вернее, нежеланием придерживаться техники фрески, неумением сделать каркас для скульптуры. И он имел на это право, ибо был равен Леонардо. Известно, что у Микеланджело был роман с Викторией Колонной, и что, когда он работал, он часто имел связь с первым, кто ему подвернулся: будь то девушка, приносившая еду, или юноша, растирающий краски. Леонардо же однажды попал под подозрение, рисуя модель – мальчика с плохой репутацией. Расследование закончилось оправданием. Будучи взрослым и знаменитым мастером, он окружал себя очень красивыми юношами, они учились у него, но настоящими художниками никогда не стали.

Леонардо был врач и анатом и боялся подхватить венерическую болезнь. Но со служанкой, опрятной и красивой деревенской девушкой, которая за ним смотрела, у него что-то было… Такова молва. Конечно, он хотел все познать, любопытству его не было предела. Еще одна молва о детстве: когда он учился у Верроккьо, учитель имел с ним короткую связь – уж очень он был красивый мальчик и, безусловно, чувственный.

Мне кажется, что на этом весь его сексуальный опыт был окончен. Всю остальную жизнь он, очевидно, мастурбировал и сублимировался творчеством, размышлениями и напряженной работой своего могучего мозга. Я уже писал, что он был высокого роста, красив, опрятен. Мог часами сидеть перед зеркалом, приводя себя в надлежащий вид. Работал он медленно. Тайную вечерю писал три года. Монах этой церкви наблюдал за Леонардо, который вставал очень рано и работал от восхода до заката. Иногда простаивал перед работой несколько часов, размышляя. Каким-то чудом эта фреска сохранилась. Даже когда в церковь во время второй мировой войны попала бомба, стена с фреской осталась нетронутой. На фреске были наслоения многих лет. Сейчас ее отреставрировали, и остались легкие напоминания о фреске. При жизни он написал еще одну фреску, но она обвалилась. Из-за неумелого каркаса погибла его скульптура коня. Погибла и еще одна фреска – с изображением битвы. Остался картон, скопированный Рубенсом. Многие детали этого картона, и особенно рисунок коня, стали эталоном для многих поколений художников, в том числе и Рубенса, и Веласкеса.

Фрейд замечает, что развитие Леонардо приближалось к мировоззрению Спинозы, хотя тот жил позже. Леонардо как бы предвосхитил всем своим творчеством философию Великого Амстердамца, изгнанного общиной за свободную мысль. Леонардо был совершенно свободным человеком и в творчестве, и в размышлениях. Он многое предвидел. Писал, что «мудрость есть дочь опыта». Или: «Истина была единственной дочерью времени». И еще: «Несправедливо жалуются люди на бег времени, виня его в чрезмерной быстроте и не замечая, что протекает оно достаточно медленно. Ведь хорошая память, которой нас одарила природа, делает то, что всякая давно минувшая вещь кажется настоящей».

Мы остановились. Мой итальянец предложил мне отдохнуть и подкрепиться.

Дорожная харчевня с заправочной станцией и стоянкой для автомобилей была маленькой, неприметной. Под навесом сидели девушка с парнем и пили кофе. Итальянцы всегда очень приветливо здороваются. Мы сказали: «Бонжорно», – и ребята радушно нас поприветствовали. Мы сели на противоположной скамейке и приступили к своей трапезе. Я ел и запивал оранжадом. Это навеяло мне воспоминание о Риме, лете 1973 года, когда мы жили там четыре месяца.

Отдохнули и поехали. Леонардо меня не оставлял. Конечно, он был один из первых людей своего века, и прежде всего, он был великим живописцем. Фрейд же был ученым, доктором, психологом; но наука и художественное творчество стоят на разных полюсах. Это – как люди, говоря на разных языках, не понимают друг друга. Фрейд много пишет о загадочной улыбке Моны Лизы, о «Святой Анне втроем» («Богоматерь с Младенцем и святой Анной») и о ряде других картин с загадочной улыбкой. «Святая Анна втроем», пожалуй, не лучшее произведение Леонардо. Фрейд никогда не пишет о специфике пластического искусства, о цвете. Уже тома написаны об этой полуулыбке, и все это изрядно надоело. Но все забывают о его шедеврах: «Джиневра де Бенчи», «Дама с горностаем», рисунки, картоны, гризайли сепией.

Я никогда на променял бы работы Леонардо на все теории Альберта Эйнштейна, при всем уважении к последнему. Он создавал

теории, которые поставили человечество на грань гибели, заставили людей содрогнуться при мысли, что наш изумительный голубой шарик в один солнечный день превратится в безжизненную пустыню. Любопытно, что люди выбрали его Человеком XX века. Разрушители почему-то всегда популярней созидателей. Возможно, разрушить легче, чем создать. В первых рядах знаменитых людей XX века нет ни Сезанна, ни Руо, ни Боннара. Нет Кафки, Музиля, Шостаковича, Чаплина, Армстронга, Прокофьева, Рильке, Мандельштама, Виго, Карузо, Феллини, Ахматовой, Куросавы, Плисецкой, Яши Хейфеца, Гилельса, Марини, Ойстраха, Пруста, Мильштейна, Борхеса. Нет гениальных философов – Симоны Вайль и Эдика Зильбермана. Нет Фалька, Фруминой, изумительного Томаса Вулфа, нежного Параджанова, Джильи, Тебальди, тонкого и небесного Моранди, трагической Цветаевой.

Я еще не упомянул воздушного Яначека, Тосканини, Барбера, Ч. Айвза, Грэма Грина, Платонова и Бабеля, ранимого Зощенко, Стравинского, грустного Набокова. Мой список можно было продолжить. Был еще необычайно одаренный от природы человек Пабло Пикассо. Он приехал в Париж в надежде продолжить великую живопись. Очень удачно начал, но к тридцатым годам надломился. Общество, состоящее из разрушителей, его уработало.

В начале века появилось такое слово: «авангард», и оно стало самым сладким, желанным, завораживающим. Оно возносило людей на небеса, дурманило, усыпляло, вводило в трансцендентное состояние, окрыляло. Еще бы! Разрушить все старое. Быть впереди всего человечества. И тут начался великий эксперимент. От старого тела отняли лицо, затем мышцы, остались одни кости. А потом уничтожили и кости. Не оставили даже рожек да ножек. Первые разрушители были, в общем, люди порядочные. Жили скромно, даже голодали. Среди них были настоящие таланты. Они искренне воспевали большевистский путч 1917 года. Родченко, Татлин, Лисицкий. Татлин даже создал башню – апофеоз III Интернационалу, а Лисицкий – плакат: «Клином красных бей белых». Все это, в общем, было оформительским искусством, не более. К концу XX века его реанимировали, трупу всадили несколько уколов в виде громадных капиталовложений. Ладно об этом, все имеет начало и все имеет конец.

3. Я немножко вздремнул, машина меня укачала. Сон длился минут 15. Вдруг я открыл глаза и увидел старый итальянский город, разместившийся на вершине горы. Он своим светом, тенями, цветом создавал такое наслаждение для моих глаз, что они начали писать этот мотив. Уже давно я решил для себя, что когда-нибудь погружу в машину этюдник, холсты, альбомы и отправлюсь по Италии писать эти городки и их центральные площади. Между тем мы приближались к городку Пьембино. Перед нами развернулся индустриальный пейзаж, довольно строгий и живописный на фоне этой нежно-охристой теплой природы. Еще один замечательный мотив с необыкновенными оттенками: от пепельно-серого до иссиня-черного, со строгой конструкцией и на фоне моря, напомнивший мне пейзаж из моего окна с видом на Пересыпь.

Миновав индустриальный пейзаж, мы въехали в город Пьембино и оказались на площади перед открытым ртом парома, который уже поглотил автобусы, траки, машины, а через несколько минут поглотил и нас. Мы вышли из машины и по узкой металлической лестнице взобрались на верхнюю палубу, отыскали место в тени, пристроились на скамейке, и тут же паром мягко отчалил.

Опять в голову лезли мысли о Леонардо и опять, как навязчивая идея, не оставляла меня работа Фрейда. Интересно, что в конце он признается: «вытеснение после первого эротического детского удовлетворения не должно было необходимо наступить; у другого оно, может быть, не наступило бы совсем, или выразилось бы в гораздо меньшей степени. Мы должны признать здесь известную долю свободы, которая не может быть предсказана психоанализом». Повторю еще раз его мысль, ибо это очень важно для художников и для всех творческих людей: «Так как художественное дарование и работоспособность тесно связаны с сублимацией, то мы должны прибавить, что и сущность художественной деятельности также недоступна для психоанализа».

Я много читал Зигмунда Фрейда, со многим спорил и не соглашался. Мои мысли поддерживали такие люди, как Набоков и Джойс. С другой стороны, мой любимый Михаил Зощенко был под большим влиянием Фрейда. Каждый человек – частица природы, и все мы разные. Каждый пьет свое вино. На сей раз Фрейд показался мне несколько просветленным. Это, пожалуй, самая светлая работа Фрейда.

И, конечно, благодаря тому, что жил и творил такой гений, как Леонардо. Обычно Фрейд самоуверен и напорист. В этой же работе он сомневается, неудобно сидит на венском стуле и уже не чувствует себя пророком. Он не в состоянии потушить огонь и погасить кипящие мозги Леонардо да Винчи. Он создал только учение – маленькую речку, вытекающую из громадной полноводной реки психики человека.

Паром уже набрал скорость. Я взглянул на море, и все мысли покинули меня. Над головой неподвижно зависли чайки. Рядом с нами сидела девушка, профиль которой напоминал джоттовские фрески. И волосы такие, как у Джотто: рыжевато-золотистые. А потом я обнаружил, что весь корабль вышел из Джотто, Пьеро делла Франческо и Тициана. Конечно, больше внимания я обращал на женщин, на пышногрудых белокурых красавиц или шатенок с серо-голубыми глазами, на этих обладательниц замечательных фигур и носов, на чудесных детей. Мужчины итальянцы большей частью были бритоголовые. Почти у каждой женщины я увидел татуировки на плече, на ноге, над грудью. Масса всяких сережек – не только в ушах. Металлические предметы пронзают тело на всех участках, где угодно, и даже в носу, на языке, на пупке. Говорят, в интимных местах тоже бывают. Мода.

Так незаметно появились берега Эльбы, громадные охристые глыбы, подернутые дикой зеленью и увенчанные хвойными деревьями. Никаких признаков жизни не видно, кроме чаек. А вот и остров, который упоминается в «Графе Монте-Кристо». А вот и необитаемый островок с часовней и маяком. Неожиданно мы оказались в лагуне. Словно перевернули чистый лист перед началом какого-нибудь романа. Перед глазами предстал город на возвышенности. Светлые дома с шапками из оранжевой черепицы. Мы вошли в порт, где были пришвартованы громадные паромы, тихоокеанские прогулочные лайнеры, рыбацкие сейнеры, полицейские катера, яхты и парусники. Матросы нашего парома бросили концы, а внизу работяги насадили их на кнехты. Мы медленно пришвартовались.

4. Вот я и на земле легендарной Эльбы. Разгрузка произошла в течение нескольких минут, и мы снова в машине. Она сделала несколько кругов одностороннего движения, и мой итальянец до-

ставил меня прямо в театр, где должен был состояться IV Международный музыкальный фестиваль. Меня встретила Лена Эдельман и отвела на квартиру, буквально в пятидесяти шагах от театра. Я бросил свои пожитки, разделся и лег спать. Фестиваль начинался на следующий день. Так что я проспал весь вечер и ночь. Проснулся утром и обнаружил, что нахожусь в замечательной идеально убранной итальянской квартире. С иконами, свечами, религиозными и светскими картинами, со светлой кухней – мечтой, ибо моя кухня в Нью-Йорке без окна и, конечно, после моего беспорядка и моих животных – пруссаков – чисто, как в бывшей одесской аптеке Гаевского на углу Садовой и Дерибасовой. Я получал удовольствие, открывая окна, делая движение на себя, приспосабливая жалюзи. В едва проникающих солнечных лучах, мягко растворяющихся в комнате, я присел и включил свое маленькое радио. Так я стал обитать в итальянском доме, где был окружен всем итальянским. Я мог почувствовать себя итальянцем.

Мне всегда грезилось, что я когда-то жил в Италии и писал фрески за суп и крышу над головой. Что у нас была небольшая компания художников, и мы передвигались на осликах от одного города к другому. Завершал нашу колонну старенький лохматый ослик. Он был нагружен сухими красками, кистями, предметами для растирания красок, нашими зимними вещами и несколькими образцами икон. Так мне всегда представлялись художники доджоттовской и джоттовской эпохи. Все это происходило медленно, неспешно, и фрески делались основательно.

Сейчас и в самом маленьком городке или деревне сохранились необыкновенные церковные фрески. Уже никто не помнит имен этих художников, их могилок. Они стали безымянными гениями, но дух их творчества живет по сей день. Их кормили монахи, выделяя им место для ночлега в сарае с осликами. Они спали на сене. Утром, проснувшись, они умывались родниковой водой, приводили себя в порядок и долго молились перед началом работы. С ними всегда был человек, который замешивал штукатурку, и человек-плотник, который строил леса, то есть помост для работы. Очень интересно было взаимодействие между штукатуром и художником. Штукатур быстро наносил сырую массу на стенку. Художник прикладывал к ней заранее подготовленный рисунок, по всем

линиям проколотый иголкой. Затем сухой краской – охрой или цвета сиенской земли – они тамповали по контуру рисунка. Таким образом, они переводили на мокрую штукатурку точный контур и мгновенно начинали писать. Краска впитывалась в штукатурку на определенную глубину и засыхала вместе с ней на *многие времена.*

Иногда с фресками происходили чудеса. Фреска, написанная Чимабуэ, с годами превратилась в негатив, то есть света стали темными, а тени – светлыми. И никто не может объяснить этот эффект. Находится фреска в церкви Сан-Франческо. Она, конечно, завораживает, и голова кружится. Какие это были счастливые художники! Тогда не было ни «измов», рождающихся каждые две недели, ни капиталистического, ни социалистического искусства, ни музыковедов, ни искусствоведов. Художники просыпались с мыслью о предстоящей работе. По завершении фрески или картины они не думали, что о них напишет «The New York Times».

Гениально одаренный Пабло Пикассо приехал в Париж, полный надежды продолжить искусство Веласкеса, Гойи и покорить Европу. На первых порах ему это удалось. Он создал два замечательных, полных сострадания к людям цикла – голубой и розовый. Но в последующих своих поисках (исключая, правда, кубистический период) он стал медленно деградировать. В 1952 году он неожиданно увидел себя в зеркале и откровенно признался: «Начиная с кубизма и даже до этого я удовлетворял вкусы критиков. У меня в голове рождались разные идеи. Чем меньше критики меня понимали, тем больше я им нравился. В то время для меня было удовлетворением придумывать всякие безумные вещи, умственные игры. И я стал знаменитым и богатым. Но наедине с собой мне недостает храбрости думать о себе как о великом художнике в старом понимании этого термина. Джотто, Тициан, Рембрандт – они были великие художники. Я только развлекал публику, как фокусник, который понимал свое поколение. Мне очень больно говорить эти откровенные слова. Значительно больней, чем кажется. Но, с другой стороны, я говорю это искренне». Эту цитату перевел мой сын из статьи канадского автора Peter Worthington.

Конечно, это была трагедия необыкновенно одаренного человека. Хотя Пикассо пронес через всю свою долгую жизнь дар графика и рисовальщика, он во второй своей жизни утратил дар живописца.

Писал он по ночам, при электрическом свете, и результат был плачевный. Целые поколения художников подражали этому кошмару, игнорируя колорит, гармонию и все то, из чего состоит пластическое искусство. Правда, мне могут возразить, что он освободился от рутины, находил новые пути, исповедовал новое понимание красоты, предвосхитил новые направления. Да, он умел окружать себя поэтами, нужными людьми, модными левыми искусствоведами, а в итоге такое признание оказалось ему ненужным.

5. Вечером я отправился на первый концерт фестиваля. От моей квартиры это было метрах в шестидесяти – семидесяти. Я поднялся по довольно крутой лестнице, уложенной серо-розовым камнем и ведущей прямо к театру. Мне вручили абонемент на все концерты и определили место в первом ряду по центру. Нет, пожалуй, я все перепутал: это во второй день я пошел на концерт в театр. А в первый день концерт был в главной и самой большой церкви на острове, в самом центре главного города Эльбы – Портоферрайо. В первом отделении Юра Башмет исполнил «Чакону» Баха. Удивительно, как играет Башмет. Забываешь, что это альт. Звук – то красивый и мощный, то нежный и пронзительный – заполнял стены зала и уносился куда-то ввысь. Потом играл итальянский скрипач Уто Угги на волшебном инструменте Гварнери (по прозвищу дель Джезу) с потрясающим тембром – разнообразным, словно живой голос поразительной силы и сочности звука. Я бы сказал, что скрипки Страдивари, Амати, Гварнери создавались золотыми итальянскими руками и душой. Все, к чему притрагиваются эти руки, становится настоящим и одушевленным.

Я помню, в Венеции мне разрешили делать наброски в мастерской по изготовлению гондол. Я наблюдал, как мастер долго обрабатывал и ласкал борт гондолы. Он словно создавал скрипку. Форма гондолы так же совершенна, как форма скрипки. Ни одна посудина не держится на воде так уверенно, как эти черные красавицы.

Во втором отделении исполнялись кантаты Баха и его «Магнификат» для хора с солистами и оркестром. Я помню, очень давно, в пятидесятые годы, я читал книгу Альберта Швейцера о Бахе. Там он с восторгом писал о баховских кантатах. Я с завистью это читал, не имея никакой возможности услышать их в те годы.

Потом уже стали доходить до нас кантаты Баха на рентгеновской пленке и другая, не исполняемая в том государстве музыка.

А сейчас я с большим волнением ждал исполнения этих кантат и «Магнификата». Исполнение было чудом. Башмет – большой музыкант и изумительный дирижер. Все направлено на музыку. Его движения естественны. Он соединен с оркестром невидимыми нитями. Музыканты понимают его с полудвижения. Никаких эффектных дирижерских замашек. Он просто сливается с оркестром. Иногда в продолжение руки его торс сливается в одно единое наклонное движение, обращенное, скажем, к скрипкам; одновременно правая рука трепетно обращается к виолончелям. Его прочтение музыки всегда личностно. Он позволяет себе менять темп, тонко уходить от бит-ритма. Знакомое, казалось бы, играное-переигранное, у Юры всегда звучит по-новому. Я слушал одно и то же произведение, исполненное Башметом в разное время, и звучало оно всегда поразному. Его звуковая палитра неисчерпаема: от светлого нежного пианиссимо с тончайшими полутонами – до мощного фортиссимо. Я помню, в моем городе говорили об одном пианисте, что во время его исполнения в фортепиано была заложена бомба замедленного действия, которая должна была сработать на нюанс. Но бомба не сработала, ибо не было нюанса. Замечательно пел Кремлевский хор под руководством Дмитриака. Солисты: Корпачева, Кириянова, Ромашевская, Квастхов. Счастливый и одухотворенный музыкой, я вернулся к себе, долго думал и незаметно уснул.

6. Утром я просыпался рано и шел на море мимо дома Наполеона, спускался по узкой крутой лестнице прямо на пляж. Я всю доэмиграционную жизнь прожил на море. Человеку, жившему у леса, трудно понять человека, жившего у моря, и наоборот. Но все же, где бы ни жили люди, их всегда тянет к морю. Море завораживает, шепчет, рычит, врачует; у моря обретаешь второе дыхание, воздух наполняет легкие, вода будоражит, а солнце лессирует тело загаром. Так, с утра и часиков до трех-четырех я не мог оторваться от моря, такого цветного, чистого и прозрачного. Говорят, что на Эльбе – самая чистая вода на Средиземноморье. Затем я шел рисовать и писать. Потом подогревал и съедал итальянский суп минестроне и отправлялся на очередной концерт.

Было уже 6 сентября. В этот вечер в первом отделении баховскую сюиту для виолончели соло No. 2 играл Александр Князев. Князев, как и Башмет, – совершенно необычное явление на современном музыкальном небосклоне. (И также Женя Королев, Виктор Третьяков, Гия Канчели, о которых я напишу позже.) Природа наделила Князева всем: он виртуоз, у него потрясающий звук, собственное отношение к музыке, ему есть что поведать людям, все его существо пронизано музыкальностью, он играет на инструменте, на котором играл Станислав Николаевич Кнушевицкий, а до этого Григорий Пятигорский. В мире мало сейчас таких виолончелистов.

Во втором отделении играли Шуберта. Словами невозможно передать очарование музыки Франца Шуберта. Это что-то надземное. Любые самые возвышенные слова о музыке или о живописи не в состоянии передать этот разговор с Богом. Слова могут создать свою музыку. Это удавалось, по-моему, Гоголю, Зощенко, Толстому, Платонову, Пушкину, Лермонтову, Мандельштаму, Беккету, Ахматовой, Цветаевой. Но для музыки Моцарта, Шуберта еще не найдены адекватные слова. Эта музыка – самый прямой и короткий путь к сердцу человека. Мы попадаем в другое измерение, мы перестаем ощущать вес собственного тела. Ноги отрываются от земли. Мы плывем.

Замечательный писатель Владимир Набоков признавался в полном отсутствии музыкального слуха. Набоков писал, что музыка «это произвольное сочетание звуков». Одновременно он приписал своему герою собственное признание о необходимости восприятия музыки, неоднократно высказываемое им в частных беседах, – так пишет о нем писатель А. Битов. И еще перл: «Если бы все умели читать ноты, представляете, какая царила бы в мире какофония». О какой музыке может идти речь для человека, лишенного музыкального слуха? Битов пишет: «Доказав миру, что он (Набоков) великий композитор в литературе, он оказался и величайшим исполнителем литературы, присоединив ее, таким образом, к своему творчеству». И далее: «Сочетание композитор-исполнитель и в музыке является достаточно редким: либо – либо».

Я должен возразить: Бах гениально играл на органе, Моцарт на клавесине, Бетховен на фортепиано, Шопен – гений фортепиано. Корелли и Альбинони были прекрасными скрипачами, Барток был пианистом, Боккерини играл на виолончели, Брамс – замечательно на многих инструментах, Букстехуде на органе, Клементи – пианист, Монтеверди – певец и скрипач, Паганини – гениальный скрипач, Рахманинов – пианист, Прокофьев, Скарлатти, Мендельсон – этот список можно продолжить. Все они были не только выдающимися композиторами, но и выдающимися исполнителями.

Еще из Набокова: «Бесполезно повторять, что создатели либретто, эти зловещие личности, доверившие «Евгения Онегина» и «Пиковую даму» посредственной музыке Чайковского» и т. д. Откуда Набоков знает, что музыка Чайковского посредственная? Даже в литературе ему иногда отказывал слух, и он не воспринимал истинной музыки. Так лермонтовскую «Тамань» он называет самым неудачным из всех его рассказов. Тут уж Владимира Владимировича понять трудно.

Помню, как на пароме я отправился через Керченский пролив в Тамань, этот «самый скверный городишко из всех приморских городов России». День был не просто жаркий, а палящий. Все плавилось под солнцем. Городка, собственно, не было. Была деревушка с белыми домиками, без единого человека. Только бедная лошадка, притулившись к теневой стороне дома, изнывала от жары. Я все же обнаружил человека, это был сапожник. Я зашел в его убогую мастерскую, поздоровался и спросил, куда подевались люди. Он объяснил мне, что народ встает в три часа ночи и работает до шести, а потом все прячутся по домам от жары. Я устроился под небольшим навесом и написал этюд Тамани, который храню по сей день. Городок был без зелени. Кое-где проглядывали выгоревшие кусты, покрытые пылью. Я медленно спустился к берегу Азовского моря, которое, в отличие от Черного, переливалось перламутром. Укрывшись в тени, я провел там остаток дня и поспешил на паром в Керчь. Людей, кроме сапожника, я так и не встретил. Не довелось «судьбе кинуть меня в мирный круг честных контрабандистов».

7. Фестиваль тем временем набирал силу. Следующий концерт должен был состояться в центре маленького уютного городка

на живописном берегу озера – Марчана-Марина. Я поехал на концерт в автобусе вместе с оркестром. Густой алый закат проглядывал через деревья, как через черные пайки-контуры просвечивается витраж. С наступлением вечера он растворился, и на зеленой короне заката появились звезды. К нашему приезду довольно большое количество людей собралось у церкви. Роман Балашов, альтист оркестра, расставил пюпитры. Я уселся в третьем ряду. Вскоре всю церковь заполнила публика. Я посмотрел назад и увидел, что большая масса людей столпилась в проходе и, растекаясь по всей площади церкви, приготовилась слушать музыку. В первом отделении оркестр исполнил переложение Г. Малера квартета Ф. Шуберта. Я заметил, как проникновенно, с полной отдачей оркестранты играли эту замечательную музыку. Башметовский оркестр состоит из молодых людей, каждый из которых – настоящий солист. Многие из них играли, не заглядывая в ноты.

Это было подлинное творчество, живописная картина, созданная во времени, которое выделил создатель для исполнения. Во втором отделении Юра Башмет солировал в концерте Телемана для альта с оркестром, и это было чудо. Сейчас это все можно записать на видео, и люди будущего смогут смотреть и слушать. А мы уже никогда не увидим и не услышим Баха, Моцарта, Шуберта, Паганини. Есть свидетельства того времени, и они очень красноречивы. Например, Генрих Гейне присутствовал на концерте Никколо Паганини и писал: «Паганини так играл, что мясники, сидевшие в заднем ряду, – плакали».

Затем Башмет с оркестром исполнил «Серенаду для струнного оркестра» Петра Ильича Чайковского. Это, пожалуй, одно из самых трогательных его сочинений, и очень часто исполняется. Оркестр Башмета играл ее сто раз, а может, и больше, но это не чувствовалось. После исполнения зал стоял «на ушах». Глаза музыкантов светились счастьем. Юра – усталый, весь отдавший себя музыке, взмокший – низко кланялся благодарным итальянцам. Я как-то прочел в русской газете высказывание одного сноба, что, мол, Бах – это композитор, а Чайковский – поверхностная музыка. Да их нельзя сравнивать, они совершенно разные, и каждый по-своему гениален. Шостакович, идущий от Малера и Мусоргского и совершенно не похожий на Чайковского, писал: «Я лично совершенно убежден

в исключительном значении, которое имеют для современного оркестрового мышления партитуры Чайковского…».

Любая опера, любая симфония – это образец того, как нужно использовать средства симфонического оркестра. Роль русских музыкантов в истории музыки послебетховенского симфонизма, разумеется, не исчерпывается достижениями в узкотехнологической области. Эпоха симфонизма, начатая Бетховеном, дала человечеству таких поразительных музыкантов, как Берлиоз, Лист, Вагнер, Малер. Но именно русскому композитору-славянину принадлежит честь быть истинным продолжателем Бетховена. Философскую углубленность бетховенского симфонизма Чайковский дополнил той страстностью лирического высказывания, той степенью конкретности в выражении самых сокровенных человеческих чувств, которые сделали симфонию – сложнейший жанр музыкального искусства.

Дочка моего друга Гии Канчели порекомендовала мне пляж по левую руку от театра. Нужно было подняться по моей лестнице, пройти вдоль чудной, живописной итальянской улицы, миновать туннель и спуститься по узкой дорожке к подножью совершенно необыкновенной скалы. Она была цвета старой античной бронзы. Море еле пошевеливалось. Люди, безмятежно развалившись и сняв с себя все условности, загорали, плескались в воде, плавали. Я устроился у лестницы в тени и включил свой маленький приемник. Вдруг услышал знакомые голоса Саши Гениса и Соломона Волкова. На Эльбе, на другом конце света! Передача была музыкальная: музыка в жизни животных, или животные в музыке. Было очень приятно. Мой кот Муфочка, к примеру, присаживался перед холстом, когда я работал, смотрел, как я пишу, и слушал мой радиоприемник, настроенный на классическую музыку.

Море настраивает на размышления. Я вспомнил недавно слышанную оперу голландского композитора «Письма Вермеера Дельфтского». Из малоизвестной жизни этого необыкновенного художника мы знаем, что он дважды выезжал из родного Делфта: один день он провел в Амстердаме и две недели – в Гааге. В эти короткие отлучки он писал письма жене, служанке и натурщице, и они немедленно ему отвечали. Они все трогательно любили этого нежного, чистого и доброго человека, работы которого сообщают

нам о нем и его жизни значительно больше, чем биографические свидетельства. Очевидно, он учился у Фабрициуса (любимого ученика Рембрандта), рано погибшего при взрыве порохового склада в Делфте. Он был тонким художником и с потрясающим чувством композиции. Его композиция картины «Делфтский пейзаж» (с музыкальным инструментом) опередила идею композиции городского пейзажа на многие века вперед. Эта неповторимая работа – одно из украшений Лондонской национальной галереи.

Да, об этой опере. Музыка, на мой субъективный взгляд, – серая, невыразительная, глухая, героини поют голосами одинакового тембра.

А вот одежды, объекты, перешедшие с картин Вермеера, были трогательно хороши. Когда показали картину Вермеера «Молочница», артист провел живую корову по сцене. В России тоже практиковали выводить лошадей в «Князе Игоре», «Иване Сусанине». За неимением верблюдов в Большом театре, их не ввели в «Аиду» Верди. А вообще, можно себе представить вереницу верблюдов с восседающими на них египетскими воинами. Они проходят через сцену, удаляются за кулисы, делают круг за сценой и снова появляются перед зрителем, и так много раз. Впечатление грандиозное. Может даже затмить фанфары, исполняющие знаменитый марш.

Постановщик голландской оперы, режиссер Peter Greenaway – большой авангардист. Он отталкивается от коммерческого авангардного искусства, доживающего свой век. Создается впечатление, что ты побывал в сотнях галерей, где продолжают делать уколы трупам. А он производит реанимацию, вынося процесс на сцену. Помню оперу, где на бедную собаку сыпали с потолка что-то вроде муки. И этой грандиозной находкой завершалось представление. Все действие исполнители почему-то провели в воде арыка и в бочках по всей сцене. На поклон выходили иззябшие и мокрые. В моем городе мамаши кричали своим детям: «Нюсик, выйди из моря, перестань мочиться, чтобы у тебя все руки обсохли». Так я хотел крикнуть артистам, но все аплодировали и были счастливы. Ладно, забудем об этом. Перед тобой берег, камешки, вода прозрачная, как лессировочные краски. Скалы, небо Италии. Все естественно и загадочно. Вечером предстоит концерт, так что надо наслаждаться жизнью.

8. Дома я подогрел минестроне, поел, поработал. Почитал Андре Бергсона, идеи которого сводятся к тому, что лишь посредством интуиции, являющейся более совершенной и глубинной формой познания, можно постичь настоящую жизнь во всей ее полноте. Я давно заметил, что в искусстве соотношение интуиции и интеллекта – 51 к 49% соответственно – может создать настоящее произведение. Искусство может обнаружить в себе «второе мышление» и противостоять техническому и технологическому восторгу. Оно может идти параллельно Божественной природе, создавая свою природу. Ничего нового в этом нет. Многие это знают, но не многие претворяют в своих произведениях. Я читаю философскую литературу: в одно ухо входит, а в другое выходит, тут же забываю прочитанное. Но мозг во время чтения работает на предельных оборотах. Быстро, с ассоциациями и видениями, возникают картины, созданные памятью и давно улегшиеся в ее кладовых. Мозг, как и тело, требует тренировки. Количество знаний, информации, получаемые человеком, беспредельны. Но человеку творческому необходим отбор, ибо переизбыток знаний может повредить.

Меня всегда волновало, как человек создает музыку, как рождаются в его мозгу мелодии. Художник в своем творчестве отталкивается от природы и переосмысливает ее вот уже почти 40 тысяч лет. А от чего отталкивается композитор? Тоже от природы, которую он, наверное, может слышать глазами и видеть ушами? Существует очевидная общность между речевой интонацией и музыкой. Возможно, десятки тысяч лет тому назад речевая интонация породила музыку? Помню, в Италии, в городе Камерино, я писал этюд маленькой площади с фонтаном и тремя соснами. С полудня часов до пяти стояла жара, и площадь пустовала. К вечеру жара спала, и люди потянулись после дневного отдыха на площадь, подышать свежим воздухом. Они шли со своими портативными стульями, рассаживались в разных местах площади. С нее открывался вид на бесконечные поля и горы. На землю, которая культивируется уже три-четыре тысячи лет, где каждый клочок земли закончен и отшлифован, как бриллиант.

Люди – в основном, пожилые – облюбовывали себе места и начинали переговариваться разными голосами, разными тембрами. Кто-то из одного угла площади обращался к сидевшему в противо-

положной ее части. Высокий голос спрашивал у старика, обладающего басом. Наконец переговоры приняли интенсивный характер. Я отложил этюдник – все равно солнце уже заходило – и прислушался к звучным голосам: это были типичные речитативы из итальянских опер. Я собрал свои пожитки и пошел в гостиницу. В ушах у меня звучала изумительная музыка итальянских голосов. И сейчас, когда пишу, слышу эти речитативы. «Джу-зеп-пе!» – звучало нараспев, и такой же распевный слышался ответ. Музыка!

Н.А. Римский-Корсаков писал: «Музыкальный образ – это чувственная мысль. Пусть настроения останутся главной сущностью музыкальных впечатлений, но они полны также мыслями и образами». Лев Толстой называл музыку стенографией чувств. Шуман говорил, что музыка призвана «озарить светом глубину человеческого сердца». А вот что написал французский композитор Артур Онегер: «Если писатель пользуется общеупотребительными словами, если скульптор воспроизводит реально осязаемую действительность, то музыкант, напротив, создает все сам. Бедняге музыканту, прежде чем он сможет воспроизводить свои модели, необходимо самому создать их. Так, когда я собираюсь сочинять сонату, у меня нет никаких прообразов в моей собственной памяти».

Любопытно, что пишет о музыке ученик Римского-Корсакова Игорь Стравинский: «Музыка по своей сущности не способна что бы то ни было выражать. Если нам кажется, что музыка что-либо выражает, это лишь иллюзия. Это просто некое дополнительное качество, которое мы ей приписали, навязали ей насильственно, и то ли по привычке, то ли по недомыслию, стали смешивать с ее сущностью». Можно сравнить чистую нотную тетрадь и чистый холст. Из того, как и из другого, таинственно рождается и музыка, и живопись. Только посвященные от природы люди могут вникнуть в эту тайну и создать из нее произведения искусства. Такими посвященными были Фидий – создатель Парфенона, Тутмес – Нефертити, и все те, кого я перечислял выше, и многие, которых вы сами назовете. Ох! Я забыл упомянуть Джотто, Мазаччо, Пьеро делла Франческа, у фрески которого я просидел целый день, замучив сына и жену.

Замечательный концерт состоялся вечером 9 сентября. Играли Шуберта, Шнитке, Бетховена. У Шуберта было несколько прозвищ,

одно из них Шваммерль, или Бочонок. Он обладал уникальным мелодическим даром. Был скромным, тихим, много пережившим человеком. Когда умирал Бетховен, душеприказчик решил немного отвлечь его от пасмурных мыслей и принес ему ноты песен Шуберта. Прочтя ноты, Бетховен увидел, что этот человек одарен Божьим даром, и попросил представить ему Шуберта. Но тот был человеком стеснительным. Они так и не встретились при жизни. Когда великий Бетховен умер, Шуберт был факельщиком в траурной процессии. А когда умирал Шуберт, он все время спрашивал, где Бетховен. Их и похоронили рядом. Только никто никогда не узнает, где похоронен Моцарт – уникальные «уши Европы», а возможно, всей европейской музыки.

Тонко, музыкально играли Виктор Третьяков, Юра Башмет, Александр Князев. Все музыканты обладают замечательным звуком, но каждый имеет свое представление о звуке, о его качестве, силе. Видимо, звук – это цвет, а без цвета нет живописи, а без звука – музыки. Мы живем в цветной природе. Она окрашена тончайшим цветом. Палитра природы – космическая: от ярких красок до тончайших, еле уловимых оттенков. То же самое можно сказать о музыке. Сочетание цветовых отношений создает мелодию или гармонию холста. Два цвета, положенные рядом, создают дуэт. Один цвет дает возможность зазвучать другому. В живописи есть еще понятие теплого и холодного. Так же, как в музыке есть развитие темы, в живописи есть развитие цвета. Настоящий холст звучит, как музыка, и никто не знает, как это возникает. Сергей Прокофьев был изумительным мелодистом. Как удавалось ему создавать неповторимые мелодии?

Я вспомнил рассказ моего друга Лелика, который преподавал в Самаркандском университете. По окончании лекции он давал студентам домашнее задание, и они спрашивали: «Откуда возьмем?». Вот так и я иногда думаю о Моцарте, Шуберте, Шумане, Прокофьеве, Бартоке, Яначеке – «откуда возьмем», как это им удавалось такое чудо.

Художники есть живописцы и графики, скульпторы. Графика настоящая ничуть не хуже живописи. Вспомним графику Рембрандта, рисунки Гольбейна, Дюрера, Пикассо. Точно так же и му-

зыканты бывают графиками (концепт. – **Ред.**) и исполнителями (живопись. – **Ред.**). Разница между ними в обладании красивым гибким разнообразным звуком. Что же такое настоящий звук – это звук Гилельса, Хейфеца, Ойстраха, Горовица, Каналье, Рубинштейна, Крейслера, Эльмана, Гудмана… Они для меня как камертон.

В живописи для меня камертоном могут служить персидские миниатюры, Тициан, Рембрандт, Сезанн. Все виды искусства имеют общие законы и в то же время свою специфику. В музыке особое значение имеет звук, это ее плоть. Я вспомнил одного известного скрипача. Природа обидела его, не дав звука. Он часто меняет скрипки, покупает самые выдающиеся, и эти скрипки не звучат. Он напоминает мне Марселя Марсо: движения есть, а звука нет. Вот уж замечательная троица: Виктор Третьяков, Юрий Башмет, Саша Князев. Все они – обладатели красивейшего звука, настоящие живописцы. И все это, конечно, от Бога. Дайте им любой инструмент, даже ящик, и он у них будет звучать.

В моем городе умели ставить художникам глаза, музыкантам – руки. Учили красивому звуку, чистой, кристальной интонации, духовности, артистизму. Техника достигалась многочасовыми занятиями. Мама Мили Мильштейна говорила: «Миля, ты уже покушал, иди занимайся». Боже, что творилось на классных концертах, если студент взял не ту ноту или сфальшивил! Учитель страдал, дети плакали. Доходило до того, что наша соседка кричала своему внуку – скрипачу: «Зорик, если ты возьмешь еще одну фальшивую ноту, я наложу на себя руки». Откуда появились такие замечательные музыканты в нашем городе?

Первым прорвался М. Эльман. Когда он сделал карьеру и приехал в родной город, на нем было драповое пальто с роскошным меховым воротником. Все евреи сказали: «Вот это да, все это он сделал этой маленькой фитюлькой». И всем детям, которые еще сидели на горшках, вставили в подбородок скрипочку, а будущим пианистам подкладывали под ножки, не достающие до пола, годовую подписку журнала «Нива». Тогда появился профессор Петр Соломонович Столярский, замечательный педагог и человек, обладавший необычайной духовностью и патологической

преданностью музыке. Он пробуждал в каждом ребенке музыканта, артиста. Уже к 8-9 годам дети бегали по грифу, как законченные виртуозы. В коротких штанишках, с большими бантами на груди эти вундеркинды покорили весь город, который умел гордиться своими детьми, который преклонялся перед своими талантами.

Отцы города собирали деньги: на костюмчик Додику, ботиночки для Мили, платьице для Марии или Лизоньки, или Танечки, матроску или штанишки для Буси, которые он носил лет до 18-ти. Петр Соломонович едва говорил по-русски. Когда его спрашивали: «Петр Соломонович, что это вы поставили на рояле?» – он отвечал: «Все принасывают и настаивают родители», – а когда он ехал в мастерскую скульптора для увековечивания своей личности, он громко говорил: «Я еду лепиться». Как-то на собрании он закончил речь словами: «Да здравствуют вожди и прочие шишки». После концерта Гилельса он подошел к нему и сказал: «Миля, а скажу только два слова: Дья – вол». И Гилельс оказался дьяволом, одним из лучших пианистов XX века, с волшебным звуком, возможно, уникальным в истории этого инструмента. Его можно сравнить только с Фидием, гениальным эллинским скульптором. Он и был эллином. Гилельс родился, где некогда были греческие колонии, города, культура.

Продолжение следует

Сокровища из сокровищницы

326 Татьяна Щурова
«Где так сиренева сирень…»

Татьяна Щурова

«Где так сиренева сирень…»

По календарю знаменательных дат нынешнего года 3 марта отмечается 120-летие со дня рождения Юрия Карловича Олеши (1899-1960). Если вспомнить древнее еврейское пожелание – «до 120», то с сожалением заметим, что судьба выделила ему из этого срока лишь половину плюс один год…

Как известно, Олеша провел в Одессе детство и юность, окончил Ришельевскую гимназию, в 1917 году поступил в университет, где изучал в течение двух лет юриспруденцию. В Одессе 16-летний юноша увидел свою первую публикацию – в 1915 году журнал «Южный вестник» опубликовал его стихотворение «Кларимонда».

Все так удачно складывалось: он вошел в 1917-1918 гг. в литературный кружок «Зеленая лампа», затем влился в объединение «Коммуна поэтов», был непременным участником поэтических вечеров до начала 1920-х вместе со многими будущими знаменитыми авторами «Юго-Запада». И печатал свои юношеские стихи в многочисленных одесских периодических изданиях. Правда, в зрелом возрасте уже не хотел вновь публиковать свои ранние стихи, объясняя, что они «слишком профессиональны». Жаль, потому что даже не отличавшийся доброжелательностью Валентин Катаев отмечал, что Олеша «писал великолепные стихи»…

Потом была «взрослая» жизнь в Москве, сложнейшие 30-50-е годы, невостребованность.

Фотография подаренв Ольге Густавовне Суок-Россинской с надписью: «...милому, дорогому и уважаемому другу с благодарностью и нежностью. Ю. Олеша. 14/XII-22»

Въ скверѣ.

Изъ цикла "Стиховъ объ Одессѣ".
(*Сонетъ*).

Вчера надъ моремъ тосковало лѣто,
Іюльскій полдень былъ печально сѣръ, –
А я бродилъ, пришелъ въ зеленый скверъ...
Вокругъ листва и небо безъ просвѣта...

Кругомъ театра изъ тумана флеръ.
Все ждетъ дождя – весенняго привѣта...
Въ душѣ печаль, какъ будто пѣснь пропѣта;
Іюль груститъ и говоритъ: не вѣрь...

И я не вѣрю. Нудная "разлука"
За зеленью звучитъ издалека.
И тишина. И нѣтъ живого звука...
Но почему? – Вѣдь осень не близка!

А надъ цвѣтами, надъ театромъ скука
И тишина. А на душѣ тоска.

Апрѣль.

(Изъ цикла "Стиховъ объ Одессѣ")

Сегодня воздухъ чистъ и свѣтелъ
И пахнетъ моремъ... А вдали,
Надъ городомъ, какъ будто вѣтеръ
По небу гонитъ корабли...

И улицы сегодня громки,
Отъ словъ, трамваевъ и каретъ,
И въ быстромъ взглядѣ незнакомки
Встрѣчаешь ласковый привѣтъ...

А вечеромъ, когда такъ ярки
Въ зеленомъ небѣ фонари,
Все золотится въ голомъ паркѣ,
Отъ угасающей зари...

Юрій Олеша.

Сиреневое рондо.

По полямъ скитался цѣлый день –
Все вокругъ такъ солнечно, такъ молодо,
А вдали надъ дымомъ деревень
Разлилось негаснущее золото...
По садамъ кудрявится сирень,
И сирень къ груди моей приколота, –
Хорошо, и сладостно, и лѣнь,
И горитъ сиреневое золото...

Юрій Олеша.

«Его не расстреляли, но жизнь сломали», – как верно заметил недавно Евгений Голубовский по поводу другого писателя. Эти слова вполне можно отнести и к судьбе Ю.К. Олеши.

Профессоръ рабочему:—Ты говоришь – бить буржуевъ? Такъ тебяжъ придется биты! Ты работаешь шесть часовъ въ день и имѣешь 600 руб. въ мѣсяцъ,—я учился 12 лѣтъ, работаю тоже шесть часовъ въ день и имѣю полторасто! Кто же изъ насъ буржуй?

К 100-летию Олеши в Одессе в 1999 году впервые отдельной книжкой вышел сборник его ранних стихов «Облако», многие из которых были опубликованы в одесской прессе начала XX века. Книга напечатана тиражом 100 экземпляров при поддержке Центра современного искусства – Одесса и при содействии Всемирного клуба одесситов. Инициатором, составителем, автором предисловия был Е.М. Голубовский, которому с удовольствием помогали краеведы, сотрудники ОГНБ им. М. Горького и Одесского литературного музея.

Мы сегодня повторим некоторые стихотворения Юрия Олеши из одесского журнала революционной сатиры «Бомба» (1917-1918). Они рассыпаны во многих номерах этого издания, также здесь можно найти его талантливые рисунки и карикатуры.

«Бомба» выходила под редакцией Незнакомца (Бориса Флита). Это был образец профессионального журнала, в котором опытные журналисты и молодые авторы вместе с талантливыми художниками сумели запечатлеть сложнейшее время.

Стихи Олеши в «Бомбе» отражали смятение юноши, переживающего катаклизмы в окружающем мире. Но молодость брала свое, и появлялись строки: «Кричало от счастья солнце» или «Здесь все тона изящной акварели»…

Одна из шуток Юрия Олеши: «Я выглядываю из вечности»… Он действительно с нами – своей прозой, дневниками. А кто-то впервые прочтет его стихи.

Dolce far niente.

Письмо съ дачи.

Въ это жасминное утро
Какъ-то особенно пѣла я...
Кто-то внизу восхищался:
„Слышишь, какое контральто!“
Послѣ валялась на пляжѣ
Стройная и загорѣлая,
Персики ѣла... А море—
Синее, какъ изъ кобальта...
Можетъ, отъ солнца и моря
Стало по-дѣтски мнѣ весело:
Точно я вновь гимназистка,
Точно мои именины...
На баллюстраду усѣлась,
Ножки балетныя свѣсила—
Вотъ, молъ, цвѣты, посмотрите,
Ножки какія у Нины...

* * *

Солнчится сердце, какъ небо,
Нотами только что спѣтыми...
Бѣлое платье надѣла
Съ бронзовымъ вырѣзомъ шеи.
Въ полдень на желтой площадкѣ
Съ глупыми очень кадетами
Въ теннисъ играю, изящнѣй
Даже самой Саломеи...

* * *

Послѣ обѣдаю съ мамой
И объѣдаюсь мороженымъ.
Вечеромъ я на вокзалѣ,
Тонная, съ шелковымъ газомъ...
Дачные франты съ хлыстами
Просятся: дайте по рожѣ намъ,
Здѣшнихъ дѣвицъ обступивши
Одеколоннымъ оазомъ...

Одесса 1917 г. *Юрій Олеша.*

Письмо

Мне так странно смотреть на эти
Глаза, подведенные синим.
Ты ведь помнишь? – Мы были дети
И смеялись кошкам и дыням

Или сладким розовым вишням,
Помнишь, Тата? – Впрочем, все это
Стало вдруг забытым и лишним:
Наша дача, море и лето...

Ну, конечно, теперь иначе –
Теперь скачки, кафе и клубы...

Но во сне я на дальней даче
Твои, Тата, целую губы...

(Одесса, 1918)

Кровь на памятнике

Народ покрыл красным флагом голову памятника Екатерине

Из тьмы веков взошла тяжелым шагом
На гулкий пьедестал торжественная новь,
И голову царица красным флагом
Закутала... И пурпур, точно кровь,
Стекает вниз по бронзовому телу...
Какому здесь трагическому делу
Судьбой воздвигнут грозный эшафот?
За кровь пролитую бескровная расплата...
А с Запада над городом встает
Из давних снов, как призрак, тень Марата
И смотрит, как пурпурово течет
По памятнику кровь и как мелькают птицы
Над трупом обезглавленной царицы...

(Апрель 1917. Одесса)

***

Но все же мнѣ мила Одесса,
Гдѣ такъ сиренева сирень,
И отъ зеленаго навѣса
Листвы не жарокъ
лѣтній день,
Гдѣ въ шумѣ
греческихъ кофеенъ
Сидишь экзотикой овѣянъ,
Гдѣ на концертахъ,
и въ кино,
И въ ресторанахъ –
все полно;
Гдѣ у брекватора несмѣнно,
Направивъ жерла
въ дальній лобъ,
Стоитъ
рѣшительный "Синопъ",
И гдѣ горятъ поперемѣнно
(Беру для риѳмы
"падекатръ")
Сибиряковъ или театръ.
Гдѣ слышитъ
запоздалый путникъ
Кондукторское
"нѣтъ мѣстов",
Гдѣ биржевой ораторъ
Гутникъ,
Когда свободы путь готовъ,
Свободы требуетъ народной,
И тамъ,
гдѣ Финкель благородный
Собралъ въ потокѣ
нѣжныхъ слезъ
Окурки царскихъ папиросъ;
Гдѣ съ одинаковымъ
подъемомъ
Готовы всѣмъ ура кричать
И съ поклоненіемъ бѣжать
Ко всѣмъ прославленнымъ
хоромамъ:
Лишь кто-нибудь
воздвигъ алтарь –
Керенскій, Линдеръ
или царь!
Пора кончать...
Въ моемъ разсказѣ
(О, непростительный
пробѣлъ!)...
Я о Хари и Ашкинази
Сказать ни слова
не успѣлъ...
Но, впрочемъ,
лишняя услуга:
Они вѣдь съ сѣвера до юга
Извѣстны каждому (увы!),
Отъ Аргентины до Москвы,
Отъ Гонолулу и до Марса...
Ахъ, что жъ
объ Анатра сказать?
Умѣетъ кой-куда летать,
Пилотъ,
любимецъ Каульбарса...
Я умолкаю и на томъ
Поздравлю васъ, друзья,
съ концом.

Юрій Олеша.

В сквере

Из цикла «Стихи об Одессе»

Сонет

Вчера над морем тосковало лето,
Июльский полдень был печально-сер, –
А я бродил, пришел в зеленый сквер…
Вокруг листва и небо без просвета…

Кругом театра из тумана флер.
Все ждет дождя – весеннего привета…
В душе печаль, как будто песнь пропета.
Июль грустит и говорит: не верь…

И я не верю. Нудная «разлука»
За зеленью звучит издалека.
И тишина. И нет живого звука...
Но почему? – Ведь осень так близка!

А над цветами, над театром скука
И тишина. А на душе тоска.

(Одесса, 1917)

Въ циркѣ

(Сонетъ).

Изъ цикла стиховъ объ „Одессѣ“.

Какъ ей идетъ зеленое трико!
Она стройна, изящна, свѣтлокудра...
Allez! Галопъ!—Все высчитано мудро
И бѣлый кругъ ей разорвать легко...

* * *

Ахъ, на конѣ такъ страшно высоко!
Смѣется... Браво... Пахнетъ тѣло, пудра...
Она стройна, изящна, свѣтлокудра,
А конь подъ нею бѣлъ, какъ молоко...

* * *

А вотъ и „рыжій“ въ клѣтчатомъ кафтанѣ—
Его лицо пестро, какъ винегретъ.
Какъ онъ острить, бѣдняга, не устанетъ...

* * *

„Ей, кажется, всего семнадцать лѣтъ“—
И въ ложѣ типъ рѣшилъ уже заранѣ
Поѣхать съ ней въ отдѣльный кабинетъ...

Юрій Олеша.

Письмо из степи

Дарье Васильевне Зубовой

Горячий, с запахом травы,
Мне ветер развевает ворот…
Я здесь один. Мне снится город.
И парк, и почему-то Вы…

Там дали в августе чисты,
И парк печальней и милее,
И по редеющей аллее
Шуршат осенние листы...

А эту золотую вязь
Взметнул над морем не пожар ли,
Где Вы сидите с черным Чарли,
Слегка над книгой наклонясь?

Все чаще меж листвы берез
За золотом мелькает просинь…
Уже задумчивая Осень
Вдыхает запах вялых роз…

И правда? – с воздуха с утра
Оригинально пахнет дыней…
А здесь от выжженных полыней
Еще томительней жара!

Здесь дни минувшие не раз
Мне чудятся милы и ярки, –
Я думаю о дальнем парке,
О черном Чарли и о Вас…

И хорошо мне: знаю я,
Что тут вот степь и эти зори, –
Там – милый парк, и Вы, и море –
Что это молодость моя!

(Одесса, 1917)

Пятый годъ.

Тогда мнѣ было шесть. Я эти дни
Запомнилъ, точно сонъ... И воскресаютъ
Далекія тревожныя видѣнья.
Мы жили близко къ морю. Изъ окна
Былъ виденъ дымный портъ и пароходы
На радужной засоренной водѣ...
Въ пыли, въ дыму смѣшные поѣзда
Сновали все, гремя по эстокадѣ.
А въ синевѣ, за бѣлымъ маякомъ,
Какъ птицы днемъ, какъ пурпуръ на закатѣ,
Маячили рыбачьи паруса...
Давно, давно... Я былъ совсѣмъ ребенкомъ
И я не понялъ ничего, когда
Отецъ, волнуясь, долго говорилъ,
Что къ намъ идетъ мятежная эскадра,
Что наступаютъ толпы безработныхъ,
Что ждутъ чего-то въ городѣ... Потомъ
Однажды мы увидѣли вдали,
За маякомъ красивый броненосецъ,
И я услышалъ, какъ отецъ сказалъ
Одно лишь слово странное: «Потемкинъ»...
А вечеромъ въ гостиной говорили
Знакомые, что, молъ, убитъ матросъ
Какой-то, и что нынче ночью
Начнутъ стрѣлять по городу... И вотъ
Настала ночь... О, какъ тревожно,
Какъ жутко было! Помню, у окна
Стояли всѣ: и бабушка и мама.—
А въ темнотѣ, за крышами, внизу
Багровымъ призракомъ горѣла эстокада...
Потомъ мы видѣли, какъ тяжко и спѣша
По темной улицѣ прошли солдаты,—
Куда?—никто не зналъ... И слышно было,
Какъ гдѣ-то тамъ, за площадью съ моста
Стрѣляли внизъ отчетливо и часто.
Я, помню, плакалъ и дрожалъ отъ страха,
И бабушка сердилась на меня
За то, что я не сплю, а старый Неро
Забился подъ кровать и громко выть...
Я эту ночь запомнилъ навсегда
И день другой, когда меня послали
Купить черешенъ въ лавкѣ у еврея.
Я побѣжалъ по лѣстницѣ, и вдругъ
Два выстрѣла: одинъ, черезъ минуту
Другой—ударили какъ будто въ небо...
Запомнилось другое, и оно
Всегда живетъ передъ глазами. Помню,
Велѣли намъ повѣсить надъ дверьми
Иконы... Мнѣ казалось непонятнымъ,
Зачѣмъ все это... Послѣ, черезъ день
Въ пролетѣ лѣстницы, на черномъ ходѣ,
Я увидалъ, какъ лавочникъ еврей,
Тотъ самый, продававшій мнѣ черешни,
Лежалъ, раскинувъ руки, какъ паяцъ.
Смѣшно поднялась кверху борода
Надъ грязной окровавленной манишкой
И прямо на меня, я помню, снизу
Глядѣли жутко мертвые глаза.

Юрій Олеша

Май, 1917 г.

Теперь

Ах, такое Рождество у нас,
Что детей, ей-богу, очень жалко...
Что осталось? Кубики и палки
С лошадиной мордою без глаз…
Кто-то брел неслышно, а в окне
Дети в кружевах и мягком шелке
Видели, как на асфальте елки
Обсыпал, как пудрой, тихий снег…
Боже мой, теперь уже смешно
Говорить про давние утехи…
Золоченые, блестящие орехи,
Мандаринки, сладкое вино…
Мы большие, ну а им за все
Кто ответит маленькие скорби?
Ведь Рождественский, быть может, в торбе
Принесет немножко монпансье…
Неужели этих детских слез,
Робких и застывших, неужели
Где-то там в извечной колыбели
Не увидит миленький Христос?

(Одесса, 1917)

Мой взгляд на это

Говорят речи, сочиняют оды,
А каждый попросту врет.
«Война до победы», «Заем свободы»,
«Победа – залог свобод»!

А вот спросите, кому это надо? –
Эти слова о войне:
Может быть, вам или негру из сада,
Петру Иванычу? Мне?

Глупый дипломат с желтой маской трупа,
Склоня пергаментный лоб,
Выдумал какие-то пушки Круппа,
Пули «дум-дум» и окоп…

Славянство? – Это ничего не значит –
Германия? Реймс? Китай, –
Когда Елена Николаевна плачет,
Детям разливая чай.

Потому что нет известий от папы,
Ни письмеца до сих пор,
И потому что отделка для шляпы
Стоит, сколько раньше мотор!

Наплевать, кто завоюет Европу,
И чей там будет Эльзас,
Когда вот Ниночки жениха Степу
С войны привезли без глаз!

Вильгельмъ: Доннерветтеръ! Я перепуталъ, гдѣ у мѣня какой фронтъ! Съ Запада – марсельеза, съ Востока – марсельеза!

Давно уже умер смешной Суворов,
И сгнил уже Чертов мост, –
Теперь геройский проявляет норов
У лавки табачный хвост.

И я не поверю никому в мире,
Что кто-нибудь ждет побед –
Ни поручику в кукольном мундире,
Керенскому – тоже нет!

(Одесса, 1917)

Бульвар

Из цикла «Стихи об Одессе»

На небе догорели янтари,
И вечер лег на синие панели.
От сумерек, от гаснущей зари
Здесь все тона изящной акварели…

Как все красиво... Над листвой вдали
Театр в огнях на небе бледно-алом.
Музей весь синий. Сумерки прошли
Между колонн, и реют над порталом…

Направо Дума. Целый ряд колонн
И цветники у безголосой пушки,
А дальше море, бледный небосклон
И в вышине окаменелый Пушкин...

Над морем умолкающий бульвар
Уходит вдаль зеленою дорогой.
А сбоку здания и серый тротуар,
И все вокруг недостижимо-строго.

Здесь тишина. И лестница в листве
Спускается к вечернему покою...
И строго все: и звезды в синеве,
И черный Дюк с простертою рукою.

(Одесса, 1917)

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Путешествие

340 **Феликс Кохрихт**
Золотой зал: Вена

Феликс Кохрихт

Золотой зал: Вена

Надеюсь, вы будете читать эти заметки в марте, когда выйдет весенний номер нашего альманаха, а я пишу их 12 января, накануне Старого Нового года. Суть этого праздника не могут понять наши австрийские друзья и знакомые – старые, а также и новые, которых мы встретили в январе на выставках, концертах, спектаклях, и потом делились впечатлениями в знаменитых венских кафе, причем лишь однажды – в шикарном культовом, носящем имя князя Шварценберга, а обычно в тех, что с утра до вечера принимают публику, пришедшую в музеи и театры.

Разумеется, нам хотелось сразу же поделиться с вами впечатлениями, а они на сей раз переполняли нас и были яркими, и, как говорится, не оперативными, а достойными не только пересказа событий, но и воспоминаний о прошлом, которые при всей индивидуальности все же общие у нас, одесситов, как нынче говорят, продвинутого возраста. Кое-что я сделать успел – публиковал посты на своей странице в ФБ, но все же необходимо было выстроить материал если не в хронологическом, то концептуальном порядке.

Следует особо отметить: на сей раз Вена, где всегда происходит множество ярких, важных и порой сенсационных событий в музыкальной, театральной, выставочной жизни, в осенне-зимнем сезоне 2018-19 годов привлекла к себе особое внимание и жгучий интерес поклонников искусства из многих стран. Упомяну лишь выставки: грандиозную мировую наследия Брейгеля, работ Пиросмани, Климта, Шиле, на которых нам посчастливилось побывать. И все же эти заметки озаглавлены «Золотой зал: Вена». Почему мы выбрали именно эту локацию, пусть важную, но все же абсолютную для тех, кто в одно время с нами был зри-

телем и слушателем выдающихся событий? Да потому, что с Золотым залом и с венским оперным связаны наши воспоминания, да и сама австрийская столица сегодня представляется нам золотым залом под голубым сводом предальпийского неба.

Radetzky марш

Долгие годы, начиная с молодых, я был обуян мечтой побывать на новогоднем симфоническом концерте в Золотом зале Musikverein – Венской филармонии, из которой по давней традиции первого января он транслируется на весь мир по ТВ, примерно тогда, когда венские меломаны, воспрянув к жизни после новогодней ночи, занимают свои места в огромном зале, воистину золотом: таков уникальный декор. Попасть на такой концерт трудно: билеты в это день особенно дорогие, их надо заказывать примерно за год. Обязателен строгий дресс-код, по крайней мере для партера и лож.

Исходя из вышеизложенного, мы с Таней довольствовались тем, что старались не пропустить трансляцию из Вены и, где бы ни находились 1 января, старались поспеть к телевизору, что со временем превратилось в ритуал. Нужно ли напоминать, что программы этих концертов всегда содержит произведения композиторов семьи Штраус, а также Оффенбаха, Зуппе, Штольца, но звучат и Моцарт и Бизе, и Хачатурян… Блистательным оркестром Венской филармонии дирижируют выдающиеся маэстро, а в его составе – виртуозные инструменталисты, среди которых нынче и наш земляк, скрипач Кирилл Кобанченко, которого мы знавали еще учеником школы имени Столярского.

Зал отзывается овацией после каждого номера программы, а в ее завершение оркестр, опять же по традиции, играет три культовых для австрийцев произведения на бис. С особым чувством публика – и в зале, и перед экранами телевизоров – ожидает финального шедевра Штрауса-старшего – марша Радецкого (знаменитый австрийский полководец). И еще одна традиция (мы ведь в Вене!): слушатели участвуют в исполнении лихого марша. Повинуясь дирижеру, после бравурного вступления по его знаку все

принимаются отбивать ладонями такт, причем в точном соответствии с той громкостью, которую определяет маэстро.

Это всегда приводило меня в восторг и изумление: не знакомые доселе люди – порой из разных стран, зачастую далекие от музыки, умудрялись составить ансамбль с замечательными музыкантами! Признаюсь: и дома, и в гостиницах у телевизора я хлопал в ладоши, стараясь попадать в такт любимого марша. И не надеялся, что мне когда-нибудь удастся это сделать в Золотом зале…

Но чудеса все же иногда случаются. Еще 1 января наступившего года мы слушали дома трансляцию из Золотого зала, а всего через неделю (благодаря Наташе Котляровой, чудом выловившей для нас в Интернете не очень дорогие билеты), оказались там я день Рождества на новогоднем концерте – последнем из четырех, которые дают здесь с 28 декабря по 7 января. В эти дни в Золотом зале играют симфонические оркестры, представляющие регионы страны. Мы слушали музыкантов из Нижней Австрии с традиционной новогодней программой.

И вот – с трепетом ожидаемый мною финал. Маэстро Винцент Праксмарер повернулся лицом к залу и с улыбкой смотрит на нас, замерших на балконе. И я наконец в полной мере понимаю сокровенный смысл фразы, сказанной Остапом Бендером в, в общем-то, схожей ситуации: «Сбылись мечты идиота!». Я осознал, что мне сейчас придется в едином порыве со всем залом отбивать такт, под который зазвучит марш самого Радецкого. И не приведи господь опозорить Одессу!

Когда оркестр грянул враз мой любимый Marsch Radetzky, захлопал в упоенье я, как хлопал в детсаду советском. И рвался из груди моей гусарский посвист молодецкий.

Но Таня, мой умерив пыл, кивнула на парней соседских, что скромно отбивали такт, как подобает им – туристам дортмундским-немецким. Австрийцам же (как, впрочем, мне) присущ, блин, пыл: воспоминаний о Габсбургах, империи, Сиси и, наконец, о кавалерии.

Аккорд последний! Все встают под сводом Золотого зала, в буфет, в буфет стремглав бегу, а там просекко дружно пьют. И мы хватили коньяку – где наша, блин, не пропадала!

«Maerchen aus dem Wiener Wald»

И все же не только бравурный марш, будораживший во мне картины парадов далекой юности на Куликовом поле, но и нежный вальс разбудил в этот вечер, казалось бы, задремавшие воспоминания, но вовсе не о романтических встречах (с ними ассоциируется скорее рок-н-ролл), а о трофейных фильмах, которые тогда крутили в кинотеатре имени XX-летия РККА… затем – «Украина», и летнем – на Комсомольской.

«Сказки Венского леса» – этот вальс Иоганна Штрауса-сына для людей моего поколения значит многое. И еще с годами я все чаще вспоминаю песню из нашего фильма 1964 года с непритязательным названием «Друзья и годы» (музыка Вениамина Баснера, слова Михаила Львовича). По сюжету ее напевал, аккомпанируя себе на рояле, персонаж Олега Анофриева – офицер, оказавшийся в только что освобожденном австрийском городе. В ней были и такие строки:

«Сказки венского леса» я услышал в кино…
Это было недавно, это было давно…»
Этих фильмов трофейных позабыть я не смог…
Ах, как пела Марика по фамилии Рёк –
Поражала корсетом и движением ног.
В обреченном Берлине ее Штирлиц смотрел,
А Володя Шарапов – тот жениться хотел:
Подал рапорт начальству, но восстал спецотдел…
Ревновал ее Сталин, Гитлер в хоре с ней пел.
Я был тоже не против, но, увы, не успел…
…На весенней казенке я протырился в зал,
Чтобы было понятно – сквозь забор проканал.
Рядом дышит со свистом в увольнении взвод,
А в далеком поселке парня девушка ждет.
Сказки венского леса я услышал давно –
Это было в Одессе в полутемном кино.

……

И опять по Дунаю вниз плывет пароход,
И София Ротару по-молдавски поет:

«Dunay, Dunay, podi usnay, gde tchey podarok…»
Январский венский закат изыскан, тих и не ярок.

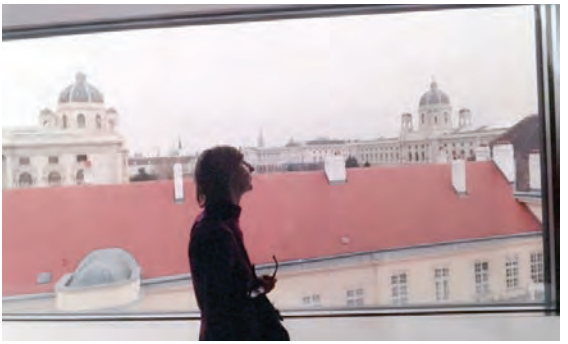
Опасные связи

С Золотым залом у на связаны воспоминания, не только навеянные музыкой, но так или иначе связанные с ней – с величественным зданием на Musikvereinplatz. Вот одно из них, пожалуй, самое сильное и незабываемое.

В Золотом зале в январе проходят не только новогодние концерты, но и новогодние балы. В это день из Золотого зала убирают кресла, и он превращается в огромный дансинг, где кружатся в вальсе или припрыгивают в польке те, кто приобрел за большущие деньги билеты, сшил бальные платья и фрачные пары, выучил па замысловатых плясок… Этой традиции много лет: есть в Вене знатные и богатые семьи, где инициацию на статус настоящей породистой венки проходит уже не одно поколение, да и юношам этот бал открывает дорогу во взрослую жизнь – во всяком случае, так принято полагать. Разумеется, здесь красуются и зрелые пары, здесь заводятся романы, мимолетные интрижки, флирты, но случаются и драматические коллизии. Свидетелем одной из них нам неожиданно довелось стать. То, что происходило на наших глазах, словно сошло с экрана, где идет демонстрация фильма то ли по повести Скотта Фицджеральда, то ли по роману Эриха Ремарка.

Несколько лет назад мы жили в отеле по соседству с Музикферайном. В тот вечер, когда там гремел Венский бал, возвращались из оперного театра, расположенного недалеко от здания филармонии, украшенного новогодней иллюминацией. Поодаль на мостовой стояла пара, не обращающая внимание на то, что здесь трамвай, огибающий Ринг (бульварное кольцо), появляется внезапно – из-за угла… Необычным было все. И то, что в этот холодный и слякотный вечер женщина была в открытом бальном платье и туфельках из парчи, а мужчина – во фраке и при сбившейся набок бабочке. И то, что в руках у них были бокалы с шампанским…

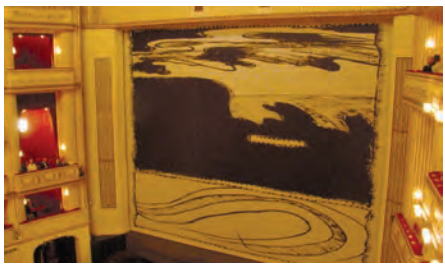
Вена: Золотой зал



В этом магазине можно
заказать фрак
для новогоднего бала

В Вене музыка в самых неожиданных местах.
Белый рояль – для уличных музыкантов в торговом центре

Упоительный Россини



Разумеется, они были из тех баловней судьбы, что заполнили Золотой зал, но вот чего не было на их лицах – беспечной радости оттого, что жизнь удалась… И уж никак не было ощущения счастья, которое охватывает мужчин и женщин в минуты близости, а они ведь были красивы и молоды, но уже много знающие и умеющие в игре страстей…

Мы прошли мимо, а они продолжали в опасной близости от рельсов, не слыша дальних, но приближающихся звонков трамвая, предупреждающего о скором прибытии…

Прошли годы, но и сегодня мы вспомнили эту пару. И вновь, как тогда, пытаемся представить себе, что между ними происходило на новогоднем балу в Вене… Вот как видится мне эта ситуация. Они, несомненно, были связаны сильными чувствами – запретными и опасными. Они тайком сбежали с бала, улучив минуту, скрылись от тех, с кем пришли сюда. Они даже не взяли в гардеробе пальто – опасались привлечь к себе внимание, спешили сказать друг другу что-то важное.

Почему же мы вспоминаем о них сегодня – в завершение рассказа о музыке, прозвучавшей в Золотом зале? Может быть, потому, что в Вене я прочел в ФБ цитату то ли из Фрейда, то ли из Ницше, но, быть может, из Немировича-Данченко – он ведь ставил и оперы. Цитирую по памяти: «Если бы не было музыки, жизнь была бы мертвой»…

Эта пара несчастных любовников в тот вечер шла прямиком к трагедии, может быть, и к гибели – вслед за Хосе и Кармен, Альфредом и Виолеттой, Де Грие и Манон Леско, Татьяной и Онегиным, Анной и Вронским… Хотя и нет оперы «Анна Каренина», но зато есть балет.

Коль мысли черные к тебе придут…

И в завершение этих заметок – о том, что за неделю в Вене мы дважды к своей радости и удовольствию услышали музыку Россини. На новогоднем концерте увертюру к «Севильскому цирюльнику» и через несколько дней в оперном театре – полностью его гениальное сочинение, поставленное с блеском

и мастерством труппой, в которой режиссер, дирижер, сценограф, солисты, оркестр и хор – представители разных стран.

В концерте играли увертюру и к другой великой опере, главным героем которой тоже является персонаж драматургии Бомарше, – к «Женитьбе Фигаро» Моцарта. И как тут не вспомнить Александра Пушкина, вложившего в уста Вольфганга Амадея Моцарта совет на все времена: «Коль мысли черные к тебе придут, откупори шампанского бутылку и перечти «Женитьбу Фигаро»!». И мы это сделали тотчас же по прибытии домой – в город, где Александр Сергеевич произнес на все времена: «Там упоительный Россини!..»

Там – это здесь, в Одессе!

Фото автора и Татьяны Вербицкой

Ах, Одесса

348 **Ирина Крайнова**
Записки из старой голубятни

362 **Юлия Цымбал**
Туфли

365 **Игорь Колтунов**
Кошелек

Ирина Крайнова

Записки из старой голубятни

Знакомый, как имя собственного ребенка, одесский вокзал с характерным шпилем встретил меня флажком Одессы – накануне город отпраздновал свой день.

Литературный уголок

Флажок мне торжественно вручили, и теперь в моем домашнем музее нет дороже экспоната. Как я могла не приехать! Лучшая подруга тревожила звонками, море Отрады звало даже во сне бледно-зелеными, с вкраплениями мелких водорослей волнами, а вице-президент Всемирного клуба одесситов, прекрасный журналист и человек, написал кратко, но выразительно: «Пора преодолеть время и расстояние».

Билеты взяты заранее, хатку однокурсница Галя нашла в родном Приморском районе, рубли на цветные веселые гривны поменяны…

Итак, Галя и ее спортивная дочь Леся верхом на велосипеде торжественно препроводили меня в переулок Веры Инбер, утекающий к морю с моей насквозь литературной Белинского (теперь Леонтовича). На Белинского-Леонтовича стоит церковь, где крестили соавтора «романов века» Евгения Петрова, здесь жил Багрицкий, будущая жена Набокова, на Чижикова провел детство Корней Чуковский, переулочек, где росла Вера Инбер, упирается в улицу Черноморскую – а это одесский адрес Паустовского.

Сгустилась уже непроглядная южная тьма, когда мы причалили к типичному одесскому дворику – с ажурными воротами,

наружными лестницами, широкими виноградными листьями, заплетающими все окна и пристройки. Мои земляки добавили колорита своим дворам, пристроив летнюшки, мазанки, крохотные «скворешни» и отгородив их чем бог на душу положит от остального двора. В ход пошли фанера, пластик, рабица и прочая, прочая.

Моя хозяйка выгородила остов бывшей… голубятни, разделив его на две клетушки и снабдив «в шаговой доступности» туалетом с душем. Душ круглосуточный (и это в Одессе, где раньше на ночь всегда отключали воду!). Правда, блага цивилизации скрываются за колеблемой всеми нордами-вестами клеенчатой занавесочкой. И приходится «до витру» ходить, як тот Щукарь.

Мадам, мсье…

В моей части голубятни помещались стол, стул, просторная тахта с двумя целующимися лебедями на коврике в духе базарных умельцев из «Операции «Ы». За переборкой – трудно назвать ее стенкой – ходили, шептали, дышали другие постояльцы. Слышно было не только их – за открытыми окнами и дверями ходила, шептала, дышала вся ночная дворовая жизнь.

Дородные одесские красавицы под ажурным навесом из виноградных листьев пили молодое темное вино, ели вымоченные в кислом соусе мидии, соленую одесскую брынзу, белозубо улыбаясь черноглазым кавалерам. Не всегда законным мужьям, но кому какое дело? В дворике на Инбер даже собаки брехали интеллигентно, не мешая спать и – бодрствовать любителям поздних застолий. Надпись на воротах призывала к выдержке и спокойствию при открывании кодового замка.

Хозяйка Марья Андреевна, крупная одесская мадам с высоко поднятыми пышно седыми волосами, появлялась утром на капитанском мостике террасы второго этажа и с высоты шезлонга неторопливо обозревала окрестности орлиным оком. Властно вызывался из глубин домика Жан, смуглый красавец из породы «вечных мужей» (и средь красавцев они случаются), заглядывал в рот любимой жене, ждал дальнейших указаний.

Каждое утро Марья Андреевна распекала Жана за одно и то же – выкуренную тайком сигарету: «Он курит! Упал уже дома – он курит! Кто будет его поднимать? Я?!. Что он мне делает?.. Он моей смерти хочет! Курит он!..». Жан робко переминался с ноги на ногу, не смея глаз поднять. Воспользовавшись краткой паузой, рысцой бежал выкидывать мусор.

Приходила такая же холеная и пышная, с взбитыми вверх волосами дочь (копия матери в молодости), и они уже вдвоем покрикивали на беднягу Жана. Видимо, тайное курение было его единственным пороком. Вечный муж покорно шел с дочкой «делать базар», тащил с Привоза необъятные мешки с бульбой, цибулей, позабыв замкнуть калитку, за которую ему тоже влетало.

Курил мсье Жан ночью у нашего голубятника, удостоверившись, что благоверная на верхотуре уже отошла ко сну. И – ранним утром, для виду обсудив со мной метеопрогноз: «Шота хмарится, хотя не обещали».

Марья Андреевна родом из Балты, она русско-украинского происхождения, и как дитя разных кровей роскошно, избыточно красива. Прибавила когда-то годок в паспорте, чтобы только уехать в нашу южную столицу. Ее удачно пристроили в парикмахерскую в самом центре («*Девочки, парикмахеры и мясники в Одессе – лучшие профессии, туда можно было попасть тока по большому знакомству!*»), и всю жизнь Маруся стригла, брила, душила тройным одеколоном полгорода. Там и присмотрел ее Жан, шикарный брюнет, тока вернувшийся из армии. Жанина мама чуть не легла на рельсы, узнав о намерениях сына. У Маруси был ребенок от первого брака, а в ее ясных голубых очах уже тогда можно было прочесть властную силу. Тут обычно кроткий Жан взбунтовался и сказал, что сам ляжет на рельсы и еще повесится, если шо. Пылинки сдувает со своей красотки жены.

Одесские друзья

После всех попыток нас *разделить и разобщить* друзей тут не много. Зато все надежные. Моя Галка с ее осиной талией и спортивной фигурой сохранила энергию юности. И каждый

день наматывала километры, таща ко мне затейливые овощные одесские деликатесы (кухни на нашей голубятне не наблюдалось), полные рюкзаки теплых вещей (прибыла я налегке, ни о чем особенно не думая), тяжеленький ноутбук, чтобы я таки связалась со своими детками.

Зная мои проблемные колени, Галюня высчитывала и выверяла наши уличные маршруты, как хороший лоцман морские карты, лишь бы ее Ируся не делала лишних движений. Леся, отважная златовласка (Галина дочь) ходила труднодоступными горными тропами, прыгала со скалы, занималась другим экстримом. Но мама Галя… несмотря на свою девичью фигуру и белые одежды, девушка далеко уже не бальзаковского возраста!..

Мы вышли на яхте в довольно бурное море. Когда за буями катамаран «Аладдин» поднял свой благородно красивый белый-вишневый стаксель, капитан разрешил «скупнуться». При всей моей любви к купаниям на такой аттракцион – с качаемым во все стороны трапом – я не отважилась. Галя не тока легко успевала за плывущим на волнах парусником, но осталась в воде, следуя за яхтой с включенным мотором, держась за спасательный круг на длинной веревке. Я, холодея, наблюдала эту картину: подружка наглоталась соленой водички, но с дистанции не сошла, уступив лишь накачанному молодому парню. Вот таких наш одесский истфак выпускает девчонок – со знаком качества!

Леся показала недорогие уютные кафушки, и мы провели не один вечер у понравившихся нам «Двух Карлов», в привычно заплетенном виноградом одесском дворике, жуя молдавские колобки из мамалыги. Угадывая топонимику места, мы с Галей вспомнили пролетарских Карлуш – Маркса и Либкнехта. Менее политизированная Леся назвала третьего «виновника торжества» – того, что у Клары стибрил кораллы.

Обряд хождения в краеведческий музей к нашему однокурснику Игорю мы повторили с теми же подробностями, что и четыре года назад: еле-еле вызвонили его по телефону и, отвечая на незаданные вопросы сотрудниц, представились сами. Это нас не спасло. Наша встреча с Игорьком, как и четыре года назад, происходила в маленьком внутреннем дворике музея под бюстом прежнего памятника Екатерине и – под более чем любопытными взглядами

надвигающейся на нас с метлой тетички и замедленно закрывающей ставни дэвушки. Дамский коллектив, шо тут скажешь!

Фейсбук сдружил меня со многими одесситами. Удалось перевидаться с симпатичной Наташей Дижевской, благодаря ей я попала на презентацию интересной книги во Всемирный клуб одесситов.

Получили мы приглашение и в интеллигентнейший, легендарный дом Голубовских на Большой Арнаутской. Здесь бывали все мои выдающиеся соплеменники без исключения.

Лабиринты длинных коридоров – и вот я уже в объятиях милейшей Валентины Степановны, тонкого искусствоведа, редкого знатока поэзии. И что особенно важно – мягкой, светлой души этого удивительного сплава двоих, думающих и чувствующих в унисон. Второй – это Евгений Михайлович Голубовский, дорогой наш ЕГ, главный хранитель родовой одесской памяти.

В таких домах главное место общения – кухня, большая, просторная, наполненная уютом и теплом старинных вещей. Настенные коллекционные тарелки отсылают то к роскоши ампира, то к экспрессии агитационного фарфора. В ковровой развеске комнат – вся история одесской живописи прошлого и нынешнего века. Глаз легко выхватывает из многоликости стен два портрета – русоволосой девочки с недетски серьезными глазами на фоне ананасов и бананов, не замечающей их приглушенной пышности. И – пластичную фигуру чуть наклонившегося вперед мужчины с выразительно изогнутыми бровями. Засунув руки в карманы брюк, он как будто раскачивается, погруженный в свои мысли.

Вижу те же на невозможном богатстве, подаренном хозяевами дома, – книге «Глядя с Большой Арнаутской» Евгения Голубовского и «Мама купила книгу» Валентины Голубовской.

Мы пьем китайский чай со спелой одесской «фруктой», балуемся отменным коньячком, ВС вспоминает студенческие годы в Репинском институте. На ее страничке в Фейсбуке – всегда великолепные стихи и картины.

Галинка второй раз чувствительно жмет мне ногу, пока до меня, как до того жирафа доходит: пора и честь знать. ЕГ невероятно занятый человек: руководство ВКО, редактирование газеты, литературного альманаха «Дерибасовская угол Ришельевской», преди-

словий к бесконечным книгам коллег. Хорошо, выкроил время и написал собственную книгу с чисто одесским названием.

Евгений Михайлович награжден невероятно престижным для одессита орденом Маразли. Мы ретируемся столь быстро, что я даже не успеваю поздравить его с высокой наградой… В длинном коридоре нас настигает добрая душа ВС, щедро оделяет книгой и Галю. Спасибо, дорогие наши люди!

Привет, свободная стихия!

Каждый мой одесский день было море. С него все начиналось. Галя пыталась посачковать, но я – ни-ни! В море меня и нашли, если верить моим родителям. Сережке рассказывали, что его обнаружили в капусте, а меня – в море, чем сильно его расстраивали. «Почему Ирку в море-е-е!..» – канючил тот.

Вдали от родных берегов я представляла, как приеду в Одессу, пройду тенистыми переулками Отрады, выйду на крутой обрыв, гляну на волшебный синий простор – и «не уйду я никогда с песчаных этих берегов», пока… не позовет гудок уходящего поезда. Утро – не всегда раннее – я начинала с лестницы на Черноморской (соорудили новую, широкую – жаль, без перил да по-над пропастью), с Ланжерона, дельфинария, пару раз – с Отрады, один раз – с Аркадии. Как говорит Леся, «*добираюсь туда раз в год, шоб махнуть с досады рукой и больше туда не ездить*».

Аркадия обстроилась пышными фонтанами и клумбами, кафе и магазинами, обзавелась шумными аттракционами. Это уже шо угодно, только не наша Аркадия, даже традиционные пальмочки высажены асимметрично, что нарушило строгую линию послевоенной аллеи, доходившую до белой балюстрады над морем. Пятачок общественного пляжа, и всегда не сильно широкий, сузился до размеров «копійки», зажатый с двух сторон частными владениями.

Но я упрямо полезла в воду – раз уж мы дошли! Волны были приличные – сильно не поплаваешь. Держась за обросшую тиной веревку, дала разбушевавшейся волне как следует меня отдубасить... Кто тут соскучился по вкусу соленой водички? *Поднимаем ручки!*

– Поднимаем ручки! – сочно выкрикивал шоколадный от загара коробейник, в десятый раз проходя мимо нас на Ланжероне, всегда почему-то в одну сторону. Другие пляжные лоточники кричали обычно одно и то же и, пересекаясь, ехидно хвалились друг другу, какая у них «богатая выручка». Веселый коробейник не унывал и умел удивительным образом превратить в уменьшительно-ласкательное весь свой товар (*кальмарчики, рапанчики, кукурузка*), особым образом расхвалить и заразительно крикнуть в финале: «Поднимаем ручки – покупаем!». Иногда не везло и ему – осень. Тогда, не опуская планку фирменного юмора, он шота хохмил про «белый порошок» с другого полушария.

Сентябрьское солнце еще не окончательно сдалось холоду, я забивалась под вышку ОСВОДа, где бесплатная тень (не так много ее на море осталось), и наблюдала, как Спасатель важно спускается вниз с черной собачкой по имени Жорик. Жорик нервно облаивал крупных домашних питомцев, выпячивая грудь в тельняшке, надетой по случаю пронизывающего веста.

Шо за мания давать четвероногим людские имена?.. Иду раз вниз с Черноморской и слышу сзади голос, похожий на Галин, с теплыми южными интонациями: «*Ира, ты не туда пошла, Ира, Ирочка!*»… Радостно оборачиваюсь и вижу прыткую даму с внушительными пакетами в обеих руках. Та гонится за предводительницей бездомных кошек, которых угощает по утрам, присвоив им мое и другие имена.

Каждый день я выходила на высокий одесский берег к морю, которое пронзительно-маняще «синело за бульваром». Бульвар и моя улочка встречаются у поворота в Отраду.

Как мы спасали дельфинов

На пляже происходили с нами всякие истории. «Дельфины, смотрите, там дельфины у буйка!» – энергично прокричала не первой юности дамочка, увидев что-то в туманной дали. Присмотревшись, и мы заметили необычно широкий буй и мелькавший дельфиний хвост. Скоро уже весь Ланжерон наблюдал за игрой дельфинов. Два ныряющих хвоста появлялись и исчезали над морской равниной.

Защитница всех зверушек на свете Галя вдруг насторожилась: «Смотри, они кружат на одном месте, не отходят!». «Как будто на помощь зовут. Может, один из них запутался в веревках буйка?» – стала я строить догадки.

Мы включили свое воображение и уже тревожно наблюдали за нырянием дельфинов на одном месте. «…Или поранился. Они теперь не уйдут, надо спасать дельфинов!» – твердо сказала Галина, и мы решили идти прямо к специалистам, в дельфинарий. Да, но хорошо бы для начала глянуть на эту сценку в бинокль. Когда сильно надо, спасателей с биноклями не наблюдается – мы уже шагаем в сторону дельфинария.

Ветер свежеет, я на минутку присела согреться чашечкой горячего шоколада. Пока я эгоистично им наслаждаюсь, Галя пристально следит за морем.

– Хороши бы мы были!.. – бормочет она наконец.

– В смысле?

– Та вон они, твои дельфины! – укоризненно бросает Галина.

Теперь и я вижу. Из воды, снимая на ходу ласты, поднимаются два ныряльщика с полным ящиком рапан и мидий. «Как же, *поранился*! – вдоволь похохотала над нами смешливая Леся.– *Пора дельфинов спасать*! Если б хоть приезжие были, тогда понятно, а так – коренные, в пятом колене!..» Но весь пляж наблюдал и сочувствовал «дельфиньему горю»…

Две тети Сони

Если б то была не Одесса, я б от моря вообще не отошла. Но после обеда нас ждали прямые стрелки ее нарядных улиц, богатства ее музеев, софиты ее театров, наши старые адреса и явки. Для начала прошлась по родной Белинского (то бишь Леонтовича), до старинной, еще XIX века угловой аптеки, к номеру 12 за глухими черными воротами с кодовым замком. Когда-то они стояли нараспашку, и наша дверь в подворотне легко открывалась обыкновенной копейкой (как хорошо мы плохо жили!).

Дом сильно сдал за четыре года – выцвел, полинял, черепица покрывает уже не всю крышу. Вместо мусорной машины

с заливистым колокольчиком мусорщика – баки у самых ворот… Что-то еще изменилось в нашем квартале, что сильно мозолит глаза… Ну, конечно, появилась эта угловая громада, похожая на два гигантских короба, поставленных друг на друга, разрушившая патриархальную прелесть тихого уголка Старой Одессы.

Из-за новодела остановку перенесли к самому нашему дому, доставая жителей бесконечными звуками останавливающегося-трогающегося трамвая. Снесли и районный загс, где когда-то расписались мои родители.

Сочинив себе рыбный день, как в общепитовских столовых нашей молодости, мы отправились на Привоз, где скупили, похоже, все одесские деликатесы – кровяную колбаску с аппетитными жиринками, нежную мягкую брынзу, тающую от собственной сладости ореховую халву, крепенькие загорелые мидии в кислом соусе (куснула я и рапанчик, шота он мне не глянулся). *Рибку* Галя искала упорно, равнодушно обходя развалы бугристо-шипастой красавицы камбалы, смуглой стройной кефали, узких гибких змеек и прочие морские радости.

Как писал великий стилист Катаев, «*под громадными парусиновыми зонтиками и дощатыми навесами, трепеща и сверкая, лежали вываленные напоказ живые богатства Черного моря*». А среди них – «громадная, неприступная, каменная» мадам Стороженко. Нахальная торговка, которая лихо обдирала бедного Гаврика. Теперь она «каменная и неприступная» навек. В шляпе с гнутыми всеми ветрами полями я тоже была, как ее памятник, – тетя Соня-2.

То, шо мы так долго искали, моя Галя нашла на открытом воздухе, в длинном ряду свежих рыбных богатств. Дарам моря она предпочитает малокостного днестровского толстолобика. «*Девочки, зачем вам этот вчерашний труп, погуляйте 15 минут – свежачок подойдет, сама вам разделаю!*» – улыбнулась жемчужными зубами похожая на Солоху молодуха. Хозяйка не сбрехала – толстолобик был хорош. Галя готовила его в своей большой «коммуне», явившись на Инбер ближе к ночи с судками и емкостями, разными травками и сладкими одесскими помидорками, распространявшими нестерпимо манящие ароматы. Леся – с белым вином и шикарным тортом.

Мы задали пир на весь мир под куполом звездного неба. Декоративные Марьиандревнины бра на лестнице светили так тускло, что Лесюшка стала прилаживать пещерный фонарик. Девочки правильно запивали *рибку* прохладным белым вином, я ж делала им полный *моветон*, допивая вишневого цвета кагор (шо ж добру пропадать!), и противно шипела на них, боясь разбудить соседей по голубятне, живших дверь в дверь.

Наутро семейная пара из Никополя изрекла, шо кто хочет, тот всегда уснет, и оставшиеся четыре дня по очереди (один жаворонок, другая сова) развлекала меня рассказами о своих странствиях по городу.

Молдаванка без грима

Дом моего прадеда на Молдаванке – двухэтажный, каменный, такой симпатичный себе домик на улице Лазарева. Строитель старой Одессы, он выбился в десятники, построил дом для десятерых детей. Когда-то бабушки мне дом показывали – сразу за парком Ильича (Преображенским), на бывшей Малороссийской (Цыганской). Но я по малолетству не запомнила и нашла только благодаря лучшему одесскому краеведу Олегу Губарю (большое человеческое ему спасибо!). Он, глянув в старые домовые книги, подтвердил, что в начале XX века владельцем дома был наш прадедушка Игнатий Фролович Фролов.

От Привоза мы свернули в Преображенский парк, запаслись пирожками и двинулись в сторону Лазарева, собираясь по дороге пополдничать в тени деревьев. Тень мы встретили в изобилии, а вот скамейки… Надо пройти весь парк насквозь, чтобы случайно обнаружить на детской площадке с грязным пыльным песком пару лавок. Вырытые тут и там ямы, вывороченные деревья, пасущиеся среди них бомжи…

Что это с парком «в самом чреве Молдаванки»? Помню там качели-карусели не хуже, чем в парке Шевченко. Зона риска – или сильное желание застроить его такими же высотными халабудами, как Белинского, Инбер, Морскую? Место, кстати, для строительства самое *подходящее:* большевики разбили этот парк «на костях», на месте старого кладбища.

К тому ж, вся Молдаванка стоит на катакомбах. Шо до Приморского района, можно припомнить береговые оползни, когда целые дома, и не такие высотные, уходили в пропасть. Но вернемся к нашему дому. Улицу, названную в честь одного Лазарева – левого эсера, удачно переименовали в другого – исследователя Антарктиды.

Родовой мой домик так и остался под номером 7, он тщательно побелен, верх глухой боковой стены выдает его «ракушечное» происхождение. К нему плотно прижался дом поменьше, с похоронным бюро. Ничто не меняется под луной, и «*в уездном городе N было так много парикмахерских заведений и бюро похоронных процессий, что казалось, жители города рождаются лишь затем, чтобы побриться, остричься, освежить голову вежеталем и сразу же умереть*». Все ж таки приятно, что *тот дом* не наш.

Такой вот черный юмор подарила мне напоследок Молдаванка, где к прадеду приезжали грабить церемонные одесские налетчики, тот отбрил их одной, но, видно, очень босяцкой фразой. Уже большевики отобрали у Игнатия Фролова и дом, и все нажитое действительно «непосильным трудом».

Зато какой ухоженный теперь мой парк Шевченко (выросла на его аллеях и детских площадках), даже уже слишком. Обстроили старенький «Черноморец» – и не угадаешь его за пышными фасадами отелей, бизнес-залов, VIP-трибун. Проложили шоссе (парковая ж зона!), заставили новыми аттракционами и жутковатым Кинг-Конгом Луна-парк.

Кое-что из детства я нашла: старую, посеревшую от времени парковую стену (из ракушняка!), вдоль которой мы наперегонки бежали с братом к летнему кинотеатру и детской площадке. Дошел лишь фундамент читальни и круглый старообразный фонтан.

А как преобразился склон Приморского бульвара – теперь парк Стамбул! Проектировщики турки сохранили каменные барьерчики, превратив их в удобные скамейки, бережно отнеслись они и к любимому нашему месту пряток – старинному гроту, окружив его живописным фонтаном. Зеленая-зеленая трава, питьевая вода из восточного вида фонтанчика, столики, детские площадки, тренажеры… Обещают и ту сторону Потемкинской лестницы, где шумел детский парк Пионерский, облагородить.

С помощью греков – других наших средиземноморских друзей. В Одессе живут потомки греков, турков, всех народов, когда-то приглашенных герцогом Ришелье превратить засушливый безводный край в цветущий.

Сколько бы я ни слышала о нашем Дюке, всегда узнаю о нем какую-нибудь новую подробность. В моем путешествии в открытом красном вагончике милая девочка-экскурсовод сообщила, что герцог на посту градоначальника края велел высаживать горожанам столько деревьев, сколько окон выходит на улицу. И едва завидя сохнущие прутики, стучался в дома, прося вынести стакан воды. Хозяйка простодушно выносила воду, а Дюк… поливал дерево, укоряя нерадивых. Хороша легенда!

Добро пожаловать, или…

Далее по тексту, как у Элема Климова. Мы добрались до знаменитейшей студии с парусником-символом, страстно желая попасть в ее музей. И нас пропустили! На Одесской киностудии был День открытых дверей. Мы даже увидели за металлическим ограждением снимки, где Боярского гримируют в мушкетера, Высоцкий настраивает гитару, и шота кричат в мегафоны помрежи великих киномагов эпохи. И проникли мы в киношный парк, трогательно старомодный, с афишками фильмов – золотой запас исчезнувшей страны. Ясно, как божий день, что афишек было куда больше – поклонники расхватали на сувениры.

Хотели мы еще прогуляться на ребячьи голоса – громыхало какое-то барабанное шоу детского фестиваля. Не тут-то было: молодой человек решительно преградил дорогу: «Вход по билетам». А как же День открытых дверей?! Зато погибшая было киностудия очнулась, посдавала в аренду помещения, пооткрывала в бывших павильонах студии и танцлкассы.

Где мы тока ни побывали с моей Галинкой-малинкой в золотые осенние денечки! На пляжах и на площадях, в музеях и парках, в недорогих кабачках и элитных театрах… Добрались и до порта. Возвращение на зеленом фуникулере не сильно меня вдохновило: ехали мы, как лошадки в стойле (в красных вагончиках

канатной дороги моего детства были хоть лавочки), под пронизывающими взглядами кондукторши – Галя забыла пенсионный билет! Но Галюня умудрилась переговорить контролершу и выйти наружу без финансовых потерь.

В музкомедии им. Миши Водяного (знать бы, что откроют ее прямо на моей родной улице!) мы смотрели старую добрую «Веселую вдову» с певучим и «игручим», но до крайности низкорослым мужским составом. И это на фоне роскошных фигурных одесских красоток! На Белинского же (тьфу, с языка сорвалось – Леонтовича!) заглянули в музей современного искусства, ему отдан весь просторный двор и особняк с деревянными навершиями, похожий на купеческий начала прошлого века. На Пушкинской попали в музей западного и восточного искусства, где была уникальная выставка старых фотографий. В любопытном историческом ракурсе – все одесские достопримечательности.

В домике Паустовского на Черноморской пробыли недолго. Нет незаменимых?!. Я вспомнила визит шестилетней давности, когда жив был еще основатель музея Виктор Глушаков. Моряк, влюбленный в книги писателя, 25 лет собирал все с ним связанное. Притащил во двор музея бюст никому уже не нужного лейтенанта Шмидта, мемориальную доску дома, где жил Грин. Мы шли тогда на море и заглянули в музей по дороге… Виктор Иванович два с половиной часа горячо рассказывал нам о Паустовском, а мы, две историчкі, две великовозрастные дурынды, выразительно поглядывали на часы. Если бы знать, если бы знать…

А еще мы обнаружили Artclub-галерею на Отрадной. Два раза удалось попасть в замечательный одесский Театр на Чайной. Очень надеюсь, что труппа окажется живучей и в новом помещении.

Ира, шо ты рано?

Закончили мою одесскую десятидневку мы, как и начали, – ударными темпами. После моря – музей, после музея – ВКО (куда меня ни за что пускать не хотела строгая дама и предъявляла Леониду Рукману как директору, а он меня не узнавал, хотя сам же

принимал в члены клуба, – это выглядело прямо как прибытие любимого сына лейтенанта Шмидта в Старгород!). В конце концов я была «опознана» и допущена подвальчик, где увлекательно проходила презентация отличной книжки Аркадия Хасина, стармеха, писателя и журналиста – о море, о дальних странах, о морских людях.

Я смотрела на город без розовых очков и видела разваливающиеся старинные здания рядом с бережно восстановленными, и мусор на морских склонах по соседству с фешенебельными пляжами. Но и – сильную нежность к нему коренных жителей (как раз в эти дни отстаивающих уникальный Плоский дом в Воронцовском переулке), и возникшую буквально из руин Сторожевую башню, где за дело взялись реконструкторы, и вежливый тон молодых людей, охотно уступавших мне место в трамвае…

Была и на Куликовом поле, откуда когда-то папа привез меня из роддома. Читала стихи и надписи на новой Стене плача – стене XXI века. Одесса, она все помнит.

Это мой город. Где еще с такой легкостью, да на больных ногах, после моря я бы шла в музей, из музея – на презентацию, оттуда в театр, а вечер заканчивала в «Гоголе-моголе» или в «Карле». И ранним утром после нескольких часов некрепкого сна в распахнутой всем ветрам голубятне легко вскакивала, едва завидев за занавеской внушительный дамский торс, слыша вместо приветствия: «*Ируся, и шо ты так рано встала?!*».

Мы уходили на вокзал, сгибаясь под тяжестью подаренных мне книг, под аккомпанемент пленительной одесской речи: «*У тебя завтра нет английского, поняла?.. Она не поняла! Английского нет у тебя, и шо ты топчешься вокруг ранца? Нет, посмотрите на него, оно смерти моей хочет!*»…

Я провела десять счастливых дней, окунувшись с головкой в детство и юность. Я вернусь! К Маме всегда возвращаются.

Саратов

Юлия Цымбал

Туфли

Муж-диджей пригласил Настю в филармонию на концерт Баха.

– Разве диджеи слушают Баха? – съехидничала Настя.

– Приехал оркестр из Германии. Играют импровизации на тему произведений Баха. Думаю, это будет интересно, – сказал муж.

– А, понятно, – ответила Настя, – тем более к пятидесяти годам не солидно ходить на дискотеки, где играет электронная музыка.

Муж поморщился, но ничего не сказал.

Было начало лета, и Настя задумалась, что бы ей надеть на такой великий концерт. Подходил только розовый костюм, но к нему нужна была такого же цвета обувь. Внезапно вспомнила, что в прошлом году подруга подарила ей туфли цвета пудры. Туфли подруга отняла у не рассчитавшихся с ней квартирантов, но размер ей не подошел. Примерив обновку, Настя обнаружила, что они немного жмут. «Ой, да ладно, надену подследники и потерплю немного, растянутся, – подумала Настя, – в босоножках идти несолидно, не каждый же день слушаешь Баха».

Она подвела глаза, накрасила губы и, взяв элегантную сумочку, вышла на улицу.

Встретившись с мужем, они решили пройтись к филармонии через парк Шевченко. Настя почувствовала, что натерла ноги. Она мужественно шла, отступать было поздно. Видимо, туфли не хотели принимать новую хозяйку. Настя подумала, что сядет на свое место в зале и снимет туфли. Улыбнувшись, подумала о предстоящем удовольствии.

При входе в филармонию Настя почувствовала, что туфли предательски сжали ноги. Она рассеянно улыбалась знакомым, пришедшим на концерт, и крепко держалась за руку мужа. Подни-

маясь по лестнице, обратила внимание, что обувь у слушателей была очень разномастная. Некоторые даже пришли в шлепанцах.

– Бескультурие… Как можно прийти на великий концерт в шлепанцах? – бормотала Настя, втайне завидуя этим счастливчикам. – Эх, лучше бы мы пошли на диджейскую дискотеку.

– Какие у тебя красивые туфли, – похвалила Настиных мучителей подруга.

Настя поблагодарила ее за комплимент и, уже повиснув на руке мужа, поспешила в зал, который был почти полон.

– Хорошо, что рядом только два человека, – обрадованно сказала Настя мужу, – не будут ходить через наши места.

Погасили свет. Консул Германии, присутствующая в зале, сравнивала музыку Баха с алмазами и бриллиантами, падающими с неба. Настя подивилась такому сравнению, но у нее тоже упал камень с души, когда она тихонько с облегчением высвободила отекшие ноги из туфель.

– Просьба, – продолжала фрау консул, – между импровизациями, а их будет пять, не хлопать. Это отвлекает музыкантов.

Все захлопали в знак согласия.

Перед Настей уселись две опоздавшие девушки. Из-за коротких маечек выглядывали шлейки лифчика.

«Вот тебе на, – подумала Настя, – проще надо быть, проще, надела бы тапки и майку, не мучилась бы так».

Она закрыла глаза и приготовилась к прослушиванию.

Рядом с ними сели мама с дочкой лет пяти. Девочка была в нарядном платье и явно радовалась предстоящему концерту. В руках у нее был плюшевый зайчик.

В зале выключили свет. Музыкант поднял руки над роялем.

В тишине раздался голос малышки: «Мама, я хочу пересесть ближе».

В зале недовольно заворочались. Девочка встала. Настя надела туфли и пропустила ее вперед.

Музыкант заиграл. Настя сняла туфли.

Через несколько минут девочка встала и направилась к маме. Настя надела туфли. Девочка сказала, что хочет пить. Мама дала ей бутылку с водой. Настя сняла туфли. Девочка попросилась в туалет. Настя надела туфли. Мама с девочкой ушли, а когда

вернулись, Настя сняла туфли. Одну импровизацию удалось послушать спокойно. Девочка молчала, но потом стала громко шептаться с мамой. Настя надела туфли. Девочка оставалась на месте. Настя сняла туфли. Девочка стала капризничать. Мама громким шепотом увещевала ее. Бах набирал обороты.

Девочка что-то тихонько напевала, мешая слушать музыку. Раздался хлопок. Мама девочки стукнула ее и отняла зайчика. Девочка зарыдала. Мама отдала зайчика. Девочка стала колотить зайчиком по коленям. Они захотели выйти. Настя надела туфли. Бах торжествовал. Настя сняла туфли.

В антракте Настя еле доползла да буфета и долго пила воду. Ноги отекли, голова отяжелела. Вокруг слышались восторженные отзывы о концерте. Настя тихо ненавидела Баха.

Во втором отделении две импровизации прошли тихо. Настя сидела босиком, ее муж слушал музыку, девочка убаюкивала зайчика. Заиграла музыка. Девочка вздохнула и громко сказала: «О господи!». В зале засмеялись. Девочка с мамой собирались выйти. Настя надела туфли. Девочка с мамой вышли. Настя сняла туфли. Кто-то, не выдержав, громко захлопал после третьей импровизации.

Игорь Колтунов

Кошелек

Кошелька нет. Ладно, еще раз. Каждый карман. Особенно тот внутренний, с дыркой. Может, дырка разверзлась и поглотила его. Нет. Кассир смотрит на меня, как на нищего. Рюкзак. Все карманы, все отделения, еще раз. Кошелька нет.

– Извините, – говорю кассиру. – Кошелек потерял, – оставляю воду на кассе и выхожу на улицу.

Вдох, выдох. Где? То, что выпал по дороге, – исключаем. Карманы надежны. Значит, где-то оставил. Где? Идем назад, назад, катушка памяти проматывает пленку назад. Рынок на проспекте, импортные сигареты, запах кофе, книги по цене сапог. Назад. Стакан минералки на последнюю мелочь. Чуть не сбил зеленого велосипедиста. Назад. Книжный магазин. Достаю кошелек, беру две по пятьдесят и пять, кладу кошелек… на стойку перед кассой.

Иду в книжный магазин. Не смертельно. Банковские карты дома. Скидочная карта супермаркета – пропади она. Визитка стоматолога – туда же. Денег – около четырех сотен, а сам кошелек старый, похожий на рваное ухо уличного ветерана Барбоса. Кому он нужен? Лежит себе у продавщицы в ящике, ждет, пока хозяин придет. Не смертельно. Единственное – это та безделушка в тайном кармане на молнии. Безделушка, как любой подарок, не имеющая цены. Пришел.

– Здравствуйте, – говорю молодой крашеной продавщице. – Я у вас кошелек оставил около часа назад. Не находили?

– Нет, – продавщица от такого заявления привстала, а ее голос присел. – Ничего не находили.

– Вот здесь оставил, – коснулся стойки.

– Нет. Извините, но ничего не видела.

Вдох, выдох. Исчезнуть он не мог, значит, его кто-то взял. Смотрю по углам потолка.

– Скажите, эти камеры работают? – говорю так уверенно, что продавщица принимает меня самое меньшее за прокурора.

– Да.

– Можно взглянуть на запись?

– А… Минуточку, – она семенит в высоких сапожках, цокает и подтягивает джинсы там, куда все обычно смотрят. – Минуточку подождите. Валя!

Жду. Вдох, выдох. Может, упал? Смотрю под прилавком, сбоку прилавка. Замечаю, что одна из папок на столе лежит как бы на чем-то. Может, продавщица спрятала? Присел так, чтобы видеть, что под папкой. Ежедневник с закладкой-ленточкой. Встал. Нащупал в кармане чек на книгу и скатываю его в сосиску. Каблучки вернулись. За ними Валя в скользком фиолетовом платье.

– Посидишь на кассе? – спрашивает Валю и говорит мне: – Пройдемте со мной. Только я не знаю, как этим всем пользоваться.

Идем по ступенькам в подвальный зал.

– Я совсем не разбираюсь, а администратор магазина будет только в понедельник. Если честно, такое у нас впервые. Вы уверены, что именно у нас его оставили?

– Уверен.

Спустились в тот зал, где я выбрал книгу, которую в итоге купил. Дорогой получилась книжечка, раз в пять дороже, чем она стоит. Лучше бы я купил пять книжек.

Прошли служебную дверь. Маленький холодный склад. Коробки и книги на металлическом столике. На мониторе, что рядом, пятнашки из цветных картинок в прямом эфире. Рядом спящая мышка.

– Вот, собственно, – говорит продавщица. – Вы умеете пользоваться?

Беру мышку и клацаю по иконкам в углу экрана. Потом по картинкам. Продавщица уже подозревает, что никакой я не прокурор, и тут – оно. Нужная камера и ползунок времени.

– Время неправильно указано, – говорю.

– Да. Извините, но я совсем…

Смотрю на шкалу и отмеряю час назад. Нет. Чуть больше. Рука в кармане сворачивает бумажную сосиску в рогалик. Да. Вот я, поднимаюсь из нижнего зала, с книгой в руке, останавливаюсь, ставлю правую ногу на пару ступеней перед собой и нагибаюсь завязать шнурок. Забавно наблюдать за собой, особенно когда ты рассеян. Завязал шнурок.

– Это вы, – говорит продавщица.

Пошутить бы, но нет настроения. Подхожу к кассе. Вот продавщица, болтает с молодым покупателем в ямайской шапке. Парень засунул большие пальцы за ремень, а указательными указывает вдоль желтых штанин.

– Да, я вспомнила. Этот парень стоял.

Замечательная у девушки память. Кошелек уже на стойке. Продавщица стреляет в книгу кассовым пистолетиком, берет деньги. Кошелек на стойке. Ставлю рюкзак на поднятую ногу и прячу в него книгу. Ухожу. Парень в шапке играет широкими плечами, машет воображаемой клюшкой. Девушка веселится. Проходит минуты две. Продавщица за моей спиной цокнула по плитке.

– Может, ускорить? – спрашивает.

Ускоряю. Бумажный рогалик стал липким колобком. Пальцами чувствую, какой он грязный и влажный. Вдох, выдох. Точно он. Вот он дважды покосился на стойку. Бери уже, Казанова, или как там вас на Ямайке называют… Берет и рассматривает, что-то спрашивает девушку, она раздвигает воздух.

– Точно. Он, кажется, спрашивал меня, что за кошелек.

Вертит и вертит рваное ухо несчастного Барбоса. Снял шапку. Видимо, загорелась. Сменил позу на более смирную.

– Много в кошельке было? – продавщица спрашивает.

– Тысяча долларов.

Слышу, как она застыла. Хорошо. Может, помолчит немного. У парня на экране чешутся руки. Не могут они не чесаться. И он их чешет, по-своему. То затылок погладит, то карман проверит на наличие катышков, то прихлопнет мой кошелек, как будто он – сказочный самотряс. Что-то плетет, веселит, приукрашивает. Как болтливый фокусник отвлекает экранную девушку от кошелька. Девушка за моей спиной слышно вздыхает. И мне

неудобно – следить, как оплетают мою помощницу. Я как будто подглядываю за двумя собачками, играющими в зодиакальных рыб.

Ушел. Улетел на Ямайку. Вместе с кошельком.

– Вы его знаете? – спрашиваю.

– Да не особо, – врет. – Его зовут Дима. Он знакомый одной девочки, которая здесь работала.

– Значит, через нее вы можете узнать номер его телефона?

– Да, как бы могу, – обнимает себя. – Надо только ее номер поискать.

Выходим из холодного склада. Со столика распродажи надо мной смеется годовалое дитя. Удачная обложка.

Поднялись. Фиолетовая Валя отбросила смартфон, как школьник сигарету, и встретила нас скорбящей улыбкой.

– Значит так, – говорит продавщица. – Я попробую с ней связаться. Но не знаю, как скоро я найду ее номер. Давайте вы свой номер оставите, а я вам сообщением скину, когда узнаю.

Оставляю номер, благодарю и выхожу на улицу. Вдох, выдох. Прохожие безразличны. У них-то кошельки при себе. Достаю из кармана грязный бумажный колобок. Бросаю в урну у входа и чувствую – хребет пронзает вдоль сухая сосулька. Озарение. Зачем ему рваное ухо? Он бы вытащил деньги и выбросил его. Смотрю в урну. Аккуратная, можно порыться. Использую пластиковую бутылку из урны как половник. В голове играет песня о Ямайке. Прохожие вдруг заинтересовались мной. Смотрите, смотрите. Так выглядит отчаяние. Кошелька в урне нет. Соседняя. Тоже нет.

Иду по улице и напеваю про себя. Только тихо, чтобы далекая Ямайка не откликнулась. Вот еще урна. Смотрю. На копченом дне два окурка. Иду дальше. Сосулька уже растаяла под ямайским солнцем. Опять урна. Из пачки чипсовых крошек выглядывает рваное ухо. Смотрю на светофор. Вдох, выдох. Урна. Да, это мой кошелек. Достаю. Денег нет, скидочные карты на месте, как и визитка стоматолога. Тайный карман на молнии – безделушка тоже здесь. Она не могла не найтись.

В кармане запела птичка. Достаю телефон. Сообщение с номером Казановы. Мысли сплетаются, как спагетти в кипящей кастрюле. Что же ему сказать? Оскорбить? Посмеяться над ним? Или поблагодарить? Спасибо вам, что выбросили мой кошелек

недалеко от магазина. Это было очень вежливо с вашей стороны. Как поживаете? Как ваша совесть? Вам стыдно? Не может быть. Совесть, которая стоит четыреста гривен, – беззубая. Не может она вас грызть. Желаю вам удачи с той конфеткой из книжного. Надо присесть. Пусть спагетти остынут.

Присел в тихом двухэтажном дворике с развешанными простынями и сытыми котами. Мести – от самых кровавых до самых абсурдных – по очереди прошлись по подиуму моей фантазии. Я выбрал леди в полицейской форме, без пафоса морали, скромную, но влиятельную. Причесал ее так, как мне нравится, припудрил нотки шантажа, научил наглости и придумал ей фамилию. Набрал номер из сообщения.

– Да.

– Дмитрий? – делаю басовый голос.

– Да, здравствуйте.

– Добрый день. Старший следователь Гришко, Приморское РУВД.

– Да, – задышал в трубку.

– Передо мной тут сидит молодой человек, чей кошелек вы около полутора часов назад вынесли из книжного магазина на Екатерининской. Припоминаете?

Дрожат руки. Приятная дрожь. Леди в полицейской форме одобрительно кивает.

– Послушайте…

– Это вы послушайте, – грозно кашляю. – На видео с камер наблюдения в магазине четко видно, что вы взяли кошелек потерпевшего со стойки возле кассы. Или вы это отрицаете?

– Нет. Но я не крал его.

– Дмитрий, давайте говорить буду я. Хорошо?

Пауза.

– Хорошо.

– Я не хочу открывать дело. И вам проблемы, и мне – бумажная волокита. Да и потерпевший не настаивает. Я вот что предлагаю. Вы ту сумму денег, которая была в кошельке, перечисляете либо на телефонный номер потерпевшего, либо на его банковскую карту. Перечисляете немедленно. Вас устраивает такой вариант?

– Да, но, товарищ следователь, я клянусь…

– Дмитрий. Мы договорились?

Нервно выдыхает.

– Договорились.

– Куда перечислите деньги?

– Давайте… Неважно. Куда ему удобно?

– Потерпевшему?

– Да.

Прикрываю телефон и бурчу, как сонный великан. Открываю телефон.

– Записывайте номер телефона, – диктую свой второй номер. – Записали?

– Да. Товарищ следователь…

– Потерпевший сидит у меня и ждет, пока на его счет не придет шестьсот гривен.

– Шестьсот? Подождите, там было четыреста.

– Дмитрий, – понижаю голос до предела. – Вы что, издеваетесь? Потерпевший утверждает, что в кошельке было шестьсот гривен. Если вы обвиняете его во лжи, я сейчас же выписываю на ваше имя повестку, и мы делаем вам очную ставку. Заодно снимем ваши отпечатки и сверим их с теми, что на кошельке. Это не займет много времени, – пауза. – Поверьте, Дмитрий, я вам предлагаю самое правильное решение. Не губите себе репутацию.

Сопит в трубку.

– Хорошо, я перечислю.

– В течение пятнадцати минут. Я жду.

Сбрасываю звонок и делаю самый глубокий вдох за сегодня. Леди машет мне рукой и исчезает, как пар. Уши пекут, ладони влажные, злодей наказан, простыни свежо колышутся. Сытая кошка бодает мою ногу. Выхожу из дворика и гляжу на прохожих. Они все так же безразличны. Птичка в кармане. Мой телефонный счет пополнен на шестьсот гривен анонимным благодетелем. Мне и за год столько не выболтать. Хороший день. Правда, домой придется идти пешком. Кошелек-то пустой. Хорошо, что до дома ближе, чем до Ямайки.

Издано...

372 **Евгений Голубовский**
Книжный развал

377 **Феликс Кохрихт**
И филологини любить умеют…

Евгений Голубовский

Книжный развал

Издано в Одессе

Сергей Рядченко
УКРОТИТЕЛЬ БАРАНОВ
Сказки трезвого человека
Одесса, Черноморье, 2018

Автор настолько убедительно изложил суть романа в аннотации, что грех было бы ею не воспользоваться.

«В романе Сергея Рядченко, как в магическом калейдоскопе, уложились плотным узором цирк, война и балаган, оперные постановки и революции, династийные секреты и труды по поиску истины, перипетии с камнем Готлиба и бравые похождения благородного фрайхерра, а также полная драматизма история любви главных персонажей. И все это чудесным образом вместилось по мановению автора в одни сутки».

Если эти слова еще не убедили вас в том, что роман нужно прочесть, то добавлю – я бы рекомендовал его всем начинающим прозаикам как мастер-класс, уменье обращаться со словом, быть серьезным и ироничным, и главное – проницательным.

Виталий Кузьмин
По дороге домой
Одесса, издательство КП ОГТ, 2018

Виталий Кузьмин профессиональный художник. И, как многие мастера кисти, он еще и пишет рассказы. Несколько рассказов, вошедших в его первую книгу, мы публиковали в нашем альманахе. Так что встреча с его книгой для нас естественный результат его работы. Как и многие художники, и в прозе Кузьмин остается живописцем. То, что он рассказывает, – видишь, настолько точен его взгляд на природу, на людей.

В рассказах есть дневниковая чистота. Все это происходило с автором. Он рассказывает от первого лица. Погружает в свои размышления.

Все рассказы сопровождаются цветными репродукциями картин автора.

Александр Краснопольский
Восьмистишия
Одесса, Колодрук, 2018

Хоть Александр Краснопольский живет в Нью-Йорке, одесситы всегда считали и считают его своим. Популярный артист театра музкомедии и русского драматического, участник театральных капустников, но одновременно поэт, лауреат международных конкурсов поэзии в Нью-Йорке, Штутгарте, Монреале, автор семи книг поэзии. Кстати, почти все они издавались в Одессе, продавались в Одессе и Нью-Йорке.

Восьмистишия – трудный жанр. Он приучает к минимализму. В восьми строках изложить мысль, создать поэтический образ. Восьмистишия – форма, доступная зрелым поэтам. Эту планку Краснопольский преодолел достойно.

Мория. Альманах № 15
Одесса, Симекс-принт, 2018

– Этот номер альманаха вышел через пять лет после предыдущего. Были статьи, редкие фотографии, неожиданные находки, – рассказывал главный редактор всех пятнадцати номеров альманаха Геннадий Кацен. – Не было денег.

Только что торжественно было отмечено 70-летие Геннадия Кацена. И к его юбилею нашлись спонсоры и у издания, посвященного истории евреев Одессы, их научной и культурной составляющей в жизни многонационального города.

В вышедшем номере ряд оригинальных статей Алены Яворской, Инны Рикун, Юрия Дикого, Тамары Михайличенко, Александра Дорошенко, Якова Шпигельмана, Евы Красновой и Анатолия Дроздовского.

И большой раздел – дайджест лучших материалов из предыдущих номеров.

Пожелаем альманаху долгих лет жизни, хороших авторов и благородных спонсоров.

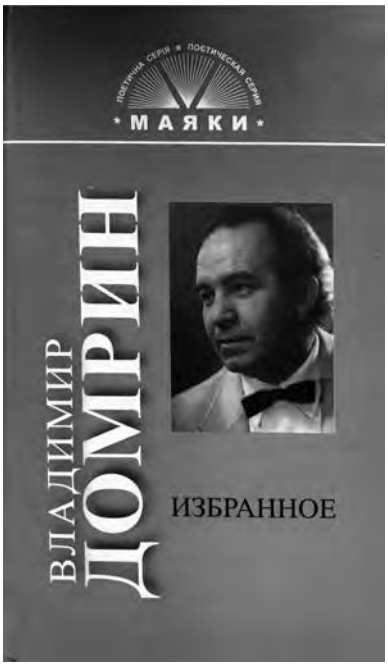
Анна Бузиян, Наталья Карай
Идем на телек. Из хроники Одесской студии телевиденья
Одесса, Астропринт, 2018

Это история того, что рождалось рядом с нами. Конечно, сегодня мы ворчим, говорим про «зомбоящик», но неужели не помним, как в начале шестидесятых пустели дворы, когда показывали футбольный матч, когда возник «Голубой огонек», когда появились первые сериалы?

Авторы заглянули глубже. Они ведут отсчет с конца сороковых, когда в институте связи начали работу над телепоказом. Книга интересна тем, что она посвящена не только творческим работникам, но и технарям, реальным создателям чуда.

Мне было интересно читать, разглядывать фотографии. Молодые обаятельные Неля Харченко, Люция Глибко-Долинская, Наташа Симисинова, Инга Матьяшек. С кем-то я работал в редакциях газет – Викентий Нечипорук, Вадим Мартынюк, Ким Каневский…

За каждым именем десятки историй. Комичных, драматичных. Жаль, что книга доведена до 2005 года. Да и то, речь идет о госТВ, а уже вовсю работали коммерческие студии. Будем надеяться, что авторы продолжат работу.



Владимир Домрин
Избранное
Черноморск, Гратек, 2018

Владимир Домрин вошел в литературу в конце пятидесятых годов. Помню его первую книжечку «Пойдем со мной». Это был 1957 год, ему было 23 года. Окончил Одесский университет, стал профессиональным литератором. Стихи были без ложного пафоса. Лирика. Он увлекался охотой – и это было в его стихах. И, конечно, любовь…

В 1983 году Домрин основал в Ильичевске литературное объединение, работал с молодыми авторами. Оно сейчас носит имя Владимира Домрина. Поэт умер в июле 1985 года. Вышедшая книга – дань памяти Черноморска талантливому литератору.

Составил книгу поэт Леонид Кулаковский. Предисловие написал друг Домрина поэт Анатолий Глущак.

В книге представлены лучшие лирические стихи Домрина. Хорошо помню, что у него были остроумные дерзкие эпиграммы. Вот их, к сожалению, в книге нет.

Книга вышла в поэтической серии «Маяки» (мне кажется не лучшее название для поэтической серии), но это дает право надеяться, что при поддержке городского головы В.Я. Хмельнюка выйдут и другие книги поэтов, связанных с Черноморском. Хотел бы, чтоб не забыли талантливого поэта Марину Хлебникову.

Феликс Кохрихт

И филологини любить умеют...

Издано в Одессе

Валентина Силантьева
Ромашке больно и другие рассказы
Художник Полина Зиновеева
Одесса, Астропринт, 2018

Внимательные читатели, разумеется, заметили, что я заменил одно слово в хрестоматийной фразе из повести «Бедная Лиза». У Николая Карамзина – «крестьянки», но, право же, суть и пафос характера героини его сочинения и лирического «я» персонажиц рассказов Валентины Силантьевой мало чем отличаются, несмотря на разницу в социальном статусе, да и во времени происходящих с ними коллизий.

Что же их объединяет? Особое состояние души и сердца, настроенных на глубокие и искренние чувства, способность создать в своем воображении романтический образ избранника, увы, далеко не всегда соответствующего реальности, – как в XIX веке при крепостном праве, так и в XXI с его глобальными и гендерными клише.

Валентина Ивановна Силантьева – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной литературы Одесского национального университета имени Мечников, автор как многих научных трудов, так и прозы, в которой действие происходит не в среде коллег и не в дальних странах. Ее героини родились (как и она) на берегу великой реки Дунай, протекающей по Европе и впадающей в Черное море на территории Одесской области.

Особый, если не затерянный, то обособленный мир, по сути, заповедный край, где птицы, звери, рыбы, но и люди иные, чем в близкой Одессе, где девушки из Вилково или Килии поступают на филфак университета – и начинается сшибка «этого» и «того» социума и нравственных императивов. Эти научные термины все же необходимы, исходя и из текста, и из контекста рассказов, объединенных в сборник «Ромашке больно».

Сборник состоит из трех разделов, из которых для меня особый интерес представил третий – «Мужчины молодые и современные». Относя к себе лишь вторую коннотацию, я с любопытством узнал о нашем брате немало интересного, подмеченного глазом и ученого, и автора лирических произведений, что придает повествованию некую стереоскопичность. Среди персонажей Арсений, Денис, Сергей и еще несколько имен, но, полагаю, что исследования будут продолжены и в полевых, и в лабораторных условиях.

Содержание

От редакции 3

Михаил Жванецкий
Хотите быть счастливым – погасите воображение 6

Юрий Михайлик
Памяти Валентины Голубовской 10

192 слова

Слова и слава 12

История, краеведение

Олег Губарь
Путеводитель по пушкинской Одессе 14

Андрей Добролюбский
Имя дрока 42

Илья Каминский
В поисках утраченной Одессы, или Глухое детство 63

Елена Ананьева
Кроны без корней не бывает 77

Наталья Панасенко
Дом, где родился Чуковский 89

Феликс Кохрихт
«Бейт-Гранд: второй дом нашей семьи» 92

Одесский календарь

Александр Дорошенко
Дорога над морем 100

Проза

Сергей Корниевский
Преступник.....110

Олег Шварц
Синяя планета.....121

Александр Бирштейн
Наши люди.....133

О кошке и собаках
Лариса Запорожец
Крещение.....141
Владимир Белый
Я ее отпустил.....145

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук
Отмычка Соломона.....147

Поэзия

Анна Нахимчук
Весенние стихи.....156

Ирина Евса
Ковчег без трапа.....161

Виталія Войницька
Тут болі немає кінця.....167

Ирина Беньковская
Хороводы.....172

Лариса Ржепишевская
Мои стихи.....175

Первые шаги

Море талантов по-всеукраински.....180

Искусство – жизнь – искусство

Евгений Голубовский
Мой друг – живой классик.....188
Юрий Михайлик
Стихи разных лет.....193

Белла Верникова
Звук и слово Киры Муратовой и других.....198

Виктория Коритнянская
Одесские корни Николая Кужелева.....206

Леонид Авербух
Одесские музы поэтов 222

Людмила Еремина
Николай Петрович Глущенко – советский, украинский художник 245

Евгений Деменок
Одесситы пишут Бурлюку 249

Михаил Гершкович
Одессит с балтскими корнями 263

Публикации

Сергей Лущик
Становление поэта 272
Публикация Ольги Барковской

Лев Межберг
Международный фестиваль «Эльба – музыкальный остров Европы» 301

Сокровища из сокровищницы

Татьяна Щурова
«Где так сиренева сирень…» 326

Путешествие

Феликс Кохрихт
Золотой зал: Вена 340

Ах, Одесса

Ирина Крайнова
Записки из старой голубятни 348

Юлия Цымбал
Туфли 362

Игорь Колтунов
Кошелек 365

Издано...

Евгений Голубовский
Книжный развал 372

Феликс Кохрихт
И филологини любить умеют… 377

Литературно-художественное издание

Дерибасовская – Ришельевская

Одесский альманах
Книга 76

Deribasovskaya – Rishelievskaya

Odessa almanac
Book 76

Издается с 2000 года

Координатор проекта «Одесская библиотека» Иван Липтуга

Технический редактор Геннадий Танцюра
Верстка, корректура Татьяна Коциевская

Подписано в печать 31.01.2019
Бумага офсетная PAMO SUPER 80 г/м

FSC
accredited
FSCTrademark©1996
ForestStewardshipCouncil®A.C.
FCS-ACC-015

Печать офсетная. Гарнитура Cambria. Формат 60×84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Заказ № .... Тираж 500 экз.

Всемирный клуб одесситов
65014 Одесса, Маразлиевская, 7
Украина
Тел.: +38 (048) 725-45-67

Worldwide Club of Odessits
7 Marazlievskaya Str. 65014 Odessa
Ukraine
Tel.: +38 (048) 725-45-67

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ТакиБук»
Украина Одесса, ФЛП Карпенков О.И.
Свидетельство ОД № 121 от 20.01.2003 г.
E-mail: takibook.odessa@gmail.com. Тел.: +38 (067) 486-20-34
www.takibook.od.ua

Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
Регистрационное свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010
а/я 299, 65001 Украина Одесса
Тел.: +38 (048) 7 385 385
E-mail: books@plaske.ua

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

ПОДПИСНОЙ КУПОН-ЗАЯВКА

Настоящим подтверждаю свое намерение оформить подписку:

Фамилия:	
Имя:	
Отчество:	
Адрес доставки:	
Телефон:	
E-mail:	

Стоимость подписки*	12 месяцев	4 выпуска	200,00 грн.

** В стоимость подписки не включаются затраты на доставку изданий.*

Оплата:

❑ безналичный расчет ❑ наличными

❑ кредитная карта ❑ необходим договор

Оплату согласно выставленного счета гарантирую

Дата _____ Подпись _____

Отправьте подписной купон-заявку почтой или факсом по адресу:
Украина, 65001, г. Одесса, а/я 229,
Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»

PLASKE
ПЛАСКЕ

Факс: +380 (48) 7-385-375; 7-287-221;
тел. редакции: +380 (48) 7-385-385, 7-288-288;
0-800-300-30-80 (бесплатно со стационарных телефонов)